Кр. N
у 52

ОЛЕГ КУВАЕВ

ИЗБРАННОЕ

ТОМ ТРЕТИЙ

НИКОГДА НЕ ХОЧЕТСЯ СТАВИТЬ ТОЧКУ

Путевые очерки, выступления, дневники, письма

L 02 12 0008

Магаданское книжное издательство
2000

ЦЕНТРАЛЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В третий том, завершающий издание сочинений О. М. Куваева, вошли его путевые очерки, освещенные нежной любовью к Чукотке, ее природе и людям.

В книгу включены также отрывки из дневников и записных книжек писателя, его выступления, письма к друзьям.

Все эти материалы приблизят к читателю яркую, масштабную личность так рано ушедшего всесторонне одаренного человека.

- Олег Куваев
  - Путевые очерки
    - Не споткнись о Полярный круг[1]
      - Одиннадцать вариантов
      - Две желтые папки
      - Что же писал Уваров?
      - Сомневайся!
      - На Чукотке есть серебро, утверждает товарищ Баскин
      - Сомневаясь — предполагай!
      - Не тот ноне пошел романтик.
      - Старик, море и я
      - Великий Чаун
      - Земля куликов, проток и мамонтов
      - Друг Кимка с разными глазами
      - Видел ли ты, как кормят мышами питонов?
      - Глазами академика Обручева
      - Дни, ночи и сантиметры
      - Притча о малых формах
      - Окончание с продолжением
    - Дневник прибрежного плавания[5]
    - Два цвета земли между двух океанов
      - Ретроспективный взгляд на вещи
      - Кое-что из цитат
      - Глава 1
      - Глава 2
      - Глава 3
      - Глава 4
      - Глава 5
      - Глава 6
      - Глава 7
  - Ответы на вопросы анкеты

- О себе[12]
- Из записных книжек[13]
  - Чаун — остров Айон
  - Рейс по Чауну
  - Из рейса по Чауну
  - Рейс на Айон
  - «Мамонтовая поездка» на остров Айон
  - Марково-Анадырь июль-август 1960 г
  - Поход на Паляваам
  - Снова в Усть-Чауне
  - Из записей 1967–1968 гг
- Отрывки из полевого дневника[14]
- Выступление по всесоюзному радио[15]
- Из набросков к выступлению «О скуке и терниях»[16]
- О так называемом «молодом писателе»[17]
- Письма[18]
  - Из писем Н. П. Балаеву
  - Из письма Ю. В. Васильеву
  - Из писем Г. Б. Жилинскому
  - Из писем Б. Г. Ильинскому
  - Из писем Г. М. Куваевой
  - Из писем В. С. Курбатову
  - Из писем А. В. Мифтахутдинову
  - Письмо Негребецким
  - Из писем А. П. Попову
  - Из писем Л. Н. Стебаковой
  - Из писем И. Шабарину
  - Письмо школьной подруге
  - Из писем А. Н. Федотовой
  - Письма из личного архива А. Н. ФЕДОТОВОЙ (1974)
  - Из неотправленного письма Э
  - Из писем М. М. Этлису

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18

Олег Куваев
Избранное
Том третий
Никогда не хочется ставить точку.
Путевые очерки, выступления, дневники, письма

Путевые очерки

Не споткнись о Полярный круг [1]

Одиннадцать вариантов

Ночью в поселок пришли корабли. Их ждали уже давно. По утрам люди говорили о льдах в проливе Лонга, о льдах в районе мыса Шмидта, о песчаных банках мыса Биллингса. Говорили о дизель-электроходах, ледоколах. Слухи накладывались на слухи, распространялись, противоречили друг другу. Через неделю, завтра, через два дня, уже на подходе, нынче навигации вообще не будет. И все же корабли пришли!

Возможно, мы со Стариком увидели их первыми, так как мы совсем не ложились спать в эту ночь. Не потому, что нас особенно беспокоила судьба арктической навигации. Нет! Мы решали наше сугубо личное дело.

Я не помню, с каких пор у нас повелось так, что каждый раз, перед тем как принять какое-либо важное решение, мы уходили подальше от поселка на наше особое место. Это было очень удобное место на самом берегу моря, там, где береговой обрыв переходил в кочковатую россыпь тундры: Море было в десяти метрах от входа в избушку, тундра начиналась сразу за задней стенкой.

— Так что будем делать? — в двухтысячный раз спросил меня Старик.

— Подождём телеграммы, — ответил я ему в две тысячи первый. И в это время мы увидели дым. Дым вырос вначале на горизонте и был похож на крохотное заблудившееся облако.

— Корабли! — сказал я.

— Брось, они должны завтра.

— Корабли!!

Было два часа ночи. Огромный красный круг солнца повис над островом Роутаном. Розовые руки портальных кранов бессильно висели над поселком. Вертикально вверх шел розовый дым над электростанцией. Неправдоподобная тишина усыпила даже комаров. И чаек не было слышно. Мы посмотрели на порт. Коса, на которой стоял поселок, изгибалась подковой. Мы были на одном конце подковы, порт — на другом, и теперь мы видели, как беззвучно, словно во сне, отходили от причалов зимовавшие там лихтеры.

— Освобождают причал. Корабли!

Первым прошел дизель-электроход «Енисей». Он шел близко к острову и далеко от нас. На палубе было пусто. Потом снова с

моря донеслись приветственные гудки, и через полчаса прошла так же молчаливо «Ангара», потом снова гудки и два дыма — от буксира поменьше и парохода, чей дым увидели первым. Порт молчал. Было три часа ночи, и поселок спал.

— Видишь, их льды не остановили, — сказал Старик. И добавил: — Так что будем делать, парень?

— Давай не будем ждать телеграммы, — ответил я.

— Давай! Только ещё раз все обсудим. Идем домой.

Начинался ветер. Мертвый штиль стоял уже около недели, и вместе с кораблями весь поселок ждал «южака», который обязательно приходит вслед за штилем. Корабли пришли строго вовремя. Когда мы добрались до поселка, «южак» дул уже в полную силу. Мрачно и громко выли провода. Чёрные клубы дыма из трубы электростанции падали прямо на землю. Ветер гнал густые волны пыли между домами. Временами это в точности напоминало песчаную среднеазиатскую бурю.

— Самум, — сказал Старик, выплюнув коричневую от пыли слюну. — Самум, черт бы его побрал, на семьдесят третьей параллели!

Пыль забивала глаза, и их резало, как от ожога. На улицах не было ни души, но машины уже шли через спящий поселок одна за другой по дороге к порту. Ветер рвал из-под колес тучи мелкого шлака. В поселке началась навигация.

И вот мы дома. Белый лист бумаги лежит перед Стариком. Разнокалиберные, понахватанные отовсюду листы карт передо мной. Пачка сторублевок на столе между нами.

— Значит, давай с самого начала. Куда, зачем и каким образом. Вариант номер?

— Одиннадцать, — подсказал я, заглянув в записную книжку.

Заполярный чукотский «самум» бушевал за стеной. Ветер дул порывами, значит, все же это был обычный летний фен — обойдется без сорванных с причалов кораблей и перевернутых машин. Через два-три дня так же внезапно начнет темнеть бешеная синева неба, исчезнет молочный пласт облаков над сопкой и внезапно наступит штиль.

Две желтые папки

Я совершенно точно помню день, когда нам пришла в голову эта идея. Работа в геологической партии свела нас со Стариком. Это было веселое и отчаянное лето.

Мы мотались вдоль берега Чаунской губы, по глинистым оврагам острова Айон рвали сапоги на хмурых вершинах сопок. Подвесной мотор, самодельная фанерная лодка, парус из одеяла

да собственные ноги честно служили нам в это лето. Работа отнимала у нас все время, а то время, что оставалось, тоже уходило на работу.

Потом наступила полоса осеннего безделья, потом выпал снег. В один из дней «великого сидения» мы пошли со Стариком на охоту.

Мы убили шесть куропаток и уселись на снегу. Старик достал бутерброды. Они были завернуты в цветные фотографии из какого-то журнала. На фотографиях были пальмы, лодки-сампаны, черные большеглазые ребятишки и очень синее море. Мы долго и молча рассматривали их. Фотографии нас растревожили.

— А знаешь? — сказал Старик.

— Знаю, — ответил я.

И мы заговорили о том, о чем думали целое лето.

Мы работаем в геологической партии. Для меня это профессия, для Старика — случайность, увлечение. Геологи видят мир. Но геологи не идут туда, куда хочется. Маршрут заранее жестко проложен по карте. И в конце каждого маршрута остаются синие сопки, которые манят к себе, потому что к ним нет времени идти. Кто знает, может быть, именно сегодня ты прошел мимо самого отчаянного, самого интересного в жизни приключения? Романтика бывает разная. Самая беспокойная из них та, которая не терпит маршрутов, жестко проложенных по карте.

Ветер унес цветные картинки с пальмами и южным морем, куропатки уже закоченели на холоде, вечер сделал снег синим, а камень на вершинах — черным.

— Так будет, — сказали мы тогда. — Будет отпуск, и мы обязательно пойдем туда, куда просто хочется идти без маршрутов, без аппаратуры, без пикетажных книжек. Из всех синих сопок мы выберем самые синие, из рек — самые интересные. И это будет обязательно на Чукотке!

Время шло. Мы лениво разрабатывали варианты! Можно проплыть на лодке вокруг Чукотки, можно пойти с низовьев Колымы маршрутом землепроходцев, можно просто провести гусиный сезон на побережье, можно.

Варианты падали, как медяки из прохудившегося кармана. Нужна была цель, но цели не было. Наша идея здорово стала напоминать мыльный пузырь. Она великолепно отливала всеми цветами радуги и висела в воздухе.

Две желтые папки попались мне на глаза случайно. Я прочел их взахлеб, и даже сейчас, когда я знаю их почти наизусть, я уверен, что их можно было бы опубликовать просто так, целиком.

На скоросшивателях было напечатано «Дело №…», а поперек

этой канцелярщины шли надписи: «Переписка с заявителем Уваровым В. Ф.» на одном и «Переписка с заявителем Баскиным С. И.» — на другом. Для нас в этих папках лежала цель, плоть нашей идеи.

Было бы конечно лучше, если бы вместо скоросшивателей была потемневшая от времени кожа и бронза, вместо глянцевитых листов с грифами учреждений — лохматый пергамент и даты были бы на пару-тройку столетий постарше. Неплохо бы еще, обрывок непонятной карты с нарисованными от руки человечками. К сожалению, вторая половина XX века неумолимо и трезво смотрела на нас входящими номерами писем и размашистыми загогулинами резолюций. Содержание папок, однако, искупало все.

Мы изучали их днем и ночью. Особенно приятно, было изучать их ночью, когда снег переставал скрипеть под шагами запоздавших пешеходов, а мыши нагло шебуршали за обоями.

Что же писал Уваров?

Папка с «делом Уварова» — старшая по возрасту и большая по объему. Она содержит семь писем Уварова и восемь ответов на эти письма. Ответы короткие, деловые.

Письма Уварова написаны очень неровно; они повторяют, дополняют, противоречат друг другу. Очень много наивных отступлений, очень много экзотических ссылок на туземные роды, «чукотских королей», легенды; царские имена. Суть же дела сводится к следующему.

1930 год. Вдоль берегов Чукотки почти беспрепятственно ходят контрабандистские американские шхуны, в тундре пасутся тысячные стада, принадлежащие кулакам-оленеводам. И олени и люди Чукотки затерялись где-то на перепутье между каменным веком и социализмом. В географических журналах идет спор о пальме первенства между бассейном Амазонки и бассейном Колымы, невеселый спор о первенстве на неизведанность.

Именно в это время появился здесь новый уполномоченный АКО (Акционерное Камчатское общество) Василий Федорович Уваров. Должность у него для Чукотки звучала несколько иронически: лесозаготовитель. В погоне за редкими островными лесами Анадыря Уварову приходилось много ездить и, следовательно, постоянно сталкиваться с местным населением. Главным образом с ламутами, реже с чукчами.

В одну из таких поездок от пастухов, работавших в стаде кулака Эльвива, Уваров услышал легенду о «серебряной горе», якобы находящейся в дебрях Анадырского хребта. Оленеводы

посоветовали Уварову обратиться к одному из богатейших кулаков Чукотки — Ивану Шитикову, стада которого кочевали, как и стада Эльвива, в бассейне Яблоневой, Еропола и по верховьям Анадыря. Как ни странно, престарелый Шитиков, который был живой летописью края и носил к тому же негласный титул «чукотского короля», отнесся к Уварову доброжелательно. Чукчам и ламутам, сообщил он, очень давно известна гора, почти сплошь состоящая из самородного серебра, которая расположена в горном узле, сводящем верховья Анюя, Анадыря и Чауна. Гора лежит в стороне от традиционных кочевок оленеводов, посещается очень редко. Серебро почти не разрабатывалось. Одно время (при Александре III) ламуты пробовали заплатить ясак серебром, но сборщики ясака отказались, требуя традиционной пушнины. Ламуты обиделись и больше попыток не повторяли, последние десятилетия месторождение не посещалось. Название горы Уваров приблизительно передает как Пилахуэрти Нейка, что в переводе значит: «Загадочно не тающая мягкая гора».

В качестве наиболее сведущего «эксперта» по месторождению Шитиков рекомендовал Константина Дехлянку, старейшину ламутского рода Дехлянка.

Сведения, полученные от Дехлянки, завершили собранное Уваровым описание горы. На водоразделе Сухого Анюя и Чауна «стоит гора, всюду режется ножом, внутри яркий блеск, тяжелая». По бокам свисают причудливой формы, сосульки, наподобие льда, «который на солнце и огне не тает» (отсюда, по мнению Уварова, название горы).

Высота ее около двухсот аршин, на вершине или вблизи (непонятно) находится озеро, покрытое также какой-то не тающей окисью. Конкретно гора расположена на речке Поповда, которая названа так по имени казацкого сотника Попова, оставившего когда-то свой след в верховьях Анадыря. Гора находится на краю леса.

У ламутов состоялось совещание, на котором они решили подарить гору советскому правительству. Уваров срочно дает телеграмму в Москву начальнику Геолкома и получает ответ: «Доставьте образцы за наш счет».

Уваров, тут же приступил к организации экспедиции. Из имеющегося у него склада АКО он выдал подарки проводникам и снабдил экспедицию; Однако в дороге Уваров непонятным образом отбился от проводников, потерял снежные очки, ослеп и заблудился. Позднее, когда вновь состоялась встреча с проводниками; он попросил их привезти ему образцы, очевидно, уже отказавшись лично участвовать в экспедиции. Ламуты обещали привезти их осенью, приурочив посещение горы к

сезонному циклу перекочевок.

Между тем Уваров собирал сведения о достоверности полученных им сообщений.

«Неизвестно, откуда он узнал что пограничниками была задержана в Чаунской губе, баржа с серебряной рудой, которую гнали морские чукчи». Баржа была затерта льдами и затонула. Оседлый чуванец Иона Алий сообщил, что в 1917–1920 годах в Марково приезжал канадец Шмидт, собиравшийся переправлять серебро с верховьев реки Анадырь. Чукчи отказались помогать пришельцу.

После революции Шмидт бросил дело и бежал на Аляску. То, что это было лицо реально существовавшее подтверждалось и тем что Уварову удалось поднять затопленную в одной из проток Анадыря баржу, принадлежавшую обществу «Шмидт, Петушков и К°».

В конце 1932 года Уваров был снят с работы и очутился на Украине. Однако он утверждает, что образцы были привезены ламутами и сданы ими в контору АКО в Анадыре. Дальнейшая судьба образцов ему неизвестна. На Чукотку Уваров больше не возвращался. По непонятным причинам он хранил имеющиеся у него сведения более двадцати лет и только недавно занялся их опубликованием.

Разумеется, все рассказанное представляет лишь краткую сухую схему писем. В них очень много других, менее существенных доводов, заставивших Уварова в свое время поверить в реальность «серебряной горы».

Странное впечатление остается после прочтения писем Уварова. Нервный, возбужденный и в то же время цветистый стиль изложения выдает человека, верящего в правдивость высказанной идеи и несомненно когда-то и чем-то глубоко обиженного. Похоже также, что все эти двадцать с лишним лет, которые прошли после его отъезда с Чукотки, Уваров как бы просидел в консервной банке. Мы нарочно отставили в сторону очень многие наивные высказывания. Они вполне простительны человеку, который был на Чукотке двадцать лет назад. Главное, гора. Возможно ли, чтобы она существовала на самом деле?

Сомневайся!

— Давай для начала изучим трактат «О пользе сомнения», — сказал я Старику.

— Опять древние греки?

— Не любишь классику? Ну давай сомневаться просто так без теоретической подготовки.

— Может ли в природе существовать так вот прямо целая гора из самородного серебра?

— Науке такие примеры неизвестны. Это то же самое, как если бы Вавилонская башня торчала бы и до сих пор о ней никто не знал.

— Район сплошь покрыт рекогносцировочной геологической съемкой. Качество съемок сейчас таково, что если бы действительно в районе существовало уникальное месторождение, были бы найдены хотя бы его хвосты. Пусть речь пойдет просто о богатом месторождении.

— А может там вообще быть серебро?

— По науке не исключено. Эффузивный пояс. Частные примеры серебряного оруденения в этом поясе есть.

— А может быть, что-либо, что можно спутать с серебром? Ламуты ведь в то время минералогию не изучали?

— Запросто может. Антимонит, галенит. Кстати, мелких проявлений и того и другого в районе найдено достаточно.

Так мы сидели, складывая и перекладывая факты. Чайник пустел, наполнялся и снова пустел. Район действительно изучен весьма слабо. Месторождение серебра действительно может существовать и действительно могло быть пропущено.

Очевидно, на самом деле существует небольшая, но чем-то примечательная горка, которая получила собственное наименование у местного населения, хотя тысячи куда более значительных сопок стоят безымянными. Но почему речки Поповды нет на самых подробных картах? Почему сейчас никто, из грамотных уже оленеводов не говорит об этой горе? Ведь оленей по-прежнему пасут на Анюе, Анадыре и Чауне. Уваров несколько путается в своих письмах. Позднее он говорит, например, что Костя Дехлянка был вызван Уваровым в Усть-Белую и в доме чуванца Зиновия Никулина был составлен акт, заверенный уполномоченным НКВД Коржем. В этом акте как бы удостоверялась заявка Дехлянки на серебряную гору. Куда пропал этот акт? Жив ли кто-нибудь из присутствовавших при этом свидетелей из местного населения? Где архив АКО? Может быть, там есть документы, говорящие об Уварове, об образцах, о легендах?

Уваров настойчиво предлагает свой метод поисков: проследить аэровизуально край леса в междуречье Анюй-Анадырь. Обнаружить гору с самолета, по его мнению, нетрудно ввиду ее ярко выраженного индивидуального облика. Край леса — твердый ориентир, белый цвет горы — также твердый.

Мы сопоставляем, складываем и по-всякому комбинируем факты, догадки. Першит в горле от непрерывного курения. Мы

уже почти верим, что где-то в горах Анадырского нагорья или в Северо-Анюйском хребте есть интересная гора с месторождением. Скорей, всего сурьмяно-свинцовым. Очевидно, Уварова ввели в заблуждение. Но!

На Чукотке есть серебро, утверждает товарищ Баскин

Есть ведь еще и вторая папка. Вторая заявка о серебре на Чукотке. Кандидат исторических наук товарищ Баскин изучал архивные документы времен землепроходцев. Среди описаний многочисленных стычек с инородцами, донесений о новых открытиях, списков «мягкой рухляди», множества, имен и фамилий его внимание привлекли упорно упоминаемые слухи о серебре где-то далеко к востоку от Лены. Первые сведения дал знаменитый Елисей Буза. Отправившись в 1638 году из Якутска на восток, Буза после довольно длительного путешествия пересек устье реки Яны и столкнулся с юкагирами. Внимание Бузы привлекли многочисленные серебряные украшения, имеющиеся у юкагиров. Захваченный им в виде заложника шаман Билгей был доставлен в Якутск и сообщил при допросе, что серебро доставляют из местности, лежащей к востоку от реки Индигирки.

В 1639 году Посничка Иванов перевалил через хребет Черского и также обнаружил у индигирских юкагиров серебряные украшения. Якутская канцелярия весьма заинтересовалась этим. В восточные острожки посыпались приказы. Удача выпала на долю известного Лавра Кайгородца и казака Ивана Ерастова. Допрашивая с «пристрастием» находившегося у них в аманатах шамана Порочу, они добились следующих сведений: за Колымой рекой протекает река Нелога, впадающая в море собственным устьем. На реке Нелоге, там, где ее течение подходит близко к морю, есть гора, а в горе утес с серебряной рудой. Река Нелога берет начало там же, где и река Чюндон, впадающая в Колыму. По Чюндону живут юкагиры, в верховьях же «люди род свой» и «рожи у них писаны» (татуированы). Достают руду «писаные рожи» и торгуют этой рудой с каким-то непонятным племенем наттов, которое также живет на Чюндоне.

Второй аманат, князец Шенкодей, подтвердил показания Порочи.

Анализируя совокупность имеющихся у него сведений, Баскин пришел к выводу, что река Нелога — это Бараниха, первая река, впадающая в море собственным устьем к востоку от Колымы. «Писаные рожи» — это чукчи, которые действительно до последнего столетия татуировали лица. Чюндоном Баскин предлагает считать Анюй.

Если исходить из предпосылки, что река Нелога — это действительно Бараниха, то наиболее вероятным местом, где может находиться серебро, является выход реки из предгорьев на обширную Раучуанскую низменность. Ведь в показаниях аманатов прямо указано, что серебро находится «блиско от моря» в скалистых береговых обрывах. На Раучуанской низменности обрывов нет, и, следовательно, приходится с натяжкой считать близкими первые от моря обрывы. Кстати, именно в предгорьях, выходя на равнину, Бараниха действительно прорезает узкий, изобилующий обрывами каньон. Здесь Баскин и предлагает искать серебро.

Интересная еще одна деталь. В записке землепроходцев, указано, что, по сведениям аманатов, «серебро висит де из яру (обрыва) соплями». Эти «сопли» — сосульки — «писаные рожи» отстреливают стрелами, так как иначе добраться до них невозможно. Это в какой-то мере перекликается с легендой, услышанной Уваровым. Там ведь тоже серебро находилось в виде свисающих натеков.

Итак, снова серебро и снова примерно один и тот же район, где сходятся в общей сложности верховья Анюя, Чауна и Анадыря. Два совершенно независимых источника.

Правда, в заявке Баскина указан район совершенно точно. Трудно сказать, хорошо это было, или плохо. Во всяком случае, мы знали, что в прошлое лето по заявке Баскина был поставлен заверочный отряд. Отчета о работе отряда еще не было, но то, что отряд не нашел ни грамма серебра, было известно. Не обнаружили даже его следов.

Кто виноват? Хитрый ли шаман Пороча, почивший три столетия назад, непонятливые казаки, не разобравшиеся в перепуганном лепете аманатов, или, может быть, Нелога вовсе не Бараниха и Баскин неверно сгруппировал факты?

Сомневаясь — предполагай!

Я не знаю, сколько бы времени бродили мы в сумрачных джунглях сомнений. Серебряная лихорадка захватила нас целиком.

— Вот что, старина. Так дело не пойдет, — сказал я однажды. Мы свихнемся на этом проклятом серебре, нас даже не похоронят как нормальных советских граждан, потому что пережиток жадности насквозь уже проел наши души.

— Так мы ж не для себя, — смущенно сказал Старик. — Вдруг эти ребята, правы? Что же, они зря бумагу и нервы изводили?

Под «ребятами» он имел в виду, очевидно, Уварова и

Баскина.

— Не остудить ли нам головы?

— Тоже вариант, — меланхолично согласился Старик, и мы поплелись в нашу избушку на берегу моря.

Наверное, нам стоило это сделать несколько дней назад. Пламя добродушно урчало в железной печке, старомодно кривилась стеариновая свечка, в приоткрытую дверь было видно, как синим холодом убегает на север лед Чаунской губы.

— А ведь раньше люди тоже врали, — сказал Старик.

— Даже больше, чем теперь, тоненько поддакнул я.

— И выдумывали.

— И не понимали друг друга.

— Словом, были темные, как мы с тобой.

Итогом выездной сессии явились следующие решения. По пунктам:

а) Мы не охотники за сокровищами, не жадные испанцы и не продадим душу серебряному дьяволу. Мы просто хотим побродить по Чукотке, но так, чтобы была хоть минимальная польза для остальных двухсот миллионов. Эту пользу мы принесем, если займемся проверкой заявок Баскина и Уварова.

б) Не стоит с буквальной уверенностью опираться на высказанные в легендах и записках служивых людей сведения. Давность времени и неизбежные искажения в передаче информации могут привести к далеко ошибочным выводам. У нас нет критерия достоверности; мы не знаем старых названий Баранихи, Колымы, мы не знаем, была ли речка Поповда. Мы не знаем мотивов, которыми руководствовались Шенкодей, Пороча, Эльвива, Шитиков. Старик в сердцах сказал даже, что вся эта компания брехунов состоит из князей, богатеев и служителей культа.

в) Обе заявки следует считать, очевидно, звеньями одной цепи. Где-то в узле, где сходятся Чаун, Анюй и Анадырь, должно быть месторождение серебра, или причина, породившая легенду о нем.

г) Наиболее интересной стоит считать заявку Уварова, так как она ближе по времени. Кстати, заявка Баскина уже проверялась.

Из заявки Уварова взять следующие ориентиры: все упоминающиеся там фамилии, то, что гора находится на краю леса, и то, что она как-то привлекает к себе внимание среди всех окрестных сопок. Не забыть об озере.

д) Мы тоже имеем право предполагать. Всякое предположение нуждается в надергивании фактов. Например, Чаун с незапамятных времен назывался Чауном. Это известно

точно, известно также, что хозяином Чауна всегда являлись чукчи, то есть прежние «писаные рожи», добывавшие серебро. Не является ли упоминавшийся у землепроходцев Чюндон искаженным названием Чауна? Кстати, по сведениям Тан-Богораза, интенсивная миграция чукчей на Анюй и Колыму началась сравнительно недавно. Верховья Чауна всегда посещались оленеводами. Об этом говорят данные археологов. Анадырь и Чаун почти сходятся верховьями в районе озера Эльгытгын, которое круглый год покрыто льдом. Других озер поблизости нет. Не является ли упоминание о горном озере, покрытом какой-то пленкой, легендарной интерпретацией реального Эльгытгына?

К западу от озера лежит кряж Академика Обручева. По югу кряжа проходит край леса и там же берет начало Сухой Анюй. Если мы посетим этот край, то во всяком случае сделаем шаг в деле решения загадки двух желтых папок.

Примерный план экспедиции таков. Собрать группу примерно из четырех человек, подняться вверх по Чауну, осмотреть район озера Эльгытгын, то есть юго-восточную часть кряжа Академика Обручева, и потом, если удастся, сплавиться вниз по Анадырю, чтобы найти следы бывших уваровских знакомых. Главное внимание уделить опросу населения. На пункте «е» мы решили остановиться.

Времени в обрез, у нас ни черта нет, даже начальство живет спокойно, не зная, что летом нам понадобится отпуск.

— Если мы не выкинем базу на озеро, считай, что наше предприятие накрылось.

— Чем ты ее выкинешь?

— Самолетом, чем же больше.

— А самолет?

— Тетка-фортуна поднесет на блюдечке с голубой каемочкой.

— Писаная ты рожа.

— Сам Шенходей.

Совещание на берегу моря было закрыто; Мы шли домой. Я чувствовал, как недоверчиво смотрит на нас синяя полярная ночь. Меланхолично поскрипывал снег.

Не тот ноне пошел романтик.

Личный состав экспедиции сформировался с подозрительной быстротой. Ввиду подчеркнутой скромности ее членов я вынужден писать об их достоинствах просто так, не упоминая анкетных и паспортных данных.

Номер первый: Старик.

Он был действительно старше всех нас. Зимовал в свое время на Тикси, был снайпером на Халхин-Голе, семь лет бродил по степям Монголии, все остальное время делил между Москвой и Памиром, пока тревожный ветер приключений не занес его на Чукотку. Старик — кадровый военный. Вторая его специальность охота. Мы потихоньку завидуем его ста восьмидесяти сантиметрам, прямой, как лыжная палка, фигуре.

Номер второй — Серега. Вместе с ним мы два лета бродили по чукотской тундре. Среди многочисленных талантов Сереги есть один особенно выдающийся — таскать рюкзак. Летом 1959 года я лично был свидетелем, как Сергей один тащил на себе по весенней тундре пятиместную тридцатишестикилограммовую лодку. Он нес ее тогда сто с лишним километров.

Журналист. Его основное призвание — вносить элемент рационализма в нашу сумбурную компанию: Журналист всегда спокоен и логичен. Но я-то знаю, что у него тоже есть пунктик помешательства. Пунктик совсем не оригинальный — рыбалка, но это основной мост, перекинутый между нашими душами.

Еще один журналист. Для всех нас это в доску свой парень, надежный товарищ. Перед тем как стать редакционным зубром, несколько лет работал с геологами на Индигирке.

Вокруг этого центрального ядра группировалась легковесная оболочка болельщиков. Наши болельщики ничем не отличались от своих собратьев по всей планете: они давали советы, иронизировали и разумеется, все до одного были, настроены крайне скептически. Скептицизм выражался в старой, как мир, формуле замаскированной зависти: «Ну, куда вам, вот если бы мы.»

Разумеется, оснований для сомнений было более чем достаточно.

Около ста десяти километров отделяло поселок от устья Чауна, двести сорок километров безлюдной тундры было между устьем Чауна и озером Эльгытгын, около семидесяти километров от Эльгытгына до верховьев Анадыря и потом более шестисот километров вниз по Анадырю. В низовьях Чауна дорогу преграждает невиданное количество всевозможных стариц, проток, притоков, и кустарниковых зарослей. В предгорьях и непосредственно в, горах почти невозможно рассчитывать на топливо кроме крохотных побегов полярной березки. Для того дабы сплавляться вниз по Анадырю, нужны хотя бы малоподвижные и неудобные резиновые лодки. А тащить их надо на себе.

Мы сидим с картами и логарифмическими линейками. Листки бумаги покрываются столбиками цифр, монотонное

бормотанье висит в прокуренной комнате. Не хватает только треска арифмометров да руководящих окриков главбуха.

— Двадцать пять километров в день, сорок граммов масла на день, три пары портянок, сотни патронов — то ли хватит, то ли не хватит, не забыть записать крючки, резиновая лодка весит восемь килограммов. А там что, правда, магазинов нет? Палатку обязательно, сухой спирт, две шапки.

Список грузов рождается в муках, но он все же рождается.

Объективная реальность в виде служебных и прочих, обязанностей непрестанно вмешивается в наши планы. Выход в путь назначен на конец июня. К концу мая расположение участников экспедиции намечалось на карте Союза следующим образом: Старик находился в поселке, один из журналистов сдавал экзамены в Хабаровске, я был переведен в Магадан, Серега уезжал с полевой партией на Колыму с тем условием, что его отпустят летом.

Первыми сдали окопы журналисты. Я получил телеграмму из Хабаровска: «Зашился, экзаменами до конца июля. Простите и зачеркните.»

Второй журналист неожиданно получает повышение по службе, но с условием, что и заикаться не будет об отпуске. Что же, газета, как и наука, требует жертв! Не успев закончить расчета варианта на четверых, Старик садится считать на троих.

Еще одна звезда мелькает на горизонте — Леха, заведующий красной ярангой. Парень здоров и статен, как молодой олень, к тому же он знает чукотский, к тому же (по призванию) художник, к тому же. Старик не успевает закончить вынутый из архивов листок с вариантом на четверых, как выясняется, что именно во время экспедиции жена у Лехи будет рожать сына. Жена плачет. Леха пасует. Смешные нынче пошли люди, по восемь месяцев не знают, что у них будет рождаться наследник.

— Не тот ноне пошел романтик, — с грустью констатирует Старик.

Он уже забыл про серебро. Благородный нос авантюриста кривится вниз, как у престарелого бухгалтера. Старик работает, как электронно-счетная машина. В остервенении он разрабатывает варианты на восемь, на десять, на одиннадцать человек. От Сергея с Колымы ни слуха. Самое обидное, что у него остались резиновые лодки, без которых нам не двинуться с места. В поселке лодок не достать. Я потихоньку разрабатываю вариант на двоих, хотя это почти нереально. Не тот ноне пошел романтик.

Невольно вспоминаются суматошные времена организации геологических партий. Тогда за нашей спиной стояли склады и ассигнования, бухгалтерии и целая иерархия занятого и

заботливого начальства. Нужна лодка — пиши заявку, получай лодку. Нужен самолет, чтобы выбросить базы, — побегай по начальству, и после десятка резолюций ты все же получишь самолет. Стоит ли говорить о такой мелочи, как примусы, антикомарин, компасы и кипы инструкций. Но сейчас мы состоим в разряде презренных индивидуалистов. Мы — самодеятельность. В розовых снах мы видим абстрактного доброго дядю. Дядя сидит в кабинете, к нему приходят прожектеры и мечтатели. Если прожект обоснован, дядя уделяет мечтателям толику из государственных щедрот. Нет — гонит прочь.

К концу июня телеграммы на Колыму стали составлять главную статью расходов нашего бюджета. В начале июля мы просто ждали. Мыльный пузырь угрожающе раздувался. В конце-концов мы решили, что ждать больше нет смысла. Нас снова осталось двое, как и в самом начале. И снова мы бредем в избушку, чтобы взвесить на весах нашей сомнительной мудрости ситуацию.

В эту ночь в поселок пришли пароходы. На другой день мы получили телеграмму от Сереги. Он писал, что не сможет приехать, так как начальник партии категорически отказался его отпустить. Мы узнали также, что юг Чаунской губы забит льдом и катера к устью Чауна не ходят. К маршруту прибавлялось еще 116 пеших километров. Надо было искать выход.

Старик, море и я

Нас осталось двое: Старик и я. Было совершенно ясно, что осилить такой маршрут по Чукотке вдвоем невозможно. Мы по опыту знали, что тащить по кочковатой тундре рюкзак более тридцати килограммов, если ты не родился шерпом, тоже тяжело. В наши шестьдесят килограммов должны войти оружие, патроны, галеты, сахар, масло на месяц; одежда, бинокль, фотоаппарат, небольшой запас сухого топлива, теплая постель и одежда на случай выпадания снега; посуда и сотни других предметов, необходимых, если ты собираешься путешествовать не по Крыму и Кавказу и даже не по Подмосковью и даже не по тайге, где по крайней мере всегда можно найти топливо для костра.

Самым разумным было купить лодку, добраться на ней морем до устья Чауна, подняться, сколько будет возможным, вверх по Чауну и далее пешком попробовать дойти до Эльгытгына.

Общее же выполнение маршрута оставить до более благоприятных времен, которые смутно обещает нам фортуна.

Лодку оказалось найти не очень трудно. Бесчисленный любительский флот усеивал берега Чаунской губы. Подвесные

моторы ревели по бухте днем и ночью. Спасательная служба умело вытаскивала из ледяной воды подвыпивших лодковладельцев, топоры стучали на самодельных, верфях. Однако в большинстве своем, это были легкоходные и ненадежные плоскодонки.

Наша шхуна должна была быть более солидной и недорогой!

«Солидная шхуна» нашлась лишь на третий день. Корпус шхуны был сделан увы, из фанеры и промасленного брезента, но зато в основании лежали морские шпангоуты, снятые с разбитой шлюпки, зато у нее был киль и при одном взгляде на обводы хотелось писать стихи. Был у шхуны и мотор. К сожалению, от этой проржавевшей помеси самовара, велосипеда и тракторного дизеля сразу же пришлось отказаться — мотор работал только в редкие минуты благодушного настроения.

Пустив в ход самые невероятные связи, Старик раздобыл маленький стационарный моторчик с одним цилиндром и совсем новый! Залихватский вид «малыша» сразу же внушал симпатию, а толстая пачка инструкций — уважение. Мы отдали за него последние сотенные бумажки из заднего кармана. До сих пор нам приходилось иметь дело только с подвесными моторами. Мы знали их удобство. И капризный нрав, но мы слыхали также, что стационарные моторы куда более надежны, что их удобнее ремонтировать в дороге и что они «здорово тянут». Такие понятия, как «жесткий фундамент», «центровка вала», «вынос винта», были нам неизвестны.

Корабли уже приходили в поселок один за другим. По временам светило солнце, временами шел снег, штили сменялись штормами, а мы сутками копались на морском берегу, подгоняя центровку вала, соображая, как сделать и где поместить выхлопную трубу, как установить на фанере и брезенте жесткий фундамент.

Теперь нас окружала новая толпа болельщиков. Никогда бы не подумал, что в одном небольшом посёлке может быть столько досужих бездельников и что все они к тому же спецы по центровке и установке стационарных двигателей. Мне хотелось повесить лозунг, полный отчаяния: «Не покупайте стационарных моторов»!

Великий Чаун

Чаунская губа похожа на зазубрину, выщербленную в широком клине Чукотского полуострова. С востока губу обрезает скалистая громада Шелагского мыса, на северо-западе низкий и плоский остров Айон отделяет ее от моря. Названия эти знакомы

по книгам еще со студенческих и школьных лет.

С юга к морю незаметно примыкает широкая Чаунская низменность. Она прорезана тундровыми реками, забита озерами, кочками, мерзлотными холмами и пологими сглаженными увалами. Чаунская равнина — это заполярный рай для птиц, оленей и комаров. На самом юге губы был основан еще в тридцатых годах поселок Усть-Чаун. Теперь поселок перенесен на другое место и называется по-другому. В Усть-Чауне остались только земляные квадраты на месте избушек да несколько рыбацких домиков. Других поселков нет. Вдоль берега тянутся землянки охотников. Их можно пересчитать по пальцам, хватит одной руки. Дальше на юг по всей тундре до самого Анадырского нагорья и еще дальше на юг, уже по Анадырю, можно встретить только оленьи стада.

Наша лодка называется ласково и просто — «Чукчанка». Одноцилиндровый, двухтактный, шестисильный, установленный на жестком фундаменте, с отцентрированным валом и вынесенным по расчету винтом двигатель стучит вполне сносно. Мы уже миновали обрывы Певекского полуострова, миновали подальше от берега отмели косы Млелина, прошли близко скалистый мыс Турырыв и пили чай в устье Ичувеема.

Ичувеем — большая река. Да самого устья вода несет легкую желтизну — где-то за сто с лишним километров отсюда грохочут сейчас промприборы, идет чукотское золото.

Старик с увлечением играет в бывалого морского волка. Из-за ворота полушубка выглядывает тельняшка. Старик ведет лодку, обозревает в бинокль, окрестности, держит наготове винтовку на случай появления нерпы и успевает еще, при помощи мокрого пальца, искать направление ветра и угадывать грядущую погоду.

Меня беспокоит только ветер. Нам надо пройти еще километров пятьдесят. Мы уже вошли в низменный участок побережья и по старому опыту знаем, чем это грозит. Широкая полоса отмелей заставляет держаться подальше от берега. В случае шторма здесь невозможно ни вытащить лодку на берег, ни найти хоть крохотный, закрытый от волн залив.

Но море тихо и безобидно. От нечего делать я копаюсь в бесчисленных мешках со снаряжением, шью парус (мачту мы прихватили с собой) и заполняю дневник экспедиции. Желтое чукотское солнце благодушно поглядывает на нашу «Чукчанку», на западе белыми миражами светлеют льды.

Гоняем чаи. Чукчи-зверобои на своих вельботах оборудуют обычно закрытое от ветра место для примуса. У нас примуса нет. Но мы находим выход из затруднения. Поперек лодки кладется весло, на весло вешается ведро, наполовину наполненное

морской водой. В ведре плавает консервная банка с бензином. Сверху на все это трехэтажное сооружение приспосабливается чайник.

Прежде чем войти в устье Чауна, нам надо побывать у старого приятеля — Василия Тумлука.

Тумлук — охотник. Два года назад я проходил под его руководством курс вождения собачьей упряжки и весенней тундровой охоты на гусей. Прошлое лето по просьбе Магаданского краеведческого музея мы вместе искали розовых чаек. Нам есть что вспомнить, и, кроме того, у Васи нас ждут кухлянки и меховые штаны. Это вместо тяжелых полушубков, спальных мешков, вместо плащей и телогреек.

Мне всегда нравилась тумлуковская манера встречать гостей. Строгости выдерживающегося при этом ритуала мог бы позавидовать английский королевский двор. Я знаю, что уже за несколько километров до избушки мы увидим Васю. Вася с независимым видом прогуливается по берегу и пинает полегоньку всякую плавниковую мелочь. На Васе торжественно краснеет новая кухлянка, специальная «выходная» двустволка за плечом. Стук мотора он, конечно, слышит за час до нашего появления, но вблизи Вася нас не слышит и не видит лодки. Он смотрит на горизонт, в сторону Айона, себе под ноги, куда угодно, только не на лодку. Так уж положено по ритуалу.

И только когда лодочный нос врезается в песок в нескольких метрах от него, он с удивлением оглядывается на приезжих: «А, это вы?!» Ей-богу, квартирного соседа в коридоре мы встречаем по утрам с большим удивлением. После этого по ритуалу положено полчаса поговорить на всякие посторонние темы: об изменении в семейном положении, о том, как вели себя нынче нерпы, идет ли рыба, какие прогнозы на песца. И лишь потом Вася, как бы между делом, предлагает пройти к избушке и выпить чая. До избушки сто метров, и все мы знаем, что чай давно уже ждет нас на столе, что хлеб нарезан и куски всевозможной рыбы ждут нас. Но ритуал есть ритуал, так было всегда.

Однако на сей раз нас встречают одни кулики. Мы вводим лодку в речное устье, сбрасываем якорь из останков старого мотора — никого, кроме куликов! Самый надоедливый кулик вдруг перестает кружиться возле нас и, отчаянно-весело пискнув, со всех ног пускается к избушке. Он бежит, частит ногами и орет во все горло. Узнал-таки старых гостей!

Дверь избушки замкнута щепочкой. Собаки дома, значит, Тумлук ушел ненадолго.

— А вон он, — говорит Старик.

Я вижу, как под низким речным берегом плывут головы.

Издали видно сутулую фигуру. Собаки прыгают с лодки и с лаем спешат к нам.

Мы начинаем изучать небо. Вася спешит, переваливаясь по кочкам. Он мал ростом, длинношеие гуси хлещут его по ногам. Скосив глазом, я вижу широкую Васину ухмылку. Рад, старый черт, гостям! Но теперь мы хозяева ритуала.

— А, это ты?! — замечаю я в последний момент его протянутую руку.

— Пойдем скорее чай пить, — говорит Вася; — устал я на охоте.

— Да обожди, как с рыбой в этом году?

— А как песец?

— Как нерпа? Вася смеется.

Мы до отвала наелись гусятины и уничтожили страшное количество рыбы. Вяленый голец — фирменное блюдо этой земли. Гольцы висят перед нами огромными распластанными подносами.

— Мечинки[2] — кряхтит Тумлук.

— Мечинки! — бормочем мы набитыми рыбой ртами.

— Был я и на Анадыре, был на Эльгытгыне, — продолжает повествовать Вася. — Пилахуэрти Нейка? Впервые слышу. Поповда? Нет, не слыхал. Может быть, так. Чукчи ведь раньше совсем отдельно жили. Одни называли реки и сопки так, другие — по-другому.

Кирпичный чай теплом разливается по жилам. Хорошо лежать на шкуре прямо на улице. Собаки по очереди деликатно подходят, чтобы лизнуть щеку. Светлые вечерние сумерки придвигают к нам синюю громаду Нейтлина. Там бродят дикие олени, бродят медведи.

Очень давно, когда воинственные коряки-танниты постоянно угоняли у чукчей стада, на склоне этой горы состоялось сражение. Оленеводы воевали не спеша. Два дня горели друг против друга костры чукчей и коряков. Нейтлин — знаменитый корякский богатырь подходил к самому лагерю чукчей и вызывал их на единоборство. Желающих не находилось. На третий день один чукотский юноша принял вызов Нейтлина. Пока Нейтлин издевался над ним, называя его молокососом, юноша забрался вверх по склону и оттуда с разбегу пронзил Нейтлина копьем. Коряки ушли; но в знак памяти о великом воине незлопамятные чукчи назвали гору именем Нейтлина.

Мы с удовольствием слушаем Васю.

«За горой Нейтлин идут красные холмы Мараунай. Они красны от крови коряков и чукчей. Олени сейчас щиплют ягель и спотыкаются о человеческие кости».

Холмы Мараунай красны от красного цвета слагающих их эффузивов, но что из того? Не стоит переубеждать Васю. В Старике просыпается кадровый военный.

— Неужто правда, и сейчас кости?

— Правда.

— А луки, шлемы, всякие там панцири?

— Панцири одевают только трусы. Так говорили чукчи.

А ну их с этими войнами. Мирным холодом дышит на нас чукотская земля. Бормочут утки. Нейтлин покрыт темными морщинами ложбин, манит к себе зелень склонов…

Утром мы уходим. Старик похож на закованного в олений мех рыцаря Севера. Вася одну за другой кидает в лодку рыбьи пластины. «Чукчанка» выходит в море. Крохотная фигурка долго стоит на берегу, закиданном водорослями и плавником, У меня чуть тоскливо сжимается сердце. Это надо видеть и надо понять. Кулики, пожилой маленький человечек, море, избушка, собаки. Ласковая птичья и рыбья земля.

Лодка, покачиваясь, вздымается на пологих волнах. Утки со свистом режут воздух. Ажурное дерево маяком темнеет на фоне белесого неба.

Через тридцать километров мы входим в устье Чауна. Две косы, заходящие одна за другую, как огромные речные челюсти скрывают его от моря. С моря устья не видно, и лишь после поворота открывается широкое горло реки. Чайки налетают с прибрежных озер, то здесь, то там высовываются из воды поплавки нерпичьих голов. Видимо, начался обратный ход рыбы из моря в реку и нерпы, как всегда в это время года, густой цепью перегораживают устье.

Усть-Чаун. Несколько слепленных из досок, фанеры и дерна домиков приткнулись на берегу. Сарай для рыбы, бочки из-под горючего. Мелкий чукотский дождь сыплет сверху. Очень тепло. В Усть-Чауне почти никого нет, идет рыба, и люди на промысле. Старый знакомец, бригадир Мато, выходит нам навстречу.

— Привет, бродяги, — здоровается Мато.

— Привет, рыболовный бог. Ну как, усы еще целы?

— Пока целы, — смеется Мато — А вы никак в чукчи перешли?

— Если примут, переходим.

Прошлый год Мато поспорил под горячую руку, что, если бригада наловит рыбы меньше других, он сбреет свои знаменитые усы. Мато высок и широкоплеч. Ему бы здорово пошла кухлянка и узкие нерпичьи штаны, какие носят большинство рыбаков-чукчей. Но Мато предпочитает щеголять в пиджаке.

И снова толкуем, о рыбе, о ставных сетях, о неводах, о

лодках, о моторах.

Здесь водится розовая чайка. Вероятно, каждый живший в Арктике слыхал об этой необычной птице. О розовой чайке писал Нансен. Мечта каждого полярника хоть раз в жизни увидать розовую чайку. Долгое время эта птица была загадкой для орнитологов. Почти каждая полярная экспедиция писала о встречах с ней, но никто не видал и не знал мест ее гнездовий. Только в 1901 году Бутурлину удалось отыскать гнездовья розовой чайки в непроходимой болотистой низине в устье Колымы. Это место гнездовий во всех орнитологических справочниках указывается как единственное. Но розовая чайка есть и на Чукотке.

Целый вечер мы бродили по тундровым озерам. Мягкая болотистая земля пружинила под ногами. Все так же близко стоял темный массив Нейтлина. Тундра дышала запахом осоки; гниющих водорослей и сырости. Чайки были только на одном озере. Маленькие острокрылые птицы метались вокруг нас с неуверенным и испуганным криком. Очевидно, где-то поблизости были птенцы. У розовой чайки робкий изломанный полет, тихий голос. Увидеть ее окраску в воздухе довольно трудно; чтобы хорошо рассмотреть прославленный цвет оперения этой птицы, чайку надо убить. В прошлом году мы так и сделали. Я смотрел на удивительно розовые перья на груди карминный клюв и лапки. Смотрел, как с тихим криком мечутся вокруг нас оставшиеся в живых, и дал себе слово никогда больше не стрелять в этих птиц. Каждому хочется иметь на своем письменном столе чучело розовой чайки. Для вдохновения. Но, возможно, лучшей памятью об Арктике будет та птица, которая до сих пор гнездится на озерах Усть-Чауна, которая не стала просто чучелом у тебя на столе. Здесь дело вкуса, если не считать, что и закон охраняет розовых чаек.

Мы вернулись к рыбакам уже поздно. Огромная алюминиевая кастрюля висела над костром. У костра колдовал Мато. Голец, нельма, чир, муксун, хариус, снова голец. Рыба летела в кастрюлю по одной ему известной пропорции. Старик, как специалист по приправам, пристроился рядом. Перец, лавровый лист, какая-то травка, снова перец, соль. Старик и Мато явно понимали друг друга. Мне оставалось только взять ложку и стать специалистом по опробованию.

Тревожно бормотали за рекой гуси. Гагары, как реактивные самолеты, резали воздух, возвращаясь в тундру. Честное слово, я понимаю тех чудаков, которые вместо отъезда на «материк» из года в год проводят отпуск здесь, на тихой усть-чаунской земле.

Земля куликов, проток и мамонтов

— На мясорубке, что ли, эту реку крутили? — ворчит Старик, в очередной раз перекладывая руль. Действительно, река петляет, как пуганый заяц. Уже часа два мы крутимся возле одного и того же мерзлотного холма. Холм поворачивается к нам то одной, то другой стороной, как манекенщица, демонстрирующая платье, но упорно не желает удаляться. И так каждый день.

Райское плавание по стоячей воде кончилось. Мотор с трудом тянет против течения. Встревоженная река все чаще посылает нам навстречу отряды перекатов, быстрин кружит голову бесчисленными поворотами. Мы отдыхаем на, галечниковых косах. Зеленая лента кустарника затопила Чаун.

Мы давно уже потеряли ощущение времени и пространства. Только вода и кустарник. Где-то есть широкая и просторная тундра, где-то есть озера и горные долины. Иногда нам кажется, что мы пристали к коренному берегу. Мы продираемся сквозь кустарник, чертыхаемся и ползем на четвереньках, и все для того, чтобы через десять минут, через полчаса снова увидеть впереди воду. Остров! На той стороне тоже кусты. Если пересечь протоку и снова продраться сквозь кусты, снова увидишь следующую протоку и снова кусты. Так может продолжаться до тех пор, пока не потеряешь обратную дорогу к лодке.

Острова усыпаны заячьим пометом, влажный песок испещрен тонкой паутиной птичьих следов. Невидимые журавли провожают нас печальными криками.

Мой Старик стал похож на взбалмошного ребенка.

— Рыба! — кричит он, и лодка утыкается носом в берег. На свет извлекается патентованное стальное удилище, бесчисленное число катушек с лесками и искусственные мушки. Уговаривать его плыть дальше бесполезно: глаза у Старика стекленеют, руки трясутся. Я ухожу осматривать очередной остров.

Кулики встречают и провожают меня по отмелям. У каждого человека есть слабость к какой-нибудь птице, мне нравятся кулики. Я люблю этих хлопотливых, хозяйственных и гостеприимных птах. Кулик пищит, крутится под ногами до тех пор, пока не передаст меня с рук на руки хозяину следующего участка косы. После этого кулик замолкает и долго смотрит вслед темным печальным глазом. Уж не обидел ли я его своим криком? Кажется, спокойный, безобидный человек? — думает кулик.

Я возвращаюсь обратно. Старика можно разыскать только по торчащему из куста удилищу. У ног его бьются хариусы.

Я смотрю на их предсмертную дрожь и философски говорю Старику:

— Вот так гибнут и люди, кидаясь на яркую подделку вроде твоих мушек. — В ответ слышится лишь легкое рычание. Мне приходится чуть не за ворот уводить зарвавшегося истребителя рыбьего царства. Сегодня на уху хватит, а завтра будет еще.

Кажется, мы совсем уже излечились от серебряной лихорадки. Во всяком случае, о Пилахуэрти Нейке мы говорим реже, чем месяц назад.

Еще день, и этот этап плаванья подходит к концу. Чаун становится все уже, все мельче, и быстрее становятся протоки. Шестисильный «малыш» ревет на перекатах с надсадным воем, иногда по нескольку минут мы стоим на полном ходу напротив одного и того же куста. Почти постоянно приходится пускать в ход шесты. С непривычки эта работа на неустойчивой лодке выматывает мгновенно. Мозольные волдыри не сходят с рук. Мы уже пару раз били винт о камни. Запасного винта у нас нет.

— Завтра последний переход, — объявляю я вечером Старику. — Иначе мы сожжем весь бензин и попортим винт. Не на чем будет возвращаться.

Старик не спорит. Плаванье с черепашьей скоростью ему тоже надоело. После ужина мы склоняемся над картой. Мы уже дошли до холмов Чаанай. До предгорий остается не очень много. До Эльгытгына около ста тридцати километров.

Назавтра мы решаем устроить дневку и сходить на Чаанайские холмы. Это наша предпоследняя комфортабельная ночь. Мы лежим в палатке, укрытые кучами всякой меховой одежды. Ветер ласково похлопывает палаточным брезентом, где-то совсем рядом надрываются в вечернем концерте гагары. Удивительным разнообразием голоса наградил бог эту птицу. Гагара может смеяться театральным наигранным смехом, может издать вопль насмерть раненного человека, может каркать зловещее самого что ни на есть былинного ворона. В какой-то старой книге я читал о полярных путешественниках, сведенных с ума воплями гагары. Во всяком случае, услышав впервые ее крик, я порядком перетрусил. Это было четыре года назад на побережье залива Креста.

На другой день мы с трудом продираемся сквозь кусты к подножью холмов, разбрызгиваем сапогами мелкие протоки.

— Экваториальная Африка, — сердито бормочет Старик, оглядывая порванные штаны.

Черный сланцевый щебень устилает вершину холмов. Ягель, лишайники, редкая бессильная травка. Отсюда видно почти всю долину. Тусклое речное олово отблескивает среди темной зелени кустарника. Жестяные пятна озер, и снова темная полоса другой параллельной реки. «Чаунская долина.» Ее пересекал капитан

Биллингс. Потом был геодезист Калинников. Нашим же маршрутом за два десятилетия до нас проходил Сергей Владимирович Обручев, несколько лет назад здесь работала рекогносцировочная геологическая партия. Вот и все, путешественник. Но земля эта полна следов людей.

Уже по дороге сюда мы встретили несколько могил оленеводов. Куча истлевших оленьих рогов, обломки нарты да выложенное камнями место, где лежал труп, — вот все, что осталось от бывшего пастуха. Такие захоронения попадаются на каждом шагу на этой древней земле.

На вершинах положено философствовать, точно так же как положено спать на вагонной полке и размышлять о бренности бытия на горных дорогах Памира.

Я люблю читать и люблю вспоминать книги старых арктических путешественников. Этим людям посчастливилось в одном — они жили в эпоху, когда путешествия и географические открытия были профессией. В наше время большинство поклонников доброй классической романтики вынуждены прозябать в жалком любительстве. Но зерно тяги к странствиям, заложенное в душу человечества книгами профессионалов, неистребимо. Вдоль великолепных шоссе Франции и Германии, по поселкам Чехословакии и по Подмосковью тянутся смешные люди с рюкзаками и палками. Они Пржевальские, Стенли, Черские и Беринги одновременно. Я вспоминаю капитана Биллингса.

Он пересек Чаун 23 января 1791 года. Может быть, именно здесь в его дневник были внесены строчки о Чукотке:

«Поверхность ее везде шероховата и покрыта каменьями, а из сих камней есть такие, что всякую меру превосходят, и везде видны озера большие и малые, в которых скопляется вода от таянья снегов… Мы имели перед глазами такие виды, которые в мысль нашу вперяли восторг и заставляли нас на те предметы взирать с глубочайшим благоговением…»

Интересно читать размышления о том, каким образом могли в этой бесплодной стране жить огромные мамонты, кости которых изумляли первых путешественников. Предлагаются два варианта: либо эти кости были занесены сюда всемирным потопом, либо сами мамонты «жесточайшего естества были».

У палатки нас ждет человек. Крохотная одноместная резиновая лодочка приткнулась рядом с нашей «Чукчанкой». Парень молод, худощав. Среди чукчей редко встречаются сухие узкие лица. Может быть, эскимос?

— Отец эскимос.

— Куда?

— Из стада за продуктами.

— Не с Элыытгына?

— Нет, мы на Эльхкаквуне.

Редкие фразы падают как камни в стоячую воду. Слова дороги. Хорошо помолчать с понимающим тишину человеком.

Старик исчезает в кустах, чтобы подстрелить на обед зайца, а я без особого желания начинаю расспросы.

Нет, про серебряную гору ничего не слыхал. Возможно, знают старики. Но слышал другую интересную вещь. В верховьях Анюя, на одном из притоков, есть большой красный камень. Старики говорят, что еще совсем недавно со всей Чукотки приезжали люди молиться к этому камню, приносить жертвы. Около камня очень много всяких предметов: старых бубнов, посуды, одежды, винчестеров, чайников, нарт. Каждый молился как мог. Сам Николай не видал этого, камня, да и никто из молодых ребят им особенно не интересуется, но камень есть.

Еще одна загадка. Я вспоминаю о необходимости научного подхода. Кое-какие основания есть. Этнографы пишут, что все тундровики, попадая в непривычную для них обстановку, старательно приносили обильные жертвы лесным духам. Тот же капитан Биллингс рассказывает об одном из таких обрядов. Может быть, этому камню повезло и он попался как раз на пути оленеводов из тундры в лес? Или на знаменитой ярмарке в Островном?

Часа через три потомок эскимосов уплывает на своем, похожем на веселую лягушку судне, а мы вытаскиваем «Чукчанку» на берег.

Готовим рюкзаки на завтра. Палатку мы оставляем. Берем продуктов дней на десять, немного сухого спирта, патроны, теплую одежду. Погода начинает портиться. Холодный северный ветер дует с низовьев. В той стороне темно и мрачно, как в заброшенном сарае.

Ночью идет дождь вперемешку со снегом. В конце июля такое бывает нередко. Я вспоминаю слова одного небритого любителя афоризмов: «Погода на Чукотке что лотерейный выигрыш. Номер совпал — серия не та, серия есть — номер не вышел».

Мокрые кусты безнадежно машут ветками, между ними бледные полоски снега. Серая вода смотрит угрюмым затравленным волком. К воде не хочется подходить. Чаунская долина летом старательно маскируется под безобидные европейские пейзажи, под джунгли, под пампасы: под что угодно — было бы воображение. Но вот немного дождя, немного снега, и, как после ловкой смены декораций, на сцену выступает Север.

Мы уходим, согнувшись под рюкзаками. «Чукчанка»

сиротливо темнеет в кустах. Среди неуютных галечниковых кос и мокрых кустов она кажется нам сверкающей гостиной со стильными рижскими «мебелями», кухней со всякими никелированными штучками и ласковым мамкиным диваном одновременно.

— Трогай, — Старик выпячивает квадратную челюсть.

— Нам бы пару ешачков, — говорю я.

— Ешачки здесь ноги поломают, — ворчит в ответ Старик. — Вездеходик бы, — добавляет он.

Его перебивает треск кустов. Кто-то огромный рывками спасается от нас. Медведь? Старик скидывает рюкзак, хватает винтовку. Шум в кустах стихает, и мы слышим только клацанье копыт по невидимому нам сухому руслу. Олень!

Я с удивлением замечаю, что тоже держу в руках двухстволку. Так и есть: в обоих стволах жаканы. Когда я успел их туда загнать — остается загадкой.

И снова мы бредем, продираясь сквозь кусты, переходя протоки. Кустов становится меньше. Острова временами похожи на запущенные футбольные поля. Воды Чауна во время паводков выгладили их.

Наш стиль переправ через протоки очень древен. Многие протоки глубоки даже для болотных сапог. У нас к тому же естественное нежелание каждый раз раздеваться и лезть в воду. Мы обманываем судьбу ровно на пятьдесят процентов: раздеваемся и переносим друг друга по очереди. Со стороны это очень смешно. Старик выигрывает в процентах: он тяжелее.

К вечеру приближаемся к холмам Теакачин. За двенадцать часов мы прошли менее тридцати километров и вымотались до предела на бесчисленных обходах, переправах, в кустарниках, в кочках.

Мы спим на куске брезента, втянув руки внутрь кухлянок и тесно прижавшись друг, к другу. Светлая полярная ночь еще в силе, но легкие белесые сумерки уже спускаются на тундру. Огромной туманной змеей уходит на юг Чаун. Через переход или через два мы будем уже в горах. Старик слегка похрапывает, я лежу с открытыми глазами.

— Пи-и, пи-и, — тоненько тянет в кустах страдающая бессонницей птаха. Я отлично знаю ее голос. Её зовут птицей одиночек. Птичка эта появляется только в сумерки и только одиноким людям. Тонким равнодушным голосом она толкует человеку, что все на свете трын-трава, радоваться особенно нечему, но и унывать тоже не стоит. Между прочим, она водится и в высокогорных, заросших осокой долинах Тянь-Шаня.

А может быть, все это выдумки? Только я суеверно думаю,

что если растолкать сейчас Старика, птичка мгновенно смолкнет, потому что нас будет уже двое.

Мы бредем по заросшим пушицей берегам, чертыхаясь, проваливаемся между кочками. Осклизлые мутные линзы льда торчат в береговых обрывах. Временами вода «выедает» лед, и тогда над рекой нависают беззубые черные пасти-пещеры.

Любопытства ради в прежнее время мы заплывали в эти пещеры. Вода темными клубами уходит куда-то в промозглую ледяную сырость. Однажды на наших глазах рухнул многотонный кусок берега, чуть не прихлопнул резиновую лодку с ребятами. С тех пор мы перестали туда заплывать.

Линные гуси, отчаянно работая лапами, разбегаются по озерам. Наклоняясь, Старик поднимает обветшавший огромный мамонтов клык.

Было время, когда предприимчивые люди наряду с охотой специально занимались добычей мамонтовой кости! Хорошо сохранившийся в земле клык не уступает слоновой кости по крепости и качеству. Но зато уступает современной пластмассе.

Мы бредем, бредем и бредём.

Друг Кимка с разными глазами

Анадырское нагорье встречает нас мягкими очертаниями предгорных увалов. Синие, зеленые, красноватые потоки лавы, промытые ручьями, лежат дремотно и молчаливо. Как древние замки громоздятся кекуры. Мы в последний раз оглядываемся на разбрызнувшийся веером проток Чаун.

Огромный плоский поднос Чаунской долины лежит в тихой дымке. Олений, комариный, гусиный, куликовый мир. Мы входим в горы, и широкая долина Ураткина проглатывает нас равнодушно и незаметно. Здесь нет гусей, очень мало зайцев, все ниже и незаметнее делается с каждым километром кустарник. Чтобы вскипятить чай, нам уже приходится вдвоем собирать редкие сухие веточки.

Когда-то мы летали здесь на самолете, собирая оставшиеся от прежних времен бочки с продуктами. Ветер свистел в забитых снегом долинах. В долине Трех Наледей пастухи помогали нам отдирать от снега пристывшую «Аннушку». Но сейчас долина просто заполнена теплой, сочувствующей нам тишиной. Это не тишина пустого театрального зала или ночной площади. Это просто первобытное отсутствие шума. Евражки отдают нам честь по команде «смирно».

Евражка — колымский суслик. Я не биолог и не знаю, какие миграционные волны занесли сюда этого симпатичного зверя.

Евражка меньше своего степного собрата и, соответственно, живее характером. Пестрая глянцевитая шкурка и косые очаровательные глаза. Евражка приветствует гостей, и только подергиванье хвоста выдает, что ей все же здорово боязно.

Мы располагаемся пить чай у сухого откоса. Из соседней норы выползает очередной косоглазый засоня. Несколько минут он в страхе верещит, потом начинает меланхолично почесывать живот и голову, потом просто начинает есть. После сна, знаете ли, неплохо закусить.

Старик все же очень быстро устает. Жалуется на поясницу. Чаще взбадриваем нервы и мускулы крепким чаем, «травим» бесконечные анекдоты, чтобы скрасить дорогу. Когда Старик начинает в пятый раз рассказывать о том, как муж уехал в командировку, я останавливаю его. Мы долго смеемся.

Сегодня наконец-то встретили пастухов. Оленье стадо разбрелось по склонам и издали похоже на драный черно-белый ковер. Легконогие темнолицые люди выходят нам навстречу. Булькает в кастрюле оленье мясо. Снова слушаем рассказ о красном камне, снова ничего не слышим о Пилахуэрти Нейке. Приходит бригадир. Он стар, угловат, морщинист. Вспоминаем общих знакомых.

— Пилахуэрти Нейка? Нет, не знаю.

— А знаете, есть такая река Кувет?

— Знаем, но это далеко. Это не в ту сторону.

— Так вот там есть горка Пильгурти Кувейти Нейка. Это значит: «горка, стоящая между трех речек». Понимаешь, три речки впадают в Кувет, а между ними одна горка. Пастухи так объясняют друг другу.

Мы задумываемся. Созвучие полное, и толковый перевод. У пастухов больше терминов для названия рельефа, чем у самых завзятых геоморфологов Пильгурти Кувейти Нейка. Это далеко не в той стороне, но, может быть, около Эльгытгына есть своя речка Кувет? Этим стоит заняться.

В стаде какое-то событие. Пастухи уходят один за другим, закинув на плечо скрученные в кольца чааты[3]. С нами остается пес Кимка.

Когда-нибудь, чем черт не шутит, я доживу до собственной комнаты с камином и креслом. Тогда обязательно понадобится четвероногий друг, который будет лежать возле кресла, пока я буду обдумывать очередную главу мемуаров. Я заранее обещаю, что таким другом будет только чукотская оленегонная лайка.

Это — крохотные черно-белые остромордые собаки. У них большие грустные и проницательные глаза. У Кимки глаза почему-то разного цвета: один голубой, другой коричневый. Я

даю ему кусок мяса. Кимка признательно смотрит на меня голубым глазом и не убегает, как другие собаки, чтобы проглотить мясо в одиночестве. Нет. Он кладет его рядом на траву и не спеша, со знанием дела съедает маленькими кусочками. После этого он с осуждением смотрит коричневым глазом на Старика, который не дал ему ничего.

Впопыхах кто-то оставил на брезенте кусок моржового клыка и недоделанную фигурку оленя. Олень прост, но в нем есть главное — стремительная душа. Я не могу понять, в чем это выражается: рога намечены только куском материала, ноги грубы, но это не корова, это не белый медведь, это олени.

Я размышляю, над загадкой чукотского примитива, комары с особым посадочным писком приземляются на шею и руки, пес Кимка смотрит на меня и тоже размышляет. Качаются белые головки пушицы, теплом дышит от брезента. Старик поет сквозь зубы тягучий монгольский мотив. Это Чукотка. Может быть, это просто радость жизни…

Утром мы прощаемся с пастухами, со стадом и с Кимкой. Эту ночь мы дружески проспали с ним бок о бок. Темнолицые плечистые люди смотрят нам вслед.

Я люблю бывать в верховьях тундровых рек. Здесь все меньше обычного. Узкими становятся долины, мелки и узки прозрачные протоки, мал кусок неба над головой, и осока, которая растет в заболоченных днищах вершинных долин, также густа и мала ростом.

Осока, ягель, бесконечные каменные вороха осыпей. Это мертвое царство камня и ветра. В прозрачной воде проток нет рыбы, в долинах нет зверя, нет птицы. Через переход или два мы увидим воды озера Эяьгытгын. Вспоминаются слова бригадира Рыльтутегина:

«О, Эльгытгын! Русские люди худеют от зимних холодов и едут летом поправляться на курорт. Для оленя самый лучший курорт — это Эльгытгын. Там все время лед — мечинки! Там дуют ветры и идет холодный дождь — мечинки! От дождя растет ягель, от холода и ветра пропадает мошка, олени жиреют. Говорят, что там плохо нам, пастухам. Какумэ[4]. Что хорошо оленю, то еще лучше пастуху».

Видел ли ты, как кормят мышами питонов?

Так вот он, Эльгытгын! Эльгытгын — Нетающее озеро. Прозрачная холодная вода чуть плещет на темные береговые камни. Мелкий косой дождь сыплет короткими зарядами. Тяжелая пелена тумана скрывает берега, скрывает сопки. Мы

знаем, что где-то плавают изъеденные солнцем ноздреватые льды.

Мы устраиваемся под береговым утесом. Я смотрю на Старика и что-то не вижу на его лице радости от встречи с озером. Может быть, несколько месяцев назад мы, ждали другой встречи? Думали о льдах и синей воде, о холодном солнце, о нагретых, заросших лишайником скалах. Я смотрю на Старика. И без того худые его щеки завалились, заросли грязноватой щетиной. Не унывай, старина, мы же на подходах к серебряной горе. Километров за семьдесят отсюда верховья Анадыря — исторической реки.

Разыскивать сейчас березку бесполезно. Вряд ли мы сумеем разжечь ее мокрую на таком дожде. Из рюкзака извлекаются драгоценные запасы сухого спирта.

Патентованная спиртовая печка жрет таблетки одну за другой. Я поднимаю кружку с чаем и произношу извечный тост искателей приключений: «За удачу!»

Коротаем ночь на брезенте, тесно, прижавшись друг к другу. Ночные белесые духи тумана бродят над озером, туман над Анадырским нагорьем, туман над всей Чукоткой. Я не верю в ледяное безмолвие Севера, не верю в безотрадную болотистость тундры, в заполярное одиночество человека. Чукотка ближе, проще и понятнее человеку во второй половине XX века, чем в давние нецивилизованные времена. Но сегодня ночью я чувствую себя озябшим пещерным жителем.

Старик тяжело бормочет во сне и жмется ко мне. Может быть, он соображает, как сделать из самородного серебра молот, чтобы ухлопать на завтрак какое-нибудь ископаемое?

Ты видал, как кормят мышами тридцатиметровую анаконду? — спрашивает меня утром Старик.

— Не приходилось.

— Вот, смотри! — И он со злостью распаковывает следующий пакетик спирта.

Глотаем консервы. Старик злится. Пустыня, черт бы ее побрал! Как в центре Гренландии. Даже комаров нет. Пустыня, залитая туманом: Туман связывает нас крепче, чем пресловутый самурайский шнурок. Как иззябшие жалкие Прометеи, мы прикованы туманом к мокрым камням.

Эльгытгын — мекка романтиков. Многие из бродяг по призванию мечтают побывать на берегах этого озера. Но мы ищем также и легендарную серебряную гору. Где она среди сотен скрытых туманом сопок? Век кладоискательских авантюр отошел в прошлое вместе с веком парусов, белых пятен на карте, вместе с мушкетными пулями и таинственными злодеями. Современных кладоискателей готовят в тишине институтских аудиторий.

Миллиарды государственного бюджета, научно исследовательские институты, армия академиков, инженеров, рабочих — вот что такое кладоискательство в наше время.

Что значит по сравнению с этим цепочка маршрутов двух жалких дилетантов без карт, без снаряженья, без аэрофотоснимков.

Я молчу, молчит Старик, но мы оба думаем об одном и том же. И убей нас на месте гром, если мы оба не верим в удачу!

Глазами академика Обручева

Мы решаем уходить. В рюкзаках мало консервов, царство непуганой дичи осталось далеко внизу, плитка питон глотает таблетки уже не как мышей, а просто как мелкие просяные зернышки.

Отсыревший листок карты на коленях. Я прочерчиваю длинный кольцевой маршрут: вначале на юг, потом на запад, потом на север, потом на восток. Этим кольцом мы сделаем все, что положено нам сделать в это неудачное лето.

Мы осмотрим верховья всех встречных речек, мы в бинокль будем просматривать склоны и будем искать небольшую горку с ярко выраженным индивидуальным обликом. Может быть, это и бесполезно, но…

Путаный ветер начинает разгонять туман. Мы укладываемся: ветер становится устойчивым. Мы вскидываем рюкзаки на плечи, и как по заказу желтое виноватое солнце проглядывает сквозь низкое месиво облаков.

Мы не жалеем, что уходим. Все же на прощанье Эльгытгын открывается нам целиком. Старик усаживается на камень и вынимает трубку. Так вот оно, Нетающее озеро! Поколения оленеводов находили здесь спасение от комаров для своих стад, ягель и туманы.

Озеро круглой, почти правильной формы. Белые пятна льда в середине и ровные ленты береговых валов. Хмурые темные зубцы утесов окружают озеро. Камень, лишайники, камень. Тихо. Пусто. Озеро покрыто мелкой зыбью. Кое-где розовые отсветы солнца ложатся на скалы и воду.

— Лунный кратер. Черт меня побери, настоящий лунный кратер, слышу я тихий голос Старика. — Знаешь, парень, когда будут готовить людей на Луну, то наверное в комплекс тренировки будет входить и приучивание людей к лунным пейзажам. Вот готовый полигон. Вернусь и посылаю предложение в Академию наук.

Я не стал напоминать Старику, что он еще не видал лунных

пейзажей. Достаю записную книжку.

«Когда я буду писать роман о жизни на луне, я помещу своих героев именно в такой кратер. Особенно мрачно озеро ночью, черные зубцы гор чернеют на лунном небе, половина впадины в тени и белесая полоса тумана закрывает все ее дно.» Эти строчки написал здесь С. В. Обручев зимой 1934 года.

Дни, ночи и сантиметры

Наши ноги отсчитывают карандашные сантиметры на карте. Мы отдыхаем, прислонившись к камням. Желтые, забитые галькой долины проплывают перед стеклами бинокля. Горные кулики провожают нас своим печальным свистом.

Круглые сопки Анадырского нагорья десятками проходят перед нами. Мы видим, как по каплям из звонкого, бормотанья под глыбами осыпей, из насыщенных влагой моховых подушек, из крохотных ручьев рождаются воды Анадыря и Анюя.

День сменяет ночь. Время отсчитывается только по тихому ходу часовой стрелки. Старик невесел. Он думает, очевидно, о прожитых годах. Холодное сидение на озере не прошло даром. Болит продутая монгольскими ветрами, застуженная на ледниках Памира спина. Сдают уставшие на сотнях километров охотничьих троп ноги.

Солнце щедро расплачивается за свои грехи. Наши кухлянки сухи и теплы. Горы желты и молчаливы Пара зайцев робко удирает среди камней. Осторожная цепочка горных баранов тянется на вершину. Не хватает только одного — серебряной горы.

Ноги отсчитывают карандашные сантиметры на карте. На юг, потом на запад, потом на север. Пустеют рюкзаки.

Наступает и тот день, когда залитая голубой туманной дымкой Чаунская долина снова встает перед нами.

Вместе с петлей на карте завершается первый этап первого года охоты за серебряной горой. С собой мы уносим желтую тишину горных долин, свист куликов, вкус воды озера Эльгытгын, память о туманных утесах над льдом и серой водой. Как ни странно, но мы не несем с собой разочарования неудачи.

Мы видели, какими бывают лунные кратеры, мы видели марсианские закаты, мы помним хрупкую тишину и тихий посвист ветра среди камней, мы видели горных баранов на вершинах, мы видели горную Чукотку: Этого мало? Поспорим об этом после.

Притча о малых формах

И вот мы снова в поселке. Потрепанная в морских штормах, на речных быстринах «Чукчанка» стоит на приколе, увеличив малый флот Чаунской губы еще на единицу. «Чукчанка» ждет новых путешествий…

Оставшееся дома самодеятельное «пресс-бюро» не теряло времени даром. Письма, папки, книги ждут нас на столе.

Да, действительно ламутский род Кости Дехлянки существовал на Анадыре. Один из его потомков работает сейчас секретарем окружкома комсомола. Он ничего не слыхал о Пилахуэрти Нейке.

Фамилии, указанные в акте, также действительно есть. К сожалению Никулиных и Алиных на Анадыре слишком много. Это групповые фамилии, так же как в Кировской области есть целые деревни Ступниковых или Михайловых.

Уварова до сих пор помнят на Анадыре. В районе Усть-Белой одно место так и называется «Уваровские плоты». Это место, где незадачливые лесозаготовители посадили на мель добытые в островных лесах бревна.

У нас есть также сборник документов времен землепроходцев, на который опирался в своей заявке Баскин. Может быть, мы были неправы; когда толковали по своему название Чюндон. Судя по всему, Чюндон — это действительно Анюй. Но нигде в записках не говорится, что серебро добывали на первой реке к востоку от Колымы. В очень многих документах Анюй называется просто Анюем или Оноем.

Один из корреспондентов клянется разыскать статью где упоминается об открытии серебряного месторождения на реке Индигирке. Месторождение открыто и давно выработано. Там же река Чюндон. И вообще Чюндонов много, есть даже впадающие в Охотское море. Под рекой Нелогой можно подразумевать реку Нерегу, правый приток реки Бохапчи. Корреспонденции наши похожи на неразборчивую подсказку. Они еще больше увеличивают путаницу!

Очень ясно и логично доказывает свою мысль геолог Монякин — руководитель отряда по проверке заявки Баскина. Он считает, что обе заявки, как Баскина, так и Уварова, просто недоразумения.

Еще письма. В одном из них упоминается об аномально высоком содержании серебра в металлометрической пробе, взятой на хребте Обручева. К сожалению, проба была единственной.

Быть или не быть серебру? Какую же позицию занять нам? По моему, ответ прост. Можно вести речь о целесообразности постановки работ в масштабе геологической партии, где решается

судьба сотен и десятков тысяч рублей. Но можно вспомнить и о принципе работы современных старателей, о принципе малых форм. Там, где непригодны тяжелые промышленные методы, всегда найдется работа для одиночек и для групп энтузиастов. Вопрос о Пилахуэрти Нейке остается открытым, по крайней мере для любителей.

Мы живем сейчас в удивительное время. Мир стал тесен, как накануне эпохи великих географических открытий.

В суматохе времени для очень многих кажутся просто наивными и ненужными романтические мечты о поисках и скитаниях, мечты, сформировавшиеся в детские и юношеские времена.

Пацаны на пустырях играют теперь не в Пржевальских и не в «Необитаемый остров» — они играют в космонавтов…

Классическая романтика вымирает, потому что она стала смешной? Надо думать, что это простой «сверхсовременный» перегиб палки. Наше время не только стремится в космос, оно так же стремительно захватывает непережеванные куски прошлого. Легенды ведут к открытию новых месторождений, к открытию удивительных фресок в Сахаре, кумранских рукописей, к открытию новых видов животных. По моему, в наше время можно всерьез говорить о поисках «Золотой бабы аримаспов» или ефремовского «Юлгойхорхоя».

У меня на столе лежит еще одно письмо.

Человек, много лет проработавший оленеводом на Корякском нагорье, пишет об удивительных рыбах и редких растениях, встреченных им на одном из озер в бассейне Пенжины. За много лет работы он не встречал их больше нигде. Реально? Список ботаников, ихтиологов, геологов, работавших на Корякском хребте, можно пересчитать по пальцам. Путешествие начинается с первого шага, открытие начинается с вздорного на первый взгляд утверждения.

Окончание с продолжением

Мы чувствуем настоятельную необходимость хоть на время передохнуть от новых фактов, предположений, от новых проектов.

Мы сидим на берегу моря. Бухта забита кораблями. Черными низкими утюгами стоят два ледокола. Опустошив трюм, качаются на волнах высокие грузовые транспорты. Далеко в море растут дымы.

Ветер нагнал лед. Изъеденные и ноздреватые льдины с отрешенным шорохом трутся о берег.

Мы молчим. Десять раз обоснованная и объясненная неудача

все же угнетает.

— Слышишь? — вдруг спрашивает Старик. Я прислушиваюсь. Сквозь меланхолический посвист ветра, легкое постукивание льдин и чаячьи крики еле-еле сквозит робкое и настойчивое царапанье. Крохотная засыхающая былинка приткнулась к избушке там, где одна из многочисленных дыр заделана железным листом. Очень пасмурно, но былинка светится изнутри остатками летнего уходящего света и трется о железо упрямо и весело, как игручий, жизнерадостный козленок…

Мы усмехаемся. Глаза у Старика начинают блестеть. Ей богу, я знаю, что сейчас он выложит мне проект новой, продуманной, учитывающей прошлые ошибки и всякие новые достижения проект вдоль и поперек продуманной экспедиции.

Дневник прибрежного плавания [5]

1

Вроде бы как в кино, пришла телеграмма: «Вылетайте зпт ждем», и с киношной легкостью бросил я все: московский почтамт с очередями не имеющих оседлости людей у окошек, хлопоты о московской квартире и даже город Воронеж, где я, собственно, и торчал все время, потому что она там жила. Но пришла телеграмма в разгар душного в этот год московского лета, когда таял асфальт, бензиновая гарь шла в стратосферу и люди с излишним весом истекали водой, как снегурочки.

Был конец мая, и походная труба, в настоящей походной сути своей, пела лишь символически, так как в конце июля про экспедицию говорить смешно. Но чертовски хотелось, и потому еще в самолете возник план на оставшийся огрызок лета. Много было причин для этого плана, и наука, если честно сказать, занимала в нем не первое место.

Учреждение, приславшее телеграмму, недавно лишь организовалось, коридоры пахли свежей краской, полного штата сотрудников не было, а кто был, те с весны разбежались по экспедициям, и потому в коридорах было тихо, прохладно и пусто. Верховную власть осуществлял заместитель директора по Научной части, чрезвычайно острого ума мужчина, который делил время между этой верховной властью и дебрями абсолютного возраста Земли. Ничто другое его вроде бы не интересовало.

Из всего штата намеченной в самолете экспедиции имелся только я сам. Начальник отдела кадров, он умер сейчас, доброй памяти человек, но если бы даже не умер, то все равно плохо о нем вспоминать невозможно, и этот непохожий на коллег начальник отдела кадров вник в ситуацию и сказал:

— Одного-то я вам найду. Дипломированный техник устроит?

— Еще бы! — с жаром сказал я, потому что всегда грех отказываться от техника, тем более дипломированного.

Все хорошо шло в это лето. Заместитель директора по научной части тоже вник и, отрешившись на время от абсолютного возраста земных пород, собственноручно, начертал задание на двух страницах машинописного текста, лично поговорил с главбухом на предмет изыскания средств — за очаровательной женской внешностью того главбуха скрывался

финансовый цербер — и лично позвонил в подвальный этаж пройдохе завхозу, чтобы извлек из заначки дефицитное снаряжение, среди которого даже имелись два настоящих пуховых спальных мешка.

Итак, благодаря отсутствию косности, рутины и бюрократизма в этом вновь организованном учреждении через неделю после того, как пришла в Москву телеграмма, имелся штат из двух человек, снаряжение и деньги. Задание же было сформулировано достаточно четко: «Изучение аномалий гравитационного поля Земли на антиклинальных выступах палеозойских отложений Чукотки». Это была не тема, а частица намечавшейся крупной темы, пробный камешек в большой огород. Но большего в это лето и намечать было нельзя.

Главным из доступных палеозойских выступов на Чукотке было Куульское поднятие на севере центральной её части. И хотя многие из корифеев чукотской геологии не считают его за палеозой, мы отнесли это за счет вздорного характера корифеев и твердо решили поставить работы там. Для этого требовалось пересечь его гравиметрическим маршрутом хотя бы один раз и именно по берегу моря, чтобы не привлекать сюда еще топографию. Аппаратура — три новеньких гравиметра отечественного производства — на складе имелась. Остальное же отдавалось на наше усмотрение.

Свобода выбора для нас заключалась в том, чтобы при минимальных средствах выполнить работу с должной степенью надежности, ибо гравиметры, меряющие земную тягу, капризны, как больные младенцы. В обычных условиях, когда работают, допустим, фирмы, финансируемые богатыми нефтяными ведомствами, все делается с применением могучей транспортной техники. С той техникой вначале создается тщательно проверенная опорная сеть наблюдений, а потом уж идет работа, так что каждый участок работы гравиметр начинает танцевать от печки и кончает его тоже на печке. Капризный его нрав просто не успевает разыграться, зажатый в тисках достоверности. По нормальному работать мы не могли и потому решили взять с собой все три прибора, чтобы они шпионили друг за другом, а опорные измерения провести позднее, в тех местах, где они будут необходимы, и сделать это на дешевом самолете Ан-2 весной, в щедротах грядущего финансового года. Мы просто перевернули с ног на голову обычный порядок работы и этим выиграли время и деньги.

Осталось только добавить, что гравиметрические сведения необходимы титанам геологической мысли, а наше вновь созданное учреждение как раз намеревалось стать центром, где

эти титаны соберутся со всего северо-востока страны, и впереди маячили времена, богатые научными результатами и ассигнованиями. Конечно, я говорю не о всем учреждении, так как в стенах его уже сидели титаны, давали теории, результаты и выводы, но с капризной гравиметрической наукой, позволяющей заглянуть поглубже в земную кору, пока никто из них не был связан.

Куульский антиклинорий утыкается в берег Ледовитого океана между Чаунской губой и мысом Биллингса. Вдоль него течет большая река Пегтымель, и на побережье мелькают названия: мыс Кибера, губа Нольде, мыс Шалаурова Изба.

2

Побережье между Леной и Колымой даже на бывалого человека производит тяжелое впечатление. К океану здесь выходят низменности Приморская и Нижне-Колымская, болотистые тундровые равнины из кочек и озерной воды. Добравшись до моря, низменности долго не желают сдаваться и идут на север грязной водой мелководья, по которому летом олени уходят от берега на километр или два, чтоб испить полезной для оленьего здоровья солёной воды. Застрять на этих отмелях очень опасно. Яростная мелководная волна, может, и не разнесет в щепы, но будет раскачивать края, пока мертвый ил не забьет трюмы, не засосет судно по палубу.

Выбраться на берег здесь можно, но это не значит спастись. Жилья нет на мертвых, не пригодных для навигации берегах, и след человека по тундре напоминает нерешительный пьяный пунктир в обход проток озер, стариц и мокрых болот.

К востоку от Колымы берег становится веселее. Скалы мыса Баранов Камень, промытый галечник берега, и так до Чаунской губы, которую с запада охраняет песчаный равнинный остров Айон, а с востока — Шелагский мыс, — все это путало мореходов.

Унылые берега от Лены до Шелагского мыса описал и нанес на карту купец из Великого Устюга Никита Шалауров. Он же открыл Чаунскую губу, остров Айон и одним из первых повидал и засек Ляховский остров из группы Новосибирских островов.

Он погиб в 1764 году в очередной отчаянной попытке открыть путь из Ледовитого океана в Тихий. Имя его можно найти только на очень подробных картах. Незначительное место в низовьях Колымы под названием Зимовка Шалаурова, крохотный островок Шалаурова в Восточно-Сибирском море и мыс

Шалаурова Изба, неподалеку от известного мыса, названного именем бездельника капитана Биллингса.

Я назвал бы судьбу Шалаурова странной, потому что сей неистовый человек изменил купеческому предназначению ради морской гидрографии и открытия новых земель. Для географической науки он сделал достаточно много, больше многих прославленных путешественников, но имя его более известно как символ редкого упорства и редкой, неудачливости. Хотя в одиночку он сделал работу крупной государственной экспедиции, его фамилия не прижилась в летописи географической славы. И тут ему не везло.

Грустная, как звук походного горна, история этого человека взволновала меня очень давно. Хотя я случайно узнал о нем, но получилось так, что за несколько лет я побывал почти во всех местах, связанных с его именем, не был только на Лене, где он построил свой галиот «Вера, Надежда, Любовь».

3

В истории освоения Чукотки имя Шалаурова встречается первый раз в 1748 году, когда он решил совершить отчаянное плавание на Камчатку на самодельном судне, выстроенном из жидкого леса, который островками растет на реке Анадырь. Купец Шалауров искал тогда новые охотничьи и торговые угодья, нюхом чувствуя богатейшие возможности не выбитых котиковых лежбищ, торговли с неоткрытыми племенами: Он задолго до срока чувствовал богатейшие возможности, которые позднее золотым потоком залили Российско-Американскую компанию, пайщиками которой состояли люди царской фамилии, острого ума купцы и даже барин — поэт Державин.

Уже тогда вместе с ним был Иван Бахов. О Бахове известно мало. Одни историки называют его купцом, другие упоминают, что он «сведущ был в науке мореплавания», попросту был моряком, а Мартин Соур, секретарь ленивого капитана Биллингса, проделавший с ним чукотское путешествие, в книжечке, изданной на немецком языке и вдали от русской цензуры, называет Бахова ссыльным морским офицером, в юности участвовавшим в заговоре Меншикова.

Злая звезда Шалаурова сказалась уже в этой экспедиции. Их самодельное судно вынесло на Командорские острова и разбило как раз у острова Беринга, где за семь лет до них умирал и умер от цинги сам командор Беринг.

Как известно, оставшаяся в живых часть экспедиции Беринга построила судно из останков знаменитого корабля «Святой Петр» и уплыла на Камчатку.

Семь лет спустя Бахов и Шалауров выстроили судно и ухитрились таки добраться до Большерецка.

После этого имя Шалаурова исчезло до 1755 года. В 1755 году вышел указ Сената: «Ивану Бажову и Никите Шалаурову для своего промысла ко изысканию от устья Лены реки, по Северному морю, до Колымы и Чукотского носа отпуск им учинить».

Снова купец Шалауров затевал отчаянную экспедицию «для собственного промыслу». Но странным здесь было то, что он обязался «собственным коштом» составить карты к востоку от Лены и практически открыть морской путь на этом участке.

Ни одна государственная даже, а не за «собственный кошт», экспедиция не имела перед собой таких обширных задач, исключая задуманную Петром I Великую Северную экспедицию, которая, как известно, распалась на ряд отдельных.

В первый год они добрались только до устья Яны. Ледовая обстановка была очень тяжелой. Шалауров спешил так, что проскочил даже мимо замеченного им нового острова, хотя и нанес его на карту. Это был один из Ляховских островов, которые тогда еще не назывались Ляховскими, потому что сам Ляхов доберется до них лишь через десять лет, в 1770 году.

Построенный «собственным коштом» галиот, видно не был отличным судном, команда же Щалаурова состояла из «ссыльных и беглых», точь-в-точь как у Христофора Колумба, который в свое время набирал экипаж по тюрьмам и камерам смертников.

Они зазимовали у мыса Сексурдах. В 1823 году их зимовку видел штурман Ильин, участник известной экспедиции Анжу.

В следующем, 1762 году Шалауров упрямо двинулся на восток и снова застрял. На сей раз у Медвежьих островов. С трудом ему удалось ввести судно в устье Колымы.

Неподалеку был Нижне-Колымский острог, где находились казаки поселенцы, начальство местных уездов и продовольственный склад. В припасах и провианте «купцу» Шалаурову было отказано, и зимовка получилась очень тяжелой. Умерли три человека из команды. И умер Иван Бахов, которому «ведома была наука мореплавания»…

Пришло лето 1762 года. После вскрытия льда Шалауров снова пошел на восток. Он дошел с гидрографической съемкой до Чаунской губы, описал ее, открыл и описал крупный остров Айон. Дальше за Шалагекий хода не было Были льды.

На берегах Чаунской губы не растет лес, нет плавника. Скрепя сердце Шалауров вернулся в низовья Колымы на прежнюю

зимовку.

Снова колымское начальство отказало ему в провианте. И команда сочла за лучшее разбежаться, бросить купца, который почему-то вовсе не занимается торговлей.

Оставив судно, Шалауров через всю Сибирь помчался в Москву и Петербург. И добился своего упрямый купец. Указом Сената от 22 ноября 1763 года экспедиция была признана государственной. Шалаурову был выдан даже квадрант для определения местонахождения по светилам — редкий по тем временам инструмент. И купец превратился в географа, руководителя государственной экспедиций.

И снова тут же, не теряя ни дня времени, через всю Азию — на Колыму.

Летом 1764 года галиот Шалаурова снова отправился на восток. И исчез без вести.

4

От Певека до мыса Биллингса в обход грозного Шелагского мыса около трехсот километров. И надо вернуться обратно. У нас было около полутора месяца, потому что после пятнадцатого сентября на шлюпках плавать нельзя. Это мы знали.

А знакомые из Певека дали телеграмму, что шлюпка есть, лежит на берегу, и закончили телеграмму непонятным «ха-ха».

— Если потонем, пойдем пешком, — мрачно сформулировал Женя, тот самый техник, найденный добрым отделом кадров. Фамилия у него была одна из самых древних славянских, и весь он по облику был иконописный славянин. Я напираю на это славянство потому, что в работе он вел себя как испанец, если, конечно, по испанцам судить из прочитанных книг, «из книг в которые веришь».

Лодка лежала на берегу. Вокруг держался морской запах, а от лодки веяло печалью корабельных кладбищ. Сквозь продавленный тракторными гусеницами борт торчали обломки шпангоутов. Трактор раздавил бы ее верное, совсем, если бы не была она окружена каменной твердости снежным застругом, спасавшим зимой от гусениц и сапогов.

По соседству строили дом. Мы отправились к строителям, и те отвалили нам пудовый кусище гудрона. Мы нашли на берегу железную бочку. Гулко гремя, разрубили ее пополам, загубив казенный топор. Положили в бочку гудрон и развели кострище из плавника. Гудрон вначале расплавился, потом стал исходить

пеной, а потом превратился в текучую маслянистую жидкость, более жидкую, чем сама вода. Этим адовым варевом мы промазали борта лодки. Потом наложили на проломленный борт брезент и промазали еще раз. Вскоре днище сверкало однородной лаковой чернотой.

Мотор, шестисильный двигатель от водяной помпы, был в полном порядке, и единственный его цилиндр сверкал краской цвета морского простора.

Главный механик геологического управления в Певеке самолично попинал его ногой и пробурчал что-то вроде гарантии на работу. Потом, со снисходительной добротой умного человека к дуракам дал нам талонов на бензин, масло, две пустые бочки и машину, чтобы на автостанции эти бочки залить и доставить на берег.

Стояло начало августа, и впереди у нас было шестьсот километров морской дороги. Северные ветры нагнали в Чаунскую губу лед. Льдины, источённые ветрами, волнами и течениями, имели самоуверенный вид, теперь уж они надеялись, что доживут до зимы и уходящее лето их доконать не успеет. Вечерами солнце окрашивало эти льдины в заманчивые красные тона, море тоже становилось красным, и как тут было не вспомнить слова ироничного телеграфиста Джорджа Кеннана, побывавшего на Чукотке в прошлом веке:

«Описаниями цветущих островов, купающихся в пурпурных волнах океана, поэты с незапамятных времен увлекали неопытных обитателей твердой земли в морские путешествия».

Но вот что интересно! Всю нашу работу можно вообще-то было сделать за день или два на вертолете. Но арендовать в августе вертолет в местах, где царствуют пастухи и геологи, практически невозможно. И это обстоятельство нас, глупых, не огорчало. Шестисоткилометровое плавание на шлюпке с ненадежным бортом вдоль хмурых берегов как бы приобщало нас к методам работы старых времен, которые всегда кажутся героическими. И хотя оба мы достаточно насмотрелись в предыдущие годы на Чукотку, но все-таки плыть и смотреть на ее берега казалось, не только выполнять работу, но и приобретать еще что то.

Десятого августа в ранний утренний час, когда поселок спал, спал и капитан порта, поклявшийся, что не выпустит нас в море на этой дырявой посудине, спали остроумные береговые комментаторы, в этот ранний час мы столкнули лодку на воду. Было холодно. Моторчик от водяной помпы, приспособленный для благоприятных температур, никак не желал заводиться. Мы по очереди лягали заводной рычаг, похожий на рычаг мотоцикла,

с той только разницей, что, сорвавшись с рычага мотоцикла, нога била о надежную земную твердь, а не в хрупкий фанерный борт. В конце концов пришлось прибегнуть к запретному способу: вывинтить свечу и влить в цилиндр немного бензина. Мотор сразу «схватил», из выхлопной трубы полетели колечки дыма, и все в море ожило.

Певек отодвинулся и стал как бы торчать из воды. На верхушке сопки над поселком лежала ватная нашлепка — предвестник «южака». Мы залезли в кухлянки, одолженные добрыми людьми. И началась неразумная трата времени; когда надо просто сидеть в лодке, курить и думать о чем угодно. Можно уйти в мемуары, которые для души тот же согревающий мех, как кухлянка для тела. Мы плыли по Чаунской губе. Ровно двести лет назад, в августе 1762 года, по Чаунской губе плыл первый в ее водах корабль — ленской постройки судно устюгского купца Никиты Шалаурова и морехода Ивана Бахова, которые два года назад вышли из устья Лены, перенесли тяжелую зимовку на Яне, потом на Колыме, и все для того, чтобы за «собственный кошт» отыскать северо-восточный проход в Тихий океан.

И, возвращаясь к потайной цели нашей экспедиции, мы радовались, что плывем на фанере, а не летим в грохочущем вертолете. Все дело в том, что нам предстояло проплыть мимо острова Шалаурова и мыса Шалаурова Изба. Названия же эти тянули меня с тех пор, как я ввязался с Чукоткой. Этот маршрут окрест Куульского поднятия, к заманчивым сыздавна названиям был как бы итогом прожитых лет.

В аналитической геометрии по бесконечно малому участку кривой, заданной данным уравнением в данных координатах, можно определить дифференцированием тенденцию ее развития. Этот прием осложняется на точках перегиба. Но, отступив бесконечно мало от точки перегиба в ту и другую сторону, мы все-таки получим искомое направление, кривой. Координата времени это величина необратимая, она развивается от рождения и смерти человека, зайца или общественной формации.

И вот таким хитроумным путем можно прийти к утешительному выводу, что десять лет, в течение которых я знал Чукотку, — срок все-таки немалый.

5

В небе проплыл с замирающим посадочным рокотом оранжевый самолет полярной авиации. Наверное, садился на

заправку, чтобы уйти в долгую утюжку Над льдами по параллельным галсам. Я представил себе внутренность его с ярко желтыми дополнительными баками в фюзеляже, на Которых так удобно спать в длительном полете, и гидролога с бланковками, на которые нанесены треугольники, кружочки и галочки ледовой обстановки, радиста, который вслушивается в басовитые морзянки судовых передатчиков, и штурмана с его линейкой, ветрочетом, исчерченной галсами картой, и располневших от сидячей работы пилотов.

Справа показался колхоз Янранай. Сливочные кубики новых домов выглядели издали идеальной игрушкой. Колхоз был перенесен сюда от невзгод Шелагского мыса, который вырисовывался впереди дремотным горбом.

Мыс сей знаменит в истории полярного мореходства не меньше, чем мыс Дежнева или Челюскин. Когда-то его считали оконечностью Азии. Землепроходцы поместили здесь воинственное племя шелачей, отличного от чукчей народа. «Земля сия населена чукчами да шелачами», — сообщалось в донесении XII века. Береговое течение постепенно съело низкий участок берега, в котором с древних времен стоял поселок охотников. Вдобавок из-за Перешейка мыса с севера зимой на прижавшиеся к горе домики обрушивался ураганный ветер, сродни знаменитой новороссийской боре. Поселок решили перенести на юг, и Шелагский мыс опустел. Он до наших дней сохранил недобрую славу, и именно вокруг него запрещал нам идти, сейчас уже наверное Проснувшийся, капитан порта. Об этот мыс разбился первый из кочей Семена Дежнева и потом билось немало кораблей, попавших в туман или шторм, который гидрологи объясняли тем, что здесь сталкивались два течения: одно — огибавшее Чаунскую губу, второе — идущее вдоль берега моря с востока.

С берега начал тянуть ветер. Ветер был теплый и пах заморскими травами. Походило, что в самом деле разыгрывался «южак». Теплый ветер вначале дружески рябил воду, потом через полчаса начал разгонять острую волну. Ветер срывал с верхушек волн брызги, и они заливали лодку, янтарные от солнца при безоблачном небе.

Наконец ветер окончательно взъярился так, что Женя с трудом удержал лодку по курсу. Он плотно лег на волну, как будто включилась аэродинамическая труба. Было солнечно. Мы шли метрах в пятидесяти от берега, но и тут ветер ухитрялся кидать в лодку желтые каскады воды. Я подумал, что стоит мотору заглохнуть — и… Весел у нас не было. Да если бы и были, то все равно не выгрести против этого спрессованного потока.

Шелагский мыс виднелся уже километрах в десяти, все такой же четкий и безмятежный, как спящий каменный кот. Огибать его нечего было думать, и мы пристали к берегу под крутым галечниковым валом, защищавшим немного от ветра. Мы разожгли костерок, но ветер беспощадно утаскивал угли в воду, и костер не горел, а как бы вспыхивал не дававшим тепла искусственным пламенем. Мы разгрузили лодку и вытащили ее носом на берег. Подумали и вытащили еще немного, а потом, подумав, сделали из плавника рычаги и вытащили совсем. Она вздрагивала от ветра и сползала обратно. Пришлось наложить под киль валунов. Время шло, и солнце уже было где-то за невидимым отсюда Певеком. Натянули палатку. Она вдувалась внутрь крутыми буграми, в ней было тесно и душно. Мы соорудили стенку из валунов и закрепили на берегу лодочный якорь. В палатке стало немного свободнее, ветер выл в каменной стенке на разные голоса. По временам ветер прыгал через стенку сверху, и потолок палатки мягко ложился на лицо. Я боялся, что она лопнет. Потом мы расстелили спальные мешки и легли на них сверху. Проснулись ночью от холода. Ветер дул по прежнему, но палатка натянулась, так как шел дождь и брезент намок.

6

Старожилы и доморощенные синоптики Певека утверждают, что «южак» дует либо одни сутки, либо трое, либо семь. К исходу первых суток он не кончился, и нам осталось только впасть в сонное оцепенение и ждать. Лодка надежно вросла в гальку, и мы уже не боялись, что ее унесет…

Временами ветер становился потише. Тогда шел секущий холодный дождик. На волноприбойном валу дрожали одинокие обшарпанные ветрами былинки. На рассвете мы услышали чьи-то шаги по тальке. Неведомый долго пыхтел, колупая тщательно зашнурованную палатку. На всякий случай просунулся грязный палец, ловко нащупал застежку, расстегнул, и тут же возникла физиономия, снизу обрамленная бородой, а сверху капюшоном плаща.

— Привет! — сказал человек, и я узнал его.

— Привет! — ответил мой спутник. — Залазь. — Лошадей не видали?

— Не было. Чьи?

— Партия Громыко.

С Жорой Громыко мы служили когда-то в Певеке в

геологическом управлении. А парень этот был там техником.

— Далеко?

— Километрах в пяти.

Мы выпили чаю и отправились в гости, так как все равно было плыть нельзя.

Как будто ничего не изменилось. В палатке на оленьей Шкуре сидел, скрестив босые ноги, Жора Громыко и, разумеется, чистил пистолет. Страсть к оружию не прошла у него с годами. На Чжлоне сопки маячили расходящиеся фигуры — шли искать исчезнувших ночью вьючных лошадей.

Зашумел примус, и мы, растянувшись на шкурах, ударились в мемуары о Певеке прошлых лет: кто где, кто куда, кто кем. Где Граф, где Серега Гулин, где начальник партий прошлых лет?

7

«Южак» не стих и на третьи сутки. Он дул с удивительнейшим разнообразием: нудно свистел меж камней, окружавших палатку, шлепал по полотну широкой ладонью, взвизгивал в щелях обрыва и сотрясал землю неожиданными ударами. Запах ветра был также разным — от погребной сырости осеннего льда до теплых полынных запахов неведомых степей, а может, пампасов.

Ночью мы проснулись от непонятного, вошедшего в мир. Оказалось, что непонятным была тишина. В этой тишине ясно слышалось, как спокойно и монотонно плещет о берег вода, и еще было слышно шуршание, вкрадчивый шорох. Я высунулся из мешка и затылком почувствовал, что брезент палатки стал тверд, как фанера.

В синей предрассветной тьме был виден снег на верхушках сопок, синие полоски снега лежали вокруг палатки и в ложбинках берегового галечника. Вокруг днища лодки тоже лежал снег, а вода, скопившаяся на дне, покрылась пленкой льда. Море казалось очень черным. Мы разожгли костер, тьма вокруг сгустилась, и только заваленные снегом вершины сопок белели, как будто светились немного изнутри слабым ночным светом. От черной морской воды и холода было чертовски неуютно. И неуют этот продолжался все время, пока горел костер, кипятился чайник, пока мы складывали смерзшуюся палатку, скалывали лед в лодке и грузили ее.

Постепенно светало, и все кругом стало еще неряшливее, как будто землю закидали обрывками ваты, только верхушки сопок

выступали в снегу строго и лучезарно. В них возникла гармония, которая всегда бывает у снежных вершин.

Пока мы грузили, лодку, чайник закипел снова, и мы, пропустили кипящую струю через водяную рубашку мотора, только вода лилась в обратном порядке — из выходного шланга в заборную воронку у киля лодки. Мотор согрелся и сразу отблагодарил нас — завелся с первого толчка. И под этот шестисильный треск исчез неуют.

Под надежный стук его мы прошли мимо бывшего поселка Шелагский, где еще торчали над землей домики нескольких упорных старожилов, не желавших покидать привычное место. Обложенные торфом домики казались привычными земляными выступами, такими же древними, как и сам мыс.

Берег загнул на восток, и начались отвесно уходящие в воду скалы. Камень был темный, мокрый. Лодка шла по легкой зыби — это возвращались отголоски шторма, поднятого отгонным ветром.

В расщелинах мыса висели клочья тумана. Из-за поворота каменной стены стал выскакивать резвый ветер и вдруг ударил в лодку погребной мокрой струёй. Здесь была бестолковая толчея волн, и лодку стало заливать сразу с обоих бортов. Ветер дул в лицо, холодный и сырой, как из старого погреба.

— Разворачиваться?! — крикнул Женя.

Мы немного еще прошли вперед, и вдруг толчея стихла, стих ветер, мы выплыли в зеркальные гладкие валы и увидели северную сторону мыса. Шелагский был пройден.

Мы увидели спокойные зеленые валы океана, чистого, свободного ото льда, а на этих валах, невдалеке покачивалась на воде лимонно-желтая байдарка, в байдарке той сидели два человека в зеленых камлейках. Двухлопастное длинное весло переднего лежало, поперек лодки. В руках он держал винтовку. Второй медленно взмахивал веслом, и байдарка бесшумно шла вперед. Лопасти описывали в воздухе плавные дуги, и я видел, как с них скатывались тонкие сверкающие струйки воды. Люди не оглянулись на стук мотора, — они, конечно, давно слышали нас и, значит, видели, определили, что это какая-то чужая лодка. Передний все держал в руках карабин, второй греб, и оба они напряженно смотрели на воду, по видимому, ждали нерпу. Потом второй положил карабин, взял весло, и они стремительными взмахами понеслись от нас на север, горбатые от камлеек люди на желтой лодке по зеленой воде.

Обрывы мыса кончились. К воде сбегал пологий, заросший пушицей, покрытый травой и кочками увал. Запоздалый гагачий выводок цепочкой плыл к берегу. Гага не улетела, а выбежала на берег, и утята выбежали за ней: Они цепочкой пересекли полосу

гальки и сразу неразличимо исчезли в кочках. Впереди маячили крылья ветряка и антенны полярной станции Валькаркай. Я посмотрел на часы — всего-то навсего было шесть утра. Мы пристали к берегу, чтобы сделать очередные измерения.

Поднявшись повыше по склону, мы посмотрели в бинокль и увидели точку байдарки на безбрежной воде и солнечные отблески от лопастей весел.

Я вспомнил, как мы на байдаре за номером ВН-740 с подобной работой прошли от косы Двух Пилотов через поселки Нешкац и Ванкарем и острова Серых Гусей в Колючинскую губу и дальше, через известный мыс Сердце Камень к Уэлену и вокруг мыса Дежнева приплыли в губу Лаврентия, которая находится уже в Беринговом море. Это было долгое, почти двухмесячное, путешествие, а байдара была старая, почти отслужившая свой срок, и одна дырка на ней была даже не залатана, а заткнута кусочком моржового сала. Тот кусочек приходилось часто обновлять, потому что его выедали собаки. И вот на примере старой байдары ВН-740 нам пришлось убедиться в гениальной простоте и надежности этого судна для прибрежного плавания…

В байдаре нечему быть изломанным. А если же что будет изломано, попорчено, порвано, то все это чинится подручными средствами, с охотничьим ножом куском плавника или обрывка кожи.

При попутном ветре байдара допускает парус. И великолепно идет под любым мотором.

Это не апология старины, а справедливое воздаяние таланту народа и зверю по имени морж, который давал эскимосам и прибрежным чукчам крышу над Головой, пищу и средство передвижения…

В старых эскимосских легендах часто говорится о дереве. Кусок дерева, пригодный для байдары, или остова яранги, или шеста, был крупнейшей ценностью. И, видя груды плавника по берегам Восточно-Сибирского, Берингова и Чукотского морей, я недоумевал. Плавника вроде хватало. И лишь потом, гораздо позднее, сообразил: подавляющая часть плавника состояла из разделанных, обработанных стволов, доставленных сюда на бортах лесовозов, а потом упущенных в море.

Но вернемся к байдарам. Каяки, подобные тем, какие есть у эскимосов Гренландии или жителей Курил, на Чукотке как-то не прижились. Может быть, они и были в давние времена. Но маленькие байдарки для двухлопастных весел по сей день делают на Чукотке; и надо видеть, когда охотник вдет к берегу с винтовкой, веслом и этой байдаркой на плече, и она даже в Пасмурный день просвечивает изнутри янтарным светом, а когда

ее Пронесут мимо, обязательно пахнет уютным, чуть горьковатым запахом звериного жира.

Почему-то в такие минуты прочность существования человеческого рода кажется мне незыблемой, что бы там ни писали, ни говорили задерганные цивилизацией нервные люди. Если человек, владея лишь каменной техникой смог выжить и жить в заполярных пределах, — он сможет все.

8

На полярной станции Валькаркай нас встретила чистота военного корабля и сухопутное гостеприимство. Коридор сверкал линолеумом, кают компания блестела надраенными с мылом полами и стеклами книжных шкафов. За теми изобильными стеклами теснились корешки классиков мировой литературы. Я обошел все эти шкафы и кроме классиков или хороших книг, написанных не классиками, заметил лишь полку военных мемуаров. Видимо, составители библиотеки на полярке подходили к делу сугубо торжественно и справедливо, на мой взгляд, рассудили, что нечего вмешивать в великую полярную тишину и сосредоточенность мимолетные отголоски литературных шумов и ненужную пустоту развлекательной литературы.

Начальник станции Боря Викторов, гостеприимно объяснил, что полярок с полным штатом сотрудников не бывает и потому к нашим услугам комната, а если угодно, то и две.

Но я сказал, что мы стремимся на восток. Тут Боря Викторов стал еще гостеприимнее и осведомился, не прихватим ли мы на восток человека.

Почему бы и нет?

На острове Шалаурова была так называемая выносная полярка, которая работает только во время навигации. По штату на ней полагаются радист, метеоролог и повар механик. Но повар механик недавно сбежал. На единственной лодке переправился на берег и ушел по суше в Певек. Потом там что-то испортилось, и метеоролог приплыл на самодельном «дредноуте» из фанеры в Валькаркай. На станции остался один радист. «Дредноут» же метеоролога пришел в негодность, и не на чем ему вернуться домой. Конечно, мы согласились, и так в экипаже появился второй Женя — Женя Максимов, архангельский человек. Он тут же взял на себя заботы о моторе и вообще мореходное дело, а нам сразу стало спокойно и уверенно жить, потому что борода

Максимова и архангельская неторопливость не позволяли в нем сомневаться, по крайней мере до острова.

Так мы плыли при боковом ветре до охотничьей избушки Николая Якина, а отпив в избушке чаю и поев оленинки, — до устья реки; в устье волна стала совсем сильна и Женя уверенно ввел лодку в реку, где за обрывом грело солнышко и в воде плавали хариусы.

На море шумел, ухал, бил о берег шторм, а здесь, за обрывом, стояла тишина, только, ветер посвистывал сверху да пригревало солнышко. Мы немного подремали. Потом солнце пошло вниз, стало синеть и холодать к вечеру, и всем нам стало как-то беспокойно. Не то чтобы совсем беспокойно, а просто исчез уют.

Женя Максимов два раза спросил у меня сигарету, хотя и не курил, как сам сказал утром, но сигарет у меня не было, а была трубочка, и он неловко ее сосал, потому что трубка у него все время тухла.

Наконец он сказал, что на той и другой полярке волнуются люди, потому что, конечно, они связались друг с другом, а тут этот шторм, и вообще волна не так сильна, чтобы сидеть, баллов шесть, тем более что берег скоро повернет навстречу, а навстречу можно плыть и при хорошей волне. Потом он сказал, что завтра на ледовую разведку выйдут несколько самолетов и тут для радиста пропасть работы, потому что ледовики любят спрашивать о погоде. Одному же человеку со всем этим не успеть, а если не успеть, то будет из Певека втык, чего никак нельзя допустить.

В общем, стало ясно, что сегодня надо на острове быть и мы там будем.

Он сел за руль, тезку своего посадил к мотору, а меня поставил на нос, чтобы я по цвету воды определял, где мелко, а где глубоко для нашей килевой шлюпки.

И так на малом ходу мотора мы выбрались из реки. В устье на мелководье волны были совсем большими, лодку несколько раз стукнуло днищем, несколько раз взвыл мотор, когда обнажался винт. Но мы выбрались и сразу попали в качели. Широкая волна накатывалась с севера. Мы шли возле самого берега, и лодку то поднимало так, что видны были цветочки на тундре, то опускало так, что ни черта не разглядеть кроме воды. Но все это казалось безобидным и совсем нестрашным. Какой страх, когда цветочки в тундре видны? Наконец берег стал загибать, в вдали показался мыс Кибера, отвесный скалистый обрубок. Встречная волна сразу стала бить в нос, брызгать и заливать лодку, но это было уж совсем безопасно, и мы подальше отошли от цветочков и зарослей метлицы на сухом берегу.

В сумятице и толчее обыденки мы мечтаем иногда, что вот бы плюнуть на все и уехать, уплыть, улететь к тихим берегам, к простой и разумной жизни, чтобы колоть дрова, топить печь, а в промежутках добывать себе хлеб с хорошим ружьем, верной собакой. В этой избяной простоте на ненаселенных землях, верим мы, придет сосредоточенность и единственно правильное понимание земной жизни. И всегда что-то находится, что мешает добраться до, обетованных краев.

Мне так и не удалось установить, кто же назвал остров именем Шалаурова. Чукчам остров был известен давно. Кстати, они рассказывали Федору Врангелю, что первым на острове поселился онкилонский старшина Крехай, который бежал туда после битвы с чукчами, а потом ушел на остров, носящий ныне имя Федора Врангеля. Но об этом чуть ниже.

Остров Шалаурова вынырнул из-за берега, как живая мечта. Коричневый скалистый западный берег торчал из воды неприступной дня суеты стеной, вечернее солнце заливало его верхушку, и там белел гостеприимным тесом новый балок, а совсем наверху торчал одинокий маяк. Восточная сторона сбегала вниз зеленым лугом, и это было единственное место, где можно пристать.

Мы пристали к этому лугу и принялись разгружать лодку. Вначале нас было трое, потом появился гостеприимный пес, который вначале облизал Женю Максимова, потом нас по очереди, а за псом появился и одинокий радист Гешка Видмиденко, похожий в своей бороде на отощавшего от поста святителя.

До балка надо было подниматься наверх метров триста, и мы шли по этой тропе навьюченные рюкзаками и спальными мешками, а по боком носился ошалевший от изобилия людей пес, которого звали Боцман. Кроме Боцмана, из четвероногих на острове, как нам сообщили, были два зайца, видно попавших сюда по льду да так и оставшихся на лето. Женя Максимов все хотел нам их показать, но зайцы стеснялись незнакомых людей и шума и прятались в камнях.

С вершины острова хорошо было видно нашу дальнейшую дорогу: отсвечивающую краснотой впадину губы Нольде и синее марево равнинного берега, который тянется уже почти до мыса Биллингса. Этот отмелый берег был хуже всего на нашем пути, так как, если верить карте, метровая глубина начиналась километрах в двух от берега, и тянулось это мелководье километров на семьдесят, а то и больше. Беда, если на таком

участке застанет шторм на фанерной шлюпке.

Я сравнил его с мелями Нижне-Колымской низменности, где приходилось раньше бывать, и подумал, что мели всю жизнь преследовали Шалаурова и как-то не довелось ему плавать мимо красивых айсбергов, крутых мысов, которым можно давать имена родных, близких, начальства, а может, просто как подскажет совесть и вкус.

Наутро был ясный штилевой день, и надо бы плыть и плыть дальше, но неодолимая лень и неподвижность сковали нас В балке жарко горела печка, на печке шипела и брызгала маслом огромная семейная сковородка. Боцман дремотно поглядывал от порога — куда отсюда было уезжать, тем более что был предлог: Жене Максимову не нравился стук нашего мотора, и с утра он хотел его посмотреть.

В углу размещалась радиостанция. Гешка то и дело отрывался от печки, поглядывал на часы и выстукивал что-то в эфир.

— Все ледовики сегодня в воздухе. Погоду запрашивают, — объяснил он.

Гудела печка, дремотно басил умформер, и Гешкин ключ выстукивал четкую дробь далеким самолетам ледовой разведки. В тех самолетах кожаными идолами сидели пилоты и гидрограф сидел с бланковками на коленях, а внизу был лед, лед и лед или разводья, которые с воздуха кажутся черными. Мы лежали на койках, разморенные теплом, усталостью и мамонтовой дозой колбасного фарша с макаронами. Я думал о многом другом, но вспоминал и пилотов и лед внизу, потому что такое забыть невозможно.

10

Осматривая лодку, Женя Максимов обнаружил, что мы где-то ухитрились обломить одну лопасть у винта. Ничего не оставалось делать, как отпилить симметричную лопасть, чтобы винт не бил. К вечеру погода стала нехороша, да и мотор лежал в керосине, разобранный на сложные части, и собрать их воедино удалось только к вечеру на другой день.

Мы не сетовали на эту задержку, так как плыть с исправным мотором, в надежность которого веришь, как-то спокойнее. Оба мы ни черта в моторах не понимали, а до ближайших людей, которые с тем мотором смогут помочь, оставалось сто пятьдесят километров.

Но пришел день, и надо было все-таки плыть. Все жители острова вышли нас проводить на берег, даже зайцы выглянули из-за камней. Боцман было погнался за ними, но как-то лениво, вроде бы для порядка, и зайцы тоже попрыгали по камням, тоже лениво; видно было, что Боцману и зайцам эта игра давно уже и изрядно надоела.

Когда мы спускались по зеленому склону, я увидел неожиданно четыре железных креста, на каждом кресте имелась бронзовая табличка, привинченная болтами. На тех табличках тщательным шрифтом выгравированы были надписи, и из тех надписей легко понималось, кто умер, какого числа и по какой причине. Все кресты остались от тяжелой зимовки парохода «Ставрополь», который в давние годы делал первые рейсы из Владивостока на Колыму. Пока мы озирали сей грустный пейзаж с крестами, спутник мой заметил на склоне какие-то странные бугры. Мы сложили тюки на землю и, любопытствуя, пошли к тем буграм. В провалившихся их верхушках держалась вода, а в воде виднелись стойки из дерева и китовых костей.

Это был след людей, которые жили здесь задолго до того, как вообще изобрели пароходы, а может, и до парусов. Следы таких жилищ встречаются на побережье Чукотки. Копалось оно в земле, крепилось стойками из китовых костей, а сверху обкладывалось дерном. Но встречаются они только там, где имеется хороший морской обзор, вроде этого склона. Значит, сотни или тысячи лет назад жили в них морские охотники, которые били кита на еду и на стройматериалы. И с давних времен ходят слухи, что жили здесь не чукчи, не эскимосы, а другой народ, народ морских зверобоев, по непонятным причинам покинувший чукотские берега. По видимому, это были легендарные онкилоны. Федору Врангелю рассказывали о людях, приходящих с севера, и эти рассказы послужили толчком к открытию острова, названного позднее его именем.

Хорошо бы было эти развалины покопать, чтобы узнать, чем жили онкилоны, какое имели оружие, утварь. Но порядок насчет раскопок ныне стал строг, да и нам надо было плыть, ибо зарплата шла отнюдь не за археологические изыскания.

Кстати об онкилонах. Слово это, несомненно, чукотского происхождения, ибо по-чукотски «анкалин» означает «прибрежный житель». Но легенды о племени морских охотников, отличном от чукчей и эскимосов, очень живучи. Самые западные их землянки расположены на Медвежьих островах. И идут они до крайних пределов Чукотки.

Есть предание о том, как на мыс Якди (мыс Биллингса) заходили с моря неведомые люди. Между собой они говорили на

незнакомом чукчам языке, сменив изодранную во льдах обувь, незнакомцы снова ушли на север во льды.

На острове Врангеля у мыса Фомы обнаружены были остатки древнего жилища и предметы домашнего обихода охотника. По словам живущих на Врангеле Эрсимосов, это жилье очень похоже на распространенный тип онкилонских землянок. Кто знает, какие еще этнографические загадки хранит в себе чукотская тундра.

11

Прибрежное плавание называется так потому, что человек находится при береге, в непосредственной близости от него, очевидно, затем, чтобы спасаться на привычной твердой земле от морской стихии.

Мы прошли последние обрывы мыса Кибера, и остров Шалаурова как-то сразу стушевался, слился с морем, и только маяк на его вершине торчал остроконечным пупком и виделся еще очень долго. Берег загибал к губе Ноль де. Приближение ее чувствовалось по цвету воды и запаху гниющих водорослей. Я пересел на нос лодки и положил заряженную двустволку рядом с собой. Я жаждал увидеть тысячные стаи морских уток и стаи гусей, которые собирались сейчас на морском побережье; чтобы потом уйти на тундровые озера к бруснике, шикше и разным питательным травкам и корешкам. В это время они любят собираться в закрытых морских заливах.

Но ни уток, ни гусей не было. В Певеке нам говорили, что вход в губу почти закрыт отмелями. Так было по карте, и так оказалось на самом деле. Мы сделали пункт измерения перед губой на песчаном берегу, а следующий уже был за губой на песчаном же острове, до которого мы долго брели по песчаному дну, подняв голенища высоких резиновых сапог. На островке этом не было видно даже птичьих следов, и вообще казалось, что мы попали в какое-то мертвое царство. Даже вода здесь не текла, не шумела, не плескалась, а мертво стояла. Впереди виднелся низкий желтый берег полуострова Аачим, позади синели скалы мыса Кибера, а на юге, на том месте, где находилась губа, не было ничего. Там была просто пустота, и я дико подумал, что, может быть, там просто дырка.

Следующий пункт был запланирован на северной точке полуострова Аачим. Но чуть западнее на карте коричневели небольшие обрывы, и я подумал, что, может быть, у обрывов берег

более приглуб и удобнее будет пристать. Мы снова долго брели к лодке и взяли наконец курс подальше, чтобы, не дай бог, еще раз не зацепить винтом о грунт и не обломить еще одну лопасть. Вначале шел все тот же низкий илистый берег, потом берег стал повыше, и вскоре начались обрывы — невысокая песчаная гряда, а перед ней ровный, идеально зализанный пляж. Такой пляж я видел только в 1959 году, когда мы на фанерной лодке плавали вдоль берега Чаунской губы на остров Айон.

Перед такими обрывами всегда бывает скрытый водой бар, о который разбиваются волны. В шторм его отлично видно, а при штиле заметить трудно. Наконец мы выбрали, как нам казалось, подходящее место и пошли прямо к берегу. Метрах в двадцати от берега лодка зацепилась килем о дно, но Женя успел заглушить мотор. Мы сошли в воду и протолкнули лодку вперед, что заняло минут пятнадцать. Пока мы пропихивали ее через мелководье, с северо-востока подул легкий ветер, а пока мы вынимали аппаратуру, устанавливали ее и проводили замеры, записывали, — ветер стал сильнее.

Впереди оставалось семьдесят километров того самого отчаянного мелководья, где, не дай бог, застигнет шторм, и мы принялись гадать, разыграется ветер или просто это случайный порыв. Пока мы гадали, ветер становился сильнее, сильнее, начало как-то быстро темнеть. Песчаный бар теперь четко вырисовывался полосой белой пены, и начиналась не то ночь, не то сумрачный какой-то вечер, и не оставалось ничего, как вытащить палатку, чтобы не рисковать.

Памятуя уроки, мы выбрали для палатки удобное место на верху обрыва в песчаной ложбинке. Рядом была глубокая лужа пресной воды, из которой вполне можно было набирать воду на чай. Мы поставили палатку тыльной стороной к ветру, потом вытащили лодку на берег и набрали по охапке плавника. Затем принесли еще по охапке, разожгли костер, повесили чайник и только тогда осмотрелись с песчаного бугорка, закрывавшего палатку от ветра. Осмотревшись же, присвистнули. Насколько хватал глаз, на юг уходили невысокие, одинаковые, как и положено им быть, дюны, поросшие на верхушках редкой метлицей Мы прошли дальше и с любого песчаного бугра видели такие же бугры, из которых были повыше и пониже, а если пройти к тому, что повыше, то дальше нескончаемо опять шли невысокие дюны, и ноги вязли в песке, как будто мы попали на аравийское побережье.

…Это было первым предостережением осенних штормов. Восемь дней северо-восточный, ветер свирепствовал над песчаным полуостровом Аачим и нес с собой холод и колючий снег. До мыса Биллингса оставалось сто тридцать километров, а если считать обратно, то еще триста; мы восьмой день лежали в палатке, и на зубах был песок, и в чайнике песок, казалось, даже в консервные банки забрался песок. Ветер свистел между мелкой паутиной дюн и перекатывал заячьи катышки. Заячьих катышков здесь имелось великое множество, но зайцев не было, и неизвестно даже, зачем они приходили сюда. Неужели грызть жесткие, как проволока, обшарпанные ветрами стебли метлицы? Кое-где на склонах бугорков росли кустарники полярной ивы, вернее, не росли, а выглядывали из песка, и их не было бы даже заметно, если бы не листья, которые уже покраснели, как всегда краснеет осенью чукотский ивняк.

В один из дней мы сходили к губе Нольде и поняли, почему оттуда не летели стаи уток. Губа была мертвым, отравленным сероводородом пространством. В таких местах могут жить только чайки, и они здесь жили, но не колониями, как в других местах, а попарно, на каждом соленом прибрежном озерце по семейству; белоснежные отец и мать и серые, с жемчужным отливом пера птенцы. На мать с отцом они походили только своими клювами, желтыми и громадными, как у гарпий. В этих клювах мне всегда чудится какая-то механическая жестокость, и потому я не люблю чаек мартын, как ненавидят их все речные рыбаки и охотники.

Воистину туба Нольде была гиблым местом, и просто не верилось, что в нее падает благодатная река Пегтымель с быстрой прозрачной водой, где водятся хариусы, где в кустарниках кишмя кишат зайцы, на холмах маячат олени, а на береговом обрыве в среднем течении находятся знаменитые, ибо пока единственное, петроглифы, рисунки на камне, и на тех рисунках найдешь все, что знаешь на Чукотке: оленя, кита, нерпу, и бег людей по тундре, и женщин в меховых керкерах, и пацанов, которых матери тащат за пришитую к затылку комбинезона петельку, и яранги. Неизвестно, когда чукчи их рисовали. Может, двести, а может, две тысячи лет назад, но рисунки эти никак не забыть, и они понятны, если любишь Чукотку.

13

В лекционном турне после возвращения из легендарного дрейфа Нансен прочел перед студентами одного из

университетов лекцию, которая называлась «О чем мы не пишем в своих книгах». Это была лекция о взаимоотношениях людей, закинутых в непривычные обстоятельства. Нансен рассказал, что во время жуткой зимовки на необитаемой земле Франца Иосифа, в самодельной хижине из льда и моржовых шкур, они со своим спутником, лейтенантом Иогансеном, говорили только на «вы» и обращались друг к другу только официально. Нансен — пример мужества для каждого человека, и я много думал, почему у них было так. Может быть, сугубая официальность обстановки просто не позволяла распускаться, вроде того как не положено ходить на работу небритым, в домашних штанах.

Я рассказал о лекции Нансена Жене, и он тоже начал думать над ней. Десятые сутки мы лежали в палатке, и нечем было заняться, разве что пересыпать песок из ладошки в ладошку или курить. И эти дни у, нас остались в памяти на долгие годы. Мы рассказывали о себе друг другу все; что можно рассказать друг другу, но нельзя рассказать другим Потом с моим спутником многое что случилось, мы жили в одном маленьком городе, где каждый о каждом знает почти все, но я ни разу не слышал, чтобы он хоть кому-нибудь рассказал о сокровенных беседах тех долгих ночей в палатке, когда спать мы уже не могли.

Я это говорю к тому, что Нансен, который в то время жил на пределе условий человеческого существования, все таки, на мой взгляд, не говорил всего в своей лекции, хотя по названию и смыслу она должна была быть откровенной.

14

На одиннадцатый день посыпал снег. Он сыпал сухой колючей крупкой и мигом скопился в ложбинах между буграми и у корней метлицы. Температура понижалась, как будто в мире включили холодильник мгновенного действия и работал он на всю нагрузку. Ветер стих, но волны все так же разбивались о бар, и над этой полосой — видно, она служила маршрутом — тянулись на восток стаи уток, точнее, одна вытянутая в живую нить бесконечная стая.

Мы уже не могли лежать в спальных мешках и сидели у костра, наблюдая птичий пролет.

Пришла ночь. Ночью стало совсем тихо и холодно, от костра вокруг стояла адова темень, и только вверху можно было различить в облаках редкие, зеленоватые какие-то просветы. На востоке равномерно вспыхивал красный маяк на верхушке

полуострова. Он вспыхивал с неумолимой методичностью.

— Этот маяк меня психом сделает, — сказал Женя. — Знаешь, в прошлую ночь я смотрел на него и загадывал: рот сейчас не мигнет. А он мигает. Хоть волком вой — все равно мигает.

Мы вспомнили уютную теплоту балка на острове Шалаурова, гудящую железную печку, и ту самую сковородку, рассчитанную на большую семью. Ребята, наверное, давно уже запрашивают станцию мыса Биллингса, пришли ли мы, а мы сидим в двадцати километрах от них, и рации у нас — сообщить, чтобы не беспокоились, нет. А может, они думают, что давно наша лодка лежит разбитая на километровых отмелях среди взбаламученной воды, а мы бродим по тундре, ищем выхода. Потому что если даже выйти на берег между губой Нольде и мысом Шалаурова Изба, то никуда с этого берега не уйдешь и будешь ходить отрезанный от мира горами, реками, а через реки те можно переправиться, если только уйти на юг километров на сто, а может, сто пятьдесят.

К утру стало совсем морозно. Вода в питьевой луже покрылась льдом, и мы поняли, что пришел долгожданный штиль, надо плыть, только бы переправиться через бар, на котором волны будут шуметь еще сутки.

Начало светать, и стало видно дюны и обрыв, и белую полосу пены в море.

Мы собрали палатку и снесли все вниз, к лодке. Лодку засосало песком. Пока мы искали подходящие рычаги среди плавника, раскачивали лодку, отводили ее поглубже, стало совсем светло и вроде бы еще холоднее. Колючий снег сыпался и сыпался сверху, и при одном взгляде на черную взбаламученную воду, в которую падал снег, кидало в дрожь.

Наконец мы сделали измерения возле тура, который выстроили из дерна в эти дни с великой тщательностью, чтобы легче его найти зимой, погрузили гравиметры и стали шестами выталкивать лодку к бару. Мотор мы решили завести уже в море, когда выберемся из мелководья.

Издали волна на баре казалась небольшой, но вблизи она была очень крутой, а главное, чертовски сильной. Не успела лодка ткнуться в дно, как ее ударило в скулу, развернуло, и мы с трудом удержали ее, чтобы совсем не поставило боком. Следующая волна, однако, приподняла, стукнула снова о дно, и я еще успел спрыгнуть в воду, чтобы удержать лодку. Вода плеснула и сразу вымочила меня до пояса. Женя спрыгнул следом, и его окатило уже с макушки. Пришлось возвращаться на берег и разводить костер, так как плыть мокрыми в этом адовом

холоде совсем уж безумие.

Снег лежал на берегу; Из-за него обжитый за двенадцать дней берег казался чужим. Мы кое-как просушили портянки и сапоги. Меховую одежду у костра сушить нельзя, мы просто вывернули ее и повесили на колышках, чтобы ее обдуло Ветром. Долго мы сидели у костра в белье.

Чертовски плохо бывает в такие минуты. Невесело думать, что все это глупость и в двадцатом-то веке для работы надо использовать мощь авиационных моторов и прочие удобства цивилизации, а не сидеть скрючившись на диком берегу в грязном белье. Но и эти мысли были привычны, и привычно было известно, что все вскоре забудется, а сама дорога, работа не забудутся никогда, не то что гремящие вертолетные рейсы, похожие друг на друга своей спешкой, как будние дни. Такие были мысли, пока мы сушились.

В следующий заход нас снова залило, но не очень, и мы все-таки вытолкнулись в море. Пологие валы взяли лодку на спины.

Мотор не желал заводиться. Мы пинали его по очереди и оба вместе, меняли свечу, проверяли искру И вливали чистого бензинчика в цилиндр. Он был мертв и холоден, как бессмысленный кусок железа.

Через нескончаемые часы мы обессилено уселись на дно лодки и стали думать. Ничего не оставалось, как снова выйти на берег и у костра подумать, попробовать завести мотор на берегу, где не мотает лодку и можно проверить все не спеша.

Вернулись. Привычно разожгли костер и погрели воды в чайнике. Мотор заработал. Снова надо было выталкиваться через бар и снова.

Был уже вечер, почти ночь, когда наконец мы были на вольной волне, и мотор застучал, и лодка пошла. После каждой высадки мы проводили с каждым гравиметром новое наблюдение, чтобы этот рейс для приборов был как можно короче по времени. Я посмотрел в журнал наблюдений, где записывалось точное время. От утреннего измерения до вечернего прошло четырнадцать часов.

Плыть в темноте опасно, но лучше уж плыть ночью, чем наутро начинать всю эту канитель.

Была ночь. Мы скреблись где-то километрах в трех от берега и изредка мерили шестом глубину. Глубина надежно держалась на полутора метрах, и я все удивлялся, как мы в темноте угадываем направление. Ни библейских путеводных звезд не было видно на небе, ни маяков.

Где-то к полуночи море утихло почти совсем, облака разорвались, выскочила зеленая луна, и берег стал намечаться

справа черной полоской. Мы сидели скрючившись на обледенелом дне и втихомолку проклинали судьбу, работу, моря и человечество. Потом стало совсем холодно и наступил анабиоз, когда можно терпеть, если не шевелиться совсем, ибо каждое движение давало холод и боль.

Наступил рассвет, и глинистый берег вырисовывался четче. Показались небольшие обрывчики, и мы сориентировались. До мыса Шалаурова Изба оставалось двадцать километров, и можно было продолжать измерения. На приборных термометрах температура стала минус один градус — значит, ночью она держалась никак не меньше трех и вода была тяжелой, будто из тяжкого, липкого сплава.

Наконец из-за морской глади выползло громадное, до невероятия темно красное солнце и повисло расплющенным блином. Впереди показалась сопка, и мы возликовали — это был мыс Шалаурова Изба, за которым начинался нормальный каменистый берег. Оставалось помечтать, чтобы у мыса жил какой-нибудь охотник, добрый человек с чайником и железной печкой, которую можно раскалить докрасна.

А чтобы дотерпеть, мы пристали к берегу, ибо давно следовало пристать, чтобы сделать работу, ради которой плывем, и наскоро вскипятили чай, согрели закоченевшие в мокрой резине ноги. После чая стало совсем хорошо, вдобавок поднялось солнце, и вообще все кругом стало походить на жилую планету.

Когда мы отогрелись, к нам вернулись обычные человеческие эмоции, и я с волнением стал думать о том, что сейчас увижу место гибели путешественника, о котором думал многие годы И в память которого задумано было это прибрежное плавание, хотя, конечно, и для науки оно не служило помехой. Но все же. Мы быстро погрузились и завели мотор. И все-таки хорошо было бы встретить у мыса избушку охотника, потому что ночью у нас вышел весь табак, отчего ночные мучения казались еще горше.

Точно в давней сказке о заблудившемся и озябшем путнике, из-за поворота берега вынырнула избушка. Избушка стояла на сухом, усыпанном дресвой берегу, на крыше торчала труба, а из трубы шел дым. Берег здесь образовывал уютную гавань, и было видно, что приглубая вода идет до самого берега, и вода была голубой, прозрачной и чистой — настоящая морская вода.

Мы наскоро глянули на мыс, ахнули, но все-таки удержались и свернули вначале к избушке.

Лодку вытаскивать мы не стали, просто закрепили якорь на берегу. Никто не вышел навстречу, но дверь не была заперта палочкой, как обычно делают охотники уходя, и дым шел из трубы. Мы открыли дверь и увидели на нарах деда, эдакого

чукотского старикана с седой бородкой и лысиной…

— Мильхмыль варкен? — спросил дед вместо приветствия.

Я протянул ему коробку. Старик нагнулся, вытащил из под нар кожаный мешок и извлек из мешка пучок табачных стеблей, спрессованных вместе с корнями и листьями. Он положил пук на стол и начал старательно крошить его охотничьим ножом.

Из-за перегородки выплыла застенчивая девица лет двадцати, застенчиво поздоровалась с нами, взяла спички; потрясла коробок и положила обратно на стол. Потом взяла чайник и вышла на улицу. Старик все крошил и крошил табак. Мы жестом спросили разрешения и извлекли свои трубки. Старик не ответил, сунул руку за ворот кухдянки и извлек оттуда монументальное произведение чукотских трубкоделов. Раскурил, окутался, как вулкан, клубами дыма и с наслаждением начал кашлять. Покашляв, он ткнул в нас мундштуком:

— Табак уййа?

Мы горестно покачали головой. Старик тоже горестно ухнул и начал крошить свою кипу прессованного табачища, но накрошенное пододвигал нам, пока я не набил свой кисет до отказа, а Женя не наполнил ситцевый мешочек, предназначенный для геологических проб. После этого старик сунул руку внутрь табачного склада; извлек из недр его пачку махорки и положил ее сверху как бесценный дар.

Женя смотался к лодке и вытряхнул перед стариком наш мешок с чаем и спичками. До мыса Биллингса мы рассчитывали добраться сегодня, а там есть магазин.

Чайник тем временем закипел, мы высыпали в него целую пачку заварки, и в избушке, смешиваясь с запахом табака, звериного жира и рыбы, поплыли ароматы благословенной Грузии.

Старик выпил две чашки, благоговейно набил трубку махоркой № 2 средней крепости бийского производства и закурил снова, теперь уже не для порочных привычек, а для полного счастья. Но это было еще не все; Он снова выпил две чашки, засунул руку в мешок и извлек пачку «Беломора», он бережно дал по папироске нам, а одну взял себе, и в синеватом дымке «Беломора» наступило наивысшее блаженство. Мы чувствовали себя морскими чукотскими братьями, членами одного клана, клана живущих вдоль морских берегов.

Старик рассказал нам, что спички у него кончились давно, и показал свежеизготовленную снасть для добывания огня: лучковую дрель и дощечку с ямочкой. Лодки у него не было, а пешком до Биллингса летом можно было добраться только в обход лагун и речных долин.

Пока мы с грехом пополам, мешая русский с чукотским, вели эти беседы, на печке снова закипела кастрюля, и по избушке снова пошел аромат, на сей раз запах вареного гольца, благостной рыбы чукотских рек. Мясо гольца было нежно розовым и таяло во рту, как мороженое в жаркий день. Мы ели нагульную осеннюю рыбу, пили чай и курили трубки, и мир был прекрасен. Что и говорить, ради этого терпишь страхи и холод прибрежного плавания, ибо грохочущие техникой рейсы ничего не оставляют после себя, кроме головной боли и привкуса бензина во рту.

Наконец старик занялся библейской работой — чинить разостланные на гальке сети. Он ползал по этим сетям и часто усаживался покурить. А мы отправились к мысу, потому что один раз уже ахнули при виде его, но мудро решили не портить впечатления спешкой.

Удивителен был не мыс — он был невысок — а то, что на нем стояли и смотрели на нас носатые каменные люди. В тот год почему-то много писали об острове Пасхи, и эти каменные фигуры наверняка были точно взяты оттуда и неведомой транспортировкой перекинуты на чукотский берег. Вблизи это впечатление еще более усиливалось. Мы забыли про лодку, про мотор и защелкали фотоаппаратами. За мысом была ровная, усыпанная дресвой площадка Я увидел ее и свято уверовал, что шалауровекая изба, последняя изба несчастного мореплавателя, находилась здесь и только здесь.

Чуть поодаль поднималась невысокая сопка, тоже уставленная кекурами. Мы сходили на нее, но кекуры были здесь уже не те, просто каменные столбы. Сверху я еще раз посмотрел и подумал, где бы я выбрал место для избы, если бы мое судно разбилось здесь. И получалось, что я выбрал бы место именно на той площадке. Мыс закрывал ее от западных ветров, а с востока немного прикрывала эта сопка, и было тут ровно и сухо, а сбоку впадал, небольшой ручеек для воды. Я хотел выяснить у старика, почему он поставил свою избу с другой стороны, на худшем месте, не сыграло ли тут роль то, что чукчи никогда не ставят жилищ на том месте, где умерли люди. Но обоюдного знания языков нам явно не хватало. Женя высказал предположение, что, может быть, эту удобную площадку затопляет во время больших штормов. Но на площадке рос ягель, а он, как известно, растет медленно, многие десятки лет, и потому это предположение было явно несостоятельным. Желтая дресва и ягель на площадке выглядели слишком мирно, и как-то не верилось, что славный мореплаватель и спутники его погибли здесь.

История гибели экспедиции Шалаурова не так проста, как может показаться на первый взгляд.

Экспедиция исчезла в 1764 году. Первым официальным документом является рапорт капитана Пересыпкина командиру Охотского порта. Пересыпкин сообщал в рапорте, что старшина Петунии донес ему слышанное от чукчей известие, что летом 1765 года к северо-востоку от устья реки Чаун, при устье реки Веркон, они нашли сделанную из холста палатку. «Остановясь, хотели знать, какие из оной люди выйдут, а как де по немалому времени никого усмотреть не смогли, то де и принуждены были в тою палатку стрелять, чтобы тех к выходу встревожить, но и потом де никто не выходил; тогда де подошел, увидели в оной мертвые человеческие тела, коих было сорок человек в суконной и холщовой одежде, и при бедрах по большому укожу, а при то де имелось и до шестидесяти ружей, а также несколько в лядунках пороху и свинцу, копей троегранных сорок то ж, немало было топоров, куб большой медный, да вверху той же реки Веркуни найдены копаные ямы, в кои кладены были мертвые человеческие же тела.»

Таково описание полярной трагедии. Донесение было послано в 1766 году, то есть через два года после гибели экспедиции Шалаурова.

Отметим, что в донесении упоминается «сделанная из холста» палатка, в которую чукчи стреляли стрелами (с костяными наконечниками), чтобы понудить людей выйти. Палатка была в устье реки Веркон (Пегтымель), и вверх по реке имелись еще могилы.

Шестьдесят лет спустя в этом районе работала экспедиция гидрографа Федора Врангеля. Участник экспедиции Мичман Матюшкин обнаружил в двадцати километрах восточнее устья реки Пегтымель на небольшом мысе деревянную избу. Вокруг избы валялись разбросанные лядунки, был найден деревянный, обросший мохом патронташ. Изба была забита снегом и льдом; хотя сама она хорошо сохранилась. Позднее здесь побывал и сам Федор Врангель.

Он писал: «все обстоятельства заставляют предположить, что именно здесь нашел смерть смелый Шалауров, единственный мореплаватель, посещавший в означенное время сию часть Ледовитого моря. Кажется, не подлежит сомнению, что Шалауров, обогнув Шелагский мыс, потерпел кораблекрушение у пустынных берегов, где ужасная кончина прекратила жизнь его, полную неутомимой деятельности и редкой предприимчивости».

Мыс был назван мысом Шалаурова Изба, в память погибших сделан ружейный салют, и с тех пор считается, что Шалауров погиб именно здесь.

Отметим, что в отличие от донесения капитана Пересыпкина речь идет не о палатке, которую можно пробить костяными стрелами, а об избе, хорошо сохранившейся и шестьдесят лет спустя и, по мнению Врангеля, которая строилась как постоянное жилище. Мичман Матюшкин и Федор Врангель были единственными путешественниками, видевшими избу своими глазами.

Между 1764 годом и экспедицией Врангеля в 1823 году единственным путешественником, побывавшим поблизости, был капитан Биллингс, который на оленях проезжал зимой 1790 года от бухты Святого Лаврентия к Нижне-Колымску, то есть он проезжал меньше чем тридцать лет спустя после исчезновения экспедиции купца Никиты Шалаурова.

Капитан Биллингс вел дневник. Вел дневник и его секретарь Мартин Соур. День заднем капитан Биллингс описывал пройденные чукотские реки, мелкие события кочевой жизни. Маршрут его можно проследить без труда, так как названия рек того времени не особенно отличались от принятых на современных картах. Он пересек большую реку Кувет — приток Пегтымеля Веркона, пересек и сам Пегтымель; вышел в долину Паляваама и через нее перебрался в долину Чауна. И здесь он услышал от чукчей, что за несколько лет перед ним в долине реки Еловки (?) чаунские чукчи «нашли зимой палатку, покрытую парусами, и в ней много человеческих трупов. Тут же в палатке найдены были образа, котлы медные и железные со многими другими вещами, что все чукчи разделили между собой».

Река Еловка, по сведениям Биллингса, «впадает в Чаунскую губу, и устье ее, по показаниям чукчей, лежит от сего места (от места пересечения им Чауна. — О. К.) на СЗ 50° во 140 верстах».

Судя по этим данным, то могла быть только одна из трех рек, впадающих в Чаунскую губу к западу от реки Чаун: Ольвёгыргываам, Лелювеем или крохотная речка Кремянка.

Так возникает третье место гибели экспедиции Шалаурова. Река Пегтымель Веркон находится далеко на восток от Чаунской губы, мыс Шалаурова Изба — еще восточнее.

Но самое интересное, пожалуй, заключается в том, что купец Шалауров и бывшие с ним Никифор, Спиридон — всего более двадцати имен — записаны в поминальную книгу Нижне-Колымской церкви в том же 1764 году. По правилам христианской церкви записывать живых или возможно живых людей в поминальную книгу нельзя. Значит в том же году в

Нижне-Колымске уже знали о гибели экспедиции, хотя и по имеющимся в нашем распоряжении сведениям чукчи обнаружили место гибели лишь год спустя, и два года спустя об этом стало известно начальству. Кто же мог сообщить о гибели? Возможно, кто-либо из уцелевших ее участников.

Так логично объясняется разнобой в сведениях Пересыпкина, Биллингса и Матюшкина с Врангелем.

Вероятнее всего, Шалауров потерпел крушение на отмелях реки Пегтымель и выбрался к мысу Шалаурова Изба, где выстроил избу из остатков судна. Но не мог же сей неистовый человек успокоиться, ждать гибели в наскоро выстроенном жилище, ибо знал, что помощь к нему прийти не может! Он выстроил избу на мысе, возможно, оставил там несколько особенно больных товарищей. Сам же с частью людей пошел на юго-запад, чтобы спасти уходящих и остающихся.

Первый палаточный лагерь был разбит на реке Пегтымель. И снова здесь осталась значительная часть ослабевших людей, с ними были копья, ружья и «большой медный куб». Остальные пошли дальше, оставляя вверх по реке могилы, обнаруженные позднее чукчами.

Эта партия ушла западнее Чауна, и там, в последнем палаточном лагере, найденном чукчами незадолго до капитана Биллингса, погибли остальные. По видимому, среди них был и Шалауров так как только он мог вести людей по «белому пятну» чукотской земли.

И возможно, кто-то добрался до Нижне-Колымска через. Анюйские перевалы. Помощи так и не было, так как Шалауров не ладил с колымским начальством еще в прошлые экспедиции.

16

Поздней осенью, когда мертвенно-синие пятна снега начинают копиться в ложбинах и кустах ивняка, трудно придумать что-либо более унылое, чем долины чукотских рек. Уходят стада оленей, улетают птицы, и даже зайцы откочевывают в могучие кустарники Паляваама, Чауна и Пегтымеля. Дождь вперемешку со снегом, идущий неделями, выматывает силы, и нет от него спасения даже в очень хорошей палатке. Грязно желтая, раскисшая тундра лежит в холодном тумане, и кричит где-либо на озере забытый больной журавль. В это время из тундры спешат в поселки зоотехники, геологи, разный бродячий люд, чтобы вернуться сюда, если надо, уже по нартовой зимней

дороге. К концу октября выпадает снег и лежит мягким пугалом, пока не станут морозы. Если Шалауров добрался до Ольвегыргываама, Лелювеема или Кремянки, то как раз к гиблому времени, промежуточному между летней и зимней дорогами.

Что же было в итоге? В итоге шалауровской жизни?

Если откинуть рассуждения о пути из купца в исследователи, который вместо торговли занимался описанием берегов и морских течений, то останется карта побережья от Лены до мыса Шелагского, составленная «с геодезической верностью, делающей немалую честь сочинителю», как выразился Федор Врангель — один из образованнейших гидрографов своего времени.

Врангель мог его оценить, так как сам провел труднейшую экспедицию в тех же местах, и он был, собственно, первым после Шалаурова исследователем, ибо капитан Биллингс, апатичный человек, тут не в счет, и мало бы кто знал о Биллингсе, если бы не его подчиненный, мичман, а позднее адмирал русского флота Гаврила Сарычев.

Но именем Биллингса, назван один из крупнейших мысов Чукотки. Имя же Шалаурова, как я уже писал, можно найти только на очень, подробных картах: островок, место на гладком Колымском побережье и небольшой мысок, где стоят истуканы наподобие истуканов острова Пасхи.

17

От мыса Шалаурова Изба мы одним махом доплыли до мыса Биллингса. Там были поселок, люди и конец маршрута, и мы стремились туда так, что не видели берегов кругом, а когда видели, то это были не берега, а окрестности точки наблюдения, которые полагалось зарисовывать в записную книжку.

Берег был галечный, невысокий, и сам мыс Биллингса вырисовывался впереди вытянутой на север полосой гальки. И на этой серой гальке торчали белые кубики домов, которых казалось много, как в настоящем городе.

Поселок Биллингс стоял на косе, открытой морским ветрам, и было известно, что у берега здесь даже в штилевую погоду бьет океанский накат.

Из крайнего домика выглянул человек, вышел на крыльцо и начал внимательно разглядывать лодку, а разглядев, пошел по берегу вслед за ней. Мы плыли вдоль берега, вдоль домов, выбирая место для высадки, потому что накат действительно был,

из домов выходили люди и шли следом. Так мы и двигались параллельно-толпа на берегу, которая нарастала как снежный ком, и наша обшарпанная лодка. Толпа остановилась, и мы поняли, что место высадки здесь.

Мы приглушили мотор, так что он работал еле-еле, и Женя кинул с носу веревку. Ее взяли люди, волна подняла лодку, и через мгновение мы стояли на сухом берегу, а следующий вал набежал, но еле достал до винта.

Люди окружили нас и разглядывали с молчаливым любопытством. Потом мы поняли причину этого любопытства: на памяти живущих с запада лодки сюда не ходили, а если и ходили, то это были байдары с мыса Шелагского, и сидели в них знакомые люди. Мы же были незнакомые, а лодка наша была не байдарой, не шлюпкой, не вельботом, а черт те чем, крайне подозрительным. Краем глаза я заметил, что карабин наш и обе двустволки как-то незаметно очутились в стороне, около них стоял солидный человек в телогрейке, и тут я понял и полез за вырез кухлянки, извлек резиновый мешочек, а в нем завернутые в целлофан бумаги с печатями и грифом «АН СССР». И все встало на свои места. Оно еще более встало, когда прибежал татарского облика смуглый мужчина, Петр Тарасович Свидерский, начальник полярки, и чертыхнулся: «Радиограммами завалили из Певека, и с Валькаркая, и с Шалаурова».

Человек, охранявший оружие, оказался заведующим торгово-заготовительным пунктом, надо бывать в этих местах, чтобы понять все величие такой должности.

Еще через полчаса мы сидели на полярке у печки в одном белье грелись и беседовали о морях и прибрежных плаваниях. И главным рассказчиком вскоре стал начальник полярки, потому что это был тот самый знаменитый Свидерский, который основывал полярку на острове Айон и поработал за тридцать лет службы если не на всех, то на «большей половине» советских полярок, живая история, освоения Арктики за последние тридцать лет.

Как-то не верилось, что это тот самый знаменитый мыс Биллингса, где проходил злополучный капитан Биллингс, откуда Федор Врангель вглядывался на север, стараясь увидеть остров, предсказанный им. Остров открыл недолгое время спустя китобой Томас Лонг. Честный тот китобой назвал остров именем Врангеля, и история отплатила честному китобою тем, что пролив, отделяющий остров от материка, был назван проливом Лонга.

18

Ночью мне снился остров Врангеля. Снилось, что мы плывем туда на шлюпке к знакомому мысу Блоссом, к знакомой бухте Сомнительной, к знакомым по поездкам на собачьих нартах берегам. И я в который раз вспомнил слова Кнута Расмуссена: «Я счастлив, что родился в то время, когда санные экспедиции на собаках еще не отжили свой век».

Если мне не изменяет память, Кнут Расмуссен написал эти слова в 1927 году, когда совершил на собаках путешествие длиной в несколько лет и восемнадцать тысяч километров. Он начал его в Гренландии и закончил на мысе Дежнева, объехав таким образом все известные в мире центры эскимосской консолидации, ибо Расмуссен был этнограф и знаток эскимосской культуры…

В 1963 году нам тоже повезло, ибо санные путешествия на собаках еще не отжили свой век, и мы объехали с каюрами Куно Ульвелькотоми Кантухманом побережье ост роба в мартовские и апрельские дни, когда зима ушла, но весны еще нет и нет лучшего времени для санной дороги.

19

Но пришел тот день, когда весь наш маршрут от Певека к мысу Шелагскому, от Шелагского к губе Нольде и от губы Нольде к мысу Биллингса нам надо было проделать в обратном порядке. К этому имелись две причины. Во первых, срок, указанный в техзадании на экспедицию, подходил к концу, а если нам не плыть на лодке, то выбраться мы могли уже только зимой, когда самолеты Ан-2 перейдут с колес на лыжи и будут изредка заглядывать на мыс Биллингса. Во вторых, нам хотелось обратным контрольным ходом проверить свои измерения, а на тех точках, куда мы собирались залететь самолетом, выложить хорошие туры, чтобы потом не мотаться над тундрой, разыскивая их.

Стоял холодный сентябрь, но настоящие тяжелые сентябрьские штормы были еще впереди, и потому мы торопились.

Четвертого сентября все сошлось. Синоптики дали отличный прогноз на завтра, а вечер был почти морозным и очень ясным, что позволяло ждать на завтра хороший штиль…

Ночью мы спать не ложились, так как до чертиков отоспались

в предыдущие дни, в всю ночь травили баланду с ребятами со здешней полярки, которые не спали по долгу службы. Мы вспоминали истории про медведей, про встречи с ними, про рассказы, какие кто где слыхал, еще раз вспоминали найденных за эти дни общих, знакомых, что торчат сейчас в разных точках Союза, и вообще рассуждали про коловращение миров.

В пять утра стало немного светать. Накат у берега был очень сильным, и ветер дул, но, вернее всего, это был обычный утренний бриз, и мы перетаскивали груз к берегу, а в шесть утра с помощью вахтенных и кое-кого, кто просто уже встал, разбуженный нашей возней, столкнули лодку. Теперь у нас уже имелись весла, и мы немного отгреблись от берега и как-то сразу завели мотор. Мотор застучал, и белый пенный берег стал удаляться, и фигуры в куртках с поднятыми капюшонами — тоже.

День на самом деле установился холодный и очень ясный. А обратное плавание, начавшееся в этот холодный и ясный день, чем-то напоминало раздачу долгов. Мы подолгу застревали на точках, где по какой-либо причине спешили с измерениями раньше, и доделывали туры, которые не сделали по прямой дороге. Потом мы опять заплыли к гостеприимному старикану на мысе Шалаурова Изба и завезли ему обещанные спички и сахар, и папиросы. От старика с нами поплыл попутчик. Пастух возвращался из поселка к стаду, которое находилось восточнее губы Нольде, и ему удобнее было проплыть с нами, чем огибать тундровые реки пешком. И мы взяли его с собой как оплату долга перед теми пастухами, которые в прошлые годы нам тем или иным помогали, а такое бывало.

Но получилось так, что мы сами оказались перед этим пастухом в неоплатном долгу. Мы уже привыкли к своей лодке и плыли на ней, когда на море держалась приличная волна, но на этом проклятом мелководье, которое начиналось за мысом (не на этом ли мелководье потерпел крушение шадауровский корабль?), волна опять была очень круг той, как всегда бывает на мелководье. Именно здесь у нас отказала бензиновая помпа.

На этот раз у нас имелись бачок и трубочки бензопровода, где бензин бы шел самотеком. Но бачок не был заправлен, и Женя, пока набирал его из бочки с помощью резинового шланга и литровой консервной банки да еще пока качало на крутой мелководной волне, вдоволь ухитрился наглотаться этилированного бензина. По проспектам судя, дышать этим бензином и то нельзя, не то что глотать, потому что этилированный бензин — яд. Мотор работал, и лодка шла, а Женю тошнило все сильнее и сильнее, и временами он терял сознание.

Я начал было поворачивать лодку к мысу Биллингса, где есть врач, но Женя махал рукой на запад, и я понял, что он желает как можно быстрее добраться до острова Шалаурова, где есть рация и всегда можно вызвать санрейсом вертолет, а перед этим по радио получить консультацию у врача. Но пастух, темнокожий бог тундры в меховой одежде, сказал, что надо на берег. Мы ухитрились как-то пристать, и пастух мгновенно вскипятил чайник, немного всыпал заварки и заставил Женю глотать чай прямо из носика. Первый чайник он вытошнил, второй тоже, а от третьего отказался голосом достаточно ясным. Лицо у него все еще было интенсивно зеленого цвета, цвета майской травы — никогда я не видал такого зеленого человека ни до этого, ни после, — но он уже пришел в сознание и твердил, что ему совсем хорошо. Лишь потом, столкнувшись с медицинской наукой, я узнал, что пастух делал промывание желудка по самой стандартной методике.

Мы распрощались со спасителем пастухом и взяли курс к острову Шалаурова. Добрались к нему мы глубокой ночью, на собственном опыте ощутив полезные качества маяков. Откуда-то из-за мыса Кибера вылетел ночной разбойничий ветер, и лодку швыряло на рваной волне, и каскады воды летели к нам через борт. Дно лодки залило, там плавали вещи, но маяк на острове горел призывным огнем. Мы шли прямо на этот огонь, остров вырастал крутой скалистой стеной, и ни черта тут было не разобрать, не сыскать спасительную ложбинку; где можно было бы пристать. Мы боялись приближаться к стене, где нас разобьет, и не хотели уходить от острова ибо на нем были живые люди. С вершины взвилась и упала ракета, а через мгновение еще раз наклонно и еще, и мы поняли, что ребята услышали стук мотора и поняли, что мы заблудились. Ракетой они указывали место спасительной ложбины. Мы пошли туда, а ракеты все падали и падали, каждый раз они вылетали с другого участка склона, — видно, парни мчались вниз по той узкой тропинке и бросали ракеты.

…Была ночь, гудящая печка, огромная сковорода, был писк морзянки, ощущение всечеловеческой дружбы людей, впрочем, почему только людей? Ощущение единого братства живущих на земле заполняло нас, в этом братстве был пес Боцман, зайцы что спали сейчас где-то неподалеку в камнях, те олени, которых мы съели, те черви, которые нас когда-то съедят. На Червях под общий хохот я кончил свой пламенный тост. Гешка взялся за ключ, а Женя Максимов взялся за мой фотоаппарат марки «Контакс», который долгое время плавал на дне лодки, и в том фотоаппарате загублена была пленка с истуканами мыса

Шалаурова. Изба.

…Мы оставили остров, чтобы встретиться с парнями и Боцманом уже в Певеке, и взяли курс к избе Николая Якина, ибо обещали, что на обратной дороге заберем в интернат его сына, доставим его в Певек.

Все говорило о том, что мы вовремя уносим ноги из этих вод. Километровая полоса нагнанного ночным ветром льда стояла перед избушкой Якина. По глупости мы сунулись в разводья между льдинами.

Берег и обратный выход сразу исчезли. Осталось небо, источенные ветром и водами бока льдин, которые шевелились, смыкались, расходились и скребли фанерные борта лодки. Дуракам везет, и мы через три часа выбрались на берег.

Якин и сын давно уже ждали нас. Но просидели в избушке еще два дня, выжидая, когда отгонит лед. Его отогнало, и мы без всяких приключений доплыли уже втроем до полярной станции Валькаркай, где нас тоже ждали, посмеиваясь над любителями прибрежных вояжей. За триста метров до станции мотор взвыл и остановился. И так по сей год его не удалось завести. Фанерная лодка осталась на берегу, и на этом кончилось прибрежное плавание. По радио вызвали вездеход из Певека, он пришел в грохоте гусениц, в гари выхлопных газов и забрал нас, аппаратуру и сына охотника Якина, который опаздывал в школу.

20

Так закончилось прибрежное плавание, одно из нескольких, которые нам пришлось провести у побережья Чукотки на самодельных шлюпках, или байдарах, или вельботах владивостокского производства. Эти китобойные вельботы кажутся мне аристократами среди разномастного шлюпочного флота.

Каждый такой маршрут дает кусочек Чукотки, из кусочков выходит мозаика, но, естественно, никогда не получится так, что ты знаешь о стране все.

Пятидесятые и начало шестидесятых годов на Чукотке были, вероятно, последними годами экзотической геологии, ибо и в этой науке все большее место занимают трезвый расчет и возросшая материально техническая база.

Даже сейчас, спустя несколько лет всего, вряд ли разрешат проводить маршрут на байдаре или на собаках вокруг острова. Об этом уходящем времени, конечно, будут жалеть, как мы жалеем о

времени парусных кораблей иди как завидуем мы времени первопроходцев Чукотки.

Чукотка по сравнению с многими северными областями — очень обжитой и известный край. Летом сюда идет Наплыв журналистов. В каждом поселке их сидит по две или три штуки от столичных и прочих газет. Стандартное мнение требует, чтобы они разыскали ту самую последнюю ярангу или того старика, который закурит трубочку и скажет: «Ох хо, тяжело мы жили в то время». Перед Чукоткой стоит много проблем. И, мне кажется, одна из главных начинать беречь эту страну уже сейчас, пока не будет совсем поздно. Здесь есть еще моржовые лежбища, в воды ее заходят киты, чудесная птица — белый канадский гусь еще гнездится на острове Врангеля и в некоторых местах Чукотки. Еще много зайцев и куропаток, а темнолицые легконогие пастухи пасут тысячные стада оленей. Невозможно забыть Чукотку, если ты даже видел ее всего один раз. Она отнимает твое сердце и навсегда.

Острова Серых Гусей, коса Двух Пилотов, лагуна Валькакиманка — эти названия будут манить всегда, где бы ни был, потому что за ними стоит тундровая тишина, йодистый запах моря, нартовый путь и апрельский слепящий свет.

Два цвета земли между двух океанов Дорожные записки и размышления [6]

География по отношению к человеку
не что иное, как История в пространстве,
точно так же, как История является
Географией во времени.

Элизе Реклю «Человек и Земля»

Ретроспективный взгляд на вещи

В наш насыщенный информацией век трудно найти сколько-нибудь приличный участок суши, о котором не было бы написано с десяток книг. Поэтому каждый «географический» автор вынужден объяснять в предисловии, зачем он добавляет к написанным томам еще один, не претендуя, однако, на то, что именно его книга и даст окончательное и исчерпывающее описание предмета.

Я собираюсь писать о Чукотке. Об остроконечном клочке Азиатского континента, который, подобно мечу, рассекает два океана. О Чукотке, наверное, написано больше, чем о Рязани, но все-таки я буду писать о Чукотке, а не о Рязани. На это есть ряд причин.

В одной интересной книге описывается восторг, охвативший Васко Нуньес де Бальбоа, когда он смог видеть с одной из высот Панамского перешейка два земных океана. Не знаю, допускает ли география Панамы возможность наблюдать с одной точки два океана, но на Чукотке это можно. Более того, в районе Уэлена в принципе возможно увидеть два океана и два континента земли сразу.

На Чукотке много можно увидеть. Может быть, поэтому невольно «растекаешься мыслью по древу». Я работал здесь около десяти лет после окончания геологоразведочного института. Из увиденного запоминается, как правило, не экзотика, а обыденные вещи, которые в обыденности своей для каждой земли и составляют суть этой Земли.

Почему-то ощущение, что вот в данный момент ты

одновременно видишь два океана и два континента земли, не потрясает. Я не помню тот момент эмоционально, но я хорошо помню обжигающий морозный ветер с моря Бофорта, когда мы на маленьком самолёте полярной авиации сделали посадку на дрейфующие льды за 74-м градусом северной широты. Был вечер, от торосов шла черная тень, и громадное оранжевое солнце сплющивалось о землю на горизонте. Морозно щелкали растяжки у крыльев Ан-2, и скрип снега казался оглушительным, потому что здесь, в Ледовитом океане, стояла мертвая тишина.

Ежедневные рабочие маршруты в тундре помнятся плохо, но зато я великолепно помню одного знакомого гуся. Мы возвращались из маршрута и уселись отдохнуть, прислонив спины к рюкзакам, на берегу тундровой реки Паляваам, а гусь плыл по вечерней глади воды куда-то по своим делам. Он плыл нерешительно, как бы задумавшись, и вдруг резко повернул и быстро поплыл обратно, так что волны веером пошли.

Коса Двух Пилотов, острова Серых Гусей, лагуна Валькакиманка, горы Маркоинг — эти географические названия полны очарования для каждого, кто любит Чукотку.

И, конечно, нельзя забыть удивительный вид стаи белых канадских гусей на острове Врангеля. Белые гуси, летящие над черным камнем.

В рассказах о Чукотке нет нужды писать о пургах, штормах, последней спичке и прочих остросюжетных вещах. Об этом слишком много написано. К тому же самые «жестокие» страницы написаны, как правило, людьми, зажигавшими костер разве что в пионерском возрасте. Кроме того, я знаю, что среди тружеников полярной геологии не приняты рассказы о сугубых обстоятельствах. Но коль скоро «страшный» рассказ идет, то в нем преобладает юмор и упор на собственную оплошность, которая к тем обстоятельствам привела. Поэтому я попытаюсь сделать другой рассказ, своего рода эмоциональную исповедь, о том, почему я считаю Чукотку одним из самых воспитующих, интересных и ласковых мест на земле. Такой набор «материнских» эпитетов я употребил здесь не случайно.

Когда я думаю о Чукотке, она мне чаще всего кажется окрашенной в два цвета. Желтый — цвет благодатной чукотской осени, желтой тундры, желтого прозрачного воздуха по утрам, когда вода уже покрывается пленкой льда, желтого неяркого солнца над ней и удивительного подъема, когда ты веришь, что можешь шагать по подмерзшей тундре сотни верст подряд без остановки, отдыха и без конца. И чувствовать в это время твердую осмысленность и надежность земного бытия.

И белый цвет Чукотки — цвет зимних заснеженных

перевалов, жутковатой глади морского льда, пологих хребтов, врезанный в снег след нартовых полозьев, мельканье, мельканье, мельканье собачьих лап, даже когда лежишь в спальном мешке с закрытыми глазами.

Конечно, все это не более чем эмоциональное восприятие деталей не такой уж большой страны, зажатой меж большими морями Великого и Ледовитого океанов. Но как «все мы родом из детства», так и притягательная, воспитующая сила любой страны рождается из деталей времени и ее пространства.

По мере сил я постараюсь рассказать о людях, о работе и о странных и таинственных вещах (отнесемся, к ним с юмором), которые конечно же есть на Чукотке, как и на всякой другой земле. Возможно, поэтому повествование получится не всегда связным во времени и в порядке событий. А в заключение этой краткой главы я не могу не присоединиться к словам Кнута Расмуссена, полярного путешественника, этнографа и великолепного человека:

«Теперь, когда мне предстоит охватить своим повествованием все пережитое, оставившее во мне наиболее глубокие впечатления, я, естественно, в той же мере испытываю радость при мысли о том, что могу рассказать, как и смиренную грусть при мысли о том, что я поневоле должен пропустить.»

Кое-что из цитат

Из всех книг о путешествиях и дальних странах, разумеется, лучше всего книги, одетые в старый кожаный переплет. Торжественная сочность их старинного слова умилительна. И я не мог не поделиться с читателем любопытными извлечениями из них.

> «Вся Чукоция есть не что иное, как громада голых камней, климат же здесь самый несносный».
>
> *Капитан Иосиф Биллингс, 1792 год.*
>
> «Это поистине обездоленная богом страна.»
>
> *Георги, 1777 год.*
>
> «Северо-восточная Азия населена родственными племенами — чукчами и шелачами. Это самые дикие племена во всей Азии».
>
> *Абумази Баядур Хан (год неизвестен).*

«Чукчи отдельными шайками бродят между Северным полюсом и 68° северной широты.»

Джордж Кеннан, 1869 год.

«Крайне неопрятная одежда, нечистые и дикие их лица и длинные ножи давали сей группе чукчей вид разбойничьей шайки».

Коцебу, 1818 год.

«Остроги, лежащие по соседству с их страной, пребывают в беспрерывном страхе нападения».

Георги, 1777 год.

«Русские много перепробовали для покорения этого племени. Наконец попытались помириться. Результаты превзошли все ожидания. Те, кого обвиняли в вероломстве и в свирепости, оказались замечательным добродушным соседом».

Фридрих Фон Гельвальд, 1898 год.

«Вместо железа инородцам служат Мамонтовы рога».

Георги, 1777 год.

«Если бы у меня не было денег, я с большим бы доверием обратился к кочующим чукчам, чем к многим американским семействам».

Джордж Кеннан, 1869 год.

Глава 1
Как попадают на южный берег полярных стран

1

В общежитии геологоразведочного института в Дорогомиловке разного рода карты Союза висели почти в каждой комнате. Моя кровать стояла так, что, когда я лежал на спине, взгляд мой неизменно упирался в правый верхний угол громадной географической карты — в «девятку», если пользоваться футбольной терминологией.

Стыдно сознаться, что такого сведущего человека как студента дипломника геологического вуза, угол этот привлекал неизвестностью. Он был закрашен в ровный коричневый цвет. Не такой, конечно, густой, как Памир или даже Забайкалье, а просто ровный и слабый коричневый цвет без линий хребтов и пятен высокогорных плато. Геологическая карта этих мест, когда я однажды на нее посмотрел, была разрисована пестро. Фиолетовые пятна триаса чередовались с зеленью меловых отложений, и по всему мелу стояли канцелярские птички, говорившие о том, что здесь эффузивы. Но самое интересное заключалось в том, что на геологической карте недавних лет здесь явственно виднелись лишаи «белых пятен», оконтуренные каким-то робким пунктиром. И вовсе не ясно вела себя тектоническая карта, рисующая стратегию земных пластов. Вся: четкая, понятная студенту стратегия кончалась за Верхоянским хребтом. Дальше начинались несолидные клочки и пятнышки, сквозь которые так и проглядывала неуверенность рисовавшего карту академика. А неуверенность у академиков можно объяснить только одним — отсутствием достаточной информации.

Короче, длительные размышления на спине, когда взгляд упирается в карту, привели меня к выводу, что дипломный проект мне надо писать о Чукотке. В этом решении имелся один плюс — о Чукотке я почти ничего не знал и, таким образом, получал возможность узнать хотя бы немного.

И в середине мая я очутился на одном из подмосковных служебных аэродромов, чтобы сесть зафрахтованный чукотской экспедицией самолет, и чувствовал себя весьма состоятельным человеком, ибо имел выданное со склада снаряжение.

1. Спальный мешок из собачьего меха.
2. Спальный мешок ватный.
3. Ватный костюм.
4. Костюм х/б.
5. Полярный меховой костюм.
6. Резиновые утепленные сапоги.
7. Резиновые сапоги из чешской литой резины с высокими голенищами.
8. Кирзовые сапоги.
9. Шапку.
10. Две пары брезентовых рукавиц.
11. Меховые рукавицы.

Такое обилие меха и ваты, если учесть, что я был зачислен в штат экспедиции только на лето, а в деканате лежала моя подписка: «вернусь в сентябре», невольно внушало высокое чувство самоуважения.

Когда техники наладили самолет, мы понесли свои рюкзаки под водительством серьезного человека в погонах и под его же руководством расположились в пустоте фюзеляжа на собственных вещах.

Чувство самоуважения, основанное на количестве теплого обмундирования, выданного государством, укреплялось тем, что мы летели на «собственном» самолете.

В зафрахтованном самолете летели бывалые «чукчи» — кадровые сотрудники одного из московских геологических управлений, много лет ведущего геологическую съемку на Чукотке. Главная база экспедиции находилась на восточном побережье. Оттуда на съемку в разные концы Чукотки должны были отправиться несколько партий.

В общем-то внутри самолета вскоре все напоминало поездку за город какого-нибудь учреждения во взятом на воскресный день автобусе. Рыбаки толковали про удочки и о том, как лучше ловить гольца — на искусственную или натуральную муху. Охотники вели извечный спор о ружьях и врали. Начальники партий, будущие диктаторы коллективов, выделялись только по пистолетным кобурам, торчащим из под курток. Пистолеты им полагались по рангу. А из начальников партий выделялся хорошо укомплектованной фигурой и несолидным, вроде нашего, любопытством Виктор Михайлович Ольховик. Я говорю «нашего», потому что в экспедиции я оказался не один, вместе со мной летел Слава Москвин, еще один студент нашего института, которого соблазнила Чукотка. Ольховик же совсем недавно перебрался в эту экспедицию из Тувы.

Мы летели берегом Ледовитого океана несколько суток, застревая то в Тикси, то еще в каком-то забитом снегом поселке. По всей трассе лето чувствовалось только в Нижних Крестах. Косматые ездовые собаки бродили здесь по улицам, по летнему жарко дыша боками. На реке стоял лед, хотя берега вытаяли, и по этому льду мчался куда-то на собачьей упряжке человек в кухлянке и милицейской шапке.

Нам долго пришлось ждать погоду у устья этой последней крупной сибирской реки. Над речными обрывами Колымы бесприютно торчали покореженные коричневые лиственницы. Очевидно, из-за перемещений почвы лиственницы не росли прямо — они стояли наклонно, и этот беспорядочный наклон придавал какой-то дикий ритм чахлой древесной поросли. Поневоле думалось о том, что всего в нескольких десятках километров отсюда погиб географ Черский, именем которого назван огромный горный хребет, рассекающий дебри Якутии.

Над льдом Колымы пролетали небольшие косяки гусей

разведчиков. Гуси ждали, когда освободится от снега их «дом» — огромная озерная равнина левобережной Колымы, уходящая отсюда за Яну и Индигирку на запад. На третьи сутки и нам дали погоду.

2

Бухта Провидения — типичный фиорд. Узкий и длинный залив ее стиснут склонами сопок. Черные обрывы их нависают над водой, а чуть в сторонке адовым переплетом скалистых выступов, мрачных башен и просто каких-то торчащих в небо черных каменных пальцев высится Колдун гора, которая в день нашего приезда окутана была снежной поземкой. Нельзя сказать, чтобы все это выглядело слишком приветливо. И уж тем более в отдаленные столетиями времена, когда Север для путешественников был дик и страшен. А заходили они сюда довольно часто, со времен Беринга, так как по удобству и безопасности стоянки для судов бухта числится одной из лучших в мире, несмотря на хмурые, черного камня окрестности. Раньше всех здесь обосновались эскимосы и приморские чукчи — охотники на тюленей. И сейчас отдельные участки фиорда на современных картах числятся, как: Хед, Эмма, Всадник, Пловер. Я подумал было, что Пловер, где находится старинное «зверобойное место», имеет корнем чукотский или эскимосский язык, но нет: «Пловер» — это судно английской экспедиции капитана Келлета, зашедшего сюда в 1848 году.

В 1901 году судно К. И. Богдановича, руководившего экспедицией акционерного общества по поискам чукотского золота на шхуне «Самоа» из Сан-Франциско (к этой экспедиций мы еще вернемся), застало в бухте Провидения барак из оцинкованного железа, принадлежащий американской торговой компании, и шесть яранг, обитатели которых наполовину вымерли, и сами яранги были полуразрушены. «Эскимосы болели какой-то странной болезнью, выражавшейся в кашле и болях в груди. Обилие свежих могильников указывало на то, что раньше здесь жило гораздо больше людей. Помощь мы сочли бесполезной», — писал Богданович. Эскимосы, по свидетельству Богдановича, неплохо знали английский, но не знали ни слова по-русски, ибо ближайшим русским поселением на побережье был пост Ново Мариинск, нынешний Анадырь.

Сильная степень американского влияния (они фактически были здесь хозяевами достаточно долгое время) объяснялась тем,

что крейсерство русских военных судов охранявших восточные границы, было отменено еще в 1861 году как «слишком обременительное для бюджета Морского ведомства».

Бухта Провидения лежит в Беринговом море, ледовый режим которого гораздо более благоприятен, чем ледовый режим арктических морей. Благодаря этому, а также удобнейшей гавани, в которой свободно разместится в полном укрытии флот солидной морской державы, бухта Провидения играла и играет важнейшую роль в исследованиях Восточной Арктики.

К 1957 году от старых времен в бухте Провидения сохранился только старый огромный деревянный крест, неведомо кем воздвигнутый на одной из прибрежных сопок. Конечно же крест был изрезан ножиками, пробит дробью и пулями: привычки стреляющего люда от широт не меняются. С этой сопочки, от подножия креста, можно было видеть портовый поселок Провидения, который вроде горного аула прилепился к крутому черному склону. Вправо уходила сама бухта, и уже за ней убегала в безлюдные сопки долина впадающей в бухту речки, а за спиной клаксонили машины и хрипел уличный динамик второго поселка — Урелики, который расположился более удобно, на почти плоском, выделенном сопками участке.

Если направиться к выходу из бухты, оставив по левую руку соленое озеро Исти Хед, то можно добраться до еще одного маленького здешнего поселка — Пловер, где расположился зверобойный комбинат по добыче моржа и тюленя.

На все это в конце мая сыпала мокрая снежная крупка. Она сыпала на волейбольные площадки, на людей, магазины, где продавали консервы, вышитые бисером тапочки из тюленьего меха и винтовки.

Пока мы со Славой Москвиным выясняли все эти подробности, мокрая снежная крупка куда-то исчезла, облака спрятались, и вдруг вынырнуло бесшабашной синевы небо и солнце. Снег на склонах сопок, на бухте и на улицах засверкал. В этом сверкании силуэты обрели сразу какие-то благородные швейцарские очертания, и вдобавок из неведомых щелей на крыши домов, на улицы, провода, карнизы высыпало необъятное множество пуночек, воробьев Арктики. Не теряя ни минуты погожего времени, пуночки с мелодичным посвистыванием занялись хозяйственными делами…

Когда мы вернулись на базу, выяснилось, что нам вроде пуночек предстоят хозяйственные заботы, так как мы уже зачислены в партию Виктора Михайловича Ольховика. Он тут же объяснил стоящую перед партией задачу.

1. В срочном порядке получить на складах экспедиции весь

остальной груз, не дожидаясь, пока прибудут сотрудники партии.

2. Зафрахтовать один из пароходиков Провиденского порта.

3. Дождаться вскрытия льда и на этом пароходике доплыть по Беринговому морю до бухты Преображения, в 300 километрах отсюда, где и высадиться на берег на месте старинного чукотского стойбища Нунлигран. К этому времени туда должны прибыть два трактора с санями.

4. На тракторах двинуться на запад к тундровой реке Эргувеем, за которой начинается территория работы партии.

5. Проводя обусловленные техническим заданием работы, идти вдоль южного побережья Чукотки на запад к заливу Креста, куда мы должны прийти в сентябре и где кончилась работа партии.

Главной же целью, стоящей перед партией, была геологическая съемка слабоизученной территории между рекой Эргувеем и заливом Креста. Разумеется, в задание были включены и поиски. По предыдущим работам можно было ожидать в нашем районе проявления золота и киновари.

Тракторы, которые должны были нас ожидать в бухте Преображения, вышли из Провидения два месяца назад своим ходом. На пароходе же мы должны были доставить остальной груз: солярку, бензин, продовольствие. Но в эти майские дни лед в бухте лежал нерушимо, и о близком его вскрытии говорили разве что только таблички, расставленные по берегу: «Переход по льду бухты из Уреликов в Провидения категорически запрещен». Однако, невзирая на опасность, люди ходили. По прямой между поселками было не более трех километров, в обход по берегу — двенадцать. Цивилизация, такси и автобусы, сюда еще не добралась.

Шли дни. Несколько тонн груза было получено, укомплектовано и отправлено в порт. Самолеты полярной авиации доставили последний народ. В нашу партию прилетел географ Андрей Петрович Попов, который на Чукотке кончал свой двадцатилетний «северный рейд», начавшийся на Таймыре.

Прилетел старший геолог Виктор Кольчевников. Он ходил по базе и, застенчиво ероша черные кудри, выпрашивал покурить: перед отлетом дал жене клятву, что не положит в карман ни пачки сигарет. Прилетели два студента гидрогеолога из Одессы: рыжий золотозубый гигант Роб Байер и альпинист Витя Огоноченко.

Начальник партии нервничал. Его можно было понять: шло драгоценное время полевой работы, тундра и склоны сопок уже освободились от снега, а лед на бухте вроде и не собирался исчезать, хотя, по сведениям ледовой разведки, в открытом море

имелись большие пространства открытой воды.

Июнь начался туманами и знаменитым дождем чукотских побережий. Особенность этого дождя заключалась прежде всего в том; что тучи висели очень низко, чуть не цепляя за шапку. Из молочного или серого месива сыпался мелкий бисерный дождик, который обладал удивительной способностью проникать сквозь любой брезент и даже клеенку. Дождь этот никогда не превращался в ливень, он был тих и упорен. Неведомые облачные процессы временами превращали его в снег, крупку, и снова — бисерный дождик. Дома, земля, корабельные причалы приобрели черный, безрадостный цвет.

Иногда этот дождь переходил в туман, но никогда в разрывах облаков не было видно чистого неба, так как над нижней грядой их стояла вторая, над второй третья, и так, наверное, до бесконечности. В тумане печально перекликались пароходные гудки в порту. Я часто задумывался над тем почему пароходы для переклички всегда выбирали время тумана, — ведь они стояли вмерзшими в лед и возможность столкновения исключена была полностью.

Десятого июня, по каким-то неведомым прогнозам ожидая скорого вскрытия льда, нам объявили погрузку. Мы загрузились в средний трюм небольшого суденышка. Когда бочки с соляркой и десятки экспедиционных ящиков были загружены, пришел капитан, пожилой человек отнюдь не бравого вида. Он посмотрел в трюм наш груз занимал лишь часть его, — покачал головой, сказал что-то помощнику и ушел. Ночевать мы остались в трюме. А наутро пришлось выгружаться на пирс, ибо ночью наш капитан умер от застарелой сердечной болезни. Решили, что мы пойдем на другом пароходе, так как запасных капитанов в бухте Провидения не было.

Не успели мы уложить груз на причале и прикрыть его брезентом, как небо начало светлеть с катастрофической быстротой. За какие-нибудь сорок минут оно очистилось полностью. И в великолепной его синеве, при сверкающем летнем солнце Чукотки на сопки, на бухту, на поселок нагрянул ураганный и радостный ветер. Ветер был тепл и нес с собой тревожные, неведомые запахи. Стоявшие у причалов зимовавшие пароходы один за другим начали разводить пары: Ветер отдирал дым от трубы и уносил его, как бы негодуя на малейшее загрязнение воздуха. Из портового ресторанчика высыпали гуляющие личности и столпились на крыльце, глядя в небесную синеву. Следом высыпали официанты. Люди смотрели вверх. Чайки кружились над портом. Ветер швырял их так, что казалось — сломаются птичьи крылья. Чайки кричали, но криков не было

слышно, были видны только широко разинутые клювы, ветер уносил крик. И вдруг стало явственно ощутимо: в тревожные запахи, неведомо откуда принесенные ветром, врезался твердый и крепкий запах йода, запах морской соленой воды.

Грузовик с траурными полотнищами по бортам вез тело старого капитана. В порту громыхало железо. Люди на улицах снимали шапки. Оркестр шел следом, но не играл. На лицах людей я не заметил слез и елейной грусти: просто отдавался долг уважения человеку. Черные сопки, промытые ветром и солнцем, были тоже серьезны, но как-то добродушны. Они походили на обветренных стариков, которые искоса наблюдают игры детей.

Пришел Ольховик и сказал, что нам выделен «Белёк» — не ахти сколь тоннажное судно того же, Провиденского, пароходства. Погрузка нескольких тонн солярки и продовольствия началась снова.

3

«Белёк» оказался небольшим судном с двумя трюмами. Насколько я знал по полярной литературе, суда, предназначенные для плавания во льдах, имеют специальную ледовую обшивку или корпус повышенной прочности. Ничего этого я не мог разглядеть, как ни старался. Борт сделан из несолидного материала, вроде кровельного железа. С этим вопросом я обратился к человеку из команды, озабоченно пробегавшему мимо. Он остановился и начал разглядывать меня с интересом.

— Какая к черту обшивка? — произнес наконец моряк. — Это рейнский речной пароход. Репарация после войны. Понял?

— Понял, — сказал я.

— Морем интересуешься?

— Интересуюсь, — честно сказал я.

Вот какое дело, браток, — с потрясающей задушевностью сказал моряк и обнял меня за плечи. — У нас кочегар заболел. Понимаешь, полярная ночь, слабеют за нее люди. А ты с «материка», от винограда. Взял бы ты какого-нибудь кореша и шли бы вы в кочегарку помогать. Кореша надо, так как одному за помощника и кочегара не смочь, да и вдвоем, пожалуй, тоже.

Предложение показалось мне любопытным, и я кинулся разыскивать Славу Москвина, посмеиваясь над словами моряка: чтобы два спортивных парня не смогли сработать за какого-то там помощника кочегара!

«Он Славу не видал, — думал я ехидно. — Славка в полутяже работает, одних сухожилий семьдесят килограммов».

Славку я нашел на корме, где он вдумчиво озирал ледяные поля.

Мы спустились в топку мимо сверкающей медным блеском машины. В машинном отделении было жарко, но смазанные штоки и шатуны были неподвижны: «Белёк» только разводил пары. Старший кочегар оказался низкорослым парнишкой одних с нами лет. Он хмуро приветствовал нас: «Добровольцы-ы» — и поставил на подброску угля к топке. Топки он шуровал сам. Мы взяли совковые лопаты и поплевали на руки. Не знаю, сколько часов мы работали, но куча угля перед топкой не росла, а даже как будто уменьшалась.

Мы вымотались до полной потери сил, и заключительным аккордом было то, что кочегар, который перекидывал уголь примерно на такое же расстояние, пришел нам помогать. Ей богу, мы устали до того, что даже не почувствовали обиды. Смена кончилась. Мы пошли в камбуз и съели по гигантской миске флотского борща, и свалились в трюме в каменный сон.

Когда я вылез на палубу, бухта Провидения была уже далеко позади. Пароход медленно шел среди битого льда в зеркальной воде. На горизонте лед сливался в сплошные поля. Я сбегал в трюм, безуспешно попытался разбудить Славку, наконец взял экспедиционный бинокль и вылез на палубу. Ледяные поля казались синими. Стоял штиль. Оранжевое солнце не то падало вниз, не то забиралось вверх. Черная полоса берега ползла справа: оглаженные горы, обрывы с выступами черных скал и розовые от солнца пятна снега меж ними.

Отступление на тему эскимосов

Около полуночи мы прошли возле Сиреников — небольшого, прижатого к берегу эскимосского поселка. Были видны кубики новых сборных домов и темные очертания яранг на берегу. У яранг горело несколько костров. В бинокль я видел группку людей и собак, стоявших у воды и молча смотревших на наш молчаливо пробирающийся мимо них транспорт.

В истории эскимосов Сиреники, возможно, занимают такое же место, как в русской истории города Владимир, Нижний Новгород или даже Киев. Ибо эскимосская раса сформировалась в Азии. Сейчас это принято всеми, и в Азии существуют три основные, от древности стоящие группы консолидации

эскимосского народа: сиренникская, науканская (мыс Дежнева) и чаплинская (поселок Чаплино на восточном берегу). Неведомые миграционные потоки зашвырнули людей на северо-восток Азиатского континента, видимо, еще и в каменном веке. Потом миграционные потоки отхлынули, а они остались здесь, изолированные от всего человечества, остались на пределе человеческой жизни, выжили и сформировали свой народ.

Забытые на оконечности материка, эскимосы создали свою материальную культуру, вначале охотников на оленей, потом принялись завоевывать море. Они изобрели поворотный гарпун. Они изобрели свое мореходное искусство. Они создали уклад постоянной жизни там, где спустя тысячелетия просвещенные европейцы все еще считали жизнь невозможной, они пересекли Берингов пролив и занялись освоением Аляски. Неугомонный дух этого народа вел их вперед, они поселились на чудовищных по условиям жизни пустынных островах Канадского архипелага и, наконец, заселили Гренландию. Это делали маленькие, изолированные группы людей, живущих на сотни и тысячи километров друг от друга, но сохранявших общий строй своей культуры. Ни один народ мира не осмелился последовать за ними в крайние полярные пределы, и когда европейский корабль впервые появился в Туле — самом северном гренландском поселке эскимосов, приобретшем сейчас печальную известность из-за военной базы, то эскимосы Туле с удивлением кинулись к кораблю, они считали, что они единственные люди на Земле. Сотни лет люди существовали для них только в преданиях, вроде как для нас существуют греческие боги.

Эскимосы — во всем удивительный народ. До наших почти дней они ухитрились сохранить внутри тундры Аляски племя первобытных бродячих охотников на оленей. Это был как бы живой фрагмент их истории, вынутый из глубины тысячелетий. Племя континентальных эскимосов открыл в 1927 году Кнут Расмуссен, о котором я уже упоминал, а в наши дни канадский писатель Фарли Моуэт описал историю их гибели. Можно много писать о философии эскимосов. Им не откажешь в мужестве, но они предпочитали утверждать свое место под солнцем не оружием, а умением жить там, где другие не могут. Разумеется, им приходилось и воевать, и, разумеется, они дошли до изобретения защитного панциря. Но панцирем они защищали только спину, а не грудь, как это делала военная цивилизация всех народов. Так по своему мудро они решали военную проблему тыла. У эскимосов потрясающая устная история. Цикл легенд о том, как гонимое голодом племя уходило во льды с островов Канадского архипелага, еще ближе к полюсу, в интуитивной

надежде набрести на обетованную землю, по эпической силе не уступает знаменитым эпосам других народов. Этой землей оказалась Гренландия. Они не успокоились до тех пор, пока не добрались до самой северной ее точки. Дальше уже не было ничего. Оставалась макушка земного шара. Кто знает, может, они и туда сходили проверить. Кстати, слово «эскимос» — недавнего и чуждого им происхождения. Сами себя они всегда называли, «иннуиты», что означает просто «люди», если угодно — «настоящие люди», «подлинные люди». Последняя редакция мне, лично, нравится больше всего.

Размышляя над всем этим, я искоса поглядывал на нашего «иннуита» из бухты Провидения Гришу Гыргультагина, который нанялся в партию рабочим и переводчиком. Гриша стоял у поручней, смотрел на берег и с великолепным искусством насвистывал популярную мелодию тех времен «Хороши весной в саду цветочки». У него было сухое, горбоносое «индейское» лицо. На берегу виднелся костер.

— Охотники, сказал Гриша. — Моржа убили. Печенку варят. Он вздохнул. — В Нунлигране попробуем, — снова вздохнул Гриша. — Сейчас, если на самолете лететь, по всему берегу наши костры. Сейчас же все охотники на вельботах. Моржи идут на север.

Темный берег медленно полз и полз за бортом. Солнце поднялось выше, и в какой-то момент берег вдруг вспыхнул радостным желтым светом. Горы отступили, а берег желтел, как будто на него светили цветным прожектором.

В трюме слышались возня и грохот. Оказывается, Ольховик спозаранку заставил всю партию пересматривать, пересчитывать ящики, отмечая наличие в длиннейшем кондуите.

Стойбище Нунлигран было последним цивилизованным местом на нашей дороге, и начальник боялся что-либо позабыть из снаряжения.

Я в качестве подвахтенного был свободен от работы и потому; расстелив прямо на палубе, за надстройкой, спальный мешок, улегся на него. С моря к тундровому берегу со свистом проносились стаи гаг. Было ясно и холодно.

Проснулся я от тишины. Ровный гул машины, который, был слышен в трюме, стих. Пароход замер. Около поручней на палубе стояла вся наша партия. «Белёк» забрался в ледяные поля. Берега не было видно. И по прежнему был штиль. Пароход долго выбирался задним ходом, рискуя обломить винт, делал развороты, и, наконец, на самом малом ходу капитан начал раздвигать льдины корпусом судна. Лед скрежетал о борт. Вчерашний кочегар подошел ко мне, склонился через поручни,

сплюнул и сказал сакраментальные слова насчет обшивки корабля, пришедшие мне в голову еще на причале в бухте Провидения:

— Из кровельного железа борта. Пять секунд их проткнуть. Река Рейн, в общем. — Кочегар еще чертыхнулся и сказал: — Пойдем. Зови кореша. Наша вахта.

Снова мы орудовали пудовыми лопатами, кое-как разминая ноющие после вчерашнего плечи. В конце концов работа пошла легче. Мозоли полопались и не мешали, да и угля надо было вроде меньше, чем вчера. К обеду кочегар отпустил нас наверх: «Теперь справлюсь. Надо — позову». Мы накидали ему еще угля из дальних отсеков угольного трюма и ушли. Туман рассеивался. Лед поредел. Стаи гаг летели теперь от берега в море. Мы со Славкой пошли в камбуз уничтожать заработанный флотский обед, посмеиваясь над «сухопутными крысами», которые мрачно грызли галеты. Но третью добавку мы съесть не успели, ибо наверху раздался истошный вопль: «Нунлигран!»

4

Вспарывая воду, к судну неслись белоснежные вельботы. Это было настолько непривычное зрелище, что я на мгновение растерялся. Вельботы шли друг за другом ступенькой, низкие, узкие и бесшумные. Они шли по зеленой воде, описывая согласованную кривую. В них сидели горбатые люди в белых балахонах.

Вельботы один за другим пришвартовывались к борту, и люди в белых камлейках, с непокрытыми черными жестковолосыми головами полезли один за другим на палубу. От них пахло звериным жиром, крепкой, продутой морским ветром кожей и табаком. В лодках лежали вдоль бортов гарпуны, надутые тюленьи шкуры поплавки и винтовки.

Охотники поговорили о чем-то с капитаном и снова спустились по трапу. Столь же стремительно, под тонкий вой подвесных моторов вельботы пошли к берегу. Оказывается, они собрались на дальнюю охотничью стоянку и узнавали, привез ли что пароход для поселка. Узнав, что им доставлены сборные дома, они отменили охоту. Надо было разгружать пароход. С борта спустили кунгас для разгрузки. По галечниковой косе гремели два трактора, а трактористы радостно махали шапками из кабин. Это были наши тракторы, благополучно добравшиеся сюда через перевалы и сопки от бухты Провидения:

Семидневная стоянка в Нунлигране была уже началом экспедиционной жизни. Наш лагерь располагался примерно в километре от поселка, на берегу небольшого ручья, впадавшего в бухту. Мы разгружали пароход, обшивали досками тракторные сани и доверху забивали их грузом, необходимым на ближайшие месяцы. Главным грузом, конечно, были три тонны солярки, кроме того, керосин для примусов, бензин для тракторных «пускачей», макароны, мука, консервы и прочее необходимое для двадцати человек на четыре месяца.

Нунлигран в 1957 году был, по видимому, одним из самых отсталых поселков Чукотки. Во всяком случае, в большинстве своем он состоял из яранг: Яранги оленеводов, пришедших из тундры располагались в стороне, на обрывистом берегу ручья, яранги морских охотников стояли прямо на галечниковом валу. Из яранг в любое время можно было видеть море и вельботы, возвращавшиеся с охоты. Здесь же на берегу у воды круглыми сутками сидели старики в тюленьих штанах, в характерной позе: ноги сидящего были вытянуты под прямым углом к туловищу (посмотрите картины Кента из гренландского цикла. Эскимосы Гренландии сидят точно так же). Здесь же у берега разгружали добычу. Если вельбот приходил в штормовую погоду, квадратные куски моржового мяса кидались в воду и весь поселок вылавливал их крюками вроде тех, что употребляются на лесных пристанях. По гальке и траве двадцатикилограммовые куски мяса тащились к ямам, где консервировался копальхен — особый продукт, выработанный тысячелетним опытом морских охотников.

Способ приготовления копальхена крайне прост: куски мяса весом по 15–20 килограммов плотно укладываются в цилиндрическую яму, выложенную камнем. Когда яма заполнится, ее закрывают и засыпают землей, чтобы вскрыть уже в зимнее время. В вечной мерзлоте, в чистом чукотском воздухе мало микробов, и мясо не гниет, а как бы закисает. Кстати, слово «копальхен» в переводе и значит «кислое мясо». Несмотря на специфический запах и вид, копальхен обладает своеобразным вкусом, и к нему быстро привыкаешь.

Здесь же на берегу строилась байдара. Я впервые наблюдал строительство чукотской байдары, и Нунлигран был единственным местом где я мог видеть ее строительство от начала и до конца, а старик Анкаун — одним из немногих оставшихся в живых байдарных мастеров, с которыми мне удалось познакомиться.

Сага о байдаре

Старик Анкаун не числил себя великим мастером, рассказы о которых передавались из поколения в поколение. Когда появились деревянные вельботы с моторами, о байдарах начали забывать, и настоящие мастера умирали один за другим, оставляя после себя незрелых помощников, еще не постигших окончательных секретов мастерства. Но пришло время, мода на вельботы если не прошла, то установились границы их использования, и, кроме того, прибрежные жители быстро научились ставить моторы на байдару, приспособив в днище ее специальный моторный колодец. И байдара по прежнему оказалась нужна. Судно, изобретенное предками, оставалось незаменимым для плавания вдоль берегов и во льдах, когда лодку надо вытаскивать на льдину и в других случаях, ибо большую байдару четверо взрослых мужчин могут носить на своих плечах. Так в годы войны старик Анкаун снова принялся за ремесло, о котором почти забыли.

Сейчас он искал на берегу дерево для малой байдары, на которую хватит шкуры одного моржа. Двушкурные и даже трехшкурные гиганты, поднимающие по тридцать человек на борту, сейчас уже никто не делал. Их окончательно вытеснили вельботы.

Вечерами старик сидел на пороге яранги и ждал южный шторм. Охотники ждали штилевую погоду, но Анкауну нужен был шторм, который выбрасывает на берег много дерева…

Здесь, на южном побережье, было хорошо: море выбрасывало много леса. Но Анкаун еще помнил рассказы, услышанные, когда он плавал на Аляску к живущим там родственникам. На байдары тамошние мастера употребляют распиленные челюсти кашалота, кости кита и любые крошечные обломки дерева. Байдарный каркас стоил там непомерно дорого и был высшей ценностью семьи, общины, отдельного человека.

Шторм пришел. Он бушевал трое суток, обессилел, стих, и Анкаун с утра отправился осматривать берег. На берегу валялись изорванные ленты морской капусты, которую любят жевать дети, сморщенные почерневшие медузы, здесь же расхаживали, выискивая добычу, чайки. Анкаун шёл, по пастушьей привычке заложив руки за лежащую на плечах палку. На берегу встречались разбитые ящики с иностранными надписями, бутылки, обломки досок и целые бревна.

Он запоминал, где что лежит, потому, что это все потом надо будет перевезти в поселок. Около особо больших и ценных бревен он втыкал вертикально палочку, чтобы ее хорошо было видно с

моря. Но все-таки искал он другое. У него уже имелись четыре хорошие округлые жерди для верхних обводов байдары, и ему сейчас надо было вырванное с корнем молодое дерево на киль, и так, чтобы один из корней образовал нос байдары.

Дерево он нашел только к вечеру, километрах в пятнадцати от поселка, Анкаун придирчиво осмотрел его со всех сторон. Оно было коротковато, отросток корня обломился, но и длину и корень можно было нарастить другими кусками дерева, хорошо подогнав их на деревянных шпильках и намертво скрепив моржовыми ремнями?

Он еще раз осмотрел его и решил, что это именно то, что надо. Он поставил около найденного обломка кусок доски и укрепил доску подпорками, чтобы ее не сбило ветром и охотники на вельботе не искали ее понапрасну.

Почти неделю дерево сушилось на солнце и коптилось в дыму костра. Так делали в старину, чтобы придать дереву необходимую крепость. После этого Анкаун маленьким топориком, лезвие которого шло поперек рукоятки, принялся неторопливо соразмерять куски. Когда куски были вытесаны, подогнаны друг к другу, Анкаун принялся соединять, просверливая отверстия по старинке лучковой дрелью. Каждое соединение он туго обматывал размоченным моржовым ремнем, который, высохнув, обретает крепость и упругость стальной скобы.

В это время женщины уже готовили, выбранную им моржовую шкуру. Они натянули ее на земле на крепких колышках, и шкура, которую мочил дождь обдувал ветер и сушило солнце, постепенно вытягивалась и начинала звенеть под пальцами.

Для байдары она все-таки была толста, и женщины расслоили ее по всей толщине надвое. После этого шкуру вымочили в море и снова растянули так, чтобы стала тугой и гладкой.

На всякую случайную дырочку в ней ставились заплатки. Заплатки пришивались с помощью особого кривого шила, которое только углублялось внутрь, не прокалывая шкуру насквозь, точно так же, как и заплатку.

Анкаун придирчиво следил за тем, чтобы не было проколов, и на каждый прокол заставлял ставить новую крохотную заплатку, по правилам потайного непромокаемого шва.

Вскоре Анкаун закончил байдарный каркас. Он состоял, в сущности, из пяти округлых планок. Нижняя составляла киль, две верхние — бортовые обводы. Каркас перенесли и поставили на приготовленную шкуру. Загнутые края обшивки перекидывали через верхний обвод. Недалеко от края в обшивке прорезались дырочки, в них крепился толстый моржовый ремень, другой конец ремня туго привязывался ко второму внутреннему обводу.

Лишние куски обшивки тут же отрезались. После этого байдару залили водой так, чтобы размокли ремни и шкура, и Анкаун несколько дней ходил вокруг байдары, натягивая и натягивая без конца ослабшие ремни или провисающие куски обшивки.

И наконец наступил день, когда байдара была выставлена на стойки. Звенящая под рукой шкура обтягивала каркас туго, без единой морщинки. Она просвечивала под солнцем, как ломтик лимона. Байдара с легким килевым носом, обтекаемая, словно вылитая из цветного стекла каким-то вдохновенным стеклодувом, просто просилась, в море, и Анкаун на миг самодовольно подумал, что, может быть, не все еще байдарные мастера поумирали, еще есть у кого поучиться. И он отправился готовить весла из припасенного с весны материала, так как к настоящей байдаре полагается три сорта весел: короткие — подгребные, подлиннее — гребные и вовсе длинные весла — для гребли в открытом море, когда откажет мотор.

5

Комплектация партии в Нунлигране закончилась. Весь груз разместился в доверху забитых тракторных санях. Ближайшей задачей являлось как можно скорее сделать трехсоткилометровый переход и добраться до квадрата карты, отведенного нам для съемки.

Тракторные гусеницы месили тундру. Они срывали тонкий травяной покров, и под ним обнажалась коричневая талая земля, коричневая жижа текла по тракам и полозьям многотонных саней. Сваренные из буровых труб полозья врезались в почву, оставляя за собой коричневый блестящий след. Этот след будет виден десятки лет, ибо любое нарушение природы в тундре сохраняется долгие долгие годы.

Бог мой, еще в Нунлигране многие из нас наивно думали, что поездка на тракторных санях по тундре — это вроде приятной прогулки, когда ты сидишь наверху с биноклем и карабином в руках и озираешь окрестные пейзажи, изредка взяв на себя труд отойти в сторону, «чтоб подстрелить что-либо в экспедиционный котел. Все оказалось совсем не так.»

Перегруженные сани поминутно застревали. Они нагребали вал грунта перед собой, трактор глох, и надо было в мешанине содранных кочек нащупать водило саней, вынуть шкворень, чтобы трактор отошел, прицепить сани с другого конца, оттащить их обратно, снова отцепить трактор и прицепить его к переднему

концу саней Приходилось нащупывать броды в десятках речек, бегущих к Берингову морю, а на остановках снимать тонну груза с верхних саней и вытаскивать снизу двухсоткилограммовые бочки с соляркой. Брошенные пустые бочки из под солярки и груды вспаханной земли отмечали наш путь.

Виктор Михайлович Ольховик, видно, учел наш со Славкой «кочегарский опыт» и потому назначил в прицепно-отцепную команду. Сани останавливались в среднем минут через двадцать. Мы со Славкой ходили вымазанные в торфяной жиже от макушки до пят и по ночам в спальном мешке продолжали выплевывать какие-то кусочки глины, камешки и корешки.

В первый день мы еле-еле удалились от Нунлиграна. На галечнике бухты Преображения, которую мы огибали по берегу, сорвало масляную пробку с редуктора одного из тракторов. Еще немного, и трактор в наших условиях годился бы только на металлолом. За рычагами этого трактора сидел Вася Клочков, один из самых невезучих людей на земле. Неизвестно почему; при крохотном росте он выбрал себе профессию тракториста, ибо тракторная кабина и расположение рычагов рассчитаны как-то на людей серьезной комплекции. Именно таким и был старший тракторист Леша Литвиненко, спокойный, уравновешенный украинец, прошедший пятилетнюю армейскую школу службы на Севере, где он также был трактористом и водителем армейского вездехода. Оба они залезли под трактор в лужу нигрола и тихо ругались. Их голоса и звяканье ключей заглушали птичьи вопли. От нашей дилетантской помощи трактористы наотрез отказались, и мы ушли «озирать окрестности».

В бухте Преображения сохранился еще огромный птичий базар. Изъеденные солнцем льдины плавали в бухте, истаявшие их куски обламывались с легким плеском, иногда льдины шумно переворачивались. Но и плеск воды был еле слышен из-за отчаянного крика птичьего воинства. Здесь были смешные топорки с ярко желтыми и красными громадными носами, краснолапые аккуратные чистики, громогласные тяжелые кайры. На дальних скалах чернели идолами мрачные бакланы. Все это кричало, и казалось — сам воздух непрерывно вибрировал под тысячами птичьих крыл. А еще выше, в стороне над всем этим гомоном, стояли аккуратные, выкрашенные в желтый приятный цвет домики уединенной метеостанции. Станция как бы царила над этим шумным миром, настороженно, но доброжелательно. Мы зашли туда, чтобы посмотреть это экзотическое житье бытье, и ушли поздно вечером в твердой уверенности, что жизнь в отдаленных краях сама по себе рождает в людях спокойствие, юмор и четкое знание служебного долга.

К этому времени ремонт трактора был закончен, и измазанные трактористы сидели у костерка и варили в консервных банках крепчайший чай, снимающий сон и усталость…

В двенадцать ночи в белесом свете полярного дня над тундрой снова загрохотали моторы. И снова началось: отцеплять, оттаскивать и прицеплять.

6

Что же такое чукотская тундра летом? Из полярных книг известны эпитеты: «бескрайняя», «унылая» и т. д. Разумеется, все зависит от восприятия, но я уверен, что чукотская тундра не может производить впечатления «бескрайней» и тем более «унылой». Тундра не бывает ровной, она холмиста. Горизонт всегда ограничен спокойными, мягкими линиями холмов. Ощущение размеров тундры сказывается лишь подсознательным желанием забраться на ближайший холм, который ограничивает горизонт, и посмотреть, что за ним. В дождливые дни тундра кажется темной, но при солнце она всегда бывает желта, ибо молодая зелень не может победить цвет прошлогодней травы, и, кроме того, желт тундровый суглинок, желты лишайники, покрывающие камни на увалах.

Травы тундры однообразны. Главная среди них — знаменитая полярная осочка. Она знаменита теплоизоляционными свойствами, и было время, когда ни одна серьезная полярная экспедиция не отправлялась в Гренландию, Антарктиду или просто в Арктику без запаса сухой осоки с берегов Ледовитого океана, так как эта осока — незаменимая стелька в обувь зимой и летом. До сих пор каждую осень чукчанки ворохами запасают ее на зиму для охотников.

По берегам озер растет мелкий хвощ и другая осока, более крупная и зеленая. Кочковатые склоны увалов белеют от пушицы, напоминающей хлопок в миниатюре.

Но интереснее всего растения тундры в каменистых предгорьях, где сухая почва. Цветы селены бесстебельной разбросаны среди камней, как букетики сирени, мягка и густа зелень куропачьей травки, мохнатые нити кассиопеи тянутся над землей, пестрят цветы камнеломки, и редкими озерцами, встречается как чудо из чудес полярная незабудка. Полярная незабудка! Ее крохотные цветки чуть больше спичечной головки, но в любую погоду, в дождь, снег и в туман они хранят в себе

яркость безоблачного, какого-то сказочного неба. Полярная незабудка, если так можно сказать, ослепительно голуба. Этот крохотный цветок похож на ребенка, при виде его улыбаются самые хмурые люди, и я не видел еще, чтобы кто-нибудь на него наступил.

Полярная незабудка никогда не растет в одиночку.

Не зря поется в одной из песен полярных геологов:

Ну, пускай настало время злое,
Пусть пурга метет вторые сутки,
Верь, что будет небо голубое,
Голубей чукотской незабудки.

Мы подошли к предгорьям, и наступило царство метлицы. Мелкая метлица росла вразброс, она была не выше карандаша, и только на месте старых человеческих стоянок или вблизи евражкиных нор метлица вымахивала чуть не в человеческий рост.

И почти всюду: на горных склонах, на увалах и в тундре, всюду, где можно зацепиться, виднелись трогательные коричневые прутики березки. Полярная березка неудержимо цеплялась за жизнь и за землю. Ее было трудно сломать или вырвать. Похоже на то, что в короткое лето она спешила прожить десять жизненных циклов, потому что на одной ветке можно было в июле видеть зеленые, увядающие и еще только что распускающиеся из почек листья.

На четвертые сутки мы свернули в горы. Тракторы сползали в долину, как в неведомый темный тоннель, камни под полозьями отчаянно визжали, по временам этот скрип заглушал грохот дизелей. Горы стояли черные, округлые, молчаливые. Сопки походили на громадные валуны. В них преобладали два цвета: черный — щебенки и белый — на снежниках. Речная долина лежала меж них, как желто зеленая лента. Уже позднее я понял, что черный цвет склонов отнюдь не зависел от цвета слагающих их горных пород. Они были черны от покрывающего камни накипного лишайника.

По долине речки Юрумкувеем мы вышли на перевал. С перевала была видна большая река Эргувеем, которая походила на блестящую узкую сетку, брошенную в широкое дно долины, виднелась прибрежная тундра, отделяющая горы от моря. Издали тундра казалась совершенно плоской, и по всему ее пространству тысячами осколков отсвечивали большие и малые тундровые озера. Над тундрой стояло солнце. Она казалась ласковой лучезарной страной…

На перевале меж черных камней посвистывал ветер, было сумрачно и холодно. Через несколько минут из ближайшего распадка мягкими волнами начал выползать туман. Он тотчас скрыл все кругом — и горы, и тундру. Влажно блестели камни. Тракторы сползали вниз по склону. Впереди, выбирая дорогу, маячил в нелепом громадном плаще Ольховик. Остроконечный башлык плаща делал его похожим на служителя неведомого культа.

Через несколько часов мы спустились в долину и встали на берегу реки. С первого взгляда стало ясно, что через Эргувеем здесь переправиться невозможно. Стремительный и глубокий поток с глухим клокотанием рвался вниз.

Ольховик решил вести тракторы в верховья. Никто из состава партии еще не видел реку Эргувеем, которая числится среди трех самых крупных рек Чукотки, но ветераны экспедиции надеялись, что она не будет отличаться от других рек полуострова.

Известно было, что даже самые полноводные из них не представляют обычно серьезной преграды, так как вечная мерзлота не дает рекам вырезать ложе вглубь. Реки на Чукотке растекаются, вширь, разделяясь на многочисленные протоки, которые можно форсировать. Но здесь река мчалась единым руслом и, возможно, была особенно полноводна из-за недавних дождей.

Подходящее для переправы место нашлось только в двадцати километрах выше. Никто не мог утверждать, что оно самое подходящее, но мы и так уходили на север от района работы. И чем дальше мы забирались в верховья реки Эргувеем, тем дольше нам надо было спускаться обратно. Стоял дождливый день. Леша Литвиненко на отцепленном тракторе стал нащупывать «брод». Вначале вода дошла до гусениц, потом скрыла их, потом подобралась к кабине и начала заливать ее. На какое-то мгновение трактор остановился, потом рванулся вперед и выскочил на берег в потоках воды и грязи, стекающей с гусениц.

Было решено перетаскивать сани поодиночке, соединив тракторы тросом. Литвиненко благополучно переправился обратно, а на тот берег отправил Васю Клочкова с прицепленным к его трактору пятидесятиметровым тросом. Вася дал разворот на месте, лихо спустил трактор в воду и через минуту застрял точно на середине реки. Заглох мотор.

Чтобы завести трактор, надо было выйти на гусеницу к «пускачу». Вода перекатывалась выше гусениц сантиметров на десять. Вася героически слез в воду, залив щегольские канадские сапожки. Минут двадцать он возился у «пускача», потом начал что-то кричать на берег. Разобрать его слова было невозможно,

жесты тоже. Ясно было одно — с трактором что-то случилось и его надо вытаскивать.

Леша Литвиненко прицепил трос к своему трактору и медленно, на первой скорости, стал вытягивать его. Трос охотно тянулся, тянулся и в конце концов весь показался из воды. Оказывается, в суматохе кто-то просто просунул его в петлю фаркопа и оставил там, не закрепив. Даже невозмутимый Литвиненко выругался.

Василий Клочков вылез на крышу затопленной кабины и начал исполнять там ритуальный танец. Дело становилось серьезным. Советы и предложения, которые вначале сыпались хором, исчезли.

В довершение всех бед на сани, на нас и на одиноко стоящий посреди реки трактор посыпался ледяной дождик вперемешку со снегом.

Тут-то и стал раздеваться Андрей Петрович Попов. Вначале он снял шапку с седой головы, потом, с натугой стягивая высокие резиновые сапоги, спросил между делом: «Кто из молодежи на помощь?»

Ольховик крякнул и извлек из кармана ключик. Как уже знала вся партия, ключик был от вьючного ящика, в котором хранился неприкосновенный запас спирта для разных катастрофических ситуаций вроде дней рождения или внезапных обморожений. Несколько человек быстро переглянулись и начали раздеваться. Андрей Петрович надел шапку, сапоги и, привязав к концу троса веревку, стал заносить ее вверх по течению.

7

Первый рабочий лагерь мы разбили на одном из правых притоков Эргувеема. Сезон начался с опозданием на полтора месяца. Для выполнения четырехмесячной напряженной программы оставалось два с половиной месяца работы.

Незаметно прошел июль. Мы двигались на запад к заливу Креста, то углубляясь в горы, то выбираясь в прибрежную тундру. Тракторы работали исправно и вообще, работа партии приобрела характер действия хорошо налаженного механизма, где каждый ежедневно и ежечасно знал, что ему делать.

Обычно два отряда отправлялись на тракторах в дальние десанты, чтобы охватить съемкой отдаленные участки нашего района. Каждый десант уходил дней на десять, его провожали и встречали баней, если, конечно, имелся кустарник, чтобы

накалить галечник на берегу какой-нибудь речки и потом быстро натянуть на этом месте палатку.

Один отряд назывался «ходоки». Этот отряд возглавлял сам Ольховик. Ежедневно мы уходили в семь утра с базы, чтобы описать кольцо километров тридцать сорок и замкнуть его снова на базе.

Горы казались безжизненными только на первый взгляд. В озерцах и старицах речных долин гнездились утки, уже успевшие вывести крохотных утят пуховичков. На невысоких сопках и по склонам, где были заросли ивняка и карликовой березки, гнездились куропатки. Было смешно наблюдать, как стремительно разбегаются и исчезают их выводки. Куропатчонку исчезнуть легко даже под крохотным листиком березки.

Смешнее всего было то, что спрятавшихся куропачат выдавали блестящие глаза, если, конечно, от ужаса или любопытства они забывали их закрыть. На верхушках сопок прятались громадные чукотские зайцы с голубоватым летним мехом. Изредка можно было видеть в бинокль сторожкие фигуры отбившихся от стада оленей. По общим уверениям, дикий олень на Чукотке считается давно исчезнувшим, но в горах бродили группами или в одиночку одичавшие домашние олени, отбившиеся от стад.

Стояли почти беспрерывные туманы. В мелкосопочных чукотских горах с десятками долин в туман ориентироваться чрезвычайно трудно, трудно наметить в хаосе однообразных сопок кардинальное направление вдоль хребта или главного водотока.

В двадцатых числах июля густо пошел снег. Снег валил несколько дней и покрыл землю почти полуметровым слоем. Июльский снегопад на Чукотке повторяется почти ежегодно. В предыдущем году в одной из партий нашей экспедиции погибли во время снегопада четыре человека. Снег застал их, когда они возвращались на базу после многодневного маршрута. Начальником отряда была женщина геолог.

Уставшие люди шли около двадцати часов, решив без отдыха дойти до базы. На одной из переправ была потеряна палатка, намокли спальные мешки. Люди выбились из сил. Утром в спальных мешках осталась живой только женщина, но ей позднее ампутировали отмороженные ступни ног. Она отморозила их, когда, потеряв, по видимому, рассудок босиком шла по снегу за помощью. И именно в такой снегопад в нашей партии случилось первое несчастье. Витю Касьянова, парнишку из под Рязани, недавно окончившего десятилетку, в котором Ольховик усмотрел необычайную добросовестность и потому назначил главным

шлиховщиком, разбил паралич. Изо дня в день он мыл шлихи в ледяной воде горных ручьев и не жаловался, так как вообще был молчалив. У него отнялись ноги, и лишь тогда все узнали, что он с детства болен ревматизмом, но скрывал это, так как боялся, что его не примут в геологоразведочный институт. Он мечтал быть только геологом.

Ближайшая больница находилась в поселке Уэлькаль на западном берегу залива Креста, километрах в ста пятидесяти от нас. По рации передали, что вышлют к нам катер. Мы спешно разгрузили сани, и Леша Литвиненко отправился в стокилометровый рейс к берегу залива. На санях лежал разбитый параличом Виктор и ехал сопровождающий. Чтобы было удобнее везти больного, кто-то предложил надуть резиновый понтон, невесть как попавший в наше снаряжение, и положить больного на эту импровизированную постель.

Как потом оказалось, именно понтон и спас положение. Катер смог подойти к обмелевшему берегу только на расстояние около километра. Литвиненко сделал два весла из обшивки саней, и они на понтоне стали грести к катеру. Дул очень сильный ветер, и лодку пронесло мимо катера. С трудом выгребли назад к берегу и стали «прицеливаться» снова. В завершение всех бед Виктор потерял сознание. У обычно невозмутимого Леши Литвиненко тряслись руки, когда он рассказывал эту историю и прятал загрубелые ладони тракториста, с которых от отчаянной гребли самодельными веслами сползла кожа. Виктор был благополучно доставлен в больницу.

После всех этих передряг удача как будто оставила партию. Кончилась солярка, так как запас ее не был рассчитан на поездки в маршруты и на прочие не предусмотренные планом рейсы. Ольховик бомбардировал базу радиограммами и добился в конце концов, чтобы солярку нам сбросили с самолета.

В первых числах августа прилетел Ан-2 и сбросил три бочки. Две из них легко пропахали талый слой тундры, врезались в мерзлоту и разбились. Солярка из них вытекла. Второй раз мы уже были начеку. Как только бочка отделялась от самолета, «под нее» кидались несколько человек и ставили на попа, так что солярка успевала вытекать лишь наполовину или даже меньше.

Любопытная история горы Линлингай

Вероятно, многие знают название мыса Сердце Камень на Чукотке. Мыс этот приобрел печальную известность и часто

упоминался на газетных страницах, так как именно около него пароход «Челюскин» был зажат льдами: Но мало кто знает, что название это мыс получил по ошибке. Путаницу начал знаменитый сибирский историограф Миллер, который спутал этот мыс с названием издавна упоминаемой горы Линлингай, что в переводе с чукотского значит Сердце Камень.

Эта гора, действительно напоминающая по форме сердце, высилась посреди тундры на восточном берегу залива Креста и служила ориентиром для путешественников. Капитан Плениснер писал в 1863 году: «От устья Анадыря шесть семь дней ходу на байдарах до Сердце Камня, а от Сердце Камня пятнадцать-шестнадцать до Чукотского носа» (мыса Дежнева). Миллер в описании географии и истории Сибири ошибочно отнес название горы ориентира к мысу, лежащему на полтора градуса севернее, и тем окрестил его. Окончательно закрепил его знаменитый капитан Кук, дошедший до мыса в сентябре 1778 года и принявший его название по Миллеру.

Но гора Линлингай осталась и интересовала нас гораздо больше, чем мыс.

Ольховик разрешил взять аппаратуру и забраться туда вдвоем на тракторе. Спутником я выбрал, конечно, Славу Москвина, так как обратно надо было выбираться пешком и нести образцы, которые я надеялся привезти для диплома.

Мы поставили палатку около подножия горы и принялись за работу, решив планомерно исследовать всю площадь вершины, не покрытую тундрой. Стояли августовские дни. С вершины сопки открывались сотни озер тундры. Сама тундра приобрела уже лимонно желтый цвет. По склонам увалов расползались бордовые пятна увядающей березки.

В последнюю ночь, которую мы проводили уже закончив работу, ветер с вершины прорвался к подножию и мгновенно разнес в клочья нашу единственную палатку. Нам ничего не оставалось, как уложить рюкзаки и потихоньку и брести от этого места на базу, в пути дожидаясь рассвета.

8

До лагеря было около сорока километров. Часов в двенадцать дня неожиданно сзади раздался грохот самолетного мотора. Ли 2 низко пролетел над нами, покачал крыльями и снова пошел на разворот. «Самолет с грузом, догадался Славка. — Лагерь не может найти». Действительно, наш последний лагерь

располагался в небольшой долинке, и заметить его было трудно. Я вытащил ракетницу и дал ракету, указывая самолету направление. В ответ над нашими головами просвистели и шмякнулись на землю какие-то предметы. Самолет сделал второй заход и по тундре запрыгали бочки с горючим.

— Идиоты! — кричал Славка и грозил самолету борцовскими кулаками.

Но самолет дружелюбно качнул крылом и исчез на восток. Мы стали осматривать груз. Мешок гречневой крупы и ящик с вермишелью были потеряны начисто. Мешок распоролся, ящик разбился, дорожки крупы указывали путь падения. Громадная бухта стального троса зарылась в землю. Три бочки солярки.

— С трактором, беда, — сказал Славка, увидев трос.

Мы поспешили в лагерь. Против ожидания все оказались в сборе. Тракторов не было:

— Где машины? — спросил Славка:

— Угадай, — мрачно ответил Роб Байер и указал на склон горы, где из земли торчали крышки кабинок.

Оказалось, что позавчера трактор Клочкова, возвращаясь из маршрута, провалился в солифлюкцию — плывун жидкого грунта, который иногда образуется под склоном сопки. При каждой попытке выбраться трактор проваливался все глубже и глубже. Имеющийся трос был короток. А утром провалился и подъехавший на выручку трактор Леши Литвиненко. Он увяз меньше, но жидкая грязь уже заливала кабину до половины.

Ольховик приказал принести трос. Самолет сбросил его примерно в пяти километрах от базы. Бухта весила около ста пятидесяти килограммов, и тащить эту тяжесть по кочкам было трудновато. Выручила одесская смекалка Роба Байера: трос размотали и понесли его на плечах растянутым. Наверное, эта стометровая процессия заросших бородами, оборванных людей со стороны выглядела довольно комично.

Мы шагали по увядающей осенней тундре и как-то не думали, что начинается пресловутая геологическая романтика. Мы верили, что выкрутимся.

Вечером Ольховик устроил «большой хурал». Так по тувинской привычке назвал он общее собрание. Было решено разбить партию на две части, ибо съемка не должна прекращаться и в то же время на дальние участки можно было добираться только своими силами, перенося на себе весь груз. Одна группа должна была забрасывать на спине грузы и выкапывать тракторы, другая — продолжать маршруты и вести съемку.

Мы со Славкой записались в команду чернорабочих — на подноску грузов и работу киркой и лопатой. Ольховик, который

был высокого мнения о нашей выносливости и потому брал нас с собой во все маршруты, пробовал нас урезонить, но мы со Славкой решили, что впереди спортивная зима, и лишние мускулы, которые мы заработаем «в неграх», не помешают. По видимому, студенческое легкомыслие — «наука не уйдет», — действует до последнего курса.

9

Человек — переносчик грузов для «десанта» снаряжается по сложной, выработанной многолетним опытом системе. Вначале на спину надевается рюкзак. Потом на грудь прикрепляется тючок «привьючки» из палатки или спального мешка. Этот тючок противовес позволяет выпрямить немного спину, согнутую рюкзаком. На тючок сверху кладется ружье, которое всегда можно схватить из этого положения. Затем в одну руку берется ведро с примусом или посудой, в другую — бидон с керосином. Можно идти. На этой работе я понял, почему в съемочных партиях редко встречаются люди старше сорока пяти лет.

Самым пожилым среди нас был Андрей Петрович. Нельзя писать об этом человеке без чувства глубочайшего уважения. Измотанное за тысячи пройденных по Северу километров, сердце его сдавало: он шел обычно позади всех. Не было случая, чтобы он позволил кому-либо из нас помочь ему или выбрал себе более легкий груз. Все это делалось незаметно, без слов, но именно молчаливая профессиональная гордость опытного геолога действовала на нас сильнее всего.

Наградой после каждого изнурительного десятичасового перехода служила лошадиная доза чая, заваренного в громадном чайнике. После чая мы отправлялись обратно на базу, оставив в тундре одинокие палатки «десантников». Им предстояли рабочие маршруты, а мы должны были навещать их раз в неделю, доставляя заказанный груз и забирая собранные коллекции геологических образцов.

В промежутках мы превращались в землекопов. В первые же дни выяснилось, что плывучий грунт крепко держит машины. Тундра вокруг тракторов превратилась уже в какое-то громадное болото, и посреди этого болота, как островки, торчали кабины тракторов. Мы сняли обшивку с саней, собрали доски со всех консервных ящиков и попробовали крепить борта ямы. Это частично удавалось: грязь снова заполняла ее не с такой скоростью. Тогда был объявлен аврал, мы работали в три смены,

меняясь через три часа на сон и еду. И наконец один трактор был освобожден до гусениц. Но случилась новая беда — он не желал заводиться. Двигатель был забит спекшейся в камень грязью. Оба тракториста сутки бились около него, но вдруг пошел дождь, яма заплыла жидкой грязью, и вся работа пошла насмарку.

Нависла угроза срыва работ. У партии оставалось не заснятой еще солидная тундровая территория, где объем работы был выбран именно в расчете на тракторные передвижения. Но тракторы стояли. Рассчитывать же на какую-то помощь из бухты Провидения, разумеется, было невозможно.

Об этом знали и те, кто находился в «десантах». Съемщики Кольчевников, Ольховик, Попов «закатывали» невероятные по длительности маршруты. Все ходили небритые, многие даже не умывались, ибо сил оставалось только на работу, еду и сон и еще раз на работу. В несложных по геологическому строению участках Ольховик разрешил самостоятельные маршруты студентам геологам Вите Огоноченко и Робу Байеру. Общая геологическая схема была уже ясна, и допущенные ребятами ошибки можно было заметить и выяснить проверкой.

Начавшийся в первых числах августа дождь сыпал и сыпал без перерыва. Копать жидкую грязь вокруг тракторов было бессмысленно, как бессмысленно вычерпывать стаканом чашу работающего фонтана. Но все таки! Но все-таки ее копали, ибо что-то же надо было делать. Партия, не выполнившая план съемки, явление столь уникальное, что память о нем остается в геологических летописях на долгие годы. Ей богу же, никому не хотелось, чтобы его фамилия фигурировала в таких мемуарах и накладывала пятно на профессиональную честь, к которой очень серьезно относятся все геологи. Но дело даже заключалось не в этом. Каждый сезон, каждый год и почти каждая съемочная партия попадает в передрягу вроде нашей, и всегда находится какой-то выход. Мы надеялись на чудо. И чудо пришло!

К десятому августа прекратился дождь. С утренними заморозками пришло солнце, наступила золотая и лучшая пора на Чукотке — желтая августовская осень. В один из этих дней мы были разбужены стуком тракторного двигателя. Все выскочили из палаток и увидели, как со склона медленно медленно ползет какое-то обляпанное грязью чудище. Трактор остановился, и из кабинки выскочил Вася Клочков. Кто-то вытащил ракетницу и запустил в небо ракету. Громыхнули двустволки. Качали Клочкова. Кончилось тем, что кто-то закричал «пожар». Оказалось, что от ракеты загорелась тундра. Все кинулись тушить, ибо пожар в тундре — бедствие. Он уничтожает сотни километров ягельника, а ягелю для роста необходимы десятки

лет. Пожар тушили быстро. И лишь после этого Клочкову, всегдашнему неудачнику, а ныне герою дня, удалось рассказать, как он «сотворил чудо в пустыне». Оказалось, ночью ему удалось завести «пускач», и так на «пускаче», не заводя дизельный двигатель, он включил передачу и медленно, на сантиметровой скорости, вывел трактор из ямы.

Через пять дней колонна уже шла на юг в полосу Приморской тундры; Начались последние маршруты сезона. Вода в мелких озерцах уже покрывалась льдом. Журавли вели перекличку из конца в конец, и неловкие, беспорядочные пока еще косяки гусей тянулись и тянулись на запад к заливу Креста, на последнюю перед отлетом откормку. По вечерам над тундрой повисали фантастические закаты. Небо наполовину пылало оранжевым грозным пламенем, и горы на горизонте стояли черными молчаливыми силуэтами.

Тракторы после случившейся передряги то и дело выходили из строя. Но осень, заморозки и удивительная янтарная чистота воздуха возбуждающе действовали на людей, и почти все без устали изо дня в день закладывали сорокакилометровые маршруты. Планшеты топографической основы покрывались линиями геологических границ. В этой работе незаметно пришел сентябрь.

10

В первых числах сентября Ольховик решил отправить из партии груз и откомандировать студентов. Кадровый состав оставался на месте.

Партии еще предстояло провести увязку с соседней территорией занятой другой экспедицией в прошлом году. Геологи должны были продолжить маршруты на их участок точно так же, как наши границы были перекрыты маршрутами прошлогодней партии. Такое «перекрытие» листов карты обеспечивает жесткий контроль над съемками.

Из Уэлькаля нам дали радиограмму, что колхозные вельботы прибудут за нами к охотничьей избушке мыса Нутепельмен у входа в залив Креста седьмого сентября. На вельботах мы должны были пересечь сорокакилометровый залив, добраться в Уэлькаль и оттуда уже в Москву.

Утром седьмого Ольховик не дал нам долго прощаться. Трактор взревел, и мы, прижавшись друг к другу, на шаткой волокуше из железного листа махали руками оставшимся

ребятам. Они стояли у выгоревшей на ветрах и солнце палатки, бородатые парни в заплатанных телогрейках, и смотрели нам вслед.

До мыса Нутепельмен было от базы около пятидесяти километров. Мы сидели, убаюканные грохотом дизеля и колыханием волокуши. Освещенные солнцем холмы стояли на горизонте, блестели озера. Неожиданно трактор взревел, раздался грохот, визг металла — и все стихло. Из кабинки выскочил побелевший Леша Литвиненко и бросился к двигателю.

Конец, — сказал он через минуту. — Блок разорвало. Теперь и завод не починит.

После недолгого совещания мы простились с Литвиненко. Он отправился пешком обратно на базу, чтобы с другим трактором забрать волокушу, которая еще могла понадобиться. Его трактор, несший службу до конца сезона, теперь останется в тундре и будет ржаветь десятилетиями как памятник о работе геологов.

Мы взвалили на спину рюкзаки и пошли к мысу, ибо таков был полученный нами приказ. В партии оставалось совсем мало продуктов, все дальнейшие работы требовали высокой квалификации, и Ольховик избавлялся таким образом от лишних ртов.

К вечеру мы уже вышли на берег залива. Нас встретили запах йода, ленты морской капусты, которая в изобилии растет в Беринговом море, и нерпы. Нерпы десятками торчали из воды у самого берега и разглядывали нас черными громадными глазищами. Мы проходили мимо, они ныряли, обгоняли нас под водой и снова смотрели. В этом почти человеческом молчаливом любопытстве было что-то пугающее.

Ночью, валясь от усталости, мы вышли к мысу Нутепельмен. Два узких вельбота белели на берегу, охотники уже приплыли за нами. Их мы нашли в землянке живущего здесь промысловика-одиночки. В уютной теплоте сложенного из торфа, камней и кусков дерева домика они сидели вокруг пылающей железной печурки, и на печурке той конечно же кипел громадный чайник. Чай разливала Анютка, крохотная девчурка, дочь промысловика. У Анютки весной умерла мать, и она сейчас изо всех сил исполняла обязанности хозяйки: вытирала чашки сухой травой, наливала чай, а в промежутках уходила в угол к своей любимой кукле.

Ночью нагрянул шторм и продержал нас здесь четыре дня. За эти четыре дня мы почти целиком съели молодого моржа, убитого охотниками по дороге; и никто из нас об этом «потерянном» времени не жалел, ибо все наши дни были посвящены серьезнейшим беседам с Анюткой и осмотрам ее

многочисленного хозяйства, в котором детские игры сочетались с настоящими заботами женщины чукчанки. Анютка умела все это делать с уморительной детской серьезностью. Мы оставили ей ворох «богатств», ибо Анютке еще предстояло коротать долгую зиму, без общества других детей, наедине с отцом, а в школу лишь через год, хотя она уже заботливо, до дыр изучила свой первый букварь.

Она провожала наши вельботы на берегу в крохотном меховом комбинезончике, который носят на Чукотке дети, в красном платье поверх комбинезона и красном платке. В этом наряде среди гальки пустынного берега она казалась мне олицетворением Чукотки, застенчивой ласковости, на которую способна только эта страна. И уж тут-то я твердо знал, что через полгода вернусь на Чукотку, сразу же как только напишу диплом и получу первоначальное право на звание инженера.

Глава 2
Чукотское золото

1

Так оно и случилось. В феврале следующего года я очутился в противоположном от залива Креста конце Чукотки, на берегу Чаунской губы в приземистом бараке древних времен. По углам барачной «залы» лежали маленькие сугробики снега, посредине пылала адовым жаром громадная железная печь, а вдоль стенок выстроились семьдесят коек. На койках спали инженеры и техники геологического управления поселка Певек. Все мы ждали скорого выезда в тундру на полевые работы. Барачное житье объяснялось тем, что в Певеке катастрофически не хватало квартир. Самолеты полярной авиации ежедневно доставляли в Апапельхино людей всех мыслимых разумом специальностей — от теплоэнергетиков до продавцов. Многие почти сразу уезжали «на глубинку» — в тундровые и трассовские поселки. Но, несмотря на это, в Певеке в 1958 году сложилась ситуация, когда на одно «койко-место» приходилось несколько человек. Все это происходило оттого, что на Чукотке наконец открыли промышленное золото, полувековая история поисков которого заслуживает специального рассказа.

Три цитаты на тему чукотского золота:

> «Перебирая в своей памяти все, что мне было известно о геологии Аляски и противоположных частей

Азии, я вспомнил работы, которые говорили о древнем соединении Азии и Америки. Эти мысли послужили первым толчком, направившим меня в сторону смутных соображений о возможном продолжении на Чукотском полуострове золотоносных образований северной части Аляски».

К. И. Богданович, 1900 год.

«Многие иностранцы обращаются в русское консульство в Сан-Франциско с запросом об условиях поисков золота на русской территории».

«Очерки Чукотского полуострова», 1900 год.

«В этом году получены новые данные о золотоносности речки Нана-Ваам и оценена их перспективность. Уже сейчас ясно, что необходимо вести подготовительные работы для разведки».

Докладная записка геолога Жилинского, 1943 год.

В 1899 году в городе Номе на Аляске имелось около тридцати тысяч человек без работы. Этих людей привлек золотой бум Клондайка, но они опоздали к дележу золотых участков. Все хотя бы мало-мальски перспективные на золото земли давно были застолблены, поделены и переделены. Ожидалось, что летом корабли доставят из Сан-Франциско еще около десяти-двадцати тысяч человек, продавших все, чтобы добраться до Аляски.

В этих условиях в Номе и возник неплохо сформулированный слух: на Аляске лишь голова золотого тельца, сам золотой телец находится на Чукотке. Около десяти тысяч наиболее отчаянных старателей решили выйти к берегу Берингова пролива, чтобы перебраться на неведомый, неизученный, никем не застолбленный русский берег, тем более что побережье не охранялось. Американских старателей будоражили сведения, которые доставляли в Ном агенты — скупщики оленей, плававшие вдоль побережья Чукотки в последние годы. По слухам выходило, что в районе мыса Сердце Камень, в бухте Провидения, в Колючинской губе и в губе Святого Лаврентия золото можно грести лопатой. Вторжение старателей с Аляски намечалось на будущий, 1900 год. Слухи достигли Петербурга и взбудоражили его. Тут-то и появилась небезызвестная в истории международных афер того времени фигура полковника Вонлярлярского. Неведомыми путями он в кратчайший срок раздобыл концессию

на поиски и разработку золота на Чукотке «на особых условиях». Надо сказать, что этой концессии добивались многие, особенно иностранцы, но все они получали отказ. Для Вонлярлярского ведомственная машина закрутилась с необычайной быстротой. Вслед за получением концессии он добился также, чтобы в лето 1900 года в территориальные воды у побережья Чукотки был послан русский военный фрегат «Якут» для охраны побережья от вторжения поселенцев с американского берега, а точнее, для охраны его концессии.

Поисковую экспедицию Вонлярлярского должен был возглавить геолог Богданович, о котором я уже упоминал. По странной логике событий экспедиция, которая должна была закрепить русский приоритет на Чукотке, снаряжалась в Сан-Франциско, отправлялась на американском судне с норвежской командой. В качестве рабочих везли китайцев, инженерами были в большинстве англичане. Лишь позднее выяснилось, что Вонлярлярский был подставной фигурой. За его спиной стоял ряд английских банков, которые опоздали к дележке клондайкского золота и решили во что бы то ни стало компенсировать упущенное на Чукотке.

Между тем слухи о намечавшемся вторжении американских старателей на Чукотку получили и официальное подтверждение.

Концессия Вонлярлярского приобретала как бы национальное значение. В этих условиях экспедиция Богдановича была сформирована в срочном порядке. 27 мая она отплыла из Сан-Франциско на шхуне «Самоа» и взяла курс к бухте Провидения, имея на борту кроме норвежской команды десять русских, девять англичан и четырнадцать китайцев рабочих.

Богданович, как геолог, отвечал за геологическую часть экспедиции, личным же представителем Вонлярлярского на судне, был инженер — англичанин Бекер.

«В течение всей экспедиции мне приходилось выдерживать глухую борьбу с иностранными ее членами», — писал Богданович.

В бухте Провидения Богданович не застал «Якута», но зато обнаружил здесь судно «Прогресс», принадлежавшее владивостокскому купцу — англичанину Бринеру. На борту судна находился представитель Иркутского горного управления, который был уполномочен «отвести г. Бринеру любой участок, который тот пожелает застолбить».

Между экспедициями Бринера и Богдановича разгорелась борьба, достойная приключенческого романа. Оба судна прятались друг от друга в скрытых местах побережья и вели разведку на золото, тщательно скрывая друг от друга ее

результаты. В течение лета к побережью несколько раз подходили американские суда, которые, однако, быстро удалялись, узнав неведомыми путями о приближении русского военного брига.

Между тем на «Самоа» разгорелась тройная борьба: между капитаном судна и Богдановичем, между Богдановичем и английской частью экспедиции. Англичане имели достоверные по их мнению, сведения о местонахождении золота. Богданович хотел провести планомерное исследование побережья, капитан Янсен и команда пили и занимались скупкой мехов у прибрежного населения в обмен на спирт, что категорически запрещалось существовавшими в то время законами Российской империи. Богданович наивно полагал, что сможет запретить им продавать спирт прибрежному населению.

Во время захода шхуны в Ном для мелкого ремонта и пополнения запасов угля Янсен отказался следовать обратно к Чукотке. Английская часть экспедиции сошла на берег, так как уже успела убедиться, что их сведения о «точном» местонахождении богатейших месторождений золота на Чукотке не более как фикция. Золото было всюду, но это были знаки в шлихах, а никак не промышленные россыпи.

Экспедиция закончилась крахом. Единственным ее результатом явилось то, что на Чукотке было подтверждено повсеместное распространение знакового золота. Существование промышленных россыпей по прежнему оставалось неизвестным.

В позднейшие годы одиночки старатели на свой страх и риск вели поиски на Чукотке. И опять таки они встречали только знаки.

Некоторый успех был достигнут в 1913 году в горах севернее Анадырского залива. Здесь было обнаружено промышленное золото в хребте, так и названном Золотым хребтом. Месторождение оказалось бедным, и работы вскоре прекратились, так как доставка оборудования и необходимых припасов требовала неимоверных затрат.

Уже в советское время на Чукотку приезжало несколько небольших экспедиций треста «Союззолото», которые подтверждали наличие золота на Чукотке и опять таки ничего не могли сказать о промышленных месторождениях. К началу сороковых годов интерес к чукотскому золоту угас. В районе Певека были найдены богатые месторождения олова, а одна из геологических концепций гласит, что олово и золото трудносовместимы в одной геологической провинции.

В 1940 году геолог Р. М. Даутов, работавший на реке Ичувеем к северо-востоку от Певека, обнаружил в россыпях незначительное весовое золото. Три года спустя работавший в

этом же районе геолог Г. Б. Жилинский обнаружил, что в ряде мест в бассейне реки Ичувеем золото встречается иногда в значительных весовых количествах. Жилинский написал докладную записку с обоснованием более тщательных поисков золота и разведки его шурфами, но десятилетия предыдущих неудач позволили многим скептически отнестись к возможности обнаружить промышленное золото на Чукотке.

Удача пришла в 1949 году к партии, руководимой В. А. Китаевым. В ручьях бассейна все той же реки Ичувеем он обнаружил весовое золото. Еще дальше к востоку геолог В. П. Полэ обнаружил перспективные участки на реке Паляваам.

Но все это была старая история. Наличие признаков золота на Чукотке, может быть даже мелких россыпей, никто и не думал отрицать. В крупные месторождения, однако, никто не верил, а для Чукотки необходимо было именно крупное месторождение, которое оправдало бы громадные затраты на постройку прииска, дороги к прииску и так далее.

Центром геологических поисков на Чукотке был поселок Певек. Давно уже тундра засосала останки ручных буров «Эмпайр», доставленных американскими старателями. В восточных прибрежных поселках доживали дни те, кто был заброшен на Чукотку центробежной силой аляскинской золотой лихорадки и не смог отсюда выбраться; Доверчивым приезжим все еще продолжали рассказывать байки о золотых мундштуках, которые делают себе из самородков чукотские пастухи. Но в серьезное чукотское золото мало кто из серьезных людей верил.

Певек, основанный в 1929 году как культбаза и фактория, жил на олове. Олово было найдено в образцах, доставленных отсюда в 1903 году С. В. Обручевым. Олово — стратегический металл. Месторождений его в мире не так уж много. Именно во время войны вокруг Певека возникли прииски, имевшие касситерит[7] в россыпях, и рудник «Валькумей» на мысе, откуда были доставлены знаменитые обручевские образцы; Геологическое управление Певека целеустремленно занималось расширением границ открытой оловянной провинции, золото считалось попутным металлом, в перспективы которого трудно было поверить.

Судьба свела в Певеке главного инженера управления Николая Ильича Чемоданова, работавшего ранее в колымском золотоносном районе и уже имевшего звание лауреата Государственной премии за открытие одного из крупных колымских месторождений, и прораба Алексея Константиновича Власенко, который не имел ровно никакого геологического образования, кроме практики в экспедициях. В устной истории

чукотского золота эти два человека играют решающую роль.

Н. И. Чемоданов, возможно, по интуиции старого «золотаря» поверил в чукотское золото, но, как опытный руководитель, знал, что средства на поиски и разведку можно получить только под реальные, весомые доказательства его существования. В 1953 году партия Китаева вновь вернулась на реку Ичувеем. Прорабу партии Власенко удалось сделать недостижимое: каким-то неведомым нюхом угадывая богатые места, он с простой старательской проходнушкой намыл первый килограмм чукотского золота. Килограмм это было уже весомо. Поставленные разведочные работы выявили в притоках реки Ичувеем промышленные россыпи золота.

После этого золото, которое пряталось в течение пятидесяти лет, как будто сдалось: новые месторождения были открыты к западу от Певека на реке Баранихе, к югу на Анюе, к востоку на мысе Шмидта и на реке Паляваам. Все это было уже через годы, но в большинстве этих открытий так или иначе участвовал поисковик Власенко. Воистину природа наградила этого молчаливого тучного человека каким-то шестым геологическим чувством. Он умер на мысе Шмидта в зените легендарной славы открывателя золотых месторождений.

Перед смертью он успел «намыть» еще одно месторождение — то, где сейчас прииск «Полярный». За Власенко в последние годы крепко охотились журналисты. Но человек, непосредственно участвовавший в открытии многих крупных месторождений, живая история чукотского золота, не имел нужной для журналистов изюминки. Это был склонный к полноте украинец, даже без обычного украинского юмора. Но он был великолепный и неутомимый тундровик. Я ходил с ним в маршрут, когда он контролировал промывку на одном ручье, объявленном по прежним поискам безнадежным. Так вот на этом самом контрольном опробовании на «пустом» ручье он при мне извлекал из лотка «тараканы» с полногтя величиной. Сейчас опять таки на том месте прииск. Вряд ли это можно объяснить только добросовестностью, тем более что образования Власенко не имел никакого. Просто в этом человеке сидел талант геолога поисковика.

В 1958 году «золотой век» Певека еще только начинался. По вечной мерзлоте пробивалась трасса к тому месту, где Власенко намыл старательской проходнушкой первый килограмм золота. Расширялось геологическое управление.

Уже в то время перед геологами встала задача теоретически осмыслить факт открытия новой золотоносной провинции на громадных пространствах Чукотской тундры, в ее горах и в

долинах ее рек. Нечто подобное сделал в тридцатых годах член корреспондент АН СССР Юрий Александрович Билибин, который по первым признакам золота обосновал и предсказал открытие знаменитого Колымского золотоносного пояса. Однако с тридцатых годов геология ушла вперед. «Теория» чукотского золота требовала данных на уровне середины XX века, в частности данных геофизики. В идеале геофизические данные должны были вскрыть структуру земных пластов, особенно на участках, которые недоступны взгляду геолога. Необходимо было уяснить структуру дна Чукотского и Восточно-Сибирского морей и увязать воедино разрозненные блоки изученных структур Колымы, Чукотки и острова Врангеля.

Как всегда, работы начинались медленнее, чем бы это хотелось и чем требовала обстановка. Геофизическая база Певекского управления была еще слаба: небольшой набор старой аппаратуры и несколько техников самоучек.

В качестве «пробного камня» было предложено организовать геофизическую партию, которая должна была рекогносцировочно получить геофизические характеристики гравитационного и магнитного полей в «ближайших окрестностях» Певека.

Проект этот утвердили.

2

На юг от Певека, между побережьем Чаунской губы и Анадырским нагорьем, расположена обширная Чаунская Низменность. Низменность как бы продолжает на юг впадину губы. Горы Нейтлин, пологие холмы Мараунай и Чонай отделяют ее от долины реки Баранихи на западе. Холмы Чаанай и Теакачин отделяют Чаунскую низменность от долины Паляваама — одной из крупнейших рек Чукотки. Чаунская низменность покрыта равниной, озерной тундрой и почти недоступна для обычного геологического изучения. В то же время знание ее структуры и мощности наносов в ней являлось принципиально важным.

С востока Чаунскую губу ограничивает обширный остров Айон, известный среди полярников тем, что является самым малоснежным местом в советской Арктике. Происхождение острова Айон было совершенно неясным, так как он сложен песками и торфяниками четвертичных отложений и геологические исследования коренных пород были на нем невозможны.

Вообще, весь этот район относился к наименее изученным

даже географически. Чаунскую низменность пересек на оленях капитан Биллингс зимой 1791 года, оставив в дневниках весьма мрачное ее описание.

В 1907–1908 годах здесь прошёл исправник Калинников, который написал после путешествия небольшую книгу, являющуюся нынче величайшей библиографической редкостью.

Географическую схему района составил по настоящему только С. В. Обручев, экспедиция которого базировалась в Певеке в 1929–1931 годах. Около острова Айон зимовала в 1919 году шхуна Амундсена «Мод». За год до нас на острове Айон и на Чаунской низменности побывала геологическая экспедиция Константина Паракецова, которая дала, пожалуй, первые сведения о геологии района. Вот и все.

Состав партии укомплектовался достаточно быстро. В нее попали только что окончивший МГУ геофизик Анатолий Бекасов и техник Саша Шилов, круглолицый, спокойный до флегматичности сибиряк из под Омска. В начале апреля нам выделили из только что доставленной группы вербованных восемь рабочих.

В середине апреля партия была окончательно укомплектована, и мы отправились из Певека на тракторных санях в устье Чауна. Под базу партии выбрали место бывшей фактории Усть-Чаун, существовавшей еще с начала века. В Усть-Чауне остался один домик, бывшая пекарня, штабеля ржавых бочек из под солярки, разломанный тракторный двигатель, старое кладбище и неизвестно откуда взявшийся ржавый японский катер.

Мы выехали из Певека 22 апреля около шести часов утра и через три километра, когда поселок исчез за тундровыми увалами, остановились на ночевку. Тракторист дядя Костя хотел спать. Надо сказать, что в пятидесятых годах трактористы в Певеке были хозяевами положения. Снабжение приисков, стационарных разведочных экспедиций, заброска самых дальних партий зависели от них.

Они делали сотни километров по зимней и летней тундре, проваливались с тракторами под лед, замерзали, по нескольку суток сидели за рычагами без сна. В этих условиях при геологическом управлении образовалась своеобразная каста людей, способных работать выше мыслимых человеческих возможностей. Слабый человек здесь просто не выдерживал. Таким был тракторист в тундре.

Но когда этот самый тракторист попадал в поселок, становился капризен, как примадонна. Приказы для него попросту не существовали, ибо эти прокаленные мужики знали

тысячу и один способ, как обойти любой приказ. Среди начальников партий имелась целая подборка легенд, где главным действующим лицом был тракторист. Существовал также целый свод приемов, как выманить его из поселка. Здесь все основывалось на понимании страстей и способностей человека, на неписаном кодексе чести. В кодекс чести тракториста, например, входило доставить партию, коль скоро он взялся ее доставить, и не угробить машину где-нибудь на полутысяче неезженых тундровых километров.

Дядя Костя справедливо считался одним из корифеев. Это был совершенно седой старик с выбитыми или потерянными где-то зубами. Позднее я с удивлением узнал, что дяде Косте всего навсего сорок семь лет. Жил он на Чукотке в трудные времена.

Трактор швыряло на снежных застругах, обломки всторошенного льда крошились под гусеницами. В кабинке стояла адова жара от перегревшегося двигателя, солярки, табачного дыма. Через каждые полчаса дядя Костя останавливал трактор и клал на потную голову комки снега. Потом вынимал из под сиденья термос с дегтярной заваркой чая. Потом садился за рычаги.

На загруженных доверху санях, забравшись с головой в спальные мешки из оленьего меха, лежали рабочие. Смешно сказать, все они пять дней назад прилетели самолетом из под города Мурома. Владимирские мужички. Никто из них не видел ни Севера, ни тундры, не знал геологической жизни. Сейчас ребята были просто ошарашены быстротой событий: село — самолет — Апапельхино, и вот их везут черт те куда, в невиданную глушь, для неведомой работы.

Базу мы устроили быстро. Жилой дом, выстроенный еще в те времена, когда Олаф Свенсон открыл здесь торговый пункт для чаунских чукчей, состоял из двух комнат. В одной из комнат размещалась никогда не гаснущая плита, на которой вечно кипела громадная кастрюля с чаем, пекся хлеб, здесь был клуб и техсовет партии. В бывшей пекарне удалось приладить нары и организовать общежитие. Какую-то неизвестного назначения фанерную будочку мы приспособили под баню.

3

Когда быт был налажен, я стал думать о собачьих упряжках. Предстояло выполнить по льду два гравиметрических маршрута, максимально охватывающих пространство Чаунской губы. Общая

длина их составляла около двухсот пятидесяти километров, и работу пешком выполнить было невозможно. На крайних пунктах маршрутного эллипса находились Усть-Чаун и юго-восточная оконечность острова Айон.

Я рассчитывал арендовать упряжку собак с запасом корма в колхозе, но после недавней борьбы за механизацию, когда собак просто перестреляли, там имелась только одна упряжка, принадлежавшая торгово-заготовительному пункту. Нам не удалось найти общий язык с заведующим факторией. Упряжку он дать отказался. Еще одна упряжка собак, как нам сказали, принадлежала охотнику Василию Тумлуку.

Избушка его находилась в устье реки Лелювеем, в пятнадцати километрах к западу от нашей базы. Сезон охоты на песца кончился, собаки в принципе были свободны, и я, загрузив рюкзак необходимыми для переговоров предметами, отправился на лыжах к устью Лелювеема.

Тумлук, низкорослый и сутуловатый, как большинство тундровых охотников, отлично говорил по-русски. Одно время он был старшиной колхозного катера, доставлявшего товары на факторию в Усть-Чаун, и поэтому любил называть себя моряком. Дать собак он отказался наотрез. Это было в общем-то справедливо, так как я сообщил ему, что в жизни не ездил на собаках: Ехать со мной он также не хотел, ссылаясь на занятость хозяйством. Я извлек содержимое рюкзака. Но через час добился лишь того, что Василий Тумлук стал считать меня неплохим человеком и потому подробно объяснил, почему нельзя ехать. Мы вышли посмотреть собак. Тут даже мне стало все понятно. Это были не собаки, а кошки. Более мелких псов мне не приходилось видеть.

— Собачки устали — объяснял Василий. — Длинный сезон, все время в работе. Сейчас весна. Тяжелый снег. Длинный перегон.

Но ехать таки было надо. И где-то во втором часу ночи Тумлук с этим согласился.

Мы отправились на следующий день в четыре утра, когда затвердевший за ночь снег хорошо держал нарты. Ночью стоял мороз градусов под тридцать, Василий запряг в нарту мелкоразмерных псов. Одиннадцатым был вожак — вовсе уж крохотный рыжий пес, величиной с таксу, с умнейшими глазами. Звали его Таракан, точнее, Таракан Иванович. Я быстро и прочно понял, что просто неприлично обращаться к нему без отчества.

Собаки суетились, когда их запрягали, и в общем-то охотно шли в алык и к потягу. Но когда нарта была загружена и оставалось только выдернуть остол, упряжка, как по команде,

подняла отчаянный тоскливый вопль. Ободранные собачьи лапы, тяжкий труд, тысячи километров, пройденных ими в полярной ночи, — все было в этом выразительном хоре.

Неожиданно концерт кончился. Василий выдернул остол, и упряжка резко взяла с места.

Василий на ходу объяснил мне принципы управления упряжкой. «Хек», — пошел, «поть-поть», — право, гортанное «кхрр» — налево. Но главное в длинном маршруте — держать на потяге равномерную нагрузку. На бугор подталкивать, на спуске — тормозить.

— Давай работай, — сказал Василий. И я начал работать. Толкал нарту на заструги, бежал рядом на тяжелом участке.

— Здоровый парень, — одобрительно говорил Тумлук. — Бегаешь, как олень. А ну еще!

Днем солнце стало припекать вовсю. Снег размок и превратился в жидкую кашу. На собак жалко было смотреть. Они работали изо всех сил, эти дворняги. И больше всех работал Таракан Иванович. Где то, еще возле избушки, он лег грудью на алык и так перебирал короткими лапами, все время усердно натягивая постромку. Точно так же с молчаливым усердием он поворачивал упряжку после команды. Беспечные собаки Тумлука признавали только бег по прямой, и Таракан Иванович напирал после команды до тех пор, пока вся упряжка не загибала в нужную сторону. Единственным рослым из собак был сумрачный Иннакели. Он был из породы короткошерстных колымских ездовых собак — лучших ездовых собак мира. Иннакели был стар. На каждой остановке он мгновенно ложился. По первому слову вставал и натягивал алык. Старость и годы работы превратили его в ездовой механизм. Безуспешно я пытался установить хоть какой-то контакт с этим уважаемым псом. Он смотрел отчужденно, в белых, как у всех чистопородных колымских лаек, глазах не было, казалось, никакого выражения.

Наступил вечер, за ним сумерки. Стало слегка подмораживать, но острова все еще не было видно. Сумерки не сгущались, так как май уже время полярного дня, но мороз крепчал не на шутку. Моя промокшая от пота кухлянка затвердела и гремела, как жесть. Уставшие собаки еле тянули. Где-то около двух часов ночи мы добрались до берега, сделав за сутки девяносто километров.

Юго-восточные берега острова Айон состоят из торфяных и песчаных обрывов. Обрывы уже вытаяли под солнцем обнажилась черная земля, пожухлая, прошлогодняя травка. Мы покормили собак, разожгли костер из плавника и стали коротать ночь. Видимо, оба мы были в том состоянии переутомления, когда

человек не может спать. Было тихо, как только может быть тихо в заснеженной тундре, где никто не живет.

Где-то под утро стало пригревать солнце и мы задремали. Собачьи лапы мелькали и мелькали у меня перед глазами. Болело все тело. Я постигал, что езда на собаках — труд, а не колоритное катанье на санках в меховой одежде.

Когда солнце поднялось выше, я решил пройтись вдоль обрывов. Море легко размывает остров Айон, и вдоль необозримого участка берега тянулся идеально ровный пляж стометровой ширины. Знаменитые ветры выгладили его — на пляже не было ни одного заструга, ни одной неровности. Искрящийся на солнце, твердый и гладкий, как паркет, снег убегал на север. Сорокаметровые торфяные обрывы были изрезаны промоинами. Дорогой и у костра мы с Тумлуком много говорили о чукотских легендах. И в какой-то момент мне вдруг показалось, что в этой немыслимой тишине, в слепящем сверкании снега, в безлюдье из расщелины возьмет и выйдет мохнатый чукотский келе, и это будет не более необычным, чем, допустим, встретить знакомого на московской улице. Когда возможность этой чепухи стала казаться мне совершенно реальной, я повернул назад и принялся строить тур, чтобы закрепить на местности конечную точку наблюдения.

В обратную дорогу мы решили пуститься ночью, как только подморозит. Этот маршрут был еще длинее — около ста десяти километров. Собаки съели всю панку[8]. Тумлук что-то ворчал по чукотски и озабоченно качал головой.

Ночь выдалась теплой, снег почти не замерз. Мы не могли остановиться на передышку из-за особенности рейсов с гравиметром, которые должны продолжаться без перерыва от начального до конечного пункта. В противном случае наблюдения будут забракованы, хотя я не претендовал (и не мог претендовать) на высокую точность. Это была, первая геофизическая информация, получаемая на территории Чаунской губы, и она имела неоспоримую ценность даже при небольшой точности данных.

Тумлук как-то упал духом или просто устал: все-таки ему было больше пятидесяти. Я вообще удивлялся выносливости, которая таилась в его маленьком, сухом теле. Он доверил каюрить мне, а сам уселся сзади за пассажира. Ну что ж, сбывалась мечта: я вел собачью упряжку по полярным льдам. Наверно, собаки, как и лошади, понимают, когда ими управляет новичок. Во всяком случае, они через полчаса перевернули нарту. Все дело было в тюленях. На весеннем льду губы то и дело виднелись греющиеся на солнце нерпы. Они лежали у лунок

черными запятыми. В бинокль было видно, что спящая нерпа, как автомат, через равные интервалы времени поднимает голову, озирается и снова роняет ее на лед в блаженном сне. Другие, выспавшиеся, лежали на спине, похлопывали от удовольствия хвостом и ластами, переворачивались. Стоял безветренный день, майское солнце сжигало кожу. Я снял кухлянку и бежал рядом с нартой в одной ковбойке. Откуда-то сбоку пронесся легкий порыв ветра. В тот же момент вся стая взвыла, рванула в сторону, и я очутился на снегу. Упряжка рвалась вперед, а сзади, уцепившись за нарты, тащился по снегу Тумлук.

— Запах услышали, — сказал он. — Нерпа!

Снова началась монотонная езда. Через час все повторилось. И снова Тумлук успел уцепиться за нарту, пока я барахтался на снегу.

— Не зевай, — опять сказал Тумлук. — Убежать могут. — И тут он увидел свое ружье. Одностволка лежала на нартах, при рывке ствол высунулся, зацепил за лед, и его согнуло. Тумлук просто взвыл от ярости. Он осыпал меня ругательствами на русском, чукотском и эскимосском языках. Собаки остановились, уселись на снег и, видно, забыв про усталость, с искренним любопытством наблюдали за нами. Наконец Тумлук выдохся.

— Не умеешь — не садись, — сказал он и прогнал меня в задний конец нарты. Через полчаса он все-таки вспомнил, как хорошо сидеть пассажиром, и миролюбиво спросил:

— Инженер?

— Инженер, — с горечью признался я.

— Значит ружье выправишь, — сказал Тумлук и отдал мне остол.

Этот затяжной беспрерывный рейс продолжался около тридцати часов. После него собаки и мы два дня отлеживались и откармливались. Аня, жена Тумлука, кормила нас рыбьими брюшками, собак — обильно сдобренной жиром панкой. Нерпичьим жиром я мазал лицо, которое обгорело на весеннем солнце и воспалилось.

Через два дня Тумлук сдал, мне в аренду упряжку из шести собак, нарту, немного корма, подарил кухлянку, и я начал работать самостоятельно, без каюра, решив сделать как можно больше маршрутов, пока держится лед на губе.

Во время поездки к устью золотоносной реки Ичувеем случилась история, которая могла плохо кончиться, если бы не Таракан Иванович.

Я выполнил рейс и возвращался обратно холостым ходом, «срезав» юго-восточный угол губы. Стоял великолепный солнечный день, и меня неудержимо потянуло в сон. Собакам

тоже надо было отдохнуть. Я выбрал место за уютным торосом, куда не доходили порывы ветра, разгрузил нарту, поставил ее набок и приколол остолом. Собаки улеглись. По существующим правилам полярной техники безопасности я возил спальный мешок — кукуль из шкуры зимнего оленя. В мешке было жарко, и я постепенно раздевался, лежа в мешке, а одежду складывал на нарту. Через полчаса я лежал в мешке уже совершенно голый. Кстати, это самый удобный, если не единственный, способ спать в кукуле. Проснулся я от дикого собачьего воя и увидел, что упряжка вместе с нартой уносится куда-то в Ледовитый океан. Нарта перевернулась «удачно», на полозья, остол валялся в снегу, на нарте уезжала моя одежда.

Я выскочил из мешка и бросился за собаками. Получалось довольно смешно: где-то во льдах Ледовитого океана бежал голый человек. Собаки уносились стремительно, и я на бегу стал соображать, что придется оторвать кусок от спального мешка, намотать на ноги, мешок надеть на себя и так выбираться к людям. И опять получалось смешно: каким чучелом я явлюсь на базу!

Зернистый снег жег подошвы, — наверное, я бежал очень быстро, но собаки бежали метрах в трехстах впереди еще быстрее.

Потом они все сгрудились, нарта с ходу наскочила сзади, раздался визг. Я понял, что опять проклятая нерпа вылезла из лунки и ветер донес запах, отчего собаки обезумели. Я подбежал уже метров на тридцать, как вдруг упряжка распуталась и устремилась куда-то на север. Около лунки остались выпавший торбас и рукавица. Я завопил что есть силы и тут увидел, что упряжка изгибается. Таракан Иванович изо всех сил упираясь, пытался повернуть обратно. Его быстро сбили, он тащился по снегу, поднялся вой, драка, все перепуталось, и мне удалось ухватиться наконец за нарту.

4

Среди «стариков» геологического управления в Певеке существовало недоверие к авиации. Самым надежным транспортом считались собственные ноги, затем трактор, затем самолет Ан-2. Вертолет же фигурировал как счастливый случай, неожиданный шанс. Никто в пятидесятых годах не строил план работы с опорой на авиацию. Я по молодости заложил в проект аренду вертолета для того, чтобы заброситься со всем грузом в верховья Чауна и оттуда сплавиться вниз на резиновых лодках.

Как ни странно, вертолет действительно прилетел к устью Чауна с опозданием всего на неделю. Летчики очень спешили, я быстро наметил им пункт высадки в предгорьях Анадырского хребта. Мы загрузили наиболее тяжелое снаряжение, палатки, продукты, двухместную лодку, каяк, электроразведочные катушки. С первым рейсом улетели Бекасов и двое рабочих. Вертолет вернулся через два часа.

Оказалось, что второй рейс они сейчас сделать не смогут: кончается бензин. Летчики заверили, что через три часа прилетят снова, и с тем убыли.

Через три часа их не было, их не было и через неделю. Партия не имела рации, и мы не могли, узнать, что случилось. Ко всему примешивалось беспокойство за ребят, заброшенных в горы, — они ведь ждали нас буквально через считанные часы. На Чауне начался паводок, и я боялся упустить его: с верховьев чукотских рек лучше всего сплавляться по большой воде. Стояли отличные весенние дни, солнце грело так, как оно греет только высоко в горах или на Чукотке. Мы целыми днями слонялись вокруг базы и смотрели в небо.

Вертолета не было уже десять дней.

И все-таки сейчас я рад, что случилось именно так. Потому что именно в один из этих дней мне довелось впервые увидеть розовую чайку.

О розовой чайке арктических стран

«Я готов хоть раз увидеть розовую чайку и умереть», — заявил корреспондентам Фритьоф Нансен перед началом своего знаменитого рейда на «Фраме». Его мечта сбылась: он увидел несколько птиц, когда они с лейтенантом Фредериком

Иохансеном выбирались к Земле Франца Иосифа после неудачного похода к полюсу.

Впервые розовую чайку добыла экспедиция английского капитана Джона Росса в 1823 году на Земле Мелвилла — обширном равнинном острове Канадского архипелага. Необычная раскраска птицы, загадочность ее происхождения породили настоящую сенсацию. В последующие десятилетия редким экспедициям удавалось видеть ее, и всегда только на севере, во льдах, или в равнинных областях за Полярным кругом. Постепенно розовую чайку возвели в роль своеобразного символа Арктики. Но ни одному биологу не удавалось видеть ее гнездовий, ни один человек не встречал розовой чайки в более южных широтах. Казалось, она круглогодично живет в Арктике, или, улетая, превращается в какую-то иную птицу.

Загадку розовой чайки удалось разгадать лишь в 1904 году известнейшему русскому зоологу Сергею Александровичу Бутурлину.

Будучи еще молодым человеком, он отправился искать розовую чайку в низовья Колымы, резонно рассудив, что искать ее надо там, где никто не бывал и где есть подходящие для чаек условия. Он нашел гнездовья розовой чайки на Нижне-Колымской низменности, и с тех пор эта низменность считается единственным в мире местом, где гнездится эта редчайшая птица. Любопытно, что зимовать розовая чайка улетает на север к разводьям, и является, таким образом, сугубо полярной птицей.

В один из вечеров я заговорил об этом с рыбаками, которые разбили становище рядом с нашей базой, и один из них неожиданно сказал:

— Да чо там! Она тут рядом гнездится.

— Не может быть, — твердо ответил я, свято веруя в прочитанное.

Пошли, — сказал рыбак.

Мы отошли от базы не больше километра. Низовья Чауна изобилуют мелкими тундровыми озерами. Из прибрежной осоки вырывались ошалелые утки. Кулики перекликались на всю тундру. В ржавой озерной воде суетились плавунчики. С сухих озер на противоположном берегу доносились гусиные крики.

Мы остановились у ничем не примечательного озерца. Стая маленьких чаек кружилась над нами. Ей богу, я не видел в них ничего особенного, необычным был только полет — чайки кружились в неровном, изломанном полете и совсем нас не боялись.

Дай-ка ружье, сказал рыбак.

Итак, на ладони у меня очутилась розовая чайка. Ее

невозможно описать — слова здесь бессильны, так же как, вероятно, краски или цветная фотопленка. Перья на груди были окрашены в нежнейший розовый оттенок. Такой цвет иногда приобретает белый предмет при закате солнца. Клюв и лапки были яркого карминно-красного цвета, верхняя часть крыльев, особенно плечи, жемчужно серого или, скорее, голубоватого оттенка, и вдобавок шею украшало блестящее, агатового цвета ожерелье. Остальные чайки, ничуть не испугавшись выстрела, продолжали кружиться над нами. Я насчитал их семь штук. Они издавали тихие крики, ничуть не похожие на голоса других чаек, и теперь-то я уж видел точно — полет их был необычаен. Это был какой-то порхающий полет — так падает в воздухе оброненное птичье перо.

Спустя несколько лет в низовьях Колымы нам, можно сказать, довелось жить среди розовых чаек, но ничто не могло сравниться с первым впечатлением. Возможно, для этого надо чайку держать в руках, но в тот раз я дал себе слово никогда не стрелять в них. Эту птицу убивать невозможно.

На пятнадцатый день стало ясно, что с вертолетом что-то случилось. Между тем ждать больше было нельзя, решили идти в верховья Чауна пешком. Надо было преодолеть около ста пятидесяти километров весенней тундры, а главное, доставить груз. У нас имелась лодка. Самодельный фанерно-брезентовый «утюг» и подвесной мотор. Было известно, что Сергею Владимировичу Обручеву в 1931 году удалось подняться на лодке по Чауну до холмов Чаанай, то есть почти половину нашего пути. Но первая же проверка показала крайнюю неуклюжесть нашего самодельного судна и ненадежность мотора. Почему-то он упорно предпочитал работать на одном цилиндре и поминутно глох. Мы отобрали самый необходимый груз и уравняли его по рюкзакам. Получилось по двадцать восемь килограммов на человека. Кроме того, был еще рюкзак с понтоном, который весил тридцать шесть килограммов.

Высокая вода шла почти вровень с берегами, и единственной дорогой оставалась кочкарниковая тундра, ибо берега Чауна вплоть до холмов Чаанай поросли кустарником. Ходьба по кочкам с тяжелым грузом довольно сложна, а кочки в долине Чауна были добротные, по колено. Хуже всех приходилось Сергею Скворцову, которого я сманил в экспедицию из механических мастерских управления за веселый нрав и готовность к приключениям. Он нес на голове надутый тридцатишестикилограммовый понтон, на котором то и дело приходилось переправляться через различные мелкие протоки, — постоянно спускать воздух из лодки и вновь накачивать ее не имело смысла. На участках с равнинным

берегом мы вели лодку бечевой, но это удавалось не часто. На пятый день пути норма продуктов составила три галеты в день. Остальное — что бог пошлет. Как назло, к этому времени утки уже уселись на гнезда, озера были пусты.

Пришлось кормиться гагарами, которые все-таки встречались. Эти остроносые черные птицы сидели парами почти на каждом крупном озере. По земле гагара ходить не может — лапы у нее приспособлены для воды и слишком далеко отнесены к хвосту. Зато гагара великолепно ныряет, плавает и, взлетая с воды, долго, как тяжелый самолет, разбегается против ветра. Обычно гагар не едят, но было время, когда на гагар велась интенсивная охота: шкура ее, снятая вместе с перьями, шла на женские шляпки. Эскимосы до сих пор из этих шкурок шьют теплую одежду.

За холмами Теакачин на седьмой день кустарники кончились. Идти по сухой тундре было гораздо легче, но теперь мы уже не могли разжигать костер по вечерам, не на чем стало варить и вездесущих гагар. Я беспокоился об одном: как разыскать палатку наших ребят. Мы шли сейчас по Угаткыну, притоку Чауна. Предгорья были совсем близко, среди речных террас, холмов, сопок искать палатку можно было бы до бесконечности. Оставалось надеяться лишь на то, что ребята поставят ее в каком-либо особо приметном месте.

К счастью, они догадались это сделать. На девятый день мы увидели палатку в бинокль: она стояла на вершине большого увала и четко вырисовывалась на фоне неба. В тот день мы уже не могли до нее дойти, остановились на последнюю ночевку. Ночь была тревожной, почти никто не спал. Мы беспокоились о том, остались ли наши люди на месте — ведь о нас почти месяц не было ни слуху ни духу. Они могли на резиновой лодке отправиться обратно на базу вниз по Чауну, разминуться же с ними среди десятков проток было проще простого.

В шесть утра мы были уже в дороге. До палатки оставалось несколько километров, но мы добрались лишь к вечеру. Угаткын разлился на несколько бурных проток, общая ширина его составляла теперь с километр. Вероятно, где-то в горах прошел дождь, галечниковое русло было покрыто сплошным валом ревущей воды. В верховьях размыло наледь — вода несла крупные куски льда. Переплывать протоки на лодке здесь было невозможно. Мы сложили в понтон рюкзаки и стали по бокам, держась за боковые веревки. Наконец последняя протока была пройдена. Я приказал бросить лодку, вещи и бежать наверх, к палатке. Я боялся, что у кого-нибудь может наступить переохлаждение организма, чреватое, как известно,

последствиями.

Около палатки никого не было. Вход был застегнут. Кто-то выстрелил вверх из карабина. Вход палатки раздернулся, как театральный занавес, и оттуда выскочили три ошалелых, заросших бородами человека. Они не слышали, как мы подошли, не слышали и отчаянной ругани, которая неслась с островков Угаткына.

Работа со сплавом по Чауну продолжалась месяц. Пункты геофизических наблюдений размещались через пять километров. На каждом из них надо было растянуть, а затем смотать около трех километров электропровода для вертикальных электрических зондирований, проводились гравиметрические и магнитные исследования. Особенно доставалось рабочим при электроразведке, так как тянуть километры тяжелого провода среди кочек, путаницы полярной березки, кустарника было тяжело. Обычно при таких работах применяются машины, вездеходы, даже тракторы. Из рабочих особенно выделялись Федор Васильевич Арин, уже пожилой, рассудительный человек, прошедший войну майором, его брат Миша, неунывающий веселый парень, настоящий экспедиционник, Витя Копелкин, владимирский плотник. Да и все другие работали отнюдь не за «одну зарплату», как это и положено в экспедиции.

Но дело было даже и не в этом. Чаунская долина с каким-то непостижимым дружелюбием демонстрировала нам щедрость чукотского лета. Поставленная на ночь драная сетка наутро была полна хариусами, кустарник буквально, сотрясался от шнырянья бесчисленного заячьего потомства, стаи линных гусей прятались по берегам тундровых озер, береговой ил хранил отпечатки оленьих копыт и тяжких медвежьих лап, и в завершение всего в тундре среди травы, в небе, в кустарнике круглосуточно перекликалась птичья мелочь. Муромские мужички, словно по непостижимому наитию, мгновенно освоились с тундрой, спецификой нашей работы, и нередко бывало — по вечерам кто-нибудь из них, лежа у костра и поглядывая на дальние увалы, вздыхал на тему «сколько земли пропадает». И слушал в ответ перекличку потревоженных кем-то канадских журавлей.

Но это было не совсем так — не пропадала бесцельно эта земля. Она хранила кучки рогов на могилах оленеводов, выложенные кольцом камни, прижимавшие когда-то, а может совсем недавно, нижние края пастушьих яранг, и рядом почти неизменно была копия той же яранги из маленьких камушков — извечные игры чукотских детей.

5

К плаванию на Айон мы были готовы только в начале августа. Много времени заняла подготовка аппаратуры и переделка лодки. На всем пространстве берега от устья Чауна мы не могли пополнить запас бензина, и его приходилось брать на прямую и обратную дорогу. Остров Айон на всех своих берегах совершенно безлюден, только в северо-западной части его находился небольшой колхозный поселок. Я решил взять с собой Мишу Арина и Сергея Скворцова — они наиболее подходили для предстоящей работы. Полтора месяца мы должны были находиться только втроем.

Мы отправились в тихий день. Через два часа устье Чауна осталось позади, мутная речная вода сменилась морской прозрачной. С севера губы шли пологие гладкие валы. Наш «Утюг» не был, конечно, приспособлен для морского плавания, и мы решили, максимально используя штилевую погоду, идти без остановок. Мы сделали только короткую задержку в устье реки Лелювеем, чтобы навестить. Васю Тумлука. Тумлук сейчас занимался рыбалкой, избушка его казалась издали красной от развешанных по стенам вялившихся гольцов. Несколько самых больших рыбьих пластин, прозрачных от переполнявшего их жира, он кинул нам в нос лодки, и они лежали там оранжевыми досками.

Ночью мы прошли обрывы мыса Наглёйнын, срезав изгиб берега в устье реки Кремянки, где также находилась охотничья избушка, в это время пустая. Далее берег, по словам Василия Тумлука, был совершенно безлюден, но около мыса Горбатого мы с удивлением заметили на берегу две яранги. Около яранг бегали собаки, значит, это не были оленеводы, хотя они часто выходят летом на морской берег. Скорее всего, это были яранги рыбаков чукчей. Однако мы прошли дальше, стараясь при штиле добраться хотя бы до Малого Чаунского пролива, отделяющего остров Айон от материка.

Чаунскую губу и ее берега впервые описал Никита Шалауров в 1761 году. Здесь он окончил свою первую неудачную попытку пройти от Лены на восток в поисках пролива к Тихому океану. Из-за Чаунской губы он вернулся к устью Колымы, где зазимовал, и на следующий год, пройдя на восток примерно до мыса Биллингса, погиб. Из экспедиции его никто не вернулся. Возвращаясь из Чаунской губы во время первой неудачной попытки, Никита Шалауров провел судно Малым Чаунским проливом. Последнее возможно далеко не всегда из-за крайней мелководности пролива. Были сведения, что при отгонных южных

ветрах оленеводы даже проходят на остров Айон с материка пешком. В самом мелководном месте пролива расположен крохотный песчаный островок Мосей с мыском на нем. Напротив островка на берегу Айона находится известное для любителей экзотики место — могила знаменитой в прежние времена шаманки. По легенде, умирая, шаманка завещала ежегодно убивать около ее могилы несколько оленей, а рога класть в кучу — вроде памятника. В противном случае она и после смерти обещала вредить пастухам. Не знаю, насколько верна та легенда, но куча оленьих рогов в том месте достигает поистине фантастических размеров.

Ширина Малого Чаунского пролива около пятнадцати километров. Чтобы пройти на нашем фанерном судне пятнадцать километров открытого моря, надо было крепко надеяться на погоду. Мы решили выждать, «уяснить погоду» чтобы пересечь пролив в предрассветный штилевой час. Берег материка в этом месте был заболочен, изобиловал солеными озерами, и было трудно найти место даже для того, чтобы всухе поставить палатку. С соленых озер шел тяжелый запах сероводорода, заячьего помета. Оглушительный крик громогласных мартынов висел в воздухе. До самого горизонта шла плоская, какая-то разжиженная глинистая равнина. Столь унылое место я встретил лишь три года спустя в губе Нольде. Мы не успели поставить палатку, как начал задувать и через несколько часов прочно установился северо-западный ветер, который дул ровно пять дней. Унылое настроение усугублялось тем, что пресная вода нашлась в двух километрах от лагеря. Во всех остальных озерцах вода была тухло-соленой.

Через пять дней ветер начал стихать. Мы решили не искушать судьбу выжиданием и пересекли пролив ближайшей ночью, выйдя к тому самому юго-восточному мысу острова, где три месяца тому назад провели сутки с Василием Тумлуком.

Песчаный пляж теперь сверкал желтизной. Вдоль берега шла широкая полоса мели, так что даже наша плоскодонная лодка не могла подойти к берегу ближе чем на двести-триста метров.

Это было очень опасно при шторме, так как тяжелую и непрочную лодку нельзя было оставить в воде, тем более на мелководье, — ее бы просто разбило. Вытащить же на берег за триста метров мы, конечно, ее не могли. Единственным местом на восточном берегу, если судить по карте, был берег залива Ачиккуль, в пятнадцати километрах севернее мыса. Мы отправились туда, чтобы там сделать основную стоянку, а по дороге выбрать места для работы на обратном пути.

Торфяные и песчаные обрывы берега временами достигали

двадцати-тридцати метров высоты. Берег был изрезан острыми, глубокими промоинами: Местами в торфе виднелись линзы льда, которые сочились водой. В одном месте торчали кости. Мы пристали к берегу и обнаружили небольшой череп мамонта и несколько его костей. Таких останков на острове встречается очень много, и все мамонтовые черепа имеют чрезвычайно малые против обычных размеры. Позднее была высказана гипотеза, что они принадлежат особому виду карликового мамонта. Мы отметили место на карте и собрали кости (останки берцовых, ребра) в кучку, рассчитывая, что они могут понадобиться кому-нибудь из палеонтологов.

В заливе Ачиккуль выяснилось, что лодка наша протекает. Мы разгрузили ее, чтобы найти повреждение, и обнаружили, что в суматохе ночных сборов сахар попал на дно и был безнадежно испорчен соленой водой.

Работа на острове была выполнена в месячный срок, и в первых числах сентября мы отправились обратно на базу. Последним приключением этого года был шторм, который застиг нас перед мысом Горбатым. Мотор наш окончательно перестал уже тянуть и, чтобы ускорить дорогу, еще на острове мы сделали из плавника мачту и сшили парус из джутовых мешков. Северо-западный ветер на сей раз был нам попутным, и лодка отчаянно неслась вперед под двойной тягой — мотора и паруса.

С каждым десятком минут мы становились ближе к дому, но наступил момент, когда рисковать уже было нельзя; мы могли загубить драгоценную аппаратуру, попросту утопить ее, если даже сами выберемся на берег. Однако у берега был сильнейший накат, и втроем мы не могли бы выдернуть на него лодку сразу же, как пристанем. Тут-то мы и вспомнили о ярангах с той стороны мыса. Был вечер, в сентябре темнота накатывает неумолимо, и мы вполне могли рассчитывать, что с берега заметят нашу единственную ракету.

Ракету я запустил с помощью дробовика — ракетницы у нас не было. Ее заметили. Люди и собаки сразу же побежали по обрыву вниз к берегу. Мы спустили парус, перенесли на нос аппаратуру и стали на самой малой работе мотора подходить к берегу. Разыгравшиеся штормовые валы толкали лодку в корму, и с каждым этим толчком ревущая полоса прибоя становилась все ближе.

В общем, аппаратуру мы спасли, но все остальное вымокло безвозвратно. Оказывается, команда «Раз, два — взяли» на русском и чукотском языках звучит различно, и все мы, в общей сложности одиннадцать человек, дергали лодку невпопад. Вдобавок сразу же в нее грохнуло с полтонны воды, и в воде той

плавали спальные мешки, макароны, примус, спички, галеты.

В ярангах жили рыбаки айонского колхоза. Они рыбачили гольца небольшими ставными сетями, которые ставили в море без всяких лодок с помощью длинных шестов. По обычаям чукчей, рыбаки выехали на место со всем семейством — женами, детишками и ездовыми собаками.

Трое суток мы чинились и сушились у этих гостеприимных людей. У них кончались продукты, и они ждали отгонного ветра, чтобы пешком пройти на остров и сходить в колхоз за сахаром, чаем и спичками. «Душой общества» здесь была древнейшая старушка бабушка одного из рыбаков. Ей было около восьмидесяти лет, она уже не могла выходить на берег и целыми днями лежала в пологе яранги, выставив голову наружу, и покуривала громадную чукотскую трубку. Было приятно видеть, с каким почтением к ней относятся дети и взрослые. В частности, я ни разу не видел, чтобы она сама раскурила трубку. Ей почтительно набивали, зажигали и раскуривали ее по первому требованию.

Она ни слова не понимала по русски, я знал на чукотском языке несколько слов, но мы провели немало часов с ней в дружелюбнейшей, сдобренной улыбками беседе. Ей богу, мы понимали друг друга! Было много смешных курьезов. Миша Арин в первый вечер улегся спать в корыто с нерпичьим жиром. Сергея удивительно полюбили собаки, и стоило ему залезть в мешок, как они всей стаей собирались вокруг него и облизывали его лицо. Их невозможно было прогнать от Сергея, в которого они, видимо, просто влюбились.

Мы с сожалением покинули этих милых людей, оставив им на прощание все наши продукты, так как рассчитывали добраться до базы за один перегон.

Однако была уже осень — пора штормов, и нам пришлось прождать непогоду два дня в заброшенной охотничьей избушке у устья Кремянки.

На этом работа партии была закончена, и к концу сентября за нами пришел катер, который доставил партию в Певек. Итогом работы партии были сведения о мощности рыхлых отложений Чаунской долины и острова Айон, а также ряд других результатов, весьма интересных для геологов «золотарей» Чукотки.

В Певеке в управлении я с удовлетворением узнал, что в древнем тальвеге (погребенном русле) ручья Быстрого, впадающего в Ичувеем, который мы обнаружили электроразведкой в прошлом году, найдена крупная золотая россыпь. Ее обнаружили разведчики, которые провели поперек

погребенного русла линию шурфов. Геофизические методы в геологических работах Чукотки только начинали разворачиваться, но уже давали ощутимые результаты; Кстати, к этому времени в управление прибыло много новых инженеров, молодых специалистов или уже работавших в других местах: на Таймыре и в Монголии, в Туве. Геофизическая группа также резко расширялась.

Стояли ясные прохладные дни благодатной чукотской осени, когда кажется, что даже мысли в голове бывают яснее и чище обычного. Мы часто собирались нашей бывшей партией — рабочие и трое ИТР и мечтали о будущих маршрутах. Миша Арин клялся, что построит настоящую морскую лодку взамен нашего «Утюга», Сергей Скворцов ратовал за спаренные моторы. И все вместе мы мечтали о каком-нибудь маршруте по тундре «для себя», без работы, так как, несмотря на внешнюю экзотичность геологической службы, для экзотики и приключений в ней остается мало места. Они занимают место только как факторы, мешающие работе, которых надо максимально избегать. Вот почему многие и многие геологи мечтают побродить по тундре просто так, «для души», хотя бы во время отпуска. Как ни странно, такой случай сам разыскал нас в стенах управления.

Глава 3
«Серебряная гора»

1

В 1864 году в Нью-Йорке была основана «Компания Российско-Американского телеграфа» с номинальным капиталом в десять миллионов фунтов стерлингов. Идею телеграфа, который свяжет Америку с Азией через Берингов пролив, подал Перри Коллинс, эсквайр, одно время путешествовавший по северу Азии. Через два месяца после основания компании акции, стоившие в номинале пять долларов, продавались уже по пятнадцать.

Для проведения изыскательных работ из Америки на Чукотку была командирована партия, в составе которой был и Джордж Кеннан, будущий писатель, а пока просто телеграфист. С русской стороны также была организована экспедиция во главе с небезызвестным Абазой, об аферах которого достаточно красноречиво писал в своих мемуарах С. Ю. Витте.

Американцы пробыли на Чукотке (главным образом в долине Анадыря) около трех лет. Приключения их весьма интересно описаны Кеннаном в книге «Кочевая жизнь в Сибири» с

подзаголовком «Приключения среди диких коряков и других инородцев». Они поставили около трех тысяч телеграфных столбов, построили бараки для будущих рабочих. На этом их деятельность кончилась, так как был проложен кабель по дну Атлантического океана. «И что же осталось от всех трудов и перенесенных опасностей?» — писал позднее Кеннан. — На этот вопрос можно ответить лаконически: «ничего!»

2

Но он был не прав: остались бараки, которые в просторечии анадырских жителей так и назывались — «бараки Кеннана». Они стояли долго; во всяком случае, в 1930 году они были еще целы. Именно с этими бараками связана история о «серебряной горе Пилахуэрти Нейка».

Осенью 1959 года в геологическое управление Певека была переслана из Министерства геологии заявка жителя Одессы Уварова Василия Федоровича, который утверждал, что ему известно о существовании в горах Анадырского нагорья крупнейшего месторождения самородного серебра. Точнее, писем было несколько, посланных Уваровым в разное время и по разным адресам, но суть их с различными вариациями сводилась к следующему.

В 1930 году Уваров прибыл на Чукотку в качестве сотрудника АКО (Акционерное Камчатское общество) с несколько странной для Чукотки должностью — лесозаготовитель. В пойме Анадыря и на некоторых его притоках действительно имелись редкие островные леса. Их, видимо, и принялся разыскивать Уваров. Все дальнейшее основано целиком на его письмах заявках.

В одну из поездок от пастухов, работавших в стаде богатого оленевода Эльвива[9], Уваров услышал легенду о серебряной горе, якобы имеющейся в горах Анадырского хребта. Оленеводы посоветовали Уварову обратиться к одному из богатейших кулаков Чукотки Ивану Шитикову, стада которого кочевали, как и стада Эльвива, в бассейне рек Яблоневой, Еропола и других притоков Анадыря. Как ни странно, престарелый Шитиков, который был живой летописью края и носил, по словам Уварова, негласный титул «чукотского короля»[10], отнесся к Уварову доброжелательно. Чукчам и ламутам, сообщил он, очень Давно известна гора, почти сплошь состоявшая из самородного серебра, которая расположена в горном узле, сводящем, верховьях Анюя, Анадыря и Чауна. Гора лежит в стороне от традиционных кочевок

оленеводов, посещается очень редко. Серебро почти не разрабатывалось. Одно время (при Александре III) ламуты пробовали заплатить ясак серебром, но сборщики ясака якобы отказались, требуя традиционной пушнины. Ламуты обиделись и больше попыток не повторяли. Последние десятилетия месторождение никем не посещалось. Название горы Уваров приблизительно, передает как Пилахуэрти Нейка, что, по его мнению переводится как «загадочно не тающая мягкая гора». В качестве наиболее сведущего «эксперта» по месторождению Шитиков рекомендовал Константина Дехлянку, старейшину ламутского рода Дехлянки.

Сведения, полученные от Дехлянки, завершили собранное Уваровым описание горы. На водоразделе Сухого Анюя и Чауна «стоит гора, всюду режется ножом, внутри яркий блеск, тяжелая». По бокам свисают причудливой формы сосульки, наподобие льда «который на солнце и огне не тает». Отсюда, по мнению Уварова, название горы. Высота ее около двухсот аршин, на вершине (или вблизи — непонятно) находится озеро, покрытое также какой-то не тающей окисью. Конкретно гора расположена на речке Попова, которая названа так примени казацкого сотника Попова, оставившего когда-то свой след в верховьях Анадыря.

Гора находится на краю леса.

Ламуты решили подарить гору Советскому правительству. Уваров, по его словам срочно дал телеграмму в Москву начальнику Геолкома и получил ответ: «доставьте образцы за наш счет». Уваров тут же приступил к организации экспедиции. Из имеющегося у него склада АКО он выдал подарки проводникам и снабдил экспедицию. Однако в дороге Уваров непонятным образом отбился от проводников, потерял снежные очки, ослеп и заблудился. Спасся он только тем, что наткнулся на один из «бараков Кеннана», где его и разыскали проводники. Он попросил их привезти ему образцы, очевидно уже отказавшись лично участвовать в экспедиций. Ламуты обещали доставить образцы серебра осенью.

Между тем Уваров продолжал собирать сведения. Неизвестно откуда он узнал, что была задержана в Чаунской губе баржа с серебряной рудой, которую «гнали морские чукчи». Баржа была затерта льдами и затонула. Оседлый чуванец Иона Алий сообщил, что в семнадцатом двадцатом году в Марково приезжал канадец Шмидт, собиравшийся «переправлять серебро с верховьев реки Анадырь». Позднее у чуванца Василия Петушкова Уваров видел договор, согласно которому «Василий Петушков из туземного Марковского общества и господин Шмидт, уроженец города Оттава, в компании с гражданкой США, родившейся в

штате Иллинойс (фамилию Уваров не помнит), будут на равных паях разрабатывать золото на участке Петушкова на реке Ворожей бассейна реки Анадырь». Этот договор Уваров рассматривает как второе предприятие энергичного канадца после неудавшейся «серебряной авантюры».

После революции Шмидт бросил дело и бежал на Аляску. То, что это было лицо, реально существовавшее, подтверждалось кроме договора и тем, что Уварову удалось поднять затопленную в одной из проток Анадыря баржу, принадлежавшую обществу «Шмидт, Петушков и К°».

В конце 1932 года Уваров очутился в Одессе. Однако он утверждает, что образцы были привезены ламутами и сданы ими в контору АКО в Анадыре. Дальнейшая судьба образцов ему неизвестна. На Чукотку Уваров больше не возвращался. По непонятным причинам он хранил имеющиеся у него сведения более двадцати лет.

Даже из этого сухого пересказа видно, что письма Уварова были весьма цветисто изложены. Ознакомившись с ними, весь состав управления мгновенно разделился на «за» и «против». Дело в том, что район, названный Уваровым, был действительно слабо изучен. Если уж не «серебряная гора», то, во всяком случае, крупное месторождение серебра или минерала, напоминающего серебряную руду (например антимонита), вполне могло быть пропущено. За то, что месторождение может существовать в данном районе, больше всего ратовал геолог Анатолий Алексеевич Сидоров, который уже несколько лет занимался изучением открытого им небольшого месторождения золотосеребряных руд. Он приводил примеры из Кордильерского пояса золотосеребряных месторождений, где действительно встречались так называемые балансы — громадные скопления серебряных руд с большим количеством самородного серебра. Но, как бы то ни было, история, рассказанная Уваровым, была слишком невероятна для здравого смысла. Я еще раз должен напомнить, что излишняя экзотика в геологической службе вызывает лишь недоверие.

3

Но в середине зимы как гром среди ясного неба в управление пришла вторая заявка и снова о серебре, которое должно находиться на территории, подведомственной управлению. На сей раз заявка была прислана из Комсомольска на Амуре, и

прислал ее кандидат исторических наук Баскин. Он занимался архивами времен землепроходцев и писал в Министерство геологии о том, что среди документов XII века упорно встречаются сообщения о серебряных месторождениях где-то к востоку от Лены. Впервые об этом упомянул знаменитый землепроходец Елисей Буза. В 1638 году Буза вышел из Якутска на восток и после довольно длительного путешествия, уже за Яной, столкнулся с юкагирами.

Внимание Бузы привлекли многочисленные серебряные украшения, имеющиеся у юкагиров. Захваченный им в виде заложника шаман Билгей был доставлен в Якутск и сообщил, что серебро доставляют из местности, лежащей к востоку от реки Индигирки.

В 1639 году Посничка Иванов перевалил через хребет Черского и также обнаружил теперь уже у индигарских юкагиров серебряные украшения. Якутская, канцелярия заинтересовалась этим. В восточные острожки посыпались приказы. Удача выпала на долю известного Лавра Кайгородца и казака Ивана Ерастова. Допрашивая «с пристрастием» находившегося у них в аманатах шамана Порочу, они добились следующих сведений: «За Колымой рекой протекает река Нелога, впадающая в Море собственным устьем. На реке Нелоге, там, где ее течение подходит близко к морю, есть гора, а в горе утес с серебряной рудой. Река Нелога берет начало там же, где и река Чюндон, впадающая в Колыму. По Чюндону живут юкагиры, в верховьях же „люди рой свой“ и „рожи у них писаны“ (татуированы). Достают руду „писаные рожи“ и торгуют этой рудой с каким-то непонятным племенем наттов, которые также живут на Чюндоне».

Второй аманат, «князец Шенкодей», подтвердил показания Пороч.

Анализируя совокупность сведений, Баскин пришел к выводу, что река Нелога — это Бараниха, первая речка, впадающая в море собственным устьем к востоку от Колымы. «Писаные рожи» — это чукчи, которые действительно до последних лет татуировали лица. Чюндоном Баскин предлагает считать Анюй.

Если исходить из предпосылки, что река Нелога — это действительно Бараниха, то наиболее вероятным местом, где может находиться серебро, является место выхода реки из предгорьев на приморскую Раучуанскую низменность. Ведь в показаниях аманатов прямо указывалось, что серебро находится «блиско от моря» в скалистых береговых обрывах. На Раучуанской низменности обрывов нет, и, следовательно, приходится с натяжкой считать близкими первые от моря обрывы. Именно в предгорьях; выходя на равнину, Бараниха действительно

прорезает узкий, изобилующий обрывами каньон. Здесь Баскин и предлагал искать серебро. Интересна еще одна деталь. В записках землепроходцев указано, что, по сведениям аманатов, серебро «висит де из яру соплями». Эти «сопли»-сосульки — «писаные рожи» отстреливают стрелами, так как иначе добраться до них невозможно. Это в какой-то мере перекликается с легендой, услышанной Уваровым. Там ведь тоже серебро находилось в виде свисающих натеков.

Совпадение заявок было впечатляющим. Но если мы, молодежь, еще могли как-то спорить, то начальство отнюдь не собиралось бросать все запланированные работы и срочно искать «серебряную гору»: Начальство резонно рассуждало, что геологическая съемка и поиски — вещи планомерные и методические. Придет в конце концов очередь и до районов, указанных в заявках. Тогда в техническое задание партий будет вписано: «Серебро».

4

Я решил на следующее лето взять отпуск и на свой страх и риск поискать эту «серебряную гору». Почему-то заявка Уварова мне нравилась больше. Самым рациональным было забраться в горный узел, где сходятся верховья крупнейших рек Западной Чукотки, и там поискать подходящую под описание, данное Уваровым, горку. Еще разумнее было поискать пастухов и расспросить их подробно, так сказать, в самом месте событий.

Компаньона я нашел быстро. Им радостно согласился быть Николай Николаевич Семенников, кадровый старшина с двадцатилетним армейским стажем, бывший снайпер и яростный охотник. Известия о горе серебра, которое валяется в двухстах пятидесяти километрах от поселка, он воспринял с восторгом дилетанта.

Наш маршрут должен был снова пролегать по долине Чауна в его верховья и далее в верховья реки Угаткын, откуда легко можно было выйти в верховья Анюя или Баранихи. Чуть в стороне лежало легендарное горное озеро Эльгыгытгын, которое впервые описал С. В. Обручев. После Обручева на озере побывала краткое время лишь одна экспедиция. Большую часть времени это крупное и глубокое озеро покрыто льдом.

Рассчитывать на вертолет или трактор нам не приходилось и потому мы решили до устья Чауна из Певека добираться на лодке, а там еще раз повторять нашу неудачную попытку

подняться вверх по Чауну сколько будет возможно.

По видимому, некоторым людям судьба до конца дней предназначает плавать только на фанерных лодках. Иной в Певеке было найти невозможно. Нам удалось купить небольшую лодку, фанера на которой была, правда, наколочена на шпангоуты, снятые с разбитой морской шлюпки. Сверху все это было обтянуто окрашенным масляной краской брезентом и выглядело, во всяком случае, непромокаемо. Использовав самые невероятные связи, удалось раздобыть небольшой шестисильный стационарный моторчик, применяющийся для водяных насосов. Надо сказать, что Певек не был поселком, где велся морской промысел, и потому всевозможное мореходное хозяйство здесь просто отсутствовало.

Установка стационарного мотора на фанерном каркасе явилась делом довольно сложным. Шел июнь. Мы торчали на берегу бухты около своей лодки в окружении толпы болельщиков, которые давали советы.

Лишь к середине июля все пришло более или менее в порядок, и мы ночью, чтобы обмануть вездесущий портнадзор запрещающий выход в море на несолидных судах, ушли из Певека на юг.

Рассказ о собаке Валетке

Берега Чаунской губы на девяностокилометровом протяжении до Усть-Чауна безлюдны. Лишь в устье Ичувеема имелся жилой пункт, известный под названием «избушка Егора», где жил и сейчас живет промысловик Егор, известный на Западной Чукотке тем, что занимался промыслом на громадном участке без традиционной упряжки собак. Единственным его помощником был пес Валет — одна из умнейших собак, которых когда-либо приходилось видеть. Во всяком случае, это подтверждается многими людьми. Валет понимал речь Егора и исполнял его подчас весьма сложные и неожиданные приказания.

Зимой их трудовой день начинался с того, что Валет сразу же после завтрака бежал осматривать сорокакилометровую линию пастей и песцовых капканов. Если капканы и пасти были пусты, Валет «сообщал» Егору, что беспокоиться не о чем. Если в одной из ловушек был песец, Валет без долгих разговоров вел Егора прямо туда. Летом Валет занимался собиранием «даров моря», делая десятикилометровые галсы по берегу в обе стороны от избушки. Опять таки он «информировал» хозяина о том, где

выкинута дохлая нерпа, годная на подкормку, где хорошее бревно плавника.

Рассказывают, что один из начальственных охотников, приехавших порыбачить к Егору, загорелся желанием привезти дочке гусенка пуховичка. Егор «поговорил» с Валетом, пес исчез и через полчаса пригнал с тундрового озера целый выводок гусят, за которым бежала озабоченная мамаша.

Однажды, люди, заехавшие к Егору, застали в его избушке необыкновенную чистоту. На столе лежала скатерть. На скатерти стояли бутылка водки и две миски с рыбой.

— Что за праздник, Егор? — спросили приезжие.

— День рождения Валетки празднуем, — отвечал тот.

Надо ли говорить, как плакал Егор, когда Валетку, знаменитого в десятках чукотских поселков, застрелил пьяный приезжий киномеханик. В тот год Валет был еще жив, но ни он, ни Егор не могли нам сообщить что-либо нового о «серебряной горе». Они о ней не слыхали.

5

Лодка поднималась вверх, по реке с трудом. После полосы прибрежной травянистой тундры начались заросли кустарника. Иногда вполне можно было представить себе, что наша «Чукчанка» поднимается по какой-нибудь реке в Средней России и что стоит вылезти на берег — и увидишь поодаль березовый перелесок или темно зеленую стену сосняка. Но такие иллюзии держались недолго. За очередным поворотом реки открывался обрывистый торфяной берег. Вода «выедала» линзы погребенного льда, и в обрывах образовывались жутковатые большие пещеры, над которыми нависали многотонные козырьки.

Чем ближе к верховьям, тем ниже и невзрачнее становился кустарник и тем чаще река разбивалась на мелководные протоки, по которым лодка проходила с трудом. На третьи сутки показались пологие холмы Чаанай.

Как и на всех тундровых возвышенностях, здесь было много могил оленеводов, которые издали замечались по кучам оленьих рогов, сложенных около них. Около могилы, точнее, места, где был оставлен пастух, лежали, как правило, останки нарт, чайник, иногда сломанный винчестер.

Здесь мы решили оставить лодку, так как она уже поднималась против течения с сантиметровой скоростью, а чаще подолгу стояла напротив какого-нибудь куста, не в силах

совладать с течением.

Мы провели последнюю комфортабельную ночевку, так как в дальнейшем груз наш был строго ограничен. Сидели около костра и слушали вечерние вопли гагар на тундровых озерах, когда на реке показалась крохотная резиновая лодчонка. В лодчонке сидел человек в кухлянке и греб лопаточками величиной с ракетку для настольного тенниса. Увидев костер, он причалил к берегу. Это оказался зоотехник, который возвращался с очередного осмотра стад. Он сообщил, что стадо мы найдем в дневном переходе отсюда около холмов Теакачин.

На следующий день уже поздней ночью добрались до яранг пастухов. И пастухи, и мы были рады неожиданной встрече и просидели почти до утра, подкладывая прутики полярной березки под непрерывно кипящий чайник с кирпичным чаем. Мы услышали много интересных вещей.

О Красном камне в одной из долин на перевале к Анюю, которому поклонялись тундровики, когда вступали в непривычную для них зону лесов.

Об озере в верховьях реки Омрелькай, которое периодически вздувается бугром, и бугор тот лопается, распространяя весьма неприятный запах.

О гигантском горном медведе, который изредка встречается в глухих долинах Анадырского нагорья. Медведь тот настолько велик и свиреп, что при виде даже его следов (пастухи показали руками размер следов) ударяются в бегство и люди, и олени. Медведь этот, однако, весьма редок, и не каждому пастуху, даже всю жизнь проведшему в горах, удается его видеть.

О «серебряной горе» они ничего не могли нам сказать. Однако название Пилахуэрти Нейка истолковали по другому. Действительно, сказали они, есть гора на северо-восток отсюда, которая называется Пильгурти кувейтинейка, что означает «гора между трех речек, впадающих в реку Кувет». Реку Кувет я знал. Это было совсем в другой стороне, и, признаться, эта новость порядком меня обескуражила. Впрочем, название Кувет для Чукотки довольно обычно, и на карте рек или речек с таким названием можно найти не одну.

Утром мы распрощались с пастухами и ушли к горам. Анадырское нагорье возвышается над Чаунской низменностью вроде разноцветной стены. Весь этот массив окрашен в голубоватые, зеленоватые или розовые тона, в зависимости от цвета изливавшейся в меловом периоде лавы.

Чем дальше мы уходили вверх по Угаткыну, тем мрачнее и безжизненнее становились горы. Исчезла березка. Боковые притоки текли из долин, забитых хаосом камня. Иногда река

образовывала своеобразные горные болота. Болота эти в окружении черных сопок выглядели очень и очень мрачно. Здесь жили только кулики — на каждом болоте по кулику. Вели себя они, в отличие от хозяйственных крикливых собратьев на равнине, довольно хмуро и неприветливо: извещали резким криком округу о том, что появились два человека, и, отбежав, но дальше косили на нас черным неприветливым глазом.

Неделю мы блуждали по путанице мелких хаотических сопок нагорья. В общем-то можно было заранее предвидеть, что разыскать отдельную сопочку среди тысяч подобных в районе примерно в десять тысяч квадратных километров можно лишь при серьезных усилиях. С охотой в безжизненных горах нам не везло. Пришлось возвращаться обратно. Когда мы снова вышли в предгорья и увидели залитую солнцем, блестящую от озер, осенней желтизны Чаунскую долину, ей богу, это было похоже на выход в другой мир.

6

История поисков серебряной горы на этом далеко не кончается. В долине реки Баранихи по заявке Баскина проводил разведку отряд под руководством геолога Монякина. Отряд не нашел и следов серебра.

Два года спустя из Одессы был вызван сам Уваров и Анадырское, геологическое управление организовало партию, которая занималась поисками в верховьях Анюя с участием самого Уварова. В селе Пятистенном старожилы указали им место, которое называется «протока Попова», и утверждали, что там находится и могила самого сотника. По непонятным причинам район этот не был проверен.

Экспедиция кончилась ничем.

Отдельные попытки предпринимали любители.

Казалось бы, историю чукотского серебра на этом можно было закрыть и отнести к разряду курьезов жизни или к разряду легенд о кладах, которые никто не может найти.

Но в недавнее время в Магадан был доставлен геологом Сеймчанской экспедиции Садовским крупный самородок серебра, найденный им в россыпи камня на реке Омолон.

В 1965 году в верховьях реки Баимки, одного из притоков Большого Анюя, было открыто крупное золотосеребряное месторождение, которое уже сейчас отнесено к разряду промышленных.

Надо сказать, что к моменту, когда пишется эта книга, район этот еще не покрыт достаточно подробной геологической съемкой. Но к ней уже приступают.

Глава 4
Дрейфующий лед

Зимой 1962 года возникла идея о том, что исследование структур дна Ледовитого океана можно провести, если посадить геофизиков на маленький самолет Ан-2, которому легко выбрать посадочную площадку. Надо сказать, что у полярных летчиков уже накопился солидный опыт в выборе ледовых площадок для посадки тяжелых самолетов. Но для Ан-2 это было новое дело, и прежде всего потому, что этот маленький самолет отнюдь не предназначен для дальних полетов в необитаемые места. Радиус действия его ограничен, навигационное оборудование несовершенно, кроме того, у него всего один мотор. Летные инструкции категорически запрещают полеты на одномоторных самолетах над открытой водой. А то, что в Ледовитом океане зимой встречаются обширные разводья, было известно достаточно хорошо.

Вообще, гравиметрическая съемка на дрейфующих льдах к началу шестидесятых годов таила много неожиданного. Было известно, что ею до нас занимались лишь американцы, которые базировались на одной из дрейфующих льдин.

Но так или иначе, мы проконсультировались с одним из звеньев полярной авиации и получили неожиданное согласие. Летчики предложили прежде всего дополнить самолет оборудованием: бензиновой выносной помпой, так, чтобы можно было делать дополнительную заправку на льду, поставить навигационные приборы, применявшиеся на тяжелых самолетах, поставить в самолете бензиновую печку и увеличить экипаж — вместо обычных двух до пяти человек: два пилота, бортмеханик, радист и штурман. Для «науки» в крошечном Ан-2 оставалось, таким образом, совсем мало места, и состав экспедиции пришлось сократить до трех человек. К тому времени наш научно исследовательский институт окреп и смог платить за самолет двойную почти аренду (добавка за «страх», как ее в шутку называли летчики) и выделить в группу инженера геофизика и техника.

Работать было решено начать в феврале, когда наступает достаточно длинный световой день. Для гравиметрических съемок нужна максимально точная привязка измерений к местности. Вопрос этот также решился легко: локаторные

станции и радиопеленгаторы Севера охотно согласились пеленговать нас на каждой посадке и сообщать азимуты. Опытный штурман Валерий Бойков при этом клялся, что ошибки больше чем в километр не допустит.

Два месяца мы базировались на глухих северных аэродромах, улетая во льды с рассветом и возвращаясь уже в темноте. В среднем посадки по маршрутам шли через пятьдесят километров, что давало возможность составить достаточно подробную геофизическую карту. Дни эти, маршруты и посадки походили на один напряженный рабочий день, подчиненный жестокому ритму авиационных порядков.

Один летный день

По утрам бортмеханик встает раньше всех. Это его обязанность, его доля. Мы не видим и не слышим, как он встает, просто мы просыпаемся, когда его уже нет.

— Подъем, — говорит сонный голос дежурной. Она стоит на пороге тишины нашей комнаты и говорит чуть слышно, но от этого просыпаются все.

Пока все молчат. Каждый что-то досматривает, досыпает, собирается с мыслями в теплом одеяльном мире. В соседней комнате заговорили пилоты. Пилоты встают легко, это у них профессиональное.

Каждый из нас творит, как обычно, постыдную молитву. Молитву о том, чтобы не было сегодня погоды. Только сегодня, только один день, чтобы весь его пролежать в кровати. Даже без книжки, просто так пролежать, отоспаться.

С этой робкой надежды начинаются первые утренние слова. Может, там дует? Может быть, нет никакой видимости? Ни вертикальной, ни горизонтальной? Или хотя бы одной из них?

Каждый из нас каждое утро решает проблему. Уладить все дела и сходить в столовую налегке: в ботинках и тренировочном костюме или сразу же залезать в тяжеленные меха. Чтобы сразу по мужски, чтобы потом не копаться. Чаще всего мы решаем по мужски, ибо это как-то мобилизует.

Последние недостойные мысли исчезают, когда мы вываливаемся на улицу чтобы пройти в столовую. На востоке чахоточной синевой светлеет полоска полярного рассвета. Едкий, как кислота, ветер снимает с лица последние остатки сна.

Застегивая на ходу куртки, в столовой один за другим появляются летчики. Они проходили медкомиссию в соседней

комнате. Они каждое утро перед вылетом проходят медкомиссию. Пульс, давление и та самая трубочка, которая хорошо знакома летчикам и шоферам. Давление и пульс — немаловажный утренний вопрос. Весь экипаж — бывшие реактивщики, которых армейская служба привела в запас, на гражданку, со сверхзвуковых пересадила на бипланового «такси» Ан-2, сто восемьдесят километров в час.

Для тех, кто не может расстаться с небом, это все-таки самолет.

По утрам летчики едят много. Это у них тоже профессиональное. Наши испорченные десятилетними тасканиями по общежитиям и ночными кофейными бдениями желудки с трудом привыкают к подобному ритму и размаху.

По утрам на этом островном аэродроме кормят отменно. И с каждой минутой в столовой растет накал оптимизма.

— Сколько на сегодня? — спрашивает командир. — Наметили десять.

— Километраж?

— Восемьсот двадцать.

— Сделаем, — говорит командир. — Может быть, штук двенадцать сделаем сегодня.

Это утренний оптимизм. Вера в удачу грядущего дня. Сквозь забитое снегом двойное окно столовой доносятся методические пассажи мотора. Бортмеханик «гоняет газ».

На выходе из столовой мы расходимся. Летчики идут в АДС: радист к радистам, штурман за погодой, второй пилот за полетным заданием. Мы идем в гостиницу за аппаратурой.

Идем навстречу пассажам мотора, к не видимому пока еще самолету, и цилиндры приборов покачиваются в руках у нас. Впереди на фоне рассвета маячат громадные от полярных курток фигуры пилотов. Рев мотора нарастает, как крик смертельно раненного зверя, и вот, задрожав на последнем пределе, мотор стихает. Машина готова.

Изнутри наш самолет похож на видавший виды цыганский фургон. К потолку привязана алюминиевая лестница. За лестницу заткнуты две пары валенок и гитара, вышедшая из строя: от мороза полопались струны. Спальные мешки и полярная палатка КАПШ валяются в хвостовом отсеке. Вход в пилотскую кабину загораживают бочки с запасным бензином. Ящики, тюки и подрагивающие в такт гудению мотора цилиндры приборов. Приборы висят на растяжках: они боятся тряски.

В этой гудящей тесноте помещается девять человек. Кожаными идолами застыли в кабине пилоты. У них шевелятся только руки. Осторожно и неустанно. Бортмеханик,

пристроившись у бочек с бензином, клюет носом. Постукивает пальцами радист в металлическом креслице. Под щитом радиокомпаса колдует над картой штурман.

Нам лететь часа полтора до первой посадки. Розовый зев бензиновой печки гонит струю горячего воздуха и, согретые, распаренные этой струей, мы дремлем, досыпаем полтора часа, последние часы сна в этот день.

— Эгей! — негромко окликает штурман.

Мы пробираемся сквозь груду хлама к алюминиевому штурманскому столику. Сквозь проем пилотской кабины видно солнце. Сплющенный, размытый край его оранжевой каплей лежит за синим пространством льда. Штурман ставит карандашом точку. Мы здесь. Из кабины вопросительно выглядывает первый.

— Посадка!

— Посадка. Мотор резко меняет обороты. Мы идем на снижение, на двухсотметровую высоту, высоту подбора площадки. Сейчас самолет начнет писать зигзаги — искать подходящую льдину. Берег остался у нас за спиной в двухстах километрах. Штурман уходит к пилотам, и у нас снова устанавливается дремотный покой. Поиски могут длиться пять минут, пятнадцать, может быть; полчаса, до тех пор, пока не раздастся слово «площадка». Это слово действует как кнопка взрыва. Рука радиста плотно ложится на ключ. Не успев еще открыть глаза, бортмеханик тянет откуда-то из-за спины дымовую шашку. «Прошу пеленг, прошу пеленг», — выстукивает радист. И за многие сотни километров с материковых и островных станций к нам приходят цифры радиопеленгаторов. Это надо нам для привязки. Мы должны максимально точно знать, где мы находимся. Возвращается штурман.

— Как площадка?

— Да так, площадка. — пожимает плечами штурман.

— Координаты, — просит радист. И, взяв протянутую бумажку, выстукивает туда, где диспетчерская служба следит за нами: «Идем на посадку, идем на посадку, широта, долгота.»

— Шашку!

Бортмеханик на коленях ползет в хвост самолета и приоткрывает дверцу. Ледяная струя забортного воздуха тревожно врывается внутрь. Одна ступня бортмеханика плотно зацеплена за ножку ближайшего кресла, колено другой ноги придерживает дверцу. Чтоб не распахнулась. Руки кого-то из «науки» крепко крепко вцепились в кожаные механиковы штаны.

Страховка.

Резко и отрывисто гнусавит сигнал. Приготовиться! Два раза.

Зажечь шашку. Последний. Сброс!.

Она исчезает стремительным комком, чтобы дымом своим показать направление и силу ветра. Белая плоскость льда наклонно наваливается на нас. Последний вираж. Механик уже в кабине. Рука его на секторе газа.

И в сотый раз слова инструкции: «Все к иллюминаторам, смотреть под лыжи. В случае воды или трещины громко: „Вал!“».

Самолет замирает в десяти метрах от зубчатой гряды торосов.

Мы стоим на коленях, сгорбившись над окулярами приборов. В светлом зрачке окуляра пляшет зеленая нитка маятника. Это пляшет сердце прибора: хитроумнейшее кварцевое чудо, сделанное руками единственных в своем роде дедов стеклодувов. Сквозь лед и океанскую толщу воды под нами зеленая нитка ловит сгустки материи в огромном теле Земли.

Нам чертовски мешает. Мешает, что затекла спина и нельзя шевельнуться, что мы (о господи, в который уже раз!) забыли шерстяные перчатки и пальцы пристывают к металлу винтов, что проклятое кварцевое чудо скачет, как в лихорадке, от незаметного остальному человечеству покачивания льдины, что неугомонный бортмеханик долбит все-таки льдину пешней, проверяя ее крепость (леший ее знает какая она под снегом.), и каждый удар пешни взрывается в окуляре зеленой молнией, и мы спиной и глазами чувствуем, как переминается штурман, который, расставив длинные ноги, смотрит сквозь авиасекстант на свое долгожданное «светило». Бортмеханик боится, как бы не провалился под лед его подопечный, штурман проверяет привязку, а нам нужен покой, надо остановить зеленую черточку.

— Сколько у тебя?

— Четыре семьдесят.

— А у тебя?

— Шестьдесят пять две. Все?

— Все!

Мы влазим в алюминиевый холод кабины. Здесь наружная температура, ибо на стоянке печь не работает. Убирается подножка. Захлопнута дверь. Начинается взлетный диалог.

— Готово?

— Порядок.

— Заглушку убрали?

— А, черт! — Кто-то кидается наружу, и дверь снова захлопывается под непечатный разговор командира.

— КПК включил?

— Включил.

— Дай на меня.

— Есть.

— Курс?

Семьдесят два.

Самолет снова проходит над льдиной, и снова радист выстукивает: «Прошу пеленг. Прошу пеленг». Это наша тактическая хитрость: на пеленгаторах тоже сидят люди, и они тоже могут ошибаться. Иногда мы ловим их на ошибке и тогда в эфире подымается брань.

Мы сидим теперь, постепенно оттаивая под горячей струей бензопечки, и каждый шевелит губами. Мы считаем. Дрожащим мерзлым карандашом в тетрадях записаны абстрактные цифры замеров. Пока это просто цифры, они станут данными после длительных расчетных манипуляций. И хотя это первая, амебная ступень по дороге науки, тактическая задача, должна быть решена правильно.

Каждая точка аналогична предыдущей, и каждая отличается от нее. На третьей посадке попадается невероятно малая льдина. Мы искали ее среди разводий, каши торосов и синей обманчивой глади молодого льда минут тридцать. И потом, когда все было сделано, весь экипаж вымерял эту льдину шагами от края до края, и, когда уже все было вымерено, самолет долго, как раненый, кружился у края торосов, пока не развернулся так, что хвост чуть не касался зеленых глыб и впереди было максимально возможное пространство.

Мотор долго ревел, набирая обороты, и обороты были все выше и выше, хотя самолет стоял на месте, и наконец они дошли до того, что казалось — еще секунда, и все полетит к чертям, рассыплется на мелкие куски, — вдруг рванулся и взмыл вверх почти вертикально.

Только теперь мы заметили, что сидели все это время затаив дыхание, как будто мы, а не пилоты вели борьбу за сантиметры пространства, и потом все, экипаж и мы, смеялись, возбужденные этой борьбой, и хлопали друг друга по спинам.

Самолет все шел на северо-восток, и, хотя берег был совсем далеко, здесь была гигантская полоса разводий и, как всегда, около разводий медведи. Они встречались, привычно и часто, эти медведи, желтые живые глыбы на ослепительном фоне льда. Заслышав гул мотора, они убегали, вытянув плоскую голову.

За полосой разводий начинались отличные поля, пригодные, наверное, для посадки Ту 104. Оставалось совсем немного до крайней, очень интересной для нас точки, и мы уже радовались, что все будет как надо, но именно здесь нас и поджидала обычная маршрутная рядовая беда.

Откуда-то из-за океанских просторов со стороны Канадского

архипелага пришел ветер, морозный, едкий ветер. Не знаю уж, как в этом ветре сохранилась влага, но плоскости самолета стали покрываться инеем, и этот иней надежным тормозом стал держать самолет. Мотор грелся на пределе, но скорость упорно не желала подниматься выше ста сорока ста тридцати.

При посадке механик счищал иней с плоскостей обычной щеткой, какой метут пол, только она была на длинной ручке. Но в воздухе иней снова нарастал, и его опять счищали, и он опять нарастал. На все это шло время, драгоценное световое время работы. И наконец командир сказал:

— Пора обратно.

Нам очень все-таки хотелось вперед, еще подальше, мы поспорили немного, но было ясно, что надо обратно. Мы уже давно работали с этими ребятами и знали, что если пора возвращаться, то это действительно пора, может быть, даже больше, чем просто пора.

Ненавистные бочки наконец-то были выкинуты на лед, и бортмеханик пауком ползал по верхней плоскости с заправочным шлангом в руках.

Мы прятались в воротники курток от жгучего ветра, но ветер все-таки пробирался сквозь цигейковый мех, а бортмеханику было совсем плохо, так как он работал голыми руками, и лицо и руки его были беззащитны. Он даже не мог поднять воротник, потому что руки его были заняты. Бортмеханик, однако, не жаловался, и только видно было, как лицо и руки его наливаются пурпурной морозной тяжестью.

Солнце уже снова висело над самым горизонтом, оно было цвета остывающего металла и сплюснуто рефракцией в овал правильной формы. Темные тени шли от торосов, снег был чистейшая синь. От всего этого казалось чертовски тихо, тихо до невероятности, до боли в ушах. Может быть, человек, впервые выдумавший слово «полярное безмолвие», пережил вот именно такое, хотя в тундре в самую полярную ночь не бывает такой тишины и во льдах так бывает редко: всегда шум ветра или хоть какой то, неизвестного происхождения, шорох или шевеление. Может быть, это было особенное для нас место, мы никогда не забирались так далеко на северо-восток, а может быть, такое настроение нагнал злосчастный ветер.

Когда самолет был заправлен, мы поднялись, спустились немного на юг и погнались вслед за солнцем на запад. Очевидно, мы не совсем плохо за ним гнались, потому что на предпоследней точке оно висело все на том же уровне и было все такого же цвета остывающего металла.

Мы очень торопились с замером, и экипаж это понимал,

никто не сходил на лед, чтобы не мешать чутким индикаторам приборов. Только на пятой минуте командир открыл форточку и сказал с высоты:

— Ребята, давай побыстрее. А?

Наш оператор микронного размера движением спины ответил ему:

— Не мешай. Все понимаем.

Это была предпоследняя посадка.

На последней, пока мы делали замер, солнце совсем уже село, и самолет взлетал в синих морозных сумерках, какие бывают в феврале на семьдесят третьем градусе северной широты.

Снова предстоял двухчасовой перегон, и свободный народ дремал сейчас уже от усталости. В кабине было темно, и только на пульте у пилотов адским пламенем светились циферблаты и индикаторы бесчисленных приборов. Медленно колебалась стрелка авиагоризонта, покачивались цифры магнитного и гирополукомпаса. Лица пилотов казались зелеными от фосфорного сияния.

С соседнего аэродрома сообщили, что погода портится. Возможно, нам предстояло идти на другой аэродром через пролив, и штурман считал на линейке бензин и часы полета. Когда все было сосчитано, оставалось только лететь по курсу и надеяться, что погода не совсем испортится.

— Сколько будет с сегодняшними? — спросил штурман.

— Шестьдесят две, — сказал я.

Это были шестьдесят две посадки и разные маршруты — удачные, совсем неудачные и средние, вроде сегодняшнего. О них не расскажешь, как не расскажешь о щеке, обмороженной ветром с Баффинова моря, и о том запоздалом возврате, когда сорвавшийся черт его знает откуда ветер кидал самолет в чернильной забортной тьме. Руки штурмана нервно перебирали ветрочет, линейку, снова ветрочет, но все это зря, ибо как угадать снос при этом неровном ветре! Слева были скалы и вершины островного хребта, справа — море, и нельзя было отклоняться ни вправо, ни влево, чтобы не пропустить огни аэродрома и не врезаться в сопки. Каждый до боли в глазах вглядывался в иллюминаторы, и, когда показались огни аэродрома, кто-то радостно выдохнул: «Есть!»

На этом аэродроме не было подсветки на полосе для лыжных самолетов, и радист все стучал ключом, договариваясь с начальством. Еле различимые хребты уже плыли под нами, а радист все стучал и стучал.

Самолет с ревом понесся над светлыми кубиками домов, и мы

увидели незабываемое зрелище. Два ряда оранжево красных факелов пылали, указывая полосу. Никогда в жизни я не видал таких оранжевых огней и, наверное, никогда не увижу. Некоторые факелы гасли, от них шел оранжевый же дым, и было видно, как мечутся люди, зажигая их.

Поземка мела по самое колено. Мы шли к огням аэропорта все, кроме бортмеханика, который остался около самолета.

Потом была сверкающая светом и чистотой теплая сытость столовой и блаженный перекур в комнате пилотов. Курили, развалившись на койках, вспоминали всякую незначительную чепуху. Нам было хорошо всем вместе после длинного сегодняшнего дня.

Полнолицый приземистый командир щурился довольно, и у него был вид добродушного домоседа, специально приспособленного для шлепанцев. Второй пилот, самый молодой в экипаже, красивый девчачьей украинской красотой, расспрашивал нашего оператора о погоде в Сочи, откуда тот недавно прилетел.

Длинноногий носатый штурман, специалист по подходу к женщинам и специалист своего дела, картинно подрагивая грифом гитары, наигрывал дежурной по аэродромной гостинице какой-то цыганский романс.

— Сколько с сегодняшними? — спросил командир.

— Шестьдесят две, — ответил я.

— Понимаешь. — сказал он, и голос у командира был виноватый. — Понимаешь, если бы не этот иней.

Потом все стали укладываться спать, а мы со штурманом сели разрабатывать маршрут на завтра.

Мы прокладывали линию на карте теперь строго на север, к семьдесят четвертому градусу.

— Сколько возьмем? — спросил он.

— Давай десяток.

— Может быть, двенадцать? Ей богу, сделаем. Давай двенадцать.

Это была вера в удачу завтрашнего дня, дня, который грядет с рассветом.

— Понимаешь, черт побери, если бы не этот туман сегодня, — бормотал командир, засыпая.

Мы летали с ним не один месяц, и я припоминаю только два три дня, когда наш командир был доволен сделанной за день работой.

Глава 5
Остров Врангеля

Я счастлив, что родился в то время, когда санные экспедиции на собаках еще не отжили свой век.

Кнут Расмуссен, 1924 год

Оленьи туши лежали штабелем в дощатом помещении склада. Кладовщик щелкнул выключателем, и желтый электрический свет упал на эти туши, на штабеля папиросных и консервных ящиков.

— Вот, — сказал он доброжелательно, — выбирай.

— Пожалуй, эту, — сказал я.

Иван Акимович помог разрубить ее пополам, потом мы бросили половинку туши на весы, я забрал ее на плечи, и, загораживаясь от снега и ветра, мы пошли в нашу избушку, где в одной половине жил экипаж застрявшего из-за непогоды вертолета, а в другой половине жили мы. Ждали все ту же погоду.

Остров пока мы видали только с самолета. Мы облетали его кругом на «аннушке», делали посадки на снег или лед через каждые шестьдесят километров, чтобы потом уже двигаться между этими точками наземным порядком. Так требовалось по работе.

Сверху остров вроде бы мало отличался от обычного Севера: сглаженные линии хребтов на юге и неразличимо однообразная тундра на севере с блеском оголенного озерного льда и нитками еле видных под снегом речушек.

Все это происходило в феврале. В начале марта задула пурга, и вот так она уже дула двадцатый день, с редкими перерывами. Мы не очень на нее злились, потому что время работало на нас: что б там ни творила погода, но солнце неумолимо набирало весеннюю силу и приближался апрель — месяц, созданный для санных путешествий на собаках. Это была рядовая, так сказать, рабочая пурга, когда просто дует ветер и несет с собой снег. Крыши, конечно, остаются на своих местах, и никто не цепляется за пресловутые веревки, протянутые меж домов.

Все-таки к концу марта, когда результаты нашей зимней работы по льду были обработаны, аппаратура снова проверена и налажена, а все книги не то что прочитаны, а, можно сказать, изучены, мы стали нудиться бездельем: поодиночке, и все втроем. Пурга все еще продолжала дуть, но уже нехотя, как бы уставши.

Второго апреля мы проснулись от необычной тишины. Нигде ничего не свистело, не выло, не хлопало. Я посмотрел на подоконник возле кровати. За ночь на него всегда наносило порядочную кучу снега. Сейчас подоконник был чист. Мы быстро оделись и выскочили на улицу. Стояла благостная тишина.

Тишина и рассеянный свет, от которого резало глаза и все темные предметы как бы плавали в воздухе.

Вечером старожилы поселка, среди которых были, кстати, и метеорологи, выкурив ужасное количество «Беломора», постановили, что «погода вроде бы и должна быть, не все же время ей дуть. Но раз на раз не приходится. Вот если вспомнить зиму пятьдесят шестого или, куда далеко ходить, позапрошлого года, то.»

Все-таки мы дали радиограмму в колхозный поселок, что можно высылать собак и все прочее, что «обусловлено нашей договоренностью». Мы ждали упряжки три дня, ждали в комнатушке метеорологов, гадая о погоде. Нам нужна была хорошая, устойчивая погода дней на десяток, не потому, что не хотелось валяться в снегу где-либо, пережидая пургу, хотя этого тоже не хотелось, а потому, что плохая погода испортила бы нам работу. Короче говоря, для того чтобы объехать кругом четырехсоткилометровое побережье острова и дважды пересечь его в центральной части, нам требовалась хорошая погода в этом апреле, четыре хороших упряжки, четыре хороших каюра и кое-какая удача.

Каюры появились в средине дня. Мы познакомились с ними еще в феврале. Это были рослый, мрачноватый Куно, Апрелькай, похожий на герцога Ришелье со своей седоватой эспаньолкой, полный, благодушный Кантухман и хитроватый, сухощавый Ульвелькот, самый хозяйственный человек на острове.

Разумеется, как положено по книжкам и в жизни в таких ситуациях, мы вначале принялись за чай, поговорили о разных злободневных вещах и потом уже вплотную уселись за карту.

Здесь начиналось самое трудное. Мы знали свое дело, знали, сколько нам потребуется остановок для работы и какое это займет время, знали, где мы можем делать ночевку, а где этого лучше избежать. Каюры знали своих собак, знали, сколько и какой им потребуется корм, сколько можно взять груза. Но они не знали условий нашей работы, не знали северной стороны острова, так как никому из них не приходилось там бывать. Не знали, каков там лед и какова вообще дорога. Так мы взвешивали разные варианты вначале спокойно, а потом все больше и больше приходя в азарт. В конце концов все как-то прояснилось и стало понятно, что лучше работать двумя отрядами. Один с центральной усадьбы «отработает» восточную половину острова, второй выполнит объезд и пересечение с запада и, кроме того, попробует сделать два галса в пролив Лонга, что было бы очень к месту, так как давало возможность проследить под водой геологические структуры острова.

Потом каюры уехали, и мы стали готовиться к выступлению, которое намечалось на послезавтра. В этот вечер мы занимались делом: подбирали привезенные каюрами меховые штаны, кухлянки, торбаса, оленьи чулки, камусные рукавицы, готовили торбасные стельки и еще десятки мелочей. Возиться со всем этим перед дорогой, как известно, столь же приятно, как потом вспоминать о дороге.

Погода нас не подводила, стояли те самые зимние дни, когда бывает тихо и на солнце можно смотреть почти без усилий сквозь белесоватую мглу.

Собаки всегда точно угадывают минуту начала дороги. Пока мы укладывали, привязывали, прикрепляли к нартам, они лежали безучастно и зевали сытыми зевками хорошо кормленных зверей и лишь в точно нужную минуту подняли разноголосый вой. Мы выбрались сквозь сугробы на изрытый застругами лед бухты Сомнительной, и обе упряжки с лаем рванули вперед. Наконечник остола со скрипом врезался в твердый снег, потому что нельзя собакам бежать быстро на первом километре дороги.

Мы рассчитывали в этот первый день добраться до избушки в тридцати километрах к западу от нашей базы. Избушка принадлежала знаменитому человеку Нанауну, который в 1924 году вместе с Ушаковым прибыл на остров из Бухты Провидения с первой группой эскимосов поселенцев. Нанаун уже месяц как лежал в больнице на мысе Шмидта со сломанной ногой. С ним случилась смешная для полярного охотника вещь: впервые за зимние месяцы приехал в поселок, поскользнулся и сломал ногу.

До избушки все шло неплохо. На нарте Ульвелькота отскочил подполозок, но он вытащил откуда-то ящичек, обвязанный ремешками. В ящичке лежали плоскогубцы, разные шурупчики и отвертка, и через пять минут нарта снова была в порядке. Я с удовольствием заметил в ящичке несколько примусных иголок и два коробка спичек. В такой дороге примусные иголки и спички раскладываются в возможно большее число мест. Мы с Сергеем Скворцовым распределили их в четыре взаимно несовместимых надежных уголка.

Мимо избушки Нанауна можно было проехать не останавливаясь, если бы не торчала из снега длиннющая жестяная труба. Мы раскопали сверху снег и съехали вниз, как в метро, только вместо эскалаторов были собственные животы.

Мы стали раскачивать примусы, я втайне хотел продемонстрировать хозяйственному человеку Ульвелькоту свой житейский опыт. Еще несколько лет назад мы научились у чукчей рассверливать капсюльное отверстие в примусе, предназначенном для зимней дороги. Тогда он горит вдвое сильнее и работает так

же хорошо на солярке, как на керосине (найти брошенную в тундре бочку солярки можно довольно часто) Все-таки из моего хвастовства ничего не вышло: примус Ульвелькота работал еще лучше.

Пока мы занимались чаем, вышел первый дорожный курьез. По неписаному правилу найма упряжки ты берешь в дорогу разные цивилизованные продукты: чай, сахар, масло, галеты. Каюр берет мясо. По простоте душевной и Куно, и Ульвелькот взяли с собой привычный копальхен. Я ничего не хочу сказать плохого об этом продукте, ибо именно он, или способ хранения, давал в течение тысячелетий здоровье и жизнь чукчам и эскимосам, но приезжим он не всегда нравится. Произошло небольшое недоразумение, во время которого каюры страшно смутились. Немедленно на свет были извлечены другие запасы: медвежье сердце как деликатес для строганины, небольшой кусок оленины и пяток лепешек эскимосского пеммикана — резервная еда на крайний случай. Но впереди у нас было еще много дней, и мы с Серегой взялись за копальхен, благословляя судьбу, что нам приходилось есть его раньше. Возможно, на острове был копальхен особого качества, ибо с каждым разом аппетит у нас увеличивался.

После чая настроение стало совсем бодрым. Мы еще раз осмотрели нарты, осмотрели аппаратуру и груз и решили ехать дальше до следующего опорного пункта на мысе Блоссом, в пятидесяти километрах от этой избушки. Там тоже имелась охотничья избушка, последняя на нашей дороге, и мы надеялись в ней отлично переночевать. Теперь собаки шли уже совсем спокойно, словно догадываясь, что им сегодня предстоит так или иначе добирать расстояние до восьмидесяти километров.

Мы ехали вначале вдоль низкого песчаного берега, потом по изрытому застругами льду лагуны Предательской. За лагуной Предательской начинался длиннющий, почти по линейке выпрямленный участок косы, который тянулся уже до мыса Блоссом. На косе этой валялись оставшиеся с лета останки моржовых туш, и снег на ней был испещрен песцовыми и медвежьими следами. Видимо, голод пригнал сюда из льдов достаточное количество этих медведей. На двадцатикилометровом участке косы мы наткнулись на них три раза. Все три раза медведи убегали во льды своей неторопливой, раскачивающейся рысью. Отбежав примерно на километр, медведи всегда останавливались и долго смотрели с какого-нибудь тороса на упряжки. Нам их разглядывать было как-то некогда, потому что собаки, возбужденные запахом свежего следа, отчаянно рвались вперед, и их минут по десять

приходилось удерживать на одном месте. При этом один изо всех сил удерживал до отказа загнанный в снег остол, а другой, лежа на снегу, цеплялся за алык передовика. Если бы здесь был ровный лед, то дело могло кончиться худо: собаки при виде медведя совершенно теряют голову и в погоне за ним могут вдребезги разнести нарту, не говоря уж о нашей драгоценной аппаратуре.

Но все-таки в этот день нам еще раз пришлось повидать медведя, и на сей раз это получилось поинтереснее. Уже в самом конце лагуны, когда закиданная моржами коса кончалась, во льды начал спокойно уходить еще один увалень. По видимому, он хорошо был знаком с человеком, потому что не особо спешил, но и на месте не задерживался. На какое-то мгновение мы отвлеклись возней с собаками, и когда я решил рассмотреть медведя в бинокль, то прямо оторопел от удивления: рядом с первым медведем уходил второй, и он выглядел настоящим чудовищем. Похоже было, что по льду перемещается что-то вроде потревоженного стога сена. Первый медведь, тоже ведь матерый зверь, выглядел рядом с ним как теленок рядом с коровой мамой. Он почтительно держался поодаль, а потом и вовсе отклонил курс в сторону, к грядке небольших торосов; Косматое же чудище уходило во льды без всякой спешки. Отросшая на заду лимонная шерсть колыхалась, и огромные лапы с какой-то тяжеловесной грацией переступали по льду. Чуть дальше мы наткнулись на его следы, напоминающие отпечаток днища бензиновой бочки. А сейчас все молча смотрели на него, даже бесноватые собаки притихли. Ульвелькот хмуро ответил на мой безмолвный вопрос:

— Встречается. Очень редко. Очень.

Последняя треть дороги тянулась долго. Мы ехали мимо изъеденных ветрами тригонометрических вышек, пустых бочек и бревен плавника. Уже порядком смерклось и резкий вечерний холод забирался под кухлянки.

Вдобавок в темноте как-то совсем потерялось представление о том, где может быть избушка или, вернее, то, что может торчать от нее из под снега. Мы кружили среди снежного однообразия больше часа, пока не наткнулись на пустующий домик полярной станции. Вообще-то на станцию заходить не следовало — там могло остаться оборудование и разные вещи. Но все-таки это происходило после дневного перегона под девяносто километров, начинался совсем уж чертовский холод, и к тому же на косяке над входом лежал ключ. Мы разгребли снег перед входом и зашли на станцию.

В лампе на кухне был керосин, перед печкой лежали дрова, и вообще в домике царил идеальный, чисто морской порядок. Даже ковровые дорожки на полу, казалось, только что прочистили

пылесосом. У входа в комнату висели две винтовки и бинокль, и даже койки в жилой комнате казались застланными только что поглаженным бельем. Только книг в комнате было маловато. Видимо, здесь жили летом аккуратные, но не очень охочие до чтения ребята, а может быть, они просто увезли книги с собой.

Утро началось солнцем и изрядной силы северо-западным ветром. Мы вышли к маяку на самой оконечности мыса и забрались на него, чтобы посмотреть лед. С первого взгляда стало ясно, что из ледовых маршрутов от мыса Блоссом ничего не выйдет. На всем видимом пространстве лед был перемешан с великой тщательностью, а глыбы льда на торосах громоздились с хитроумием, делающим честь здешним ветрам на мысе Блоссом. В нескольких километрах от берега дымились полосы разводий. Месяц назад ни торосов, ни разводий здесь не было: мы тщательно осматривали район мыса с самолета.

Как всегда, после первого дня дороги сильно ломило все тело и сказывалась еще вчерашняя усталость. Видимо, собакам передалось наше настроение. Мы как-то вяло прошли в этот день восемнадцать километров на север и остановились у мыса Святого Фомы. Уже снова наступал вечер, и надо было посмотреть дорогу вдоль полосы скалистого берега, что тянулась почти тридцать километров от мыса Базар. Дорогу мы посмотреть успели. Даже на ближнем участке было видно, что собакам здесь не пройти. Глыбы льда были прижаты к самым обрывам, а кое-где торосы даже пытались залезть на самые скалы.

Мы не стали в этот вечер обсуждать завтрашние перспективы, а принялись ставить палатку, распрягать собак. Меня очень беспокоили наши спальные мешки. Это были мешки незнакомой системы, да еще на молнии. То, что застежка молния для зимы не годится, известно достаточно хорошо. Все-таки мы рискнули залезть в них раздетыми,? рассудив, что в хорошем мешке раздетому гораздо удобнее, а в плохом не спасет и меховая одежда. Мешки, однако, оказались совсем хорошими, слой пуха в них распределялся очень разумно, утолщаясь под спиной и в ногах. Даже застежки молнии не капризничали. Мы обсуждали их достоинства, постепенно засыпая, и потом мы еще успели выяснить с Серегой, что у него, как и у меня, если закрыть глаза, также мелькают собачьи лапы, а в прошлую ночь перед сном все торчали обтекаемые силуэты медведей. Все-таки на медведей нам повезло: последнего, четвертого, видели сегодня утром, когда ходили к маяку осматривать торосы. Подумав об этом, я почему-то вспомнил кладовщика Акимыча, который теперь в ста двадцати километрах, наверное, думал о нас, вспомнился и его голос: Так здесь же остров, чудаки! Здесь другая земля,

путешественники.

Две вещи мешают спать зимой в палатке: иней, который намерзает вокруг лица, и иней, который скапливается на потолке палатки. От первого можно уберечься, если не крутить головой, но с потолка иней падает пластом, стоит только кому задеть стенку палатки. Он падает на лицо и потом начинает таять. Я вспомнил, как четыре года назад мы с тем же Сергеем торчали в центре острова Айон. Нас закинули туда на самолете, чтобы выкопать череп мамонта, найденный летом геологом Альбертом Калининым. В тот раз, хотя у нас были великолепные мешки из шкуры зимнего оленя, мы чуть не плакали от этого проклятого инея.

Утром, расстелив карту на полу палатки, мы стали выбирать дальнейший маршрут. Удобнее всего было подняться вверх по речке Неожиданной, потом через верховья реки Гусиной пробраться в верховья речки Советской. В устье ее как раз находился опорный пункт, а все расстояние составляло чуть больше шестидесяти километров. Дорога эта каюрам была незнакома, и они долго не соглашались, но все-таки мы убедили их, что такие карты, как у нас, никогда не врут.

Собакам в тот перегон пришлось все-таки трудно. На южной половине острова дул сильный ветер, такой, что по временам вся упряжка скрывалась в облаке поземки. Потом начались перевалы, а в верховьях реки Советской встретился узкий, в несколько метров ширины, каньон. Собаки боязливо пробирались по нему, но и потом им опять не стало легче.

В устье речки была так называемая труба — место, где постоянно дует ветер, нет снега и нарты едут по черной, вмерзшей в землю гальке.

Мы нашли несколько выброшенных морем ящиков и разожгли хороший костер. Было тихо. Оранжевое, непомерной величины солнце пряталось за лед на севере, на западе торчали запрокинутые обрывы мыса Гильдер, на восток туманной полосой уходил равнинный берег Тундры Академии, куда нам надо было отправляться завтра. Теперь дорога уже «наладилась» и мы смотрели туда без особого опасения сорвать работу.

За два солнечных дня мы добрались до мыса Флоренс — самой северной точки острова. Мыс Флоренс, в сущности, не мыс, а просто изгиб песчаной косы, отделяющий от моря гигантскую лагуну Дрем Хед. Тригонометрическая вышка стояла на месте, и алюминиевая табличка, приколоченная нами в феврале, была на месте. На табличке писались номер пункта, год, название нашей фирмы и прочие положенные надписи. Не было только записи от восточного отряда. Значит, они сюда не добрались или решили не

добираться, так как работу около мыса выполняли мы.

Нам оставалось девяносто километров пересечь остров точно по меридиану. Мы немного посовещались, сидя на снегу под неуютной треногой вышки. Было ясно, что собаки не выдержат такого перегона в один день. Мы двинулись на юг к синим обрывам горы Дрем Хед, добрались до них и даже оставили сзади.

В горах островного хребта было безветренно, но изрядно морозно, и мы перенесли самую «трясучую» ночевку за всю дорогу.

Хотя мы из-за холода начали этот день в пять утра, настроение все-таки было отличным. Запас корма для собак оказался рассчитанным точно, впереди всего шестьдесят километров, аппаратура не подвела. Кроме того, здесь, на севере острова, куда не забирались охотники, песцы встречались по долинам почти через каждый километр. И Куно, и Ульвелькот божились, что будут переносить свои охотничьи участки сюда, в это песцовое изобилие: Не знаю, собрались ли они это сделать.

К середине дня солнце стало греть совсем сильно. Уставшие собаки с трудом тянули на подъем. Мы толкали нарты по обмякшему снегу. От такой работы спина мгновенно взмокла. Мы с Сергеем вначале сняли матерчатые камлейки, потом кухлянки. После подъема собаки несли вниз, и от ветра размокшая рубашка начинала примерзать к спине. Но впереди был другой подъем, так что одеваться не имело смысла.

Все-таки вечером мы увидели с перевала огоньки поселка. Наверное, собаки тоже их увидели, потому что они рванули вниз с сумасшедшим азартом. Нам и на этот раз повезло. Ни на той, ни на другой нарте не сломался остол, нарты не перевернулись, и, хотя мы с Сергеем, презрев все инструкции, отчаянно тормозили пятками, ни тот, ни другой не наткнулся ногой на камень под снегом.

Мы пили чай уже в своей промерзшей до инея избушке. Только здесь, в привычной обстановке, мы заметили, что лица у всех распухли от ветра и солнца и стали цвета свежего мяса. Мы еще не знали, что через день Серега свалится с жестоким гриппом, а я с воспалением легких. Все из-за того, что, не вовремя скидывали кухлянки. Но если бы даже знать это, все равно было ощущение неплохо сделанной работы, и если бы окончание дороги было чуть поторжественнее, то можно было сказать тост словами Кнута Расмуссена, приведенными в начале этой главы.

Глава 6
Очень большой медведь

1

Старая истина гласит, что прелесть покинутых стран увеличивается прямо пропорционально времени и расстоянию. Я не видел Чукотки всего два года и уже не знал, какой найти предлог, чтобы поехать туда снова. Как и бывает обычно, он не заставил себя ждать.

В этой книге я уже упоминал о двух медведях непомерно больших размеров. Об одном говорили пастухи Чаунской долины, второго белого медведя, который выделялся среди собратьев, как баскетболист среди школьников, мы видели на острове Врангеля.

Перелистывая как-то книгу бельгийского зоолога профессора Бернара Эйвельманса «По следам неизвестных животных», я наткнулся на следующие слова:

«В Западной Европе лишь в 1897 году впервые стало известно о существовании самого крупного в мире хищника — огромного бурого медведя, обитающего на Камчатке, в Северо-восточном Китае и на Сахалине. Родич его, медведь кадьяк, живет по другую сторону Берингова пролива, на Аляске. Этот медведь — настоящее чудовище. Длина его более 3 метров и вес — более 700 килограммов.

„Не о моем ли „знакомце“ с реки Угаткын идет речь?“ — подумал я.

Однако фраза „в Западной Европе стало известно“ не давала точной информации. Прошли слухи, что ли?

Мне не удалось установить, чтобы кто-либо из серьезных людей слыхал на Камчатке или на Сахалине о невероятно большом медведе. Точнее, я установил, что, пожалуй, никто о нем не слыхал. Большие и страшные медведи были и есть, но я искал информацию именно о наводящем ужас чудовище, о котором мне говорили под треск костерка из полярной березки пастухи глухой Чаунской долины, или о „самом крупном в мире хищнике“, как писал Эйвельманс.

Но тем не менее я наткнулся в конце концов на книгу Фарли Моуэта. Существует книга Фарли Моуэта, полярного исследователя, этнографа, писателя, прожившего годы среди континентальных эскимосов Аляски, „Люди оленьего края“. Здесь не место писать о достоинствах этой прекрасной книги и строгого человеческого документа. Важно то, что Фарли Моуэт приводил в ней легенды, слухи и рассказы, услышанные от жителей страны Барренс. Вот что случилось с ихалмютом[11] Белликари, когда он был еще мальчиком.

Он взглянул туда, и кровь застыла в его жилах — там, на гребне холма, на расстоянии броска камня от того места, где он

должен был выйти из каньона, стоял акла, огромный медведь северных пустынь!

Акла, страшный бурый зверь, ростом вдвое выше белого полярного медведя; это — таинственное чудовище, о котором мало кто из белых людей слышал; свирепое животное, оставляющее на песке следы длиной в половину руки человека; акла, чье имя однозначно со словом „ужас“ на языке полярных эскимосов.

Встречается он редко, так что многим ихалмютам даже не доводилось видеть его следов, чему они очень рады. И все же он существует, этот гризли Барренс!»

Должен сказать, что за пять минут до того, как я добрался до сто семьдесят первой страницы книги Моуэта, я и не думал о своем загадочном медведе. И когда я прочел процитированный отрывок, честное слово, я чуть не перекрестился от мистического ужаса. Совпадение с тем, что я слышал от пастухов семь лет тому назад, было просто поразительным. Следовательно, легенда о каком-то необычном медведе, обитающем в горах Чукотки, не миф, а если миф, то достаточно распространенный для того, чтобы проникнуть по ту сторону Берингова пролива и достичь уже в 1898 году Западной Европы. В то время я еще не знал, что не столь уж давно в Берлинский зоопарк был доставлен с острова Кадьяк экземпляр медведя фантастических размеров, весивший более тысячи килограммов. Этот медведь был отнесен к новому виду гигантских медведей и получил название от острова: медведь кадьяк.

Не теряя времени, я написал профессору Эйвельмансу в Париж и в Канаду Фарли Моуэту. Я сообщил им информацию, полученную от пастухов, и просил высказать, их точку зрения в данном щекотливом деле. Кроме того, я написал в поселок Марково на Южной Чукотке охотоведу и медвежатнику с тридцатилетним стажем Виктору Андреевичу Гунченко.

Я исходил из того, что гигантский медведь Бернара Эйвельманса, аклу в книге Фарли Моуэта, медведь кадьяк, реально существующий в природе, и медведь, о котором говорили пастухи, — один и тот же зверь? Возможно, это новый вид, существующий по обе стороны Берингова пролива и встречающийся чрезвычайно редко. Ответ Фарли Моуэта не заставил себя ждать. Со всей уверенностью он утверждал, что коль скоро медведь существует по одну сторону Берингова пролива, то он должен быть и по другую.

«Аклу, о котором я писал в своей книге, — сообщал мне Моуэт, — что барренсграундский гризли. Описание его в книге близко к действительности. Сам я видел его только один раз.»

«Мне кажется, — писал далее Фарли Моуэт, — что ваш гигантский медведь может оказаться родственником североамериканскому гризли, который, как вы знаете, самый большой на свете. Поскольку они живут невдалеке от Берингова пролива, вполне возможно, что в прошлом они могли мигрировать в Сибирь. Многие гризли обитают в горах, нет ничего удивительного, что их родственники могут встречаться на Чукотке. На Аляске и в Канаде они часто нападают на стада домашних оленей. Следы их огромны, и даже по следу можно видеть, что этот зверь вдвое крупнее обычного. Сообщения о гигантских медведях на Чукотке я считаю вполне вероятными. Они, по моему, основываются на реальных фактах. Возможно, что легенды о гигантских медведях на Чукотке говорят о тех медведях, которые продрейфовали Берингов пролив на льдине или пересекли его пешком в особо суровые зимы. Я говорю так потому что аляскинский гризли великий кочевник.»

Трудно судить о том, может ли сухопутный житель гризли дрейфовать на льдине. Но пересечь замерзший семидесятикилометровый пролив ему, вероятно, не трудно. В стройной системе природы бушует хаос случайностей, упорядоченный, однако, не менее строгими законами вероятности процессов. Возможно, рассказы пастухов легко и просто объясняются редкими появлениями в чукотских горах случайного пришельца с североамериканского континента, облик и поведение которого были непривычны для чукчей. Кстати, в своем письме Фарли Моуэт со свойственной ему писательской эмоциональностью не удержался от того, чтобы не «закинуть удочку» еще в одном вопросе.

«В Торнгатских горах на полуострове Лабрадор эскимосы рассказывают о другом типе медведя, с очень длинными волчьими зубами. Еще ни один белый человек такого медведя не видел, и, возможно, это миф. Однако описания эскимосов очень похожи на реконструкцию вымершего ныне пещерного медведя, который предположительно исчез несколько тысячелетий тому назад. Все это может служить слабой надеждой на то, что небольшое число пещерных медведей существует и сейчас. (Их передние зубы огромны и высовываются наружу наподобие зубов вымерших саблезубых тигров.) И если это так, то я поискал бы их именно в горних районах Верхоянска, Колымы и Анадыря.»

Все мы люди, и с детства нам свойственно убеждение, что «за морем и телушка полушка». Если бы я верил в существование пещерных медведей, то я поискал бы их на Аляске, например в неисследованных районах хребта Брукса. Человеку, знакомому с систематичностью и массовостью организации в нашей стране

хотя бы геологической и топографической службы, ей богу, трудно поверить в существование кое-где уцелевших мамонтов.

Но тем не менее было все-таки что-то поражающее воображение пастухов на Чукотке и эскимосов карибу на Аляске. Медведь — живой зверь, он уклоняется от встреч с людьми, будь то геолог, топограф, этнограф или другой экспедиционный человек. И все они не более как гости в полярных горах, и тундре. Таким образом, независимо от гипотезы случайно забредающего в Азию гризли, который может попадать раз в десять лет и погибать в лучшем случае через несколько лет, можно предположить, что у нас существует редкий и малочисленный вид гигантских медведей вроде медведя кадьяка, — приходилось думать о причине слухов, возникших среди чукотских пастухов и совпадающих с рассказами аляскинских эскимосов.

Доктор Бернар Эйвельманс прислал мне подробный ответ, в котором, в частности, затронул и вопросы систематики медведей. В существовании же гигантских медведей он вообще не сомневался, оговорив, впрочем, что никогда не утверждал существования их на Чукотке.

«В настоящее время, писал Эйвельманс, — большинство ученых пришли к общему согласию насчет того, что надо свести к одному виду бурых медведей: бурых медведей гигантов и серых медведей, или гризли Евразии и Северной Америки,» который подразделялся бы, следовательно, на многочисленные подвиды и географические расы.

«Это побудило некоторых авторов утверждать, что гризли вообще не существует. Но утверждать так — это значит зайти слишком далеко, так как можно без труда отличить типичного гризли от типичного гигантского бурого медведя».

«Самым разумным и самым правильным было бы считать бурых медведей гигантов как крайнюю форму местных вариаций гризли, являющихся наиболее распространенными бурыми медведями в Северной Америке.»

«Бурым медведем гигантом» доктор Эйвельманс называет медведя «урсус арктос миддендорфи», зона распространения которого ограничивается прибрежной полосой в сотню километров от крайней точки полуострова Аляски, но охватывает также многочисленные острова вдоль побережья, в том числе и знаменитый, остров Кадьяк, давший название новой расе медведя. Точка зрения доктора Эйвельманса была, таким образом, достаточно ясной. Исходя из его взглядов, следовало считать предполагаемого «большого медведя» Чукотки одной из рас обыкновенного бурого медведя и азиатским собратом бурого медведя гиганта или медведя кадьяка, живущего в прибрежной

полосе по ту сторону Берингова пролива.

Но, в общем, мне ничего не оставалось, как снова оказаться на Чукотке и на месте собрать дополнительный материал.

2

Общий план свелся к следующему. На Чукотке есть горное озеро Эльгыгытгын. Оно расположено в центральной части Анадырского нагорья, на водоразделе между реками Чаунской и Анадырской впадин первые из которых впадают в Ледовитый, а вторые в Тихий океан. На север уходят истоки Угаткына, Пучеевема, Омрелькая, Чауна, на юг — Юрумкувеема и Энмываама. Сливаясь, они образуют большую реку Белую, впадающую, в свою очередь, в Анадырь. К востоку начинается царство Большого Анюя. Анадырское нагорье — это обширное сопочное плато с сотнями больших и малых долин, разделяющих и разрезающих небольшие горные кряжи. Район озера Эльгыгытгын, находящегося в центре этой сумятицы, один из самых глухих на Чукотке. Даже геологические экспедиции здесь бывали «краем»: по перспективности район не относится к первоочередным. Но с давних пор он был меккой оленеводов. Летом здесь холодно, в отдельные годы на озере даже не исчезает лед, о чем говорит перевод названия: «нетающее озеро». Летом для спасения от овода и комаров сюда испокон веку прикочевывали стада. Я рассчитывал, что найду здесь достаточное количество пастухов для сбора сведений. И если где-то бродит канадский аклу или кадьяк, то и чукотский аклу запросто мог сохраниться среди сотен глухих горных долин, окружающих озеро Эльгыгытгын. Надо сказать, что само озеро числилось у чукотских старожилов легендарным. Ходили слухи о невероятных рыбах, обитающих в нем. О «стадах медведей», пасущихся на его берегах. Даже магнитное поле Земли вело себя здесь неразумно: отклонялось на семнадцать градусов. В общем, я выбрал за исходную точку озеро Эльгыгытгын и принялся за организацию экспедиции.

В первую очередь я выяснял возможность добраться до озера. Ближайшим поселком был все тот же Певек на берегу Чаунской губы, который к этому времени стал уже городом. От озера его отделяло триста километров. Об аренде авиатранспорта я не мог помышлять. Но тут мне повезло…

Пришел экстренный и прямо таки невероятный ответ из Певека. Николай Балаев, мой давний товарищ, готовился на озере

вести промысловый лов рыбы по договору с одной торгующей фирмой. Он писал, что в район озера в этом году заброшена партия геологов и их изредка навещает самолет Ан-2. Кроме того, на озеро собирался инспектор рыбоохраны Владимир Курбатов. Мы были знакомы и дружны многие годы. Николай со своим рыбацким грузом уже вылетал на зафрахтованной «аннушке», Володя соглашался подождать меня. Я начал срочно готовиться к вылету. Все-таки самолет из Апапельхина на озеро летал редко, предугадать рейс было невозможно, но зато хорошо было известно, что погода, пригодная для полета, «прорезается» на озере лишь иногда.

Оставалось обдумать конкретную методику поисков. Прежде всего я намеревался оценить реальность существования неведомого зверя. В случае крайней удачи — увидеть. При невероятной — сфотографировать. Ну о верхней ступени эскалации этих замыслов, видимо, лучше умолчать.

Литературы по биологии медведя существует великое множество. Методик выслеживания и охоты — еще больше. Почти вся она написана в дореволюционные времена, когда охота на медведя являлась одной из распространённых игр. Но, к сожалению, в подавляющем большинстве литература относилась к европейскому лесному медведю и имела для меня малую ценность. Кроме охотников, пишущих книги, существовали и существуют еще промысловики, которые охотятся на медведя профессионально. Опыт промысловиков я с удовольствием перенял бы. Но, как большинство людей, досконально изучивших предмет, промысловики предпочитали книг не писать.

Просмотр научной литературы, которую мне удалось добыть, не дал ничего существенного. Г. Ф. Бромлей в недавно вышедшей книге писал: «Дальневосточные, или камчатские, медведи отличаются от медведей прочих подвидов крупными размерами, достигающими максимума среди медведей Старого Света». Вопрос о медведях Анадырского края он считал недостаточно ясным. В книге Л. А. Портенко «Фауна Анадырского края» писалось, что на Чукотке водятся два типа медведей: тип колименсис — помельче и тип берингианус — большие.

Последнее как бы примиряло наши извечные споры среди геологов, охотников, ибо одни считали чукотского медведя очень крупным, другие — очень мелким. Наверное, среди «стад» медведей озера Эльгыгытгын встречались оба типа, но меня все-таки интересовал третий, особый тип. Но в общем все это только путало.

Из оружия я брал с собой экспедиционную двенадцатикалиберную двустволку, к которой привык. Карабин

мне обещали достать на месте.

Еще я взял восьмикратный бинокль. Для горных охот многие применяют бинокли с большим увеличением, но опять таки к своему я просто привык, и, кроме того, бинокль с большим увеличением сильно сужает поле зрения. «Своего» медведя я надеялся рассмотреть и в восьмикратный.

В дополнение к обычному чукотскому снаряжению из меховой куртки штормовки, шерстяных носков, высоких резиновых сапог я прихватил на сей раз лишь горные ботинки на рифленой подошве, рассчитывая, что в районе озера будет сухая каменистая тундра и они пригодятся. В состав так называемых продовольственных припасов я включил небольшой одноручный спиннинг и несколько десятков дробовых патронов. В первых числах июля я вылетел в Апапельхино.

3

В этой книге я часто упоминал о Певеке. Многие из бывавших там утверждают, что поселок страх как непригляден. В общем-то Певеку некогда и трудно было становиться приглядным. Знаменитые «южаки», несущие тучи песка, снега и даже щебенки, сдирают с домов окраску. Тепловая электростанция, которая дает энергию Певеку и многим приискам на сотни километров вокруг, естественно, коптит. Ну что говорить, Певек это не образцовый город, это работяга, таким он родился. Но тому, кто хочет оценить его красоту, надо просто летом забраться на сопку. И тогда Певек оказывается городом, торчащим из воды. С земли этого не заметно. Но с сопки кажется, что кубики домов, проклинаемая труба электростанции и портальные краны — все это размещается где-то на сваях: под сваями море.

Я мчался к геологическому управлению, как к родному дому. Мне прежде всего хотелось посмотреть на огромный, как башня тяжелого танка, череп быка примигениуса, что сызвека лежал у входа. У меня с этим черепом связаны были воспоминания. Задыхаясь, я спрыгнул с короба, устремился к входу — и черепа не увидел. Вдоль всего фасада управления был разбит сквер. В сквере покачивались ромашки. Крупные ромашки, не меньше тех, что растут под Москвой, Покачивались на мокром ветру, и сверху насыпал ледяной дождик и снег.

Пожалуй, только сейчас я увидел этот снег и то, что стою на бетонном тротуаре, которого раньше не было, и осознал, что Певек-то мой, тот самый Певек, где мы жили в

семидесятикоечном бараке, — четырехэтажный. Город, в общем.

Мне стало почему-то грустно. Я вошел в свой бывший «родной дом». Управление было пусто, как бывает пусто геологическое управление в разгар летнего сезона. Где-то в глубине коридора маялась одинокая фигура. Это был Жора Клементьев. Техник. Легендарная личность. Я еле узнал его. Жора всегда был крупногабаритным мужчиной. Сейчас от габаритов остался только рост да еще тарзанья шевелюра. Что поделаешь — лето геолога сушит. Но и он меня не узнал. Наверху в своих кабинетах были на посту Лев Константинович Хрузов — главный геолог и Ларионов Яков Севастьянович — начальник экспедиции. Оба из старожилов.

Как будто ничего не менялось в этом, доме.

Но были новости. Золото уже давно стало привычным, сейчас в ход шла ртуть. На уникальном месторождении киновари, открытом в пятидесятых годах Виктором Копытиным, вступал в строй уникальный же ртутный комбинат. Клондайк исчез вместе с золотом, канул в миражи легенд и преданий, остались книги Джека Лондона и статьи «Даусон — мертвый город» и «Вымершие небоскребы» — в общем, все вымершее, вроде как в палеонтологии, откуда явился тот бык примигениус. Куда они все-таки задевали его череп? Я этого не узнал, череп исчез, но Певек, посыпаемый дождичком, пылью и снегом, прочно стоял на месте и собирался стоять, если сосчитать число океанских судов на рейде. В этом году навигация началась рано. В этом году стоял необычайно мерзкий июль. Все в этом году с погодой было необычно, и мы еще не знали, что это серьезно.

Коля Балаев был уже на озере. Нас было двое с Володей Курбатовым, и перед нами стояла редкая по сложности задача. Из хаоса климатических факторов выловить погожий день, причем этот погожий день должен совпасть с погодой за триста километров в горах у озера Эльгыгытгын. Именно в этот день убедить массу людей, от которых зависит отправить спецрейс, отправить его, а организовав рейс, самим улететь, ибо спецрейсы пустыми не гоняют. Нас двое с полутораста килограммами груза, а самолет Ан-2 для «диких» площадок более восьмисот килограммов не берет.

Дело осложнялось еще тем, что после одной катастрофы летать на озеро разрешили временно только Николаю Каринову, очень опытному летчику.

Самолеты Ан-2, в том числе и с «нашим» пилотом шли нарасхват На прииски возвращался отпускной люд, на десятках «точек» не хватало солярки, бензина, досок, цемента, кислородных баллонов. Вступал в строй ртутный комбинат за

четыреста километров, и единственная связь с тем комбинатом держалась опять таки на Ан-2. В отделе снабжения рычащими львами сидели снабженцы и хватали с боем первый подвернувшийся «борт», в крохотной комнатушке ожидания томилось начальство с грозными бумагами, дневная саннорма полетов пилотам Ан-2 была повышена до десяти часов, а над всем этим, наплевав на все, бушевала чукотская июльская непогода.

О северных аэродромах можно писать эпопеи. В годы войны и революций такими местами были вокзалы. Сейчас ими стали аэродромы. Невероятные биографии курили на крыльце, бродили по шлаковым дорожкам и маялись в креслах. Невероятные рассказы о чудовищных событиях запросто висели в воздухе. Немыслимые личности мирно били «козла» на обшарпанных чемоданах.

Как всегда на всех северных аэродромах, здесь было много детей; и они оставались детьми среди гула прогревающихся моторов, суеты автобусов и грузовиков. Большинство было одето почему-то в красный цвет, — возможно, из-за очередных чудес снабжения. Но на Севере красный цвет приятен для глаза.

По шлаковым дорожкам аэропорта лихо носился красный автомобиль. Он мчался по лужам, выписывал повороты, давал задний ход. Педали автомобиля крутил пацан лет четырех, у него были замашки всамделишного лихача, шоферская кепка с козырьком и темные очки. Пожалуй, он был во всем аэродромном скопище летящего люда самым неунывающим человеком.

А самым спокойным существом, несомненно, был аэропортовский кот. Этот громадный зверь философски смотрел на суетную толпу пассажиров и брезгливо пресекал всякую попытку общения. Какая-то тетя при мне пробовала обратиться к коту с сюсюканьем. С минуту кот молча, подняв вопросительно хвост, смотрел на тетю, потом нервно дернул кончиком хвоста и отошел. Тем не менее он сразу выделил из толпы Володю Курбатова. Дело в том, что месяц назад, когда Николай Балаев с кошкой Хрюпой, взятой им для домашнего уюта, улетал на озеро, у этого Васьки был с Хрюпой короткий, но бурный роман. Сейчас этот прелюбодей философ терся о Володины сапоги и просительно мяукал. Наверное, передавал Хрюпе привет.

К середине июля установились погожие дни. Идея, отправки легкого самолета на озеро уже созрела в авиационных недрах. Мы не давали ей засохнуть. Однако погода на озере оставалась задачей со многими неизвестными. Анадырское нагорье возвышалось на юге синей стеной, и над стеной этой клубились облака. Рычащие львы снабженцы по прежнему вели бои за каждый летный час каждого самолета, но все-таки в задание

летчиков, летающих на реку Паляваам, вписывалась разведка погоды на юге. Это значило, что летчики с высоты должны профессиональным оком оценить облака над Анадырским нагорьем. Чаще всего это вписывалось Николаю Каринову. Лететь-то ему! Погода над Анадырским нагорьем оценивалась разно. Бывали и выгодные для нас оценки. Но самолет Николая Каринова мотался без конца по другим, видимо более существенным, чем наши, делам. Мы с Володей это понимали, и для общего блага все переговоры во всех авиационных сферах вел он один. Без меня. У Володи была счастливейшая респектабельная внешность, умение солидно вести разговор. Дар природы. По моему, любая прогорающая фирма спаслась бы, если бы Володя стал ее директором. Просто банки открыли бы ему кредит без всяких условий…

20 июля в семь часов вечера, обойдя одного зазевавшегося снабженца, мы ухватили самолет. Возможно, сыграло роль то, что командиру осточертели наши домогательства. Вместе с нами летел Владик Писаренко — инженер синоптик, долговязый, сухолицый, похожий в своей вязаной шапочке скорее на бродячего матроса с какого-нибудь китобойца. Владика гнала на озеро благородная страсть спиннингиста. Он сказал, что погода над нагорьем «так сяк», и просветил нас о погоде в этом году вообще.

Мы лежали в фюзеляже, на куче груза, и Владик Писаренко, задумчиво пожевывая кончик папиросы, сообщил, что в этом году мы имеем аномальный метеогод. В Тихом океане взбесились тайфуны. Их уже успело проскочить втрое больше годовой нормы. На севере, наоборот, необычайно ранняя весна, ранняя навигация — и все это может кончиться очень ранней зимой.

Погода бродит по одиннадцатилетним циклам, связанным с солнечной активностью. Внутри того цикла вроде все идет по канонам, в промежутке же между циклами бывает год, когда все закономерности летят к чертям: ошибаются всеведущие деревенские деды, грамотные и сильно оснащенные электронной аппаратурой синоптики не решаются дать дальний прогноз, в аномальный метеогод может случиться все что угодно. Я только теперь понял причину возникновения в Апапельхино странных слухов: в разгар необычайной июльской холодины этого года вдруг пошли разговорчики, что это уже все, что дальше будет зима. Оставалось утешаться, что никакой грамотный синоптик не мог дать ручательства, что будет зима, раз аномальный метеогод путает карты.

Самолет трудолюбиво гудел над долиной Чауна, по которой мы бродили в 1959 году. В дальнейшем воздушным ориентиром

по дороге к озеру служит русло той самой реки Угаткын, где я впервые услыхал о большом медведе.

Слева проплыли знакомые силуэты холмов Чаанай. Именно здесь Чаун раздваивается на две реки, но обе они верховьями сходятся к озеру Эльгыгытгын. У подножия холмов крохотными кубиками приткнулась перевалбаза. Во времена наших походов ее не было. Сюда приходят теперь с гор за продуктами оленеводы.

За холмами Чаанай стали появляться клочья тумана. В предгорьях они стали еще гуще. Тягостное предчувствие охватило нас, ибо самое-то сложное было впереди. Впереди торчала стена облаков, нам еще предстояло одолеть перевал, и какая погода ждала нас за тем перевалом, было загадкой. Владик Писаренко кончил рассказывать про метеогод и уселся в проеме пилотской кабины. Пилоты, помалкивали. «Аннушка» все набирала и набирала высоту, капли воды скользили по стеклам, земля исчезла. Она только изредка проносилась в разрывах облаков — черная, неуютная, каменистая земля, чукотской горной тундры. В разрывах белой полосой извивалось русло реки Угаткын.

В кабине похолодало. Разрывы стали совсем редки, они сомкнулись в плотную пелену. Над этой пеленой серыми стенками висели серые полосы второго этажа облаков, самолет проносился сквозь них на ощупь, как человек, входящий в парную, а выше висел следующий этаж. Казалось невероятным, что мы только что шли над залитой, вечерним солнцем долиной Чауна, смотрели на розовые от заката домики перевалбазы и розовые камни вокруг. До озера по времени оставалось тридцать-тридцать пять минут. Черная мокрая громада сопки мелькнула под левым крылом и самолет медленно стал закладывать разворот.

Через какое-то время мы все-таки не выдержали и, не сговариваясь, выглянули в проем пилотской кабины. Гряда плоских чукотских сопок плыла под крылом, следующая гряда — повыше — надвигалась спереди, и над веем этим великолепием черной щебенки и черного мха не было ни облачка.

Командир оглянулся и крикнул. Мы не расслышали. Тогда он показал десять пальцев: через десять минут.

Вершины сопок были покрыты снегом: Летний и осенний снег на чукотских горах производит гнетущее впечатление. Черный цвет камня прорывается сквозь него, и оттого снег приобретает серый оттенок. Это совсем не похоже на сверкающие вершины Тянь-Шаня, Памира или Кавказа. От тех вершин настраиваешься на торжественный, органный лад, на размышления о красоте и всеобщей гармонии мира. При виде летнего снега на Чукотке мысли крутятся вокруг снаряжения, достоинств личного

спального мешка, примусных иголок.

Потом горы со своим мертвенно синим снегом куда-то провалились, и вынырнуло долгожданное озеро. Я не знаю, с чем его сравнить. Пожалуй, если вылить флакон не очень густых чернил на ослепительный лист бумаги — это будет как раз. Круглое озеро лежало в круглой земной чаще. По бокам частоколом, как кончики пальцев чьей-то руки, торчали конусовидные сопки.

4

Такого погрома, какой мы застали на базе, мне за экспедиционную жизнь видеть не приходилось. Шестиместная палатка была сбита. Палаточные растяжки выворочены. Груды сорванной с вешал рыбы валялись на земле. Какие-то бумажки, тряпье, валенки, сапоги, телогрейки просторно разместились в окружающем пространстве. Все это лежало вперемешку с полосами мокрого, набрякшего водой снега. Снег таял, и черный, покрытый лишайником галечник кругом от этого казался особенно неуютным.

Успевший за время одинокой жизни зарасти волосами Коля Балаев бродил среди всеобщего разора и хватался за голову. Вчера ночью на базу обрушился снежный ураган, сбил, сорвал все, что можно было сорвать и сбить, и исчез, уступив место сегодняшнему штилю.

— Коптилку утащило, — перечислял Коля. — А сети то, сети! Их месяц распутывать надо! Уезжайте, друзья, обратно. Здесь в этом году не курорт.

К вечеру быт был налажен. Мы подняли сбитую палатку и поставили еще одну. Закрепленные насмерть растяжки гудели при прикосновении. Собрали раскиданные ураганом вещи. В спальной палатке устроили общее ложе из мха. Развернули спальные мешки. Я соорудил стол из обрезка фанеры, и когда желтое пламя стеариновой свечки осветило созданный нами мужской уют, уют, которого можно достичь только в грамотно оборудованной палатке, когда запах заваренного по нужной дозе чая пошел по тундре, — только тогда мы заговорили об обстановке. Было ясно, что все складывается далеко не лучшим образом и мои планы, обдуманные в Москве, придется менять.

Наша база находилась на западном берегу озера. На южном, там, где из озера вытекала река Энмываам и где на галечниковой террасе приземлилась наша «аннушка», располагался лагерь

топографов.

Оленьих стад в окрестностях озера не имелось. Именно в этом году все колхозы, как сговорившись, решили не пригонять стада на озеро. Причина — холодное лето. Ягельные пастбища, которые, как известно, возобновляются медленно, в течение десятков лет, пастухи решили беречь для жарких сезонов.

Медведей в окрестностях озера также не было видно. Они в этом году как будто провалились сквозь землю. Такова была суть доклада Коли Билаева.

Таким образом, намеченная мной методика разговоров за чаем в пастушьих ярангах отменялась. Оставалось надеяться на собственные ноги, бинокль и глаза.

Я занялся ближайшими окрестностями озера. Из различного вида охот мне больше всего нравится горная охота с биноклем и винтовкой. Я начал обучаться ей двенадцать лет назад на Тянь-Шане и она очаровала меня с первого же урока. Чертовски приятно по расщелинам, ложбинкам забраться на вершину, устроиться там поудобнее и, отдышавшись, неторопливо протереть замшей стекла бинокля, теперь все, что движется на многие километры кругом, не должно остаться незамеченным. Тайная жизнь горных козлов; сусликов, евражек, оленей, уларов, куропаток, куликов и вовсе неведомых птиц, выбирающих для жизни тайные места, становится твоим достоянием. Горная охота требует крепких ног, терпения, чтобы по двадцать раз разглядывать какой-нибудь подозрительный предмет в нескольких километрах, требует опыта, чтобы установить маршрут увиденного животного, и еще раз терпения, чтобы дождаться его в удобном месте, расположенном по его маршруту.

Озеро Эльгыгытгын имеет в поперечнике от десяти до пятнадцати километров. Оно расположёно в котловине, которую прорезают неглубокие долины многочисленных речек, стекающих в озеро с гор. Я не знаю, с чем сравнить горы по берегам озера Эльгыгытгын. Пожалуй, их можно сравнить с сахарными головами, но сахарные головы я видел только в кино.

Еще на картинке в какой-то книжке я видел скифов в войлочных колпаках. Так вот эти горы торчали, как колпаки закопанных в землю скифов. С западной стороны озера расположен невысокий кряж Академика Обручева. Пожалуй, только он походил на обычные чукотские горы округлыми вершинами, черными от накипи лишайника на камнях. Именно с этого кряжа я начал первые маршруты.

Сухая каменистая тундра вела к горам. Нигде, черт возьми, не было такой мертвой тишины, как в этой каменистой котловине озера Эльгыгытгын. Скифские шапки молча торчали в небе.

Беззвучно текли мелководные ручьи. Даже редкие кулики, столь обычные на Чукотке летом, здесь молчали, словно были членами секты молчунов. На камнях котловины рос только ягель. По сухим обрывистым берегам ручьёв на Чукотке любит расти метлица. Она росла и здесь, но была низкорослой, не выше десяти сантиметров. Я ожидал увидеть здесь полярные маки: они любят такие места. Но маков не было. Только на подступах к сопкам, где скапливалась стекающая по водоупорному слою вечной мерзлоты вода, явственно выступала заросшая травой полоса. Здесь росла извечная чукотская пунша, полярная осока, и опять таки они были чахлы и низкорослы, как нигде на Чукотке. Выше начинался голый камень.

В чукотских горах удобно ходить. Склоны не круты, щебенка лежит плотно. Я благословил судьбу, что захватил с собой ботинки. Здесь можно было спокойно ходить в них даже в дальние маршруты, не боясь промокнуть. Я впервые встретил на Чукотке район, где можно ходить в ботинках.

За два дня я изучил весь доступный с базы район кряжа Обручева. С высоты его просматривалась вся панорама озера. Оно казалось почти идеально круглым.

Из географов первым посетил и описал его Сергей Владимирович Обручев в 1934 году. С точки зрения эмоциональной он назвал его «странным и жутким местом». Как географ и геолог, Сергей Владимирович Обручев высказал предположение, что озеро — кратер древнего разрушенного вулкана. Овальные очертания озера, значительная его глубина и то, что озеро находится в центре гигантского пояса вулканических пород, — все говорит за это. Тогда конусовидные сопки по бортам его — это жалкие останки стенок вулкана. Я попробовал себе представить, как выглядел тот древний гигантский вулкан, и, ей богу, мне тоже стало «страшно и жутко».

В пятидесятых годах здесь работал геолог Василий Феофанович Белый — один из авторитетнейших в настоящее время специалистов по вулканическому поясу Северо-Востока. В. Ф. Белый придерживался точки зрения провального происхождения озера Зльгыгытгын. Он проследил систему разломов, в результате действия которых сегмент земной коры мог действительно опуститься. Но не будем вдаваться в сущность геологических споров.

Я изучал в бинокль заваленные диким камнем начала ручьев, запрятанные за кряжами горные долины, часами сидел на вершинах сопок. Медведь на Чукотке ведет бродячий образ жизни. Он ходит по ведомым только ему маршрутам, и маршруты его проходят как по долинам, берегам озер, так и по

водоразделам.

Однако в типичной чукотской тундре медведь встречается реже. Он любит горы. Но из гор он выбирает не дикие обиталища снежных баранов, а невысокие кряжи, где на сухих песчаных буграх роет норы евражка, где растут разные луковки и корешки. Груды вывороченной земли на месте евражьих нор — характернейший след медвежьего маршрута.

Не помню, на какой день я познакомился с Длинноногим. Я, как всегда, шел от базы по долине ручья, который выводит на перевал, и остановился возле обрыва, чтобы просмотреть несколько долинок, которые хорошо просматривались именно в этой точке. И сразу же увидел в бинокль оленей. Небольшое стадо, голов на десяток, паслось у склона горы. Олени вытянулись цепочкой против ветра. Утреннее солнце розовело на темных камнях горы, ветер посвистывал в кустиках метлицы, я лежал на острой щебенке и не мог оторваться от оленей. Они вели себя по домашнему: щипали неторопливо ягель, бездумно озирались кругом, изредка подходили друг к другу и о чем-то совещались. Они вели себя, как коровы на привычном лугу, и походили издали на коров, ибо олень становится по оленьи красивым только тогда, когда бежит, или; вытянувшись в струну, ловит неведомую опасность. В стаде был один олененок, — видно, всеобщий любимец, ибо он бесчинствовал и издевался над взрослыми как мог, и никто ему не мешал. По моему, он провоцировал взрослых на игру в пятнашки. Я долго смотрел на эту сельскохозяйственную идиллию. Летом на Чукотке олени встречаются повсеместно, это так называемые «отколы», отбившиеся от стада группы, которых не смогли разыскать пастухи. Они отбиваются в непогоду, при волчьем нападении или при другой панике, к которой так склонен домашний олень.

Я лежал и наблюдал за повадками олененка, как вдруг что-то изменилось. Олени перестали щипать ягель. Солнце выпрыгнуло из-за облака, и вся гора засветилась изнутри, как будто в недрах ее запалили бенгальский огонь. Утих ветер. Дурачок олененок, который взбрыкивал по кочкам, описывая известную ему замысловатую кривую, вдруг неожиданно замер. Я лихорадочно подкрутил окуляр бинокля. Олени все как один смотрели вверх, на склон горы. А там, из-за гребня, медленно выплывали рога. Они вырисовывались на бледном небе и все вырастали, ползли, ширились в бесчисленных ответвлениях, отростках.

В безмолвном напряжении ползли и вырастали невероятные эти рога…

Олень поднимался вверх по скрытому от меня склону и где-то через нескончаемую эпоху поднялся весь. Он стоял на гребне, как

памятник самому себе, громадный, величественный. Он покрасовался именно столько, чтобы щелкнул невидимый фотоаппарат вселенной, и пошел вниз, легко и свободно. И сразу же щёлкнул другой кадр — стадо начало энергично и деловито пастись, олененок забегал, гора еще немного посветилась изнутри и потухла, начал посвистывать ветер. Олень выделялся среди собратьев, как воспитатель детского сада среди детишек. У него была необычайно темная, почти коричневого бархата окраска и необычно длинные ноги. Пропорция ног у него была, как у лося, может быть самого длинноногого среди наших зверей.

Я решил подойти к ним поближе. Я не думал, что рискую их вспугнуть, — домашний олень плохо видит, и, главное; дать ему почувствовать запах человека, к которому он привык в стаде. Гораздо опаснее подходить против ветра, еще хуже подползать. Подслеповатый домашний олень запросто принимает тогда человека за волка и мгновенно впадает в панику. Я зашел под ветер еще километров с двух, когда они не могли меня видеть, ветер дунул, и в следующий момент я увидел взорвавшееся стадо. Они неслись от моего человеческого запаха так, как может убегать один лишь дикий олень. Пробежав с километр, олени резко, как по команде, свернули и, не сбавляя хода, помчались в горы. Длинноногий бежал как бы на отшибе, отдельно. Он бежал вверх по крутому склону, как бездушный, созданный для бега механизм, лишенный слабостей, присущих живым: одышки, сердцебиения, усталости.

И я понял, что наконец-то впервые увидел на Чукотке настоящих диких оленей, о которых мне столько говорили чукчи и существование которых так старательно отрицает вся литература.

Позднее я встречал оленей каждый день. Здесь были «отколы» домашних стад, настоящие дикие олени, смешанные группы, где тон задавали осторожные «дикари». Я подходил к ним иногда на сотню метров, но никогда мне не удавалось подойти к Длинноногому ближе. Часто он исчезал в неведомых мне долинах, но каждый раз возвращался к озеру. Воистину, окрестности озера в этом году были как бы сборным пунктом для всех оленей Чукотского полуострова, не знающих хозяина. Однажды мимо наших палаток в панике промчалось стадо голов на двести. По видимому, их вспугнули тундровые волки — одни из самых таинственных и осторожных зверей. Волков нам увидеть не удалось, что, впрочем, и следовало ожидать: можно годами жить в тундре, постоянно натыкаться на волчьи следы и ни разу не увидеть светло серого, почти белого, тундрового волка, этого гиганта среди прочих волков Европы и Азии. Времени, которое я

провел на кряже Обручева, вполне хватало, чтобы понять главную ошибку моего плана, которая и осталась бы ошибкой при самых благоприятных прочих условиях. Мне нельзя было вести поиски одному. Если бы нас было хоть четверо? Каждый мог бы взять себе район в наблюдение и осматривал бы его, как осматривают охотники линию капканов, — по кольцевым маршрутам, трехдневным, недельным или иной длительности. Медведь на Чукотке — кочующий медведь, надо думать, это справедливо и для кадьяка, которого я искал.

Вчетвером, да еще с хорошо организованными базами, мы охватили бы системой своеобразных постов куда как солидную территорию. Но я был один, и не было здесь всеведущих пастухов, и снежное лето 1967 года бушевало над Озером Эльгыгытгын.

Разумеется, я не мог отвлекать ребят, ибо Володя Курбатов был при исполнении служебных обязанностей, а Коля Балаев занимался нелегким ремеслом рыбака и над ним висел план — пять тонн рыбы с озера Эльгыгытгын, которую надо было выловить, разделать, засолить, закоптить, запаковать. И единственным «помощником» ему была разве что кошка Хрюпа. Но Хрюпа была занята родившимся уже на озере потомством.

Я решил перебраться на северный берег озера, чтобы оттуда осмотреть верховья Чауна и Юрумкувеема. Ребята тоже решили сделать там временную базу: Коля Балаев — поставить сети на новых местах, Володя — на предмет ихтиологических исследований, сущность которых нам так и не было дано понять.

Мы пошли на фанерной лодке, которую Володя сколотил из подручных материалов.

Озеро Эльгыгытгын — это бассейн хорошо разболтанной синьки, налитой в каменную чашу. Вода его невероятно прозрачна. По не очень-то достоверным промерам, глубина его около двухсот метров, но, несомненно, есть и больше, ибо рельеф дна чрезвычайно неровен. В зависимости от глубины цвет воды меняется от невероятно голубой, почти черной синевы до радужных, этаких курортных оттенков. Ощущение было такое что озерной водой можно заправлять авторучки. Но берега его не напоминают курорт. Груды голого галечника громоздятся в конусах выноса его ручьев. В северо-западном углу озера находится самая высокая из «скифских шапок». Ее подножие напоминает, вероятно, землю в ту пору, когда на земле еще не появилось ничего живого. Хаос дикого, бесприютного, первозданного камня.

Иногда с лодки, когда стихал ветер, в воде можно было заметить рыбьи косяки. Это были косяки удивительных рыб озера Эльгыгытгын. Здесь водился озерной голец. Голец достаточно

распространенная рыба из семейства лососевых. Отличительной его приметой служат симпатичные розовые пятна величиной с горошину, раскиданные по бокам, но на озере был особый голец, который отличался от всех виденных мною раньше рыб тучными пропорциями тела и необычайными размерами.

В известном «Справочнике полярника» С. Д. Лаппо сказано, что вес гольца достигает четырех килограммов. Это, так сказать, рекордсмены. Однако на озере шестикилограммовые рыбы не были редкостью.

В закатный тихий час я наблюдал на озере картину, которую редко кому удается видеть. Был светлый вечер, и в этой светлоте и тишине только над озером, как зеркальное отображение его, висело круглое темное облако. Солнце было где-то за ним, у края, и свет его прожекторами падал с краев тучи на землю, на конусовидные чёрные сопки. Озеро находилось внутри светового конуса, образованного лучами. Каждый тот луч можно было выделить отдельно и все пересчитать. Все это отражалось в зеркально неподвижной воде, а у самого берега в той неподвижной воде стояли неподвижные рыбы.

Мы поставили палатку на северном берегу озера, и отсюда я сделал Несколько трехдневных маршрутов в путаницу долин Юрумкувеема и Чауна. Многодневный маршрут на Чукотке — сложная вещь: здесь нельзя рассчитывать на топливо даже для чая. У меня был самодельный бензиновый примус, этакая карманная горелка — произведение безвестного миру механика. Несмотря на малые размеры, горелка работала с ужасающим ревом, угрожая ежеминутно взорваться, но не взрывалась и в общем работала превосходно.

Поролоновый спальный мешок был не совсем хорош: как всякая синтетика, он не годился для Севера, и оставалось надеяться, что я уберусь отсюда до морозов. Палатку, этакую бязевую норку без входа и выхода, я сшил сам, в ней можно было (лежа) переждать дождь.

Навьючив рюкзак, я уходил с базы в каменистые развалы вершинных ручьев, к тихому бегу речек в осоковых долинах, к неизвестно как возникшим плато на срезанных верхушках сопок. Те плато всегда были покрыты матрацной толщины слоем мха. Одинокие ночевки в тундре всегда тревожны. Одинокий человек по ночам выдумывает себе тысячу несуществующих опасностей, которые исчезают утром и окончательно пропадают с первой кружкой крепкого чая.

В пустынных местах Анадырского нагорья все звуки связаны либо с ветром, либо со стуком камней под ногами, и еще ночью можно слышать, как камни перекатываются в русле ручья.

Пустота и отсутствие живности меня поражали. Я встречал только оленей и молчаливых каменных куропаток.

У меня появилась мысль, что в этом году с природой что-то неладно. Во всяком случае, мне давно было пора встретить обычного чукотского медведя из рода колименсис или берингианус неважно. Но я встречал только прошлогодние следы их пребывания. Было похоже на то, что медведи в этом году вымерли от какой-то хитрой медвежьей чумы.

Простая тактика требовала осмотреть другие районы широкие речные долины с тундровыми озерами, с кустарниками, где водятся зайцы и куропатки; где просто теплее. Но для этого надо было уйти минимум на сто-сто пятьдесят километров от озера и надеяться на сносную погоду. Но именно на погоду я и не мог надеяться. Мне везло — я уходил в свои маршруты в редкие проблески сравнительно ясных дней.

Промежутки между ними были заполнены отчаянной непогодой. Нигде не приходилось мне наблюдать такой быстрой смены погоды, как на озере в том году. Дождь, снег и солнечная тишина могли сменять друг друга буквально через час. Во всем этом была, однако, закономерность: три дня дул южный ветер, после него устанавливалось часов на двенадцать затишье и начинался «гнилой» северо-запад с холодом, дождем или снегом. Иногда он доходил до ураганной силы.

5

Топографы на южном берегу озера вели замкнутый образ жизни, что, по моим наблюдениям, вообще характерно для топографов. Среди разновидностей экспедиционного люда — археологов, топографов, геологов — каждая группа имеет свои особенности. Геологи радушны и склонны к выполнению всевозможных тундровых и таежных кодексов чести и взаимопомощи, топографы суховаты и любят обрастать на базах всевозможным хозяйством, археологи словоохотливы и как-то не от мира сего, что, впрочем, не мешает им быть интересными собеседниками и хорошими людьми.

Партия топографов работала на обширной территории, и в конце концов я пришел к выводу, что необходимо поговорить хотя бы с ними, раз нет всеведущих чукотских тундровиков.

Сведения, полученные мной, были куда как неутешительны: в этом году медведь исчез с территории Анадырского нагорья. Топографы работали на вертолете, с воздуха они могли

осматривать громадные площади. Крупному животному в безлесных горах с выположенными вершинами трудно прятаться от вертолета.

К двадцатому августа маршруты пришлось прекратить. Над озерной котловиной свистел ледяной ураганный ветер, и странно было видеть сквозь гонку разодранных туч ослепительную лазурь неба. Мы отлеживались в палатке в спальных мешках, навалив сверху еще оленьи шкуры. В уютном, пахнущем зверем и рыбой тепле можно было подводить кое-какие итоги.

По видимому, медведи в этом году, предчувствуя необычайно холодное лето, откочевали в равнины. Такой шаг был бы, несомненно, разумен с их стороны, ибо корм на Чукотке скуден, и чем меньше его тратится на собственный обогрев, тем больше шансов накопить жировую прослойку на зиму. Данные об обычном обилии медведей в районе озера были вполне достоверны. Но, осмотрев со всеми предосторожностями большую территорию, я не обнаружил даже следов этого года. Приходится принять гипотезу откочевки.

Но все это касалось обычного чукотского медведя.

По видимому, я потерпел поражение на первом этапе поисков «чукотского кадьяка». Здесь могло быть два варианта: либо он существует в природе, но я просто неудачно выбрал район поисков в этот год, либо же его нет. Мог быть и третий вариант: я приехал на правильное место, но не смог его увидеть. Возможно, просто не успел. Гудящий брезент палатки и шорох снега по ней как-то помимо воли помогали воображению создать картины гибели последнего из реликтовых зверей. Ему было трудно, этому большому медведю, средь скудных чукотских долин в дурацкой непогоде, и в какой-нибудь неудачный сезон он мог погибнуть. Погибнуть из-за своей мощи, ибо мощь нуждается в обильной еде.

Все легенды, рассказы и слухи окружали этого зверя таинственным ореолом. Пастухи говорили, что он свиреп. Голодный зверь всегда свиреп — не здесь ли разгадка внушаемого им ужаса, в том, что кадьяк, акла постоянно голоден. Я вспомнил глухие долины, по которым ходил несколько дней назад, старинные конусовидные горы, тишину, ночной стук камней в русле ручьев. На впечатлительных людей такая обстановка должна действовать. Пастухи впечатлительны.

6

Уже вернувшись в Москву, я получил последние из

ожидавшихся мной писем и книг. Можно было попытаться подвести итог первым и пока неудачным попыткам поисков «гигантского медведя Чукотки».

Пирамида умозаключений отроилась примерно так.

Фундаментом всей истории послужили слухи, известия и свидетельства о существовании медведей непомерно большой величины в Северо-восточной Азии и смежных районах Северной Америки. Медведь этот редок. Любимым его местопребыванием являются места, «куда не ступала нога исследователя».

На все это можно было при известной склонности к скептицизму махнуть рукой, если бы не существовал фундаментальный, проверенный факт существования гигантского медведя кадьяка. Обычно медведь весит около трехсот килограммов, крупный — пятьсот, громадный, вроде гризли, — до семисот килограммов, но медведь, доставленный с острова Кадьяк, весил тысячу двести килограммов!

И не менее важным фактом является полное совпадение легенд у двух групп людей, не общавшихся между собой в течение тысячелетий: континентальных эскимосов Аляски и пастухов Чукотки.

Первичная гипотеза, родившаяся у меня еще на острове Врангеля, когда я собственными глазами видел белого медведя громадных размеров, состояла в том, что у медведей, как и у людей, в результате отклонений щитовидки могут появляться особи ненормально больших размеров. Люди гиганты идут в баскетбол или, как раньше, в цирк, медведи гиганты пугают пастухов и охотников. При этом нет необходимости и оснований говорить о существовании особого вида гигантских медведей — «самых крупных хищников».

В связи с уменьшением общего числа медведей по законам статистики должно уменьшаться число крупных особей. Я заинтересовался тем, каких же медведей бивали в старину, например, в Восточной Сибири. Вот что сообщает об этом добросовестный исследователь, охотник и литератор, горный инженер Александр Александрович Черкасов, живший в Забайкалье в середине XIX века.

Надо заметить, что в Сибири медведи достигают страшной величины. Мне случилось видеть на одной из станций Красноярской губернии шкуру только что убитого медведя длиной от носа до хвоста с лишком двадцати четвертей; шкура же в восемнадцать или девятнадцать четвертей в Забайкалье не редкость. Если учесть, что русская четверть — это семнадцать сантиметров, то и приведенные Эйвельмансом устрашающие размеры отнюдь не были редкостью в Восточной Сибири в

девятнадцатом веке.

Легко можно прийти к выводу, что с заселением Сибири крупные медведи обычного вида сохранились лишь дальше к востоку в глухих районах Чукотки, тем более что восточные медведи, например камчатские, всегда считались крупнее своих западных сородичей.

Виктор Андреевич Гунченко сообщил мне:

«Я живу в Маркове с 1932 года. Я много лет работал приемщиком пушнины. Думаю, что в пределах Анадырского района (он расположен к югу от области озера Эльтыгытгын. — О. К.) медведей огромных размеров не добывалось.»

Подходя к концу своего рассказа о поисках «очень большого медведя», я не могу не остановиться еще на одной вещи. Двое из моих уважаемых корреспондентов пользуются в мире достаточно широкой известностью. Я говорю о писателе Фарли Моуэте и профессоре Бернаре Эйвельмансе. В их письмах ко мне была одна общая нота. Они с грустью писали об исчезновении замечательных зверей — медведей. «Я говорю о гризли прерий, — пишет Моуэт, — которые населяли Канаду и Соединенные Штаты и были истреблены после заселения этих областей. Ныне они считаются вымершими». «Это тем более существенно, — пишет Бернар Эйвельманс, — что медведей типа гризли несколько сот и все они в Монтане. Таким образом, нет больше нужды разрешать проблему классификации медведей вида Урсус арктос».

По видимому, можно не соглашаться с пессимистической оценкой доктора Эйвельманса, ибо пока есть медведи, есть и надежды на их классификацию. Но кем бы ни был таинственный «большой горный медведь» Чукотки случайным пришельцем с другого континента или представителем вымирающей группы, редким аборигеном Анадырского нагорья или Корякин, — бесспорно одно: их мало, и в поисках, которые, несомненно, будут продолжаться, надо заранее вооружиться вниманием и любовью еще до встречи с ним. Не человек нужен медведю, а медведь человеку, ибо природа дала человеку право сильного, которое в данном случае трактуется однозначно — защищать.

Глава 7
Послесловие

Прелесть покинутых стран увеличивается во времени и расстоянии. Я все-таки нарушил обещание и в этих беглых рассказах не удержался от «свирепых» интонаций. От слов о холоде, ветре или даже безлюдности тундры. Вероятно, это просто проявление защитной реакции на то, что Арктика стала

слишком уж обжитым местом. Книги о первых полярных экспедициях прямо изобилуют леденящими душу подробностями. Но уже Нансен чувствовал себя во льдах настолько уверенно, что выходил на необитаемую Землю Франца Иосифа, как моряк выходит на причал родного порта. Сейчас в тех местах, где капитан Биллингс заносил в дневник горестные строки, беспечно бегают школьники.

Стоит ли говорить о том, что в освещенном электричеством поселке полярная ночь проходит незаметно для людей. Но стала ли от этого земля, в данном случае Чукотка, уже вовсе скучна? Когда я задал себе этот вопрос, я сразу вспомнил, что не успел еще рассказать о плавании на байдаре к островам Серых Гусей, об удивительной реке Амгуэме, о низовьях реки Колымы — родине розовых чаек и месте, где «на каждом шагу» встречаются следы наших предков первопроходцев и их живые прямые потомки.

Но поневоле приходится вернуться к выводу, что ни одна, даже самая толстая, книга не способна показать страну до конца.

В жизни же это оборачивается тем, что весной тысячи людей, вдоль и поперек исходивших какой-то кусок планеты, не находят себе места. Гул самолета, случайно услышанный весной, заставляет принимать безумные с точки зрения «здравого смысла» решения.

Горы Маркоинг, Нескан, Пильхин, река Клер на острове Врангеля, пропахшие звериным жиром охотничьи стоянки на Восточной Чукотке. Слова эти весной полны очарования, и возникает план экспедиции, которая на этот раз.

Я был в белорусском Полесье, когда редакция журнала «Вокруг света», которая финансировала поиски «большого медведя», прислала телеграмму: «Моуэт в Москве зпт очень хочет встретиться».

Мы встретились с ним в гостинице «Украина» в заваленном чемоданами номере. Фарли только что вернулся из Магадана, и в разговоре то и дело фигурировали знакомые имена знакомых людей. Он был хитрым человеком, этот невысокий бородатый канадец. Но хитрости своей не скрывал, а даже гордился ею и добродушно подчеркивал, так что это было вполне приемлемо. Мы говорили о чукотских и аляскинских эскимосах, говорили и об очень большом медведе. Шел вечер, уходили часы. Когда накал взаимного уважения и дружелюбия достиг высокой величины, Фарли Моуэт сказал:

— Я рад, что ты не нашел большого медведя.

— Почему?

— Обидно бывает, когда разыщешь мечту.

И тут я не согласился с хитрым канадцем. Мечту нельзя

исчерпать, как нельзя исчерпать познание Чукотки, которая является всего лишь маленьким клочком суши на нашей планете.

Ответы на вопросы анкеты

ВЫСТУПЛЕНИЯ; ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК И ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА; ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ МАГАДАНСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Анкета была составлена А. В. Мифтахутдиновым в начале 70-х годов для передачи об Олеге Куваеве, которую готовило Магаданское телевидение.

АНКЕТА

1. Перечисли названия всех книг.
2. По каким произведениям сняты фильмы?
3. Что из написанного считаешь лучшим? (Не надо банального «лучшее впереди». Бери пример с классиков — у них лучшее позади.)
4. Как относишься к работе в кино?
5. С какого года на Чукотке, в качестве кого начинал, где побывал на Чукотке?
6. Что представляет собой новый роман, только что тобой законченный?
7. Над чем будешь работать после?
8. Охарактеризуй свое отношение к Чукотке и к Северу в нескольких словах.
9. Любимый напиток.
10. Любимая еда.
11. Любимый вид спорта.
12. Любимое место, куда всегда хочется приехать.
13. Другое место на земле, куда хотелось бы поехать завтра.
14. Любимый афоризм.
15. Что бы ты хотел поведать почитателям своего творчества, доведись тебе встретиться с ними посредством кино или телевидения?

ОТВЕТЫ

1. Книги по порядку. «Зажгите костры в океане», «Чудаки живут на Востоке», «Весенняя охота на гусей», «Птица капитана Росса», «Тройной полярный сюжет».

2. Возню с кино я начал с документальных. Для объединения географических фильмов снята была одночастевка цветная «Люди тундры и моря» о Чукотке и несколько сюжетов. Они все прошли по Всесоюзному экрану и ЦТ. Затем вместе с режиссером Алексеем Салтыковым написал сценарий по повести «Азовский вариант». Сценарий был дерьмо, и «Мосфильм» справедливо от него отказался, оплатив нам, однако, наши труды. Затем снята была лента по рассказу «Берег принцессы Люськи» и фильм по повести «Птица капитана Росса», ничего общего с повестью не имеющий.

3. Из написанного лучшим считаю рассказы «Через триста лет после радуги», «Чуть-чуть невеселый рассказ» и «Два выстрела в сентябре». Последний опубликован в журнале «ВС» под названием «Дядя Яким». Если называть в единственном числе, то — первый из названных рассказов. Достаточно «на уровне» сделаны повести «Весенняя охота на гусей» и «Азовский вариант». Все остальное туфта. Нету полета. Посему отношу его не к прозе, а к беллетристике.

4. О работе в кино. Кино и телевидение в наши дни дают выход на миллионы. Если двадцать миллионов выключат телевизоры, то вторые двадцать его все-таки посмотрят, а десять что-то запомнят. Посему парадокс — по Короткому фильму «Берег принцессы Люськи» я получил больше писем, чем по пяти книгам, не говоря о десятках журнальных публикаций. А ведь у того же «Вокруг света» тираж более 2 000 000 — это серьезно.

Кино по своей специфике еще заманчиво и силой эмоционального воздействия. Но профессия сценариста, мне кажется, в большей степени черта характера и владения ремеслом, чем литературный талант и тем паче проза. Кроме того, кино — труд коллективный. Я же индивидуалист, к соавторству не способен и в кино мне весьма тяжело: Пожалуй, оба фильма появились лишь потому, что на студии «Беларусьфильм» было ко мне внимательное и дружеское отношение. Но все-таки надо сказать, что шел я по самому дешевому пути, не выполняя долг сценариста. Я безропотно писал многочисленные варианты сценариев, тратил много времени, чтобы литературно они «гляделись» (боялся испортить нюх). Потом отходил в сторону. В результате на экране я видел или не то, что хотел бы, или противоположное тому, что хотел бы. Это относится к фильму «Идущие за горизонт». Оба фильма я считаю очень слабыми. Так как режиссеры и в том и в другом случае были молодыми парнишками, то большую долю вины за слабость беру на себя.

Вина в том, что отсутствует сценаризм как черта характера.

Умение давить на худсовет и режиссера, прошибая то, что ты знаешь лучше. Но кино все же затягивает. Надо снять широкоформатный цветной фильм об Арктике, где бы была она вся с размахом, юмором и тем состоянием души, которые могут дать только Горы, море и Арктика. Для этого должен быть режиссер единомышленник. А где он?

5. На Чукотке с 57-го года. Начал коллектором в бухте Провидения — Заливе Креста. Затем начальником отряда на Ичувееме, где сейчас прииск «Быстрый». Затем начальником партии на Чауне и острове Айон. Где был? Проще сказать — «везде». Сплавлялся с работой по Чауну, Эргувеему, Амгуэме, Паляваму. Морем из Певека плавал на Айон и на мыс Биллингса. На вельботе от устья Амгуэмы, косы Двух Пилотов до Лаврентия.

6. О чем роман? Внешне — это история открытия золотоносной провинции. Но сие — сугубо внешне. С равным успехом можно было писать о каменном угле, участке леса для разработки и т. д. Внутренне же — это история о людях, для которых работа стала религией. Со всеми вытекающими отсюда последствиями: кодексом порядочности, жестокостью, максимализмом и божьим светом в душе. В принципе каждый уважающий себя геолог относится к своей профессии как к символу веры. Производственных романов много. Отличие моего, что герои его веруют еще и в свой образ жизни как единственно правильный. Таким образом, Арктика, работай личная жизнь образуют некий единый компот, в котором невозможно выделить составные части. Законченным роман не считаю. Слово является все-таки музыкальным инструментом. Само построение фразы способно вызвать у читателя эмоции. Мне кажется, большинство, работая над романом, увлекается сюжетной и психологической стороной дела, забывая о возможностях слова, которыми владеют рассказчики. Я говорю о «средних» литераторах. В то же время есть блестящие стилистические образцы романов. Из близких нам — Ремарк, Хэмингуэй, Фицджеральд. А как написан «Иосиф и его братья»!

Романист я начинающий, и, наверное, надо вначале действительно написать роман (сейчас вот это шестой вариант), а потом сесть и переработать его стилистически, чтобы каждая глава была отделана с тщательностью рассказа…

7. Над чем работать после? Я суеверный и лучше помолчу. Так как протрепешься и ничего не сделаешь. Во всяком случае задуман новый роман, буду по прежнему работать для журнала «Вокруг света», симпатия, у меня к нему с годами не проходит, и, может быть, возникнет все-таки идея хорошего фильма об Арктике.

8. Отношение к Чукотке самое простое. Там сформировался как личность и посему считаю ее родиной, не меньшей, чем-то место, где родился. Отношение к Северу? Я не поэт. А наверное, только они могут столетиями перекладывать одни и те же эмоции. Уж очень много написано об отношении к Северу. Проще сказать, что моя биография и моих друзей связана с Севером, — и это все. Кстати, в Москве заботливые и доброжелательные редакторы несколько лет назад настойчиво советовали мне расширить, что ли, географический горизонт моих рассказов. Я послушался: появились у меня Памир, Азовское море, Белоруссия. Но я все-таки думаю, что абсолютно незачем убегать от арктической темы. Но! К вопросу об отношении к Северу.

Скажем так, что в литературе есть три Севера. Север ранней эпохи в дневниках полярных путешественников XIII XIX веков. Страшный, мрачный, ужасный и так далее. Север Джека Лондона — где борьба человека и природа идет на равных. И есть книга Бориса Горбатова «Обыкновенная Арктика». Я убежден, что в советской художественной литературе об Арктике равных этой книге не было и нет. Так что можно говорить об Арктике Бориса Горбатова. Ну а мы? В частности, магаданские литераторы, к которым отношу и себя?

Я внимательно слежу за тем, что печатается на «полярную тему» в журналах. Все это, в том числе и мое, перепев трех мотивов — Джека Лондона, Бориса Горбатова и неких веяний журнала «Юность» конца пятидесятых годов. Жестоко, но это правда. Нет индивидуальности, нет прозаика, который бы открыл новую грань в новые времена системы Арктика — человек. Есть неплохое повторение пройденного. Но будем думать, что это процесс учебы, за завершением которой последует…

9. Любимого напитка нет. Всему свое время и место.

10. Любимая еда — «мясо по-чукотски».

11. Вид спорта — лыжи. Раньше лыжные гонки, теперь горные. На красивую работу горнолыжных мастеров могу смотреть бесконечно. Это высокий балет в сочетании с опасным цирковым номером без страховки; еще и элементарный, азарт гонок. Эх, годы, годы.

12. Всегда хочется приехать на озеро Эльгыгытгын, и еще почему-то Колючинская губа.

13. Куда бы поехал завтра? При идеальной возможности? С детских лет мечта: Тибет и морское побережье Юго-Восточной Азии, Цейлон, Целебес, Ява и так далее. Но именно морем.

14. Ничего не бывает столь плохо, как нам кажется, но и ничто не бывает столь хорошо, как себе представляем. (Это Хем сказал, а вот за точность слов не ручаюсь. Нету под рукой.)

15. Я всегда верил в то, что для каждого индивидуального человека есть его работа и есть его географическая точка для жизни. Человек, который из каких-то престижных или корыстных интересов занят нелюбимой работой, обкрадывает себя ровно на половину жизни. Точно так же и с тем местом, где человек живет. Здесь никогда не поздно начать сначала. Мещанский конформизм, который проникает в нашу жизнь — страшная сила. Я знаю многих людей с великолепными и любимыми специальностями, которые работают клерками в каких-то конторах, лишь бы не уезжать из Москвы. Это было бы можно понять, если бы они любили именно этот город. Они его не любят, но престижно жить в центре.

Вторая болезнь все того же мещанского конформизма — болезнь накопительства и приобретательства. Сейчас она со скоростью эпидемии распространяется на Севере. Она при жизни делает человека глухим, слепым и мертвым ко всему, кроме мечты о собственных «Жигулях» и какой-то даче. Вот будет «это», и все будет хорошо. А это ложь. Хорошо уже не будет, так как человек отравлен.

В поисках смысла своей работы И своей точки жизни человек не должен бояться затрат ни моральных, ни материальных. Жизнь не на своем месте и не в своей роли — одна из худших бед, на которые мы обрекаем сами себя. Почему-то человек мало об этом задумывается, но весьма прислушивается к так называемому «мнению». Получается сплошь и рядом система ложных ценностей, в которых нет главного — идеи и смысла его индивидуальной жизни.

В каждом есть безусловный, но не обнаруженный талант. Когда он обнаружен, человек делает дело и может заявить: «вот я сделал, и пусть кто-либо попробует лучше». А вместо этого: «вот те то купили эти достали, тот имеет, того переместили наверх».

Если же в человеке возникает червь сомнения, не надо его давить. Никогда не поздно начать сначала.

О себе [12]

Я родился в Костромской области в 1934 году, но считаю себя вятичем, ибо все время, вплоть до института, жил в Кировской области, вначале в деревне Кузьменки, позднее на железнодорожном разъезде Юма. Отец работал дежурным по станции, мать преподавала в соседнем селе. На примере матери я вещественно, если так можно сказать, усвоил понятия «сельская учительница» и «ликбез». Последнее слово сейчас полузабыто, первое употребляется редко. «Ликбез» — это когда мать поздно вечером шла за десять километров в глухую лесную деревню. В качестве оружия, скорее морального, она брала «вильцы» — так в. Кировской области называются маленькие двузубые вилы, которые применяются при вывозке навоза на поля. В наших лесах в те годы была пропасть волков. Зимой волчьи стаи зверели. А «сельская учительница» — это школа в селе, которое также называлось Юма и куда мать ежедневно ходила за четыре километра. (Это еще корова, огород, сенокос и прочее. Мы жили в деревне, и кормиться было надо. Летом мать ничем не отличалась от колхозных женщин.)

Отец родился в крестьянской семье на Ветлуге, ушел на заработки, был мальчиком в булочной на станции Шарья, потом стал телеграфистом и был им в первую мировую войну, участвовал в Брусиловском прорыве, воевал в Мазурских болотах. В своей армии он первым принял телеграммы об отречении царя и о свержении временного правительства. Они у него хранились, и я их отлично помню, и я же по детской глупости их куда-то «заиграл». Позднее, в армии, отец стал членом солдатского комитета. До 1937 года он был начальником крупной станции Свеча Северной железной дороги.

Интересы мои рано замкнулись на двух вещах: книгах и ружье.

Ружье я начал выпрашивать лет с семи, но получил его, только когда учился в 8-м классе. До этого я держал нелегально добытую шомполку, к которой капсюль надо было привязывать тряпочкой, порох я добывал из железнодорожных петард, а петарды мы с товарищами воровали у путевых обходчиков.

Первую потрясшую меня книгу помню отлично, хотя она была без заглавия и без автора. Это был рассказ о нескольких поморах, застрявших на острове Малый Берун. Северная робинзонада. Да, я великолепно помню эту книгу, ибо перечел ее несколько раз, но по неизвестным мне причинам до сих пор не могу ее отыскать.

Уже не знаю, по какому случаю, в пятом классе у меня завелись карманные деньги, и я купил первую свою книгу в районном книжном магазине на станции Свеча: «Путешествия по южной Африке» Ливингстона. Я бережно ее храню и сейчас. О каком-то предопределении судьбы говорить смешно, но любимыми книгами были и остаются книги о путешествиях. Первым юношеским героем был, разумеется, Николай Михайлович Пржевальский. Я чертовски жалел тогда, что не родился в его время. Красные пустыни Тибета, подошвы верблюдов, стертые на черной гобийской щебенке. Книги Николая Михайловича Пржевальского и его последователей Козлова, Роборовского читал самозабвенно (с таким же увлечением перечитываю их и теперь). В результате где-то к седьмому классу я уже твердо знал, «куда мне жить»: решил стать географом. Но сведущие люди вовремя объяснили, что профессия географа путешественника давно отмерла или отмирает, и я, не растерявшись, решил стать геологом.

Десятилетку я закончил в интернате для детей железнодорожников в городе Котельниче на Вятке. Котельнич — старинный город, но он много, раз выгорал, из старины там разве что остались купеческие лабазы на Советской и сам дух старого уездного города. На правобережье Вятки, на огромных глинистых обрывах, можно было гонять на лыжах вплоть до полной возможности сломить себе шею; на левом берегу был затон для речных судов, где зимой шел ремонт колесных пароходов. Школа была хорошая, с традициями, выход же агрессивным ученическим настроениям мы находили в извечной войне интерната с окраиной Котельнича, отделявшейся от интерната оврагом.

Окончив школу, я отправился в Москву поступать в институт. Ни одного города, кроме Котельнича, я до этого в жизни не видел. Отец настаивал на физико-техническом институте, отчасти справедливо представляя жизнь геолога как бесприютную и безалаберную. Кроме того, в школе у меня обнаружились математические способности. Я внял советам отца, подал документы в физико технический, прошел отбор, а потом с легким сердцем отнес документы в геологоразведочный, куда и был принят на геофизический факультет. В институте у нас сколотился великолепный дружный коллектив ребят. Как ни странно, в этом оказался «повинен» преподаватель физкультуры; тренер по лыжам, чемпион Союза 1940 года Иван Иванович Николаев. Этот отличный тренер и замечательный педагог как никто умел внушить нам дух товарищества.

Ни о какой литературной деятельности я в ту пору не думал. Готовился стать правоверным геологоразведчиком и, кроме

спорта и учебы, ничего не хотел признавать. Правда, «книжные интересы» несколько расширились, я стал собирать книги по Северу, и появился новый кумир — Нансен. Все-таки после третьего курса, когда нам разрешили на лето устраиваться в штат геологических партий, я отправился в «Пржевальские» места на Тянь-Шань. Был коллектором в партии, которая работала на Таласском хребте. Вьючные верховые лошади, долины горных рек Аспары и Мерке, перевалы, вершины. Начальник партии нашел для меня наиболее пригодное, по его мнению, амплуа: я снабжал партию дичью, разыскивал пропавших лошадей, водил вьючные караваны при перебазировке. Благодаря этому неплохо изучил этот район Тянь-Шаня: то по нескольку суток пропадал с киргизами на горных охотах, а однажды вдвоем с проводником мы три недели искали пропавших лошадей, объездили всю Киргизию и нашли лошадей в десяти километрах от базы. Тянь-Шань меня очаровал. Желтые холмы предгорий, равнинная степь, тишина высокогорных ледников. Кроме того, я прямо сжился с лошадьми и, ей богу, ощутил в себе кровинку монгольского происхождения. Поклялся, что после института вернусь сюда.

Зимой случилось «событие» — я как-то незаметно написал рассказ «За козерогами». Типичный охотничий и очень слабый рассказ. Но его опубликовали, я не придал этому никакого значения.

Позднее работал в верховьях Амура. Это был старый золотоносный район, с почти выработанными рудниками, освоенный и заселенный. А в 1957 году поехал на Чукотку — просто хотелось ступить на коричневый угол карты, о котором даже в лекциях по геологии Союза говорилось не очень внятно.

Наша экспедиция базировалась в бухте Провидения, позднее мы рейнским речным пароходиком — остатки репараций, невесть как попавшие на Север, — проплыли в бухту Преображения и оттуда на двух тракторах отправились с работой к заливу Креста.

Ещё в бухте Преображения я понял, что погиб. Ничего похожего мне видеть не приходилось, как не приходилось раньше ходить на вельботах за моржами с чукчами, охотиться с резиновых лодок в море. Позднее начались нечеловеческие «десанты», когда всё — от спальных мешков и палаток до примуса и керосина — люди несли на себе. Мы разбивали стоянки в молчаливых горных долинах, встречали пастухов, и всюду была тундра, очарование которой, кажется, еще никому не удалось передать. Я вырос в вятских лесах, но меня тянуло именно в безлесные пространства вроде тянь-шаньских предгорий или чукотской тундры. Экспедиция окончилась довольно неудачно: погибли оба трактора, нам пришлось пешком выбираться на берег

залива Креста, где ждали вельботы, потом в течение двух недель пережидать шторм, питаясь моржатиной. Над заливом каждый вечер повисали ужасные марсианские закаты на полнеба. Все это меня окончательно доконало, и на обратной дороге я залетел в Магадан — договориться о заявке в институт. Я был уже студентом шестого курса и через полгода должен был защищать диплом. В Магадане охотно пошли навстречу, заявка была послана, но, чтобы попасть на Чукотку, еще долго пришлось обивать пороги в министерстве: нашу группу готовили к несколько иному профилю.

Но на Чукотку я попал. И в феврале 1958 года оказался в Певеке на берегу Чаунской губы в должности начальника партии. Певек частенько называют чукотским Клондайком. Незадолго до моего приезда здесь открыли хорошее промышленное золото, в геологическом управлении и в поселке жизнь била ключом. Но система работы крепко отличалась от системы столичных экспедиций. Тундра здесь не была экзотикой, люди просто жили в ней обычной и привычной жизнью. Материальная база управления была слабой, и всякий начальник партии и сотрудники ее в значительной степени стояли в зависимости от собственной энергии, энтузиазма и физической выносливости.

Я прожил там почти три года, даже научился ездить на собачьих упряжках — все это послужило отличной школой. В управлении царил здоровый дух легкого полярного суперменства, что только помогало работе. Работа, собственно, была основным занятием, и просидеть до 12 ночи в управлений не считалось чем-то необычным, особенно когда подходил срок сдачи отчета.

Изобилие впечатлений требовало какого-то выхода, и я вспомнил о своем единственном опубликованном рассказе. Меня перевели к этому времени в Магадан, в Центральное геологическое управление Северо-Востока. К этой новой руководящей должности я, видимо, не был приспособлен — затосковал и неожиданно для самого себя уехал в Москву. «Вокруг света» напечатал в 1962 году несколько моих рассказов. Я пытался как-то взвесить все, что произошло. В общем-то это были, пожалуй, стандартные размышления о смысле жизни. В результате я самостоятельно, додумался до апробированного поколениями вывода, что главное — это работа, вернее, степень ее интересности. Все остальное — сопутствующие явления. Работа может быть разной, и всякая клановость или кастовость не делает чести уму апологета какой-либо профессиональной замкнутости. Главное — работать с азартом.

К тому времени, когда меня посетили эти благие мысли, в Магадане организовался Северо-восточный комплексный научно-

исследовательский институт, и меня пригласили туда. Институт был хорошо организован и давал большой простор инициативе. Я руководил группой, которой удалось провести исследования на острове Врангеля. На легких самолетах Ан-2 мы делали съемку по дрейфующим льдам Чукотского и Восточно-Сибирского морей. Здесь тоже приходилось изворачиваться любыми способами подешевле: собаки вместо вездехода, фанерная лодка вместо катера, байдара и резиновая лодка вместо вертолета. За три года я сдружился с летчиками полярной авиации, с байдарными капитанами, каюрами.

Занятие литературой становилось чем-то вроде второй профессии. Вышла книга, готовилась к печати вторая, и потребность писать забирала все большую власть.

Вероятно, занятия литературой могут увлечь человека даже сугубо научного склада ума, не только врожденных гуманитарщиков. Человек как объект — самое сложное из всего, что выдумано природой, и процесс создания, допустим, рассказа, который заранее рассчитанным образом подействует на читателя, задача неизмеримой сложности и увлекательности. Идеал ее недостижим, и именно отсюда, мне кажется, идут рассуждения о литературе как о «проклятом» ремесле, которое невозможно бросить.

В калейдоскопе людей, встречающихся на Севере (а контингент их там, видимо, более калейдоскопичен, чем в других местах, ибо сюда приезжают люди с определенным потенциалом энергии), меня всегда интересовали так называемые чудаки. Чудаки в жизни необходимы — это общеизвестно. Это люди, которые руководствуются нестандартными соображениями и, во всяком случае, не житейской целесообразностью поступков. В довольно неприглядной картине непостоянства кадров на Севере подавляющее число убывших составляют люди мелкой рациональности. А чудак поселяется прочно, он надежен в этом смысле. К тому же знакомые призывы к молодежи — «на освоение» — изобилуют сплошь и рядом истертыми фразами, которые потеряли способность эмоционального воздействия. Я убежден, что человек очень долго (по крайней мере, до того возраста, до которого мне удалось пока дожить) остается мальчишкой, который запоем читает о приключениях на какой-нибудь Амазонке и склонен к авантюрам, в хорошем смысле этого слова! И не надо скучнить жизнь, дорогу — мечте и фантазии! Однако и всяческие розовые коллизии, надуманная чепуха — лишь бы попышнее — там, где сам повседневный труд схож с приключением, — такая трактовка «жизни» граничит с беспрецедентностью обдуманной лжи. Я, в частности, говорю о

литературе о геологах, ибо весь мой жизненный опыт пока связан с геологией. Геология ныне — наука и производство, она все более становится четким промышленным комплексом и дальше будет развиваться именно по этому пути. Надуманные истории про последнюю спичку, трехпудовый рюкзак, закаты и «ахи» над месторождением: «здесь будет город» — звучат чаще всего оскорбительно для геологии. Все случается в силу жесткой необходимости, но это нельзя возводить в ранг сугубо типичного. Вот именно в этом я вижу на ближайшее время свой долг пишущего человека. Это долг перед товарищами по профессии, с которыми вместе приходилось работать, радоваться, рисковать и просто жить.

Из записных книжек [13]

Чаун — остров Айон

17. II-59 г. Поездка в Хасын.

Танниты — воинственные коряки из времен войны с чукчами.

Пурга бывает оттого, что где-то в тундре сидит сердитый старик и каюгуном (каменным топором) долбит снег. Ветер его подхватывает.

Тухтан — моржовый окорок.

Во время хода рыбы нельзя разжигать огонь в яранге, чтобы не отпугнуть рыбу.

Землянка Тумлука.

Гым тванляркен каметвак — «есть хочу». Муриэн квалове каматвак — «садись к нему». Чим уйка валёрымкын «я не понимаю». Валёрмырконе — «понимать».

Скоро встанут строгие сентябрьские ночи, и легкий звон замерзающего по ночам льда будет резать ночную тишину. Первые робкие отсветы северного сияния и невиданная осенняя яркость звезд. (Записано осенью на Ичувееме.)

Собаки характер.

Согос — добродушный хитрец, белый, пушистый, очень ласков и деликатен.

Шаман — черный с белым, мохнатый нахал и обжора, лентяй.

Пират — мрачный колымчанин, сильный, рослый пес. Стар. Работяга.

Таракан — рыжая дворняжка. Очень предан и работает изо всех сил. Передовик.

Иннаклы — белый, не особенно приметный пес. Передовик, очень самолюбив. Всегда тянет в свою сторону и старается везти упряжку с собой куда хочет.

Рейс по Чауну

12. VI. Странное совпадение. Ровно 25 лет назад, 12 июня 1934 г. С. Обручев, тоже на моторной, шел вверх по Чауну. Ветер в низовьях. Наша шаланда качалась и прыгала, а в довершение всего заглох мотор. Пристали, 2 часа заводили.

2. VII. 2 часа ночи. Перемеряли продукты. 37 кружек гречки, 15 заварок макарон. Хлеб кончился. С самого начала по 0,5 лепешки на человека. Сахар кончается. При экономии можем протянуть 10 дней. За это время должны пройти всё, в том числе и поперечный профиль. Необходимо разрядить и упростить сеть наблюдений.

Плыву по Чауну на байдарке в светло зеленых извивах омутов. Стремительно течет река. Кусты, протоки, каменистые мели. Белыми головками пушицы набегает тундра. Синеют овальные глыбы сопок вдали. Чукотка.

Дождь. Ветер. Ребята — в маршруте. 30.VI был памятный день: перевернулась лодка с продуктами. За день перед этим и так все вымокло. Расползается сахар, кисель. Спальные мешки пропитались водой — не поднять. Сушимся — и снова в путь. Со дня выхода не было ни одного дня с сухими ногами.

Из рейса по Чауну

Норма продуктов: 3 галеты, кусок сахара на два дня. Мясо гагары тоже ели. Отдает трупом, и даже изголодавшиеся люди не хотят есть этих птиц. Восьмые сутки. Увидели в бинокль палатки. Переплыли взбесившийся рукав. Снова мутный проточный участок. Шли и отдыхали через каждые 400 метров. За ночь перед этим съели последние продукты. Спали 4 часа, укрывшись за лодкой.

У палаток на той стороне никого нет. Стремительное течение. Решили идти вброд, держась за лодку. То одного, то другого сбивает с ног ледяная вода. Отупели до того, что, зайдя в сравнительно спокойное место, где не сваливает с ног, стояли минуту другую, не чувствуя сводящего холода в коленях.

Снова рывок, снова уходит из под ног галька. Конец.

Все молча, уже не радуясь окончанию перехода, вытаскивают лодку на берег. Палатка. Кто-то стреляет вверх, и из палатки вылазит заспанный бородатый товарищ…

5. VII. Ходили в маршрут на озеро Птичье. Июль — месяц птенцов. То и дело из кустов бросается под ноги, с диким трепетом бьется испуганная мама. Пуховички. Одинокий лебедь.

Могила чукчи. Куча рогов да сломанная нарта — вот и все, что осталось от оленевода.

На Чаанае среди кучи могил обнаружили интересную вещь. Маленький холмик со всех сторон обложен сланцевыми плитками. Сверху приросший кусок дерна. Под дерном яма. В ней угли, зола, обгоревшие кости и странные камни с эксцентрической дыркой. Камней штук 8, и среди них — два яйцевидных сидеритовых желвака. Узнать.

Кругом много разбитых кварцевых камней (явно принесенных издалека, так как поблизости кварца нет) и кучи мелко растолченных костей (животных? — узнать).

7. VII. Сплавлялись вниз вдвоем. Чуть пригрело солнце, и снова все хорошо. Утром плыли, температура была +3°. Ветер тянет лодку назад, против течения, и от мокрого весла невообразимо стынут руки. Вытянул рукава тельняшки, но и они отсырели. Пухнут пальцы. Мокрые ноги сводит, и спина болит. Но днем стих ветер, пригрело солнце, и опять все хорошо. Плывем дальше. Радостно причалить лодку и бежать по косе, собирать дровишки на «чифирок»! …

Встретили чукчу. По тундре уже шел слух, что мы без продуктов. Без слов отдал галеты, сахар, даже коробку «Цветного горошка».

— Чай у вас есть? А спички есть? А соль? Вот что значит забота о людях.

Гуляет чукча по Чауну запросто. Несет с собой удочку. Захотел поесть — поймал пару рыбин, изжарил. Есть малопулька — бьет гуся. Спальный мешок и палатка — на себе в виде кухлянки. Удобный метод путешествия.

Бывают дни, когда на комаров находит неистовство. Без конца десятками давишь и давишь их ладонью, и все же в глаза, уши, нос, рот, шею жалят. Не кусают, а именно «жалят». От бесконечных, бесчисленных укусов охватывает какая-то лихорадка, злоба. А тут еще грязная, потная тельняшка липнет к телу и без конца проваливаются ноги в зыбкую болотную топь. Так примерно проходил сегодня маршрут на озеро Большое.

Спустился вниз по Чауну до петли. Снова северный ветер, снова холод. От усталости в конце вдруг закружилась голова. Блуждал в кустах, совершенно потеряв ориентировку, хотя видимость была отличная и место знакомое. Дождь со снегом. Забились под обрыв и запалили кострище. Хорошо! Вид у нас: брюки разорваны в кустарнике, щеки ввалились.

14. VII. Вот уже три дня как вернулись в Усть-Чаун. Возвращение было достойно похода. Около десятка километров шли на веслах — берегли бензин, и только когда до дома осталось 17 км, решили включить мотор. Обычная вещь. Утром на стоянке мотор был проверен и отрегулирован. А сейчас рывок за шнур — сопение, молчок. Час, другой: И так 6 часов. Наконец отлажено зажигание, поехали. Ветер, и снова в широком горле Чауна волнение. Фанерный баркас перекидывает и переваливает.

Но вот и обычным миражем — домики Чауна. А до них около 2 км. Белые петухи на воде все чаще и чаще. Вдруг мотор чихает и глохнет. Бензин кончился. Лихорадочно развернули лодку и гребем, гребем, гребем. Перед самым берегом отрываются уключины. Гребли, кто как может: саперной лопаткой, рукой, веслом. Между прочим, в устье Паляваама протоки с взаимообратным течением весной. Тогда мы с трудом поднимались по ней вверх, а сейчас, по старой памяти завернув в нее, столкнулись с встречным потоком воды.

19. VII. Плывем вверх по Паляваму. Вчера за 3 часа проплыли 6 км. Быстрое течение. Недалеко от лагеря на берегу что-то овальное, вроде одноместной резиновой лодки. Подплываем. Вдруг «лодка» подняла голову и нырнула. Нерпа! Поблизости плавала еще одна. Видимо, все лето живут здесь: рыбы — навалом. Сегодня тоже в плесе застали идиллию. Два семейства гагар и две нерпы поочередно ныряли в воду и ловили рыбу.

Холодно. Пишу, и руки зябнут — и это середина июля. Впереди еще около десятка километров подъема. Стучит исправно «Москва-5», и «черная черепаха» медленно, но верно ползет вверх. Все же в лодке хорошо. Под рукой карта, бинокль, компас.

Рейс на Айон

16. VIII. Давно не брал карандаш в руки. А зря! Кончается уже (кончается ли?) рейс на Айон. После долгих споров и сомнений выбрали из всей дряни полукилевую посудинку. Несмотря на ограниченные размеры, вес ее весьма и весьма солиден. Вчетвером (именно вчетвером) на катках еле вкатили ее на берег: Течет, и низкие борта. Для пробы перевезли ребят обратно от маяка. Качается и заплескивает за борта, а плыли трое и небольшой груз. Конечно, плыть так за 250 км это гибель.

Утром отличная погода: солнце, штиль. Наскоро поднял ребят, и все вместе «авралом» нашили еще по доске на борта. Доски предоставили нам рыбаки, которых пленило наше решение двигать на эдакой посудине в такую даль. И вот «Золотой петух» — так мы назвали свою шхуну — готов к рейсу. На носу маленький резиновый петушок задорно задирает красный клюв. Это я прицепил талисман на счастье. Кукули, катушки, консервы, галеты, ружья, во всех бочках, банках, ведрах — бензин и масло.

Мотор заводится превосходно, и, провожаемые всем Усть-Чауном, мы отчаливаем.

До Тумлука — без приключений! До Кремянки — без приключений! Снова насасываемся бензином. Срезаем угол на мыс Наглёйнын. Ночь, и после штиля ветер начинает тянуть с севера. Тут мы впервые, пожалуй, почувствовали, что такое море. Легкие пологие волны небрежно переваливали с боку на бок наш «тазик». Поневоле все упорно вглядывались в Наглёйнын. Скоро ли?

Вот и мыс. У берега как-то легче. И волна вроде меньше. Снова тарахтит мотор. Утро. Черные мрачные обрывы мыса, желтый песок, синяя вода, белые чайки. Все как в дешевом морском романе для мальчишек. В небольшой ложбине две яранги — и ни души. Стреляем. Выскакивает какая-то фигура. Но до берега километра полтора, лучше плыть дальше.

Солнце печет. Вот так август! И нерпы, бесконечные нерпы высовывают любопытные обтекаемые головы из воды. Глаза будто подведены для красоты тушью. Качается наш петушок талисман, качаются нерпы, качается в воде солнце. Здорово! Плывем к скале Каргын.

Белая точка в море. Парус? Абсурд, какой здесь к черту парус — белых парусов на севере не бывает! Наконец поняли, что скала. Пристаем напротив — попить чайку. Плывем без отдыха уже полтора суток и «выдали» 125 км. Тут нас и сморил сон. Печет солнце, а мы в кукулях.

Интересна скала Каргын. Удивительно напоминает ярангу даже вход есть. Существуют ли предания у чукчей о ней? Холодеет к вечеру, и кажется, что она, как знаменитый «мамоновый колосс», издает звуки.

Просыпаемся. Ветер, легкий туман. Курорт кончился. Убили на берегу оленя. Теперь наша шхуна перегружена и ползет совсем тихо. Туман, туман, туман! Встали на якорь и, прижавшись друг к другу, поспали малость. Бесконечная мель тянется вдоль берега. Хлещут волны. Часа через три не вынесли — повернули к берегу. Глина, сырость. Жарили на сковородке оленя, а на берегу невдалеке еще бродят трое. Вот оно арктическое Эльдорадо!

Впервые видим наконец остров Айон. Тонкая желтая полоска в 20 км. Как по заказу — штиль, и двигаем мы через пролив. Проскочили, только в конце малость захватил ветер. Обрывистый берег, желтый песок и снова солнце. Судьба балует нас в этот раз. Поистине остров действует на меня как-то странно. Пошел по отмели сориентироваться, и опять тихое очарование, как тогда зимой, лезет в голову: вот-вот из овражка вылезет сердитый старик и взмахнет каюгуном.

После обычных приключений добрались до мыса Аччукуль. Встали на ремонт. Подмочены продукты, приборы, надо чинить вельбот. Мыс — единственное место, где лодку можно вытащить на берег. Больше нигде не дадут отмели. Широкая желтая полоса их окаймляет остров — видимо, своеобразный эрозионный уступ, выбитый волнами в мягком четвертичном уступе острова. Позднее эта догадка подтвердилась, так как на отмели всюду разбросаны остроугольные неокатанные обломки коренных пород. Кстати, в супесях нашли кучу костей, в том числе и зубы. Судя по величине, что-то вроде мамонтенка.

Пошли на речку. Топкая протока ее забита, если так можно выразиться, морской водой, и напрасно пытались ребята перейти ее. Поднялись километра на три вверх — бесполезно Плывем теперь к землянке Кайо, этого чукчи философа. Пусто в домике, сыро. Поленились натянуть палатку. Залезли туда, затопили печь. Хорошо. И так почти неделю.

Сходил в маршрут на северную оконечность Айона.

Вот он, «Мыс песчаного Яра», как писал о нем Шалауров Никита — доброй памяти отчаянный человек. Наверное, все же сбудется моя мечта и побываю я на том месте, где Ф. Врангель нашел его останки.

Дик Айон на своем севере. Пологим нерпичьим хребтом синеет вдалеке остров Генкуль, в бинокль виден даже дым парохода. Полярная навигация.

Север Айона царство чаек. Стоячие желтые болота

переплелись между собой в кружево. Гниющие водоросли, удушающий запах сероводорода, оголтелые крики чаек. И лишь дальше начинаются пески. Эоловый, дюнный рельеф, журавлиные следы и чистые ручьи. Ни евражки, ни гуся, ни оленьего следа. А надо бы. Олень наш попортился, часть съедена, да и консервы к концу. Сахар, не без помощи вездесущей морской водицы, тоже кончился.

Так, в спешке и покидаем мы землянку. Увижу ли я ее еще когда?. Снова юг Айона, снова отмель. Замерзали дорогой, как последние цуцики, от брызг и северного ветра. И как лучшая радость — увидели на берегу двух оленей. Пришлось встать на якорь метрах в 400 от берега. Через полчаса перенесли палатки, а еще через полчаса болтался на треноге рядом олень.

18. VIII. Сидим у моря. Ждем погоды. Ветер.

21. VIII. Немного стих ветер, решили плыть. Снова весла. Попутный ветер, впервые подняли мачту и парус. С парусом как-то солиднее, уютнее, хотя он и не тянет совсем, так как очень слаб ветер. Мотор идет с ветром наравне…

Вот и Малый Чаунский пролив. Крепчает ветер, заманчиво синеет вдалеке материковый берег. Решили рискнуть. Тугой парус и мотор сделали свое дело; за полтора часа проплыли около 20 км и пересекли пролив. Нагонная волна высока, но «Золотой петух» отлично выдерживает ее.

Снова этот проклятый каторжный берег. Низкая глинистая отмель. Жалобно скрипит по мели и захлебывается мотор, все нервничают. Барашки по морю между тем не на шутку. Вывернули на глубину, и тут же первая волна хлестанула меня чуть не с ног до головы, вдобавок заглох мотор. В общем, я психанул (слово-то какое — «психанул») и повернул к берегу.

Пришлось встать на этой вонючей глине в километре от берега. Шлепали по ледяной воде пешком и тянули резинку с вещами за собой. Ребята босиком, так как сапоги у обоих худые. Низкий берег, соленые озера, дров нет, пресной воды нет, и душит сероводород. Оказалось, это устье реки Раквазана.

Пару суток провели тут в палатке. Южный тыловой ветер сменился внезапно на северный сильный.

22. VIII. Наконец лопнуло терпение. Плывем! Долгое время не заводили мотор и 2–3 часа плыли под одним парусом. Ничего, километра четыре в час даем. Конец этого дня был памятен. Ветер незаметно крепчал, крепчал и вдруг совсем озверел. Валы, каждый раза в два выше любого из нас, подхватывали лодку и, как торпеду, толкали ее вперед.

Лихорадочно воет, стучит и плачет наш двухцилиндровый малый, нервной дрожью передает в руки свою силу парус. Хо!

Тугая как струна бьется жизнь, ни страха, ни усталости. Когда эта игра стала уж слишком опасной, показались яранги. Как потом выяснилось, 25 км от мыса Горбатого до них мы прошли за час 20 минут.

С трудом подошли к берегу. Круто. Первая волна мягко воткнула нас в сланцевый галечник, вторая захлестнула всю лодку и как перышко бросила меня на лопатки. О третьей и говорить нечего. Приборы, продукты все в воде. На крик выбежали чукчи, кинулись помогать. И смех, и страх. Раз два взяли. Только хочешь дернуть, а чукча уже дернул и тонким голосом говорит «раз два» и смеется.

Заледенели, как цуцики, и лучше любого ресторанного входа показалась нам освещенная дверь яранги. Курить у них тоже не богато. И чаю нет. Попили чайку после 10 часов плавания, даже есть неохота.

Легли спать. Мешок мой хоть и плавал в воде, но намок мало, а у ребят совсем сухие! Лежим. С одной стороны от меня шкура с протухшим нерпичьим жиром, с другой — горшок, куда чукчи периодически сливают из полога, а в лицо ласково лижет собачка. Наши чукчи — хорошие, гостеприимные люди. Две семьи с Айона. Ловят рыбу сетками. У каждого одна сетка, и уже наловили около 2 тонн. Вот это Чукотка! Будут здесь зимовать, построят избушку. Старуха у них страшного вида, но, видимо, добрая, и маленький цветочек тундры — Аня. В отличие от прочих чукотских детей очень весела и подвижна.

23. VIII. Ура! Штиль. Снова болтается на мачте петушок. Отдали чукчам часть чая, оленины. Как они накинулись на это мясо, — видимо, давно его не приходилось им есть. Очень, сердечно попрощались. Наивные люди! Поднимешь руку, чтобы поправить шапку, а они думают, что им еще машут, и обязательно ответят. Обогнули Наглёйнын. Что же дальше?

25. VIII. Вот и снова на базе. После Наглёйнына сдал мотор, долго плыли на веслах, заправлялись.

Опять крепчает (в который уже раз!) ветер. Скажу прямо: страшно в темноте на волнах в такую погоду. Чтобы немного отвлечься, прошу Мишу спеть что-нибудь. Потом надумали вскипятить чай. Налили в ведро воды, на ведро — миску с бензином и сверху чайник. Все это повесили на весло поперек бортов. Граммов 400 бензина хватило, чтобы чайник закипел. Удивительная вещь огонь! Вот горит он слабыми язычками, даже не обжигает руки, а сразу уютнее делается августовская полярная ночь, тише волны.

Так добрались до Кремянки: Горький урок прошедшей ночи, не прошел даром, и теперь лихо, пристали к берегу, не залив в

лодку ни капли, хотя прибой был солидный. Забили в землю колы, якорь — и в землянку. Пусто в ней, только дамы на стенах да несколько книжонок, и среди них — «Бестужев Рюмин», памятная мне еще по школьным годам.

Два свечных огарка, оставленных охотниками, докрасна нагретая печь, и кажется, век бы не выезжал из этих 10 квадратных метров. Запоем читал всю ночь, выбегая только взглянуть на лодку — уж очень гудело море. Утром часа в три стало светать, глянул в окно и увидел в 15 метрах стаю гусей. Ходят, щиплют травку. Жаль, фотоаппарат пуст.

Часа в четыре дня отчалили. Штиль. Тумлук. Рыбаки. Чай везде. Это уже торная «домашняя» Чауновская земля.

«Мамонтовая поездка» на остров Айон

11-12-13-14 февраля 1960 г. Сели на «Аннушке» на русле реки Рывеем (север острова Айон) и под снежной косой разбили лагерь. Палаточка двухместная, шкура вниз, сами в кукули. Еще раз возникает разговор о полной неприспособленности нашей одежды к Чукотке. Тяжело, холодно. Огромную неприятность доставляет иней, оседающий на стенках кукуля от дыхания. Лицо все время в ледяном венчике. Сыро. В палатке очень влажный воздух. А так тепло.

В первое мгновение тундра производит после отлета самолета безмятежное впечатление полной отрешенности, тишины.

Она вроде суровой, но доброй матери. Строго наказывает за малейшую оплошность, но ласкова к тем, кто знает об ее силе и делает все возможное, чтобы не идти против. Это все в пику «Белому безмолвию» Д. Лондона.

Розовый закат, розовый снег, с одной стороны, розовые заиндевелые травинки, и синим колотым холодным сахаром отливающая темень, с другой.

Мамонта не нашли. Да и где его взять среди этого хаоса пятиметровых снежных надувов и голой земли!

Охота. Вот оно счастье! После утренней каторги вылезания из мешка, мерзнувших ног, озноба и холодеющего в секунды чая вдруг блаженное сознание теплоты, того, что правильно смазанное ружье не откажет и на таком морозе, что у тебя ловко подогнанная одежда и упругая сила в ногах. Ты хозяин.

Хорошо жечь гексу в палатке. Тепло и можно просушить вещи. Очень много заячьих и куропаточьих следов, но самих животных нет. Видимо, улетели ближе к солнцу.

Сегодня все еще спим. В плохо выбитом от инея и снега мешке замерзал всю ночь, кошмары какие то. Утром стал дремать, просыпаясь, когда немели пальцы на ногах, и вдруг самолет. Летчики идут к палатке, а мы в ответ хором: «На палубе матросы курили папиросы.»

Летим вдоль обрывов Айона. Бело, куропатки — как деревенские девушки в чистых полушубочках. Следы Сашки Конченко, что скрывается от правосудия. Поселок Энмытанаю. Ряды домиков, магазин. Все обязательно здороваются со свежим человеком. Начальник «полярки» — огромный детина. Гоняет на вездеходе по острову зимой и летом. А чукчей в поселке совсем нет. Одни русские.

«Некоторые философы смотрят на многие вопросы

философии совсем не по философски». — Э. По. Он же кинул и такую мысль:

«С развитием техники искусство в своем развитии все более и более будет отставать от нее, что приведет в конечном итоге к катастрофе мира».

Откровенно говоря, Э. По меня разочаровал. Со скукой читал его юмористические рассказы и т. д. Стихи сентиментальны. Знаменитый «Ворон» хорош, но этот загробный сентимент как-то не трогает. И вот я прочел «Колодец и маятник». И все, что раньше, захотелось прочесть сначала. Несомненно, такое мог написать только человек, сам переживший весь этот кошмар. Хотя бы под влиянием алкоголя. К тому же По глотал наркотики. Безысходный горячечный ужас. Вот так — не умом, не талантом, а нервами надо иногда писать: Знаменитый «Золотой жук» не то. «Медная пуговица» лучше.

Марково-Анадырь июль-август 1960 г

Марково. Очень тепло, зелень, березы и комары. Всё, и поселок, и люди, напоминает нашу вятскую деревню, только на крылечке деревянного здания аэропорта дремлют, разомлев от жары, чукчи.

Кто-то говорит: «Марково — это же Чукотский Крым». Отчетливо обрамляют Марковскую впадину синие холмы гор, очень синие. Похоже все это, как будто кто-то в вылепленные из синего пластилина горы вдавил пальцами яму и залил ее зелеными чернилами.

Анадырская впадина. Очень плоско, и Анадырь по ней виляет Огромным удавом, вспенивается по протоке. Желтый Анадырь. «Анадырь — желтая река» — можно так назвать потом очерк. Тундра и озера по всей впадине. Трудно понять, чего же больше: или озер, или земли.

Анадырь. Поселок разбит на куски и очень разбросан, какая-то стройка на холмах и на той стороне залива. Все деревянное и все обито толем. Тихий вечер, народ на берегу у сетей. Воет на барже сирена, и к барже кто-то очень ловко гребет на лодке.

Женщина идет с обрыва к морю в модных босоножках на высоком каблуке. Красива. В итальянской шерстяной кофте. Идти по гальке в туфлях должно быть очень неудобно. 10 часов вечера, и солнце бессильно повисло над горизонтом, краснеет от досады красная дорожка по заливу. Я долго смотрел на эту дорожку, моряки красиво зовут ее «дорогой счастья», а когда перевел взгляд на берег и бухту, и баржи, то все стало точь-в-точь как на картинах Сарьяна. Я не понимаю и, кажется, не люблю Сарьяна, но вот теперь кажется, что можно его понять и даже полюбить. Может, это «художник, ослепленный, солнцем», дорогой счастья. Сиреневые и голубые тона.

Погода на Севере — всё равно что выигрыш по лотерее: номер совпал, серия не та. Серия есть — номер не вышел. Это про Анадырь.

Поход на Паляваам

6. VIII 60 г. Теневые глыбы холмов Нгаунако, уплывают, как катера, гуси вниз по реке, желтая река Паляваам шумит по протокам. Протоки, кусты, морошка, красная смородина, заячьи тропы, оленьи следы, куропаточий, олений, заячий помет и белые столбики, что приветствуют нас, когда мы выплываем к отмели из-за поворота. Спим на кострище — это не так уж плохо. Главное — хорошо прогоняет насморк. Зайцы на вертеле и туман утренний. А в общем, ночью — дубарь.

А чифирь, сырое мясо от утки и «золотое руно» из дорогой трубки. Это не плохо. Кустарниковая зеленая лента по Паляваму. Давит все же это.

Парни на промысле. Девушка — толстая «кнопка». Видимо, может быть хорошей и деловитой девицей.

Лысоватый потасканный тип полустепенного вида. Следит за внешностью. Толстеет, хотя по конституции и не должен быть к этому расположен. Жрет, видимо, много.

Николай — типичный компанейский малый, каких много в турпоходах и прочих сообществах любителей костра, и солнца.

Старик. Похож на А. П. Седой уже. Вид привлекает внимание, но речь мужицкая. Видимо, из ссыльных. Зовут его все — Дед.

Живут они все дружно.

Хорошо не путешествовать, а вспоминать об этом.

Снова в Усть-Чауне

9. VIII. Бродил по озерам за розовой чайкой. В нашей Усть-Чаунской Избушке снова те же ребята. В моде оранжевые куртки рубашки из нейлона! (…)

Ненавижу горластых нахальных мартынов, их хищный крючковатый нос, острые, жадные лапы и белое фарисейское оперение, которое и вызывает дилетантские ахи и вздохи. Воруют рыбу из сетей, распугивают дичь, наводят на честных людей тоску своим криком. Бил я пестрошейную гагару со шкурой крепости промасленного брезента, их перья можно выдирать только плоскогубцами.

Но я не могу стрелять маленьких чаек, которые бесстрашно пикируют тебе на голову и хлопотливо отчаянно верещат над тобой. Но деликатно отлетают в сторону, как только убеждены, что надоели тебе. Я не могу их бить за то, что они похожи на розовую чайку.

В Усть-Чауне патефон, и мы с удовольствием переиграли по два раза все пластинки, которые там, на «материке», давно уже не вызывают ничего, кроме усмешки.

10. VIII. Сидим, вернее лежим в Усть-Чауне. Читаю Мопассана. Странно бедно хрестоматийное представление наше об этом французе. А ведь, пожалуй, нигде не читал я более яркого и более по человечески умного выступления против войны, как у него («На воде», «Гениальный мастер бойни»).

11. VIII. У Тумлука. Еще когда мы подходили к дому и сели на валу, невесть откуда выскочил кулик и, хлопотливо обежав вокруг нас, вдруг свистнул удивленно и со всех ног кинулся бежать к дому; Не лететь, а именно бежать. Был он очень похож на аккуратного хозяйственного толстяка мужичка, и только тонкие длинные ноги и длинный нос, приделанные к нему, немного смешили, а круглый внимательный черный глаз напоминал школьного физика. Так он и бежал до дома и кричал по своему, как будто встретил знакомых и хотел теперь сообщить поскорее новость об этом. А потом залаяли собаки и вышла Анька.

Алитетов сын Рахтыргын (Антон) — здоровый, сдержанный мужик, знающий, видимо, и свою силу и кое-что потерпевший в жизни.

Радостная была встреча, и мы лежали в пологе, пили чай, высунув голову наружу. И день резал глаза, и псы лежали в чоттагыне и не открывали глаз, даже когда перешагивали через них.

Чайник низко висит над костром, костер на днище железной бочки. И вот этот низко, очень экономно висящий чайник, и днище, пожалуй, могут рассказать человеку об истории чукотской цивилизации, как капля воды может рассказать о существовании Тихого океана.

Спать на оленьих шкурах, пить черный чай без сахара, есть рыбу, сваренную в нерпичьем жиру, — здорово все это, и голова отдыхает, лучше всяких сочинских пляжей.

Холодно, свищет ветер на улице — август, худший, чем многие месяцы на Чукотке.

У Васи новое слово: «вот именно». Частенько он его употребляет.

Лежу у Васи в избушке и читаю сказки Андерсена. Хе! Ребята, вот отличное сочетание! С детства я испытывал тягу и симпатию к Маленькой Разбойнице, и сейчас тоже с удовольствием прочел о ней.

12. VIII. День рождения О. М. Куваева, как пишут в календарях. В календарях еще пишут и послужной список, а у меня его нет. 26 лет ни фига еще не сделано толкового, и ведь даже решения нет: что мне делать за этими 26-ю. Как будто снова 7-й класс и снова я стою на берегу Юмы.

Дождь, снег на Нейтлине и дальше в горах, командировка не выполнена. Стенка у полога откинута, огонь чадит посредине, лохматая Анька что-то кроит из шкур, собаки мокрые дрожат, и видно, как ветер гнет мокрую осоку далеко впереди. Видал же я порядком таких яранг и такой мокрой, страшной в своей тоске осоки. Теперь это меня уже не обогащает. Короче, нужен отпуск. (…) Подумать не спеша и обо всем. (…)

Пишу на крохотном, грязном до ужаса столике, и рыбьи жирные шкурки перед носом, и сломанный будильник, и объектив от бинокля, и куча махорочных окурков. Окошко в три квадратных дециметра залепила осенняя дождевая слякоть. Справа сын Алитета с Ниной сопят во сне, слева зевает от безделья и играет патронами Серёга.

Справка. Сын Алитета Антон учился в школе в Певеке.

Нина — жена Антона, маленькая молоденькая очень чукчанка, и все время ласкает его нежно и неумело.

Алитет в 1940 году повесился в ссылке, на материке началось расследование контры. Допрашивали и сына Алитета Антона.

Сёмушкин, по словам Антона, про Алитета все наврал, жил, кстати, он у Алитета долгое время. Имена жены и детей вымышлены, в горы Алитет не уходил, был арестован как кулак. Носил Алитет бороду, усы брил, жил в районе Биллингса, на Лагуне. (…)

Сын Алитета прочел книжку про Алитета и сказал: «Это не про нас. Тут жены другие, дети другие. А Сёмушкину стыдно; столько времени у нас жил как свой, всякий продукта ел, потом все наврал».

Перегнал 12 лет назад стадо в Усть-Чаун и тут остался. Думает вернуться потом обратно.

Все дети Алитета умерли. Остался Антон, старший брат на Биллингсе и сестра (младшая).

У Алитета было пять жен. Один сын с женой застрелились одним патроном. Легли рядом и прострелились одним выстрелом! Бывшего с ними в яранге человека послали за папиросами.

Тоска! Черт побери, давно у меня такой тоски не было. Читаю при свечке Шолохова — не трогает. Андерсен лучше.

14. VIII. Голоса тундры. Кулички плавнички попарно, крутятся на одном месте и оживленно, и опереточно как-то клюют на воде. И вообще, вся ихняя компания похожа на финальную сцену развеселой оперетты, где все крутятся и пляшут по всякому на сцене, а скучноватый зритель сидит тихонько и отвлеченно и снисходительно этак ухмыляется, глядя на эту свистопляску.

Желаешь знать, чего я хочу?

Я хочу снять на цветную пленку розовую чайку, сидящую где-нибудь на камне в архипелаге Норденшельда, я хочу есть дзамбу в Тибете из фарфоровой чашки обязательно с отбитой ручкой и хочу подняться вверх по Амазонке на купленной по дешевке старенькой моторке, и я очень хочу, чтобы все это делала куча веселых и, насмешливых парней и чтобы ты была с нами.

Из записей 1967–1968 гг

Надо взять за правило записывать то, что было, и потом, через десятки лет, вдруг вспомнилось с точностью вчерашнего дня. На пустыре за окном играют в футбол, светит солнце, и на черную землю, на деревья, которые уже начали распускаться, валит хлопьями солнечный снег. И я вспомнил осень в избушке у Васи Тумлука. Чертовски захотелось туда. Очень часто почему-то вспоминаю реку Паляваам, мы с Серегой курим на высоком берегу в ольховнике. Вечер. Комары. Тихо и прохладно. По реке сверху неторопливо плывет громадный гусь. Он как-то нерешительно плывет и целиком погружен в свои мысли. Потом гусь принял решение, махнул лапой и быстро поплыл обратно.

Надо написать «Дневник прибрежного плавания» — философию бродяжничества как уход от пугающей непонятности XX века, от двигателей внутреннего сгорания и полупроводниковых схем.

Чистота и даже наивность юношеских воззрений иногда более верный ориентир, чем опыт жизненных лет.

Не знаю, может, в этом и есть слава, когда человеку подробно объясняют, что он сам совершил, ибо совершенное уже начинает существовать самостоятельно и отдельно. А может, в том, когда люди о тебе держат память бережно, как живого птенца, или в том, что ты входишь в память случайно встреченных как точно подогнанный каменный блок.

Отрывки из полевого дневника [14]

Чаунская геофизическая партия была организована в апреле 1959 г. в Чаунском РайГРУ п. Певек в следующем составе: начальник партии — инж. О. Куваев, инженер оператор — инж. А. Бекасов, техник оператор. — А. Шилов, рабочие тт. Арин, Скворцов, Объездков, Амбросимов, Арин, Каюкин, Шабаев — всего 7 человек.

Базой партии был выбран поселок Усть-Чаун. Из-за значительных затруднений с набором рабочей силы и транспортом как организация партии, так и ее заброска прошли с запозданием на 20 дней. Первая партия груза и часть рабочих прибыли в Усть-Чаун 27 апреля. Четвертого мая самолетом были заброшены начальник партии и техник оператор, шестого прибыли на тракторах последние грузы, и лишь тогда только, с запозданием почти на месяц, партия смогла начать полевые работы.

Первые, намеченные по проекту исследования были проведены еще до выезда партии в поле, так как наиболее удобным отправным пунктом для них являлся пос. Певек. Маршрут Певек — Айон протяженностью 35 км был выполнен 3 марта пешком начальником партии с помощью, начальника Чаунской тематической партии А. Калинина. Повторение маршрута стало возможным лишь через месяц — 5.05 — во время заброски партии.

6.05. Занимались оборудованием базы партии. 7.05 Продолжали работы.

8.05. Провели пробные работы. Выяснилось, что ледобур, в его настоящем виде к работе непригоден. Переделка ледобура. Пробные измерения. Толщина льда в районе базы около двух метров.

9.05. Выезд на место первой точки. Пробные замеры? толщины льда и мощности водяного слоя показали, что полностью работу можно развернуть лишь на морском льду, на довольно значительном удалении от берега. 10.05. Окончание бурения и замеры. 11.05. Транспортировка грузов на базу. Следует отметить, что ввиду значительного удаления места работ о базы партии (13 км) в зимних условиях выполнение работ потребовало весьма значительного напряжения сил от всего состава партии. Было принято решение выполнить подобные работы вблизи базы, в устье р. Пучевеем.

12.05. Ремонт нарт, оборудования.

13.05. Бурение скважины.

14.05. Работа на точке. Одновременно ведем подготовку к маршруту на о. Айон. Из-за транспортных условий, (собаки находились в устье р. Лелювеем) отправной точкой маршрута была выбрана землянка Тумлука в устье р. Лелювеем. Конечной точкой маршрута намечен о. Айон — работа проводилась начальником партии.

Продолжение рейса 17 часов. Протяженность маршрута 100 км.

15.05. Продолжение работ.

16.05. Окончание работ. Обратный рейс с о. Айон по маршруту мыс Наглейнын и землянка Тумлука.

17.05. Удалось продолжить аренду собак еще на несколько дней. В связи с этим, ведется подготовка работ вдоль побережья Усть-Чаун — Реткучи — устье р. Ичувеем Усть-Чаун землянка Тумлука. Ведется работа с оттайкой земли. Расположение точки от базы партии вдоль протоки р. Пучевеем. Для лучшей оттайки земля очищалась от снега и прогревалась кострами:

18.05. Подготовка к рейсу на Ичувеем. 19.05. Рейс к устью р. Ичувеем. Общая продолжительность рейса составила 29 часов…

20.05. Пройдены первые точки. Выявились недостатки в работе оборудования.

21:05. Ремонт аппаратуры. Идет подготовка к рейсу Усть-Чаун — устье р. Лелювеем — землянка Тумлука.

22.05. Рейс Усть-Чаун — землянка Тумлука. Продолжительность рейса 7 часов, расстояние 30 км.

23.05. Работа окончена.

На этом партия заканчивает зимние работы. По их результатам более или менее достоверно установлена мощность наносов в устье р. Чаун и отсутствие вечной мерзлоты. Несомненно, что при своевременной заброске партии результаты были бы гораздо более полными. Дальнейшей работе мешала распутица.

24-27.05. Выходные дни.

26 27 28.05. Подготовка к заброске в верховья р. Угаткын для работ по Чаунской долине…

30 31.05, 2 3 4.06, Ждем вертолета.

4.06. Прибыл вертолет. Первым рейсом отправлены часть продуктов, аппаратура. Руководит заброской партии инженер Бекасов, с ним двое рабочих. Вторую партию груза вертолет везти отказался из-за нехватки горючего. Первая партия высажена благополучно.

5 6 7 8 9 10 11.06. Ждем вертолета. 12.06. Принято решение добираться до места работы пешком. Забираем с собой аппаратуру, резиновую лодку. Всего отправляется 6 человек.

Продукты взяты на 4 дня. Первое время пробуем подняться вверх по Чауну на своей лодке, далее пешком. Средний груз на человека составляет 25 30 кг.

13.06. Отъехали от базы на 6 км. Сильный ветер, захлестывает волна. Из-за поломки мотора пристаем к берегу. После шестичасовой возни с мотором плывем дальше.

14.06. Плывем с остановками. Скорость около 2 км в час. Прошли 13 км по кривой.

15.06. Люди идут по берегу пешком. Мешают сильные заросли кустов. Добрались до устья Паляваама; Впервые после выхода с базы спим несколько часов. Ветер. Дождь. Плывем дальше. Горючее на исходе. Добрались до устья Чулека. Дальше плыть невозможно, и, кроме того, нужно оставить немного бензина на обратный путь.

16.06. Снег. Ветер. Продукты распределены на 3 дня. Норма выдачи сахара — кусок в день; галет — по три штуки на обед. Много уток. Делаем первый переход Пешком. Груз для большинства непосилен. Решаем идти по реке, лодку тянуть на веревке.

17.06. Приближаемся к холмам Чааная. Проходим их. Дорога очень трудна. Кустарник, быстрое течение, масса проток. Питаемся в основном утками. Дождь.

18.06. Подходим к холмам Теакачин. До ожидаемой цели около 30 км. Продуктов при жесткой экономии — на день.

19.06. Подходим к устью р. Спокойного. Продукты кончились, палаток не видно. Масса весенних паводковых проток затрудняет ориентировку. Вообще все верховье Угаткына — сплошная залитая с островками равнина.

20.06. В бинокль на склоне холма видим палатки. 10 км идем в течение 6 часов. Последние протоки перед палатками переходим вброд. Нескольких человек вода сбивает с ног. Люди предельно устали, по нескольку минут стоят по пояс в ледяной воде, и только окрик заставляет двигаться дальше. Вот и палатки.

20-21.06. Выходные дни.

22.06. Сплавляемся вниз по Угаткыну. Работу решено начать с верховьев р. Спокойного. Лодки перегружены, и все, кроме сплавщиков, идут в обход по берегу. Выполнен первый.

23.06. Работал на точке. Имеющихся продуктов в партии должно хватить лишь до холмов Чаанай, где по обещанию Е. Шевкова должна быть выброшена подбаза. Так как на прибытие вертолета надежды мало, принято решение обследовать Чаунскую долину.

24.06. Сплав на точку.

25.06. Работа на точке.

26.06. Работа на следующей точке. После ряда замеров обнаружена неисправность. После устранения ее работа продолжена. Точка, располагается на правом берегу р. Спокойного, сложенном галечниковыми верхнечетвертичными отложениями. Сухая ровная тундра.

27.06. Переезд на следующую точку.

28.06. Сплав на следующую точку.

29.06. Рейс № 3,4. Рейсом № 4 сделана привязка к пункту на оз. Лазурном. Обнаружен пункт с большим трудом, т. к. кто-то, видимо, побывал уже здесь и взял треножник. Табличка сохранилась.

30.06. Окончание работ у холмов Теакачин, сплав на следующую точку. Во время сплава, во второй уже раз перевернулась большая лодка. Крепко увязанный брезент не дал выпасть грузу, но все продукты, спички, спальные мешки, аппаратура вымочены насквозь. Бекасов с одним рабочим на «сухой» лодке отправляется вперед. Все остальные остаются на просушку.

1.07. Выполнен рейс № 5.

2.07. Сплав на следующую точку.

3.07. Сплав на следующую точку.

4.07. Сплав на север.

5.07. Работа у холмов Чаанай. Подбаза на указанном месте выброски отсутствует. Таким образом, наиболее целесообразным является спешное продолжение работы на север.

6 7 8.07. Работа проводилась почти непрерывно. За это время пройдено расстояние от холмов Чаанай до слияния рек Чаун — Паляваам. Выполнены точки. Во время проведения рейса № 13 встречный сильный ветер мешал сплаву, в результате чего, как выяснилось позднее, время наблюдения оказалось меньше времени маршрута. В это время вся партия уже перебазировалась на 6 км вниз. В этих условиях было принято решение не возвращаться назад, иначе, в результате этой задержки, ставится под угрозу окончание работы в низовьях Долины. На точке близ р. Чулек подобрана оставленная нами ранее лодка. Теперь партия транспортом обеспечена.

9.07. Сильный дождь. 10.07. Работа на точке. На этом работы на точке в долине заканчиваются. Позднее необходимо будет выполнить еще одну точку по правобережью Пучевеема. На трех лодках партия спускается в Усть-Чаун. Одновременно на берегу ведется маршрут.

11.07. Прибыли в Усть-Чаун.

12 13 14.07. Выходные дни. Дождь.

15.07. Продолжаются работы по Чаунской долине. Партия

делится на два отряда. Первый отряд под руководством Бекасова должен выполнить работы по южному побережью Чаунской губы от протоки р. Реткучи до р. Лелювеем. Работа на отмелях. Второй отряд в составе нач. партии и двух рабочих должен провести работы маршрута мыс. Наглёйнын — оз. Куликовое. Сегодня заброшен к устью Чауна первый отряд, и выезжает в нижнее течение Пучевеема второй.

16.07. В результате плохой видимости во время последнего рейса по Чаунской долине точность привязки вызывает сомнение. Поэтому было сочтено целесообразным повторить. Эта работа выполнена рейсом № 2. Переезд к месту слияния Чаун — Паляваам.

17.07. Рейс № 3.

18.07. Пробный подъем на лодке вверх по Паляваму. Поднялись за три часа на 4 км. Сделан рейс № 4.

19.07. Рейс № 5. Подъем по Паляваму к Паляваамским холмам, переход на оз. Куликовое и обратное возвращение на подбазу;

20.07. Возвращение в Усть-Чаун.

21.07. 07.08. Отряд занят, подготовкой к рейсу на о. Айон, обработкой материалов.

4.25.08. Выезд на остров Айон. Отряд в составе нач. партии и двух рабочих. Старшим на подбазе остался инж. опер. Бекасов.

5 25.08. Дальнейшая работа партии проходила следующим образом. Айонский отряд после трех суток пути достиг залива Ачикууль на восточном побережье о. Айон. Так как за время дороги выяснилось, что лодка нуждается в значительном ремонте, была сделана Остановка. Ремонт занял двое суток. Одновременно в районе мыса Ачикууль была выполнена работа.

На этом задачу отряда по сбору материалов можно было считать выполненной. Обратный путь в результате штормовой погоды занял около 6 суток. Отряд возвратился на базу, потратив на маршрут 20 дней и сделав за это время по морю около 500 км.

На базе партии в Усть-Чауне за это время была проделана предварительная обработка материала.

26.08. Дождь. Выходной.

27.08. Выезд для выполнения работы на правом берегу р. Пучевеем.

28.08. Работа на базе.

28.08. 15.09. Работа в районе базы. Подготовка к возвращению домой, обработка материалов.

15.09. Катером партия возвратилась в Певек.

Выступление по всесоюзному радио [15]

Мне кажется, что мужчина, которому за тридцать, частенько задает себе вопрос: «Если бы все сначала? Что тогда?» Мне на этот вопрос легко ответить. Если б все сначала, то, разумеется, был бы геологоразведочный институт и Чукотка. Вот эти два понятия — вуз и местность — помогли мне сформироваться. Кроме того, мне всегда везло на хороших людей.

Лет с пятнадцати я не мыслил себя вне геологии. Лет семь назад я и представить себе не мог, что стану профессиональным литератором. Но так получилось. И, видимо, жалеть об этом не стоит, в любой работе надо следовать призванию.

В самом начале, если можно так говорить, «литературной карьеры» я много писал для журнала «Вокруг света», для его приложения «Искатель» и очень часто там печатался. Это было время, когда надо было выложить комплекс географических, что ли, эмоций, в основном связанных с Чукоткой.

Я уверен, что профессия литератора — это профессия, которую не бросают. Ну а если ее бросают, то неопровержимо ясно, что этот человек в литературе очутился случайно. Либо по ошибке, либо руководствуясь не теми соображениями.

Литература, как профессия, конечно, имеет множество граней. И чрезвычайно важно найти именно свою, точную грань.

Очень хороший писатель и, главное, очень мудрый человек Михаил Михайлович Пришвин на склоне лет как-то сказал: «В основе творчества лежит поведение писателя. Он должен соблюдать в поступках величайшую осторожность». Это чрезвычайно важная мысль, и, честное слово, я бы в виде такого квиточка, отпечатанного типографски, выдавал бы ее каждому начинающему автору вместе с первым гонораром. Если расширить пришвинский термин «поведение» до термина «образ жизни», то в памяти сразу возникает достаточно много хорошо известных тебе биографий, когда ребята могли бы сделать, но не сделали. Не сделали, по видимому, потому, что не нашли своей грани и не нашли своего стиля жизни. Я убежден, что для прозаика, для литератора стиль жизни не менее важен, чем талант.

Если уж произносить такое слово, как «талант», то это не билет, который выдан на всю жизнь. Его чрезвычайно легко потерять. И как, допустим, полированная мебель, он нуждается в постоянной чистке и шлифовке. По этому поводу очень известный

писатель, я не буду его называть, его фотографии и так висят почти в каждом доме, он сказал, что писатель, который пишет хуже чем может, — губит себя. Это не только в литературе, это во всем, но особенно в литературе. Очень трудно удержаться от соблазна дешевки. Особенно когда тебя уговаривают. И уговаривают люди, умеющие уговаривать, красноречивые, знающие логику и так далее. Но удерживаться все-таки необходимо.

Литература имеет свои законы, непреложные, как законы математики. Я очень долго, например, готовил материалы к роману об открытии чукотского золота. Тут, как говорится, сама: судьба велела. Я начал работать на Чукотке тогда, когда еще не начал работать первый прииск, была только разведка. И большинство людей, сделавших чукотское золото, я знаю лично, с некоторыми просто дружен. Но когда я стал писать, стал обрабатывать всю гору имеющихся у меня материалов, — эмоции, которые хранятся в памяти, и факты, которые хранятся в памяти, я понял, что я должен все-таки писать либо роман, либо историю открытия — среднего здесь не дано. У романа свои законы, у исторической хроники — свои.

Литература, как медицина, — это профессия, требующая выучки. Как в медицине настоящий врач учится до конца своих дней, точно так же литератор продолжает свою выучку до гробовой доски. Во всяком случае так утверждают корифеи, а корифеям надо верить.

Не так давно я с почтительным удивлением прочел, что Ремарк, такой признанный, блестящий мастер, свой последний роман переписывал шесть раз. Он так и умер, переписывая его. Вот о таких фактах стоит задуматься начинающим литераторам. И особенно тем, — а такие встречаются сплошь и рядом, — которые с восторгом в глазах сообщают, что за ночь сделали рассказ, что вот было такое сплошное вдохновение. А рассказ почему-то не берут. Я все-таки утверждаю, я убежден в том, что литератор, который не способен свой рассказ или любое произведение переписать, может быть, десятки раз, — он никогда литератором не станет.

Мне кажется, что литератор, пока он молод и не таскает валидол в кармане, не хватается за сердце, должен жить очень активно. Во всяком случае должен много ездить, видеть, пробовать и должен уметь рисковать. Уметь рисковать не так, как говорится, «дурью маяться», а уметь рисковать по настоящему. Мне кажется, опасность, риск — они обостряют восприятие. А обостренное восприятие — это необходимое качество всякого литератора. Например, наши классики: они очень много видели,

очень многое знали. Я очень давно заметил, что люди, которые по профессии своей встречаются с настоящей опасностью, может быть, смертельной опасностью, они всегда бывают добры, открыты, человечны. Когда я оставил геологию, то образовался вакуум. Но этот вакуум заполнился тем, что я очень много времени провожу среди профессиональных горнолыжников, альпинистов и различного рода «бродяг» в хорошем смысле этого слова. И в исполнение этого завета я довольно много езжу в последнее время. Был в Узбекистане, шлялся по Аральскому морю, за браконьерами гонялся на Азовском, был в Приэльбрусье, Белоруссии, на Памире. Но, конечно, главное — это Чукотка. Если в какой-то год я на Чукотке не бываю, а летаю туда почти, каждый год, то позднее, всю зиму, весь остаток года бывает как-то неуютно жить. Чего-то не хватает. Чукотка — это, как первая любовь.

Конечно, образ жизни, стиль жизни каждый выбирает себе сам. Но если даже ты никуда не ездишь, а живешь оседло на одном месте, то все-таки для каждого человека, мне кажется, есть одно незыблемое правило, которое не должно меняться с годами, кем бы ты ни был, чем бы ты ни занимался, допустим, шофер ты, шурфовщик или литератор, в своей профессии все-таки необходимо стремиться к высокому уровню настоящего профессионализма.

Когда-то в Магадане, в дальние годы, годы эти сейчас кажутся совершенно безоблачными, мы очень любили песню:

Спокойно, дружище,
спокойно,
У нас еще все впереди.

Сейчас эта песня вышла на пластинках. Тогда ее знали немногие, и она была для нас чем-то вроде гимна. Ну, если не все впереди, то, во всяком случае, впереди — неизвестные местности, неизвестные книги, которые ты надеешься написать. А если ты веришь в то, что сумеешь передать мысли, эмоции читателю, что рано или поздно ты сумеешь передать это по настоящему, то тогда можно считать себя, попросту говоря, счастливым человеком.

Спокойно, дружище,
СПОКОЙНО,
У нас еще все впереди.

Вот сейчас я говорю, вспоминаю эти слова и с интересом

думаю; до какого возраста будет продолжаться эта уверенность, что впереди еще достаточно много?

Из набросков к выступлению «О скуке и терниях» [16]

Сколь скоро мы говорим о качестве литературной работы, то можно говорить о непреложной связи между качеством работы литератора и обшей атмосферой, которая существует в писательской организации. Я буду опираться на личный опыт. В профессиональную литературу я пришел из геологии с опытом производственной и, если угодно, административной, чиновничьей работы. За плечами у меня были две изданные книги и суеверное, уважительное отношение к писательской организации как таковой. Я был убежден, что все вопросы здесь решаются просто, честно и прямо.

Действительность оказалась, мягко говоря, разочаровывающей. Еще не будучи членом союза, я числился в комиссии по приключенческой литературе. Попал я туда случайно. Но так как приглашения я получал, я ходил на заседания, истово их высиживал. Большего словоблудия, беспредметной говорильни я до этого не встречал в жизни.

Неизвестно, кем, зачем и когда установлено, что мерилом активности писателя являются его выступления; «перед коллективами», участие в так называемых «писательских десантах». С непреложностью аксиомы можно считать, что свои мысли, идеи, «науку жизни» писатель выкладывает в том, что он пишет. Почему он должен без владения ораторской и актерской техникой выступать перед скучающей аудиторией о творческих планах, а не осуществлять эти творческие планы? Для неграмотного или полуграмотного строителя Днепрогэса, наверное, было важнее видеть рядом «живого писателя», поговорить с ним, чем прочесть его книгу. Так было. Но бог мой! Как изменились времена и как изменился сам строитель нынешних днепрогэсов. Я убежден, что ему гораздо нужнее умно сработанная хорошая книга, чем наша болтовня о творческих планах.

Грустный смех вызывают отчеты об этих коллективных поездках. Там неизменно есть фраза, что они, писатели, встретили там чудесных людей, героев будущих книг.

Подается это с подтекстом, точно сей писатель прибыл из Гондураса или из какой-то дальней и неизвестной страны, а не переехал в соседнюю область своего же собственного государства. Не проще ли было бы без этой замешанной на коньяке показухи прибыть к героям будущих книг просто, без помпы и побыть

месячишко другой работягой третьего разряда, подержать в руке гаечный ключик — умения и здоровья хватит на это у каждого. И поездить по этим героям не на обкомовской «Волге», а попроще, в кузове грузовика, с записью в трудовой книжке.

Как печальное следствие всего этого возникают какие-то официально не оформленные группы и литературные течения. Я на собственной шкуре испытал, сознание собственной второсортности из-за того, что не пишу об истоках народной мудрости, что не «деревенщик». И мне кажется, я вижу процесс деградации деревенской прозы, куда ушли лучшие силы из молодых ребят. Оговоримся: я не касаюсь здесь В. Астафьева и, допустим, В. Белова, которые просто пишут прекрасную прозу, о чем бы они ни писали. Но в общем потоке деревенской прозы мне видится чудовищная параллель. Когда-то путешественник Арсеньев встретил гольда Дерсу — человека иной культуры, иного душевного склада, иного мировоззрения. Мне кажется, что многие нынешние «деревенщики» смотрят на собственных отцов и старших братьев, как Арсеньев смотрел на гольда Дерсу. Мне это представляется противоестественным и страшным, как возрождение пресловутого и прекрасно описанного русского барства, которое разглядывало пейзан из коляски и хорошо говорило за рюмкой о страданиях и величии души российского народа.

Если ты не числишься в какой-то группе, компании — тебя не вредно лягнуть. По моему в «Литературной России» была статья «Требуется ЧП», где группа авторов разносила мою вытащенную из забвения повесть «Весенняя охота на гусей». За то, что там люди гибли на трудной работе, за то, что там нет истоков, нет этой пресловутой народности. Я как раз писал о мире, где каждый человек пришлый, где работа трудна и где гибнут. Это не гладко. Но мое поколение выросло и воспитывалось на двух книгах — «Как закалялась сталь» и «Повесть о настоящем человеке». Эти книги можно определить как «непрерывное ЧП», и я не хочу от них отрекаться. И я твердо знаю, что этот обетованный деревенский житель, простой колхозник гораздо мудрее, сложнее и, если угодно, современнее, чем его «липовый» прототип в потоке «деревенской прозы.

И получается результат — ты слоняешься по редакционным коридорам, и тебя не признают, ибо ты не в группе, ибо ты не входишь в какое-то магическое число. Рукопись моего романа „Территория“ пролежала четыре месяца в журнале „Молодая гвардия“. Там даже не прочли, хотя единственный раз в жизни я попросил „походатайствовать“ доброго человека Ивана Григорьевича Падерина. И он сделал это, ибо читал рукопись. Не

помогло. Нет худа без добра — я попал в редакцию журнала „Наш современник“ и вдруг натолкнулся на людей, которые думают не о чиновном величии или сорте „обоймы“, в коей я числюсь, а о том, что будет на страницах их журнала. Они со мной не цацкались, по головке не гладили. Мы провели жесткую и бескомпромиссную работу над рукописью.

К чему я излагаю все это? Постараюсь ответить. Одиннадцать лет назад по выходе первой книги мне прилепили звание „молодой писатель“; число книг, изданных мной, скоро дойдет до десятка, и все — „молодой писатель“, и привык к этому амплуа. Когда мы приходим в литературу, мы имеем в багаже какой-то талант, какой-то набор идей, а главное — бескомпромиссность и, прощу извинить за банальность, горящее сердце. Но у нас нет простого литературного умения. Идут годы, и приобретаешь это профессиональное умение. Но однажды ночью ты вдруг видишь, что где-то в редакционных коридорах ты уже приобрел осторожность, „некую ловкость общения. Талант твой не-то что потускнел“, а как-то пригладился, бескомпромиссность воспринимаешь ты с иронией, и сердце твое не горит, а так уютно дымит, и дым твой никого не раздражает. И вдруг приходит сознание, что ты, того гляди, уже перестал быть писателем в лучшем смысле этого слова.

А тогда на кой черт было начинать?

И не пора ли тебе вместо того, чтобы глушить кофе и биться головой о пишущую машинку в поисках точного слова, не пора ли тебе рассказывать пионерам о творческих планах, а летом в составе десанта рвануть к нефтяникам Тюмени и там стыдливо скрывать, что ты инженер геолог и изменил этой любимой до сих пор профессии, ибо поверил в святое искусство прозы. И ты получишь минимум житейских благ, ибо ты в „составе“, тебя знают секретарши литературных генералов и не заставляют долго сидеть в приемной с шапочкой на коленях. Все у тебя будет путем, все как у людей. Но зачем?

Ты вдруг вспоминаешь сверстников и коллег, которые громко и хорошо» начали в силу таланта и молодости, но затем ушли как-то «вбок». Вспоминаешь других! которые на твоих глазах округлились и обрели умение выступать, и докладывать в манере любой, кроме прямого и честного разговора, глядя в глаза. И о тех, кто обрел прописку в буфетах ЦДЛ.

Моя литературная судьба сложилась за истекшие десять лет счастливо. Мне везло на умных редакторов; везло на знакомство и личные отношения со старшими коллегами, у которых есть чему поучиться. Я подчеркиваю личные знакомства. Московская писательская организация, моя «команда» тут ни при чем. Но я

думаю о следующих молодых, которые приедут в следующее десятилетие из провинции на профессиональную литературную работу. Я не желаю им, чтобы их охватывали той «работой с молодыми», какой охватили меня.

И я думаю, что честнее и проще до конца своей литературной работы числиться в молодых и начинающих, чем вместе с титулом «известный» обрести науку гладкой жизни в существующих руслах.

О так называемом «молодом писателе» [17]

(Набросок выступления).

1. Начинающий литератор приходит, как правило, все же не из литературного института и не из журналистики. Скажем так, что он приходит с производства. Я окончил технический вуз (геологоразведочный) и достаточно долго работал в геологии в Арктике. Наверное, главное, что потрясло меня — буквально — при столкновении с миром профессиональной писательской организации (московской), — это рутинность. В качестве начинающего я ходил, на заседания комиссии по приключенческой литературе. Я привык к техсоветам, многочасовым, заседаниям. Но как инженер я привык к разговорам о деле, к экономии времени и конечной цели, к которой ведет трата его. Контраст с тратой «заседательного» технического времени и такового же писательского — потрясающ. Конечный вывод: от того, что в данный момент сидишь в данной точке, на заданном стуле, толку ни малейшего. И я перестал ходить на любые литературные заседания. Горький парадокс. — все бесцельно заседающие люди в частном общений оказывались милыми, умными и знающими людьми и в частном общении я много от них взял в качестве литературной школы.

2. Кстати, о школе. Традицией русской литературы является традиция ученичества. Возьмем хотя бы пример А. М. Горького. Но кто из нынешних молодых может сказать: «Я ученик такого то?» Я сплошь и рядом слышу, как молодые кинематографисты говорят с гордостью: «Я ученик такого-то и такого-то». Но я не слышал этого от литераторов. Крупные наши писатели прочно замуровались в неких своих хуторах и лишь изредка «благословляют» кого-либо, кто понастырнее. Но школы, живой передачи опыта нет.

3. Но вот молодой литератор стал профессионалом, членом Союза писателей. Он должен достаточно много писать, чтобы жить. Запас юных впечатлений, приведший его благополучно в литературу, быстро иссякает. И ты сплошь и рядом видишь результат просто пугающий. Коллега и сверстник, за которым ты внимательно следишь, ибо знаешь его талант, вдруг выдает сочинение, в котором учебная схема прорисована красным карандашом.

4. Идет большой социальный спрос на роман производственный, роман, допустим, о рабочем классе. Ты

получаешь его в журнале и без труда можешь рассматривать, его как злую и не очень умную пародию на производственный роман. Почему? Да потому, что уже нет знания предмета. В писательской поездке на завод или в парадном налете к нефтяникам производства ты всего не узнаешь. А пойти на производство работягой третьего разряда, приехать к нефтяникам не на обкомовской «Волге», а в кузове грузовичка, в рабочей одежде — уже нет смелости, уже возник жирок.

5. И возникает жирок. Мы приходим в литературу с яростью и светом в душе, но у нас нет умения. Мы изучаем редакционные коридоры, изучаем стиль длинных говорилен, приспосабливаемся к нерациональности литературного официального общения между собой и с читателями. Проходят годы. Число книг идет к десятку, есть некоторое литературное умение, ты профессионально где былая ярость и где былой свет? И лица ребят, с которыми вместе начинал, которых ты помнишь взъерошенными, нескладными, — лица их стали гладки, и, о боже, ты видишь, что они научились даже говорить длинно, гладко, умно и бессодержательно.

6. И бесконечные «почему?» Наверное, самой сильной литературой у нас является литература на военную тему. Запаса войны писателю хватает надолго. Лучшие литературные силы из моего поколения ушли в деревенскую тему. Почему? Не потому ли, что тридцати сорокалетний профессиональный литератор каждое лето общается со своей бабкой Аришей, у которой снимает домик? И не оттого ли подавляющая часть так называемой деревенской литературы все же выглядит подделкой под нее? Я с глубочайшим уважением отношусь к литературным фамилиям Василия Белова, Виктора Астафьева и покойного Шукшина Василия Макаровича. Но, как всегда, как банальная истина: их литература без определения «деревенская».

Но ведь есть, кроме них, гигантский печатный поток деревенской темы. Утрирование деревенской речи, житейских коллизий, надуманные страсти. Знаете, что потрясает: как-то путешественник Арсеньев встретил гольда Дерсу. Образованный европеец столкнулся с человеком иного, своеобразного мира. Это естественно, и это правда. Но я не могу понять и не могу принять, когда молодое поколение литераторов описывает дни и заботы современной деревни, как Арсеньев писал о гольде Дерсу. Это о своих-то отцах?

Я родился в деревне и вырос в деревне, и мои родственники — в вятской деревне. Я утверждаю, что деревня и деревенский житель неизмеримо сложнее, умнее, насмешливее, чем их полуанекдотический образ, ложный образ, ложный образ в потоке

этих псевдокорней, псевдоистоков. Все это ложь. Я плоть от плоти отца своего, и я не могу на него смотреть, как на гольда конца девятнадцатого века. И мне стыдно уподобляться тем, кто среди мебелей с тонкими ножками вешает лапотки как признание истоков. Одно утешение деревня без потока этих повестей прекрасно проживет. И черт с ним, что среди коллег сверстников я считаюсь изгоем, ибо не желаю идти в потоке «нутряной темы». Я знаю, что такая тема есть в реальности. Но мне рано о ней писать, ибо для этого нужен не ум, а мудрость, не литературное умение, а горячее мастерство. И им, коллегам, им тоже рано. Груз взят не по плечам. И почему, черт возьми, чем моднее квартира, чем дороже и стильнее мебеля — тем больше говорят об истоках? Я понимаю, когда барство рождается в снабженце, в чиновнике. Но когда оно в литературе — этого я не понимаю.

Дай бог сил не жиреть, не учиться говорить складно и быть способным натянуть телогрейку и залезть в кузов грузовика, оставив писательские удостоверения дома. Я убежден, что средний талант, а он в обозримости нынешних дней у всех печатающихся не более чем средний, должен дополняться через испытание жизни на собственной шкуре. Если пишешь о буровиках — умей быть на буровой хотя бы рабочим.

7. И не стоит верить, что тебя «охватят» какой-то работой в Союзе писателей, направят на путь истинный. Тебя направят в «десант» или на выступление на заводе. Но это не литература, все эти казенные формы уводят, а не приближают.

И не стоит верить, что бабка Ариша расскажет тебе на крылечке всю мудрость жизни. Эту мудрость расскажут лишь мозоли, такие, как у бабки Ариши на ладонях, и количество пота, равное пролитому ею. Не сдуру граф брался за ручки сохи. А мы все вовсе не графы.

Письма [18]

Из писем Н. П. Балаеву

Балаев Николай Петрович — литератор, журналист. В конце 50-х годов работал шурфовщиком на прииске «Красноармейский», был членом Певекского литературного объединения.

Август 1965

Через два года на «произведение» в стиле мальчиков и ужас природы будут косо смотреть даже в редакциях типа твоего «Анюйского вестника». Наступает время философской, раздумчивой литературы. Это я серьезно, точно говорю.

Надо думать стратегически. Поэтому то, что я сейчас пишу, должно уже отвечать запросам 1968 года, а не этого. Тогда в 68-м ты будешь писателем, а не провинциальной знаменитостью. В редакциях мои поиски понимают те самые люди, которые подняли в свое время на щит «Люську» и «Ноя», говорят, что я стою на правильной дороге. Если я им принесу сейчас вторую «Люську»; они скажут: «Это великолепно, Олег, это мы публикуем, но мы ждем от тебя большего». Я от него (Олега) тоже жду большего, а не топтания на одном уровне, одной манере, одном цикле проблем. Интуиция есть, и она говорит, что поиски идут в нужном направлении. Особенно над этим надо подумать тебе. В нашей газете каждый должен быть стратегом, а не только тактиком, Николай Петрович.

Февраль 1973

Все в мире делается не так быстро, как нам кажется и хочется. Но может, чем черт не шутит, ты сейчас конопатишь избу по имени перевалбаза и приценяешься насчет подледного лова. Тогда я тебе завидую. Если, конечно, невдалеке от этого подледного лова есть место, куда поставить машинку. Потому как без машинки я себе бытия не мыслю. Сейчас моя «колибри» стоит на втором этаже эдакого особняка, сложенного из дикого камня и именуемого «Эльбрусское лесничество». Комнатка у меня маленькая, в два окна: одно на восход, второе на закат. Одним словом, красиво.

Добиваю роман. Чего и тебе желаю. Понимаешь, Коля, я все-таки думаю, что у каждого мужика должна быть некая сквозная нить бытия, все же остальное: Эльбрусы, перевалбазы, Преображенки, Болшево и озеро по имени Гыгытгын — не более чем сопутствующие моменты. Нельзя ставить их целью, если, конечно, бытие на перевалбазе не является твоей сквозной линией жизни.

Август 1973

Когда я еще работал великим полярником, погонял собак по

острову Врангеля, пересекал, сплавлялся и огибал, один мой друг говорил мне: «Чудак ты, Олег, демонстрируешь тут мне квадратную челюсть. А ведь истинное Заполярье, как и истинные джунгли, находится в городах. Твои льды, байдары и легендарные переходы — ерунда по сравнению с событиями в обыкновенной коммунальной квартире».

Тогда я шибко его презирал, ибо я покорял Чукотку, а он сидел в редакции и ездил не на собаках, а на троллейбусе. Теперь вот я убедился, что он был полностью прав. Все наши так называемые арктические трудности — курорт и благость по сравнению с проблемами города.

Это я тут сижу на перевалбазе, это я на Чукотке, а не ты. Ты, брат, на курорте, где маленько приходится шевелить руками. Но последнее во благо. Сон крепкий, и душа не болит.

Насколько я понял, ты там миниатюры начал писать. На мой взгляд — это занятие для графоманов с лирической эдакой душой. Тебе надо проз писать и еще надо учиться ее писать. А когда ты научишься ее писать, тебе еще надо будет научиться проходить сквозь литературные джунгли. Последнему я тебя научить не смогу, сам не умею.

[Конец 1973]

Работаю я изрядно, но как-то плохо. Недоволен я. Давно бы уже пора быть скачку, а скачка нет, топчусь на месте. И идеи есть, но эти идеи не переходят в образы, что ли. Я так и думал, походить там за оленями, проплыть по Пегтымелю, подумать. Пора делать скачок. Я его откладывал до романа. Роман есть. Второй роман уже должен быть другим. Про что он, я знаю. Как писать — тоже знаю. Осталось некий жизненный перелом найти.

Январь 1974

Обо мне. Журнальный вариант романа выйдет в апреле. В журнале «Наш Современник». Называется роман «Территория».

И кончается сие жестокое произведение словами: «День сегодняшний есть следствие дня вчерашнего, и причина грядущего дня создается сегодня. Так почему же вас не было на тех тракторных санях и не ваше лицо обжигал морозный февральский ветер, читатель? Где были, чем занимались вы все это время? Довольны ли вы собой?»

Книжный вариант романа отдан на 75-й год. Но я его для себя еще раз перепишу.

И уже пора дальше, пора дальше. Хороший надо писать роман о причинах и следствиях бичизма. Называется он «Правила бегства».

Если что есть — шли мне. Но плохого не шли. Лучше ничего не представить в твои годы, чем представить плохой товар.

Можно подождать до встречи. Вместе обсудим и выберем.

Апрель 1974

Тут недавно в связи с дальнейшей экранизацией творческого наследия посмотрел повесть «К вам и сразу обратно». Плохонькая повесть то, Коля. Первый ее вариант при всей наивности все-таки был лучше. Я уж его сейчас слабо помню, но, по моему, он был сентиментально хорош и краток. Профессионализм при всей его необходимости не всегда приносит лучшее.

Привет окрестностям.

Роман мой называется «Территория». Неплохо бы написать второй — «Окрестности».

Из письма Ю. В. Васильеву

Васильев Юрий Вячеславович — писатель, журналист.

Наверное, рано еще оглядываться назад, смотреть, что сделал, и думать как бы повернулась жизнь, доведись начать все сначала. Но уже сейчас могу сказать, что если из меня и получилось что путное, то благодарен я геологии — она вывела меня на дорогу, благодарен литературе за то, что она стала моим делом, благодарен людям, хорошим людям, которые были рядом. Были, конечно, и дрянные люди, но они как-то забываются.

Когда-то думалось так: если у меня с литературой не сладится, уйду снова в поле, коллектором меня всегда возьмут. И вот потребовались годы, чтобы понять такую простую истину; профессия писателя — это профессия, которую не бросают. А если кто и бросает, то неопровержимо ясно, что этот человек очутился в литературе случайно, либо по ошибке, либо руководствуясь не теми соображениями.

Из писем Г. Б. Жилинскому

Жилинский Герман Борисович — геолог, заслуженный деятель науки, лауреат Ленинской премии, автор научных работ, научно-популярных и документальных произведений.

Январь 1971

Многоуважаемый Герман Борисович!

Прежде всего спасибо Вам за письмо и за присланные материалы по истории открытия чукотского золота. Как говорили в старину, «нельзя не узреть в сем божьего промысла». Я ведь собирался к Вам ехать где-то в конце этого года, ибо получить у Вас консультацию по первым шагам этого открытия мне просто необходимо. Но начну по порядку.

Я окончил Московский геологоразведочный институт, на Чукотке начал работать с 1957 года. Первая моя партия была как раз на Ичувееме. Три года работал в Певеке, затем начальником группы партий в СВТГУ, затем в СВКНИИ у Н. А. Шило. Девять лет я занимался только Чукоткой, островом Врангеля и гравиметрической съемкой на льду Восточно-Сибирского и Чукотского морей («ловил» платформу Берингию: я геофизик). В конечном счете пришлось выбирать между профессией геолога и литератора, и победила последняя. Уже несколько лет я профессиональный литератор, член Союза писателей.

Теперь о золоте. Темой этой я заинтересовался давно. У каждого литератора есть своя, главная цель. Моей целью довольно давно уже было рассказать о ребятах редкой формации — геологах Чукотки «старых» времен, 1930 1950 годов. Почти каждое лето я летаю в Певек или вообще на Чукотку, хотя в общем за девять лет излазил её вдоль и поперек и проплыл на байдаре от Певека до Лаврентия вдоль всего побережья. Но суть не в этом.

Начав раскапывать «предысторию», я натолкнулся на Вашу фамилию. До тех пор мне была известна лишь одна версия. К сожалению, когда я копал певекский архив, на Севере уже не было Чемоданова, не было и Стружкова, то есть людей, с которыми я работал. Так и возникла идея съездить к Вам в Алма-Ату. Но Ваше письмо пришло раньше.

Так что, Герман Борисович, все стоит на своих местах. Теперь кратко о моем замысле.

1. Это должен быть роман о подвижниках геологии. Произведение сугубо литературное, но основанное на четкой документальной основе. По роду своей новой профессии я довольно много скитаюсь по дальним углам Союза, встречаю

сотни людей и свято верю в то, что открыватели Колымы и Чукотки были люди особой формации и именно они могут и должны служить примером для молодого поколения нашего времени.

2. Исторически не имеет смысла забираться глубже времен Богдановича. Кончаться же все должно, видимо, на открытии золота в районе мыса Шмидта (прииска «Полярный»).

Здесь у меня, кстати, хронологическая «дыра». Время экспедиций Совзолота и НИИГА у меня в материалах почти отсутствует.

3. Так как законы литературы так же незыблемы, как законы науки, то вся история открытия должна быть как история столкновения характеров, обстоятельств и т. д. Но опять таки первая моя профессия требует, чтобы тут как можно меньше было или вообще бы не было натяжек. Книгу-то будут прежде всего читать геологи, я ведь получаю довольно много писем от ребят из СВТГУ с призывом взяться за эту тему, пока за нее не взялся какой-либо варяг, ни черта непонимающий в геологии и не испытавший на собственной шкуре чукотских обстоятельств.

4. Самое сложное. Так как большинство чукотских геологов вышло из Колымы и имело колымскую школу, то по логике и надо бы начинать с Колымы. С корифеев надо бы начать, с Билибина, Цареградского, Зимкина, Васьковского и иже с ними. Тем более что последние из них уже уходят в небытие. Логика, повторяю, советует начать с Колымы. Но трудность в том, что на Колыме я не имел дело ни с одной партией, писать же могу только о том, о чем имею личные впечатления. Ваш совет и, если возможно, помощь были бы, Герман Борисович, неоценимы. Эпоха освоения Колымы и Чукотки, как всякая героическая эпоха, не должна пропадать в безвестности, люди, которые ее делали, — так же.

В случае успеха романа он будет экранизирован (я сейчас довольно много работаю в кино), и таким образом долг паблисити будет выполнен полностью.

В конце февраля я буду дома. Как раз сейчас заканчиваю доработку сценария двухсерийного телевизионного фильма по повести «Птица капитана Росса» (если я правильно понял, Вам переслали из Магадана эту далеко не лучшую мою книжечку, где я частично упомянуло чукотском золоте и где есть эта повесть).

Я буду очень благодарен, если, приехав в Москву, Вы сообщите мне телефон или адрес. Если же Ваша поездка в Москву в конце февраля не состоится, то где-то к осени я прилечу в Алма-Ату. Перемещаться мне довольно просто, так как в почтенном журнале «Вокруг света» у меня открытый лист: в любое время в

любую точку Союза в качестве спецкора журнала.

Встретиться же нам просто необходимо.

С искренним уважением О. Куваев.

24 мая 1971

Уважаемый Герман Борисович!

У меня просто в самом деле «нет слов», чтобы выразить Вам благодарность за помощь, которую Вы мне оказываете. Я некоторое время не отвечал Вам, потому что был занят «подчисткой остатков» — сдавал две запланированные книги, рукописи в журналы, сценарий и так далее, то есть освобождал время от всех долгов и забот для работы над «золотом». Мне это удалось. Сейчас уже непосредственно приступил к систематизации материала, в июле сяду за машинку.

Очень рад, что Вы правильно и точно меня поняли. Меня прежде всего интересует объективная история открытия чукотского золота. То, что бытующая версия не совсем точна, я понял еще в Певеке и, еще не зная, живы ли Вы и где живете, решил Вас разыскать.

Второе, и не менее важное. Каждая, история должна иметь окончание с продолжением. Уже года два я для этой цели собираю разные материалы.

И третье. По видимому, более важное для меня, чем для Вас. Это не исторический труд — это роман. Главными в нем, конечно, являются морально философские категории, которые автор пытается решать. В качестве «реактива» для проявления характеров и эпохи я выбрал историю чукотского золота. Ну а будучи геологом, работавшим на Чукотке и имеющим там много друзей, я обязан ее писать честно.

Вы любезно обещали мне помочь также чисто житейским материалом. Ароматом эпохи, что ли. Это чертовски важно. Йу, как мы и решили, я к Вам приеду, с тем чтобы Вы смогли посвятить мне несколько вечеров, время мы согласуем.

Сейчас я еду на Памир (давно пообещал это журналу «Вокруг света»). Да и просто надо подумать. Горные выси этому способствуют. Июль я буду дома — работать с редактором над рукописью, а в августе-сентябре, как всегда, буду в Магаданской области. Где-либо на Колыме или на Чукотке. «Частная» экспедиция. В прошлом году я в одиночку сплавился по Омолону, нынче пойду по Олою или от Чаунской губы к устью Колымы на байдаре.

Если Вы действительно будете на Чукотке, мы можем там встретиться. В маршруте я не ограничен.

Если мы не сможем встретиться до осени — где-либо в ноябре я буду планировать поездку в Алма Ату.

Должен также сказать Вам, что все рукописи и вырезки, которые Вы мне присылаете, будут у меня в полной сохранности. Архив у меня работает четко, и ни одна бумажка не теряется.

Еще раз искренне благодарю за помощь. Все-таки это праведное дело.

Уважающий Вас О. Куваев.

14 августа 1971

Уважаемый Герман Борисович!

Такая незадача: прилетел я с Памира 3 июля и еще, может быть застал бы Вас, но за корреспонденцией, которая лежала на почте, пошел только на другой день. Наверное, мы с Вами в часах каких-то разминулись.

Завтра я лечу в Магадан примерно на месяц. В связи с этим я был бы благодарен, если бы Вы, по своему личному выбору (это важно), посоветовали, какие отчеты мне стоит прочесть. Примерно три. Работу над романом я начал. Сейчас, собственно, им и занимаюсь. Сразу после прилета в Магадан я улечу на Омолон, сплавлюсь по нему до Черского (видоизмененный прошлогодний маршрут), а числа 10 сентября надеюсь быть в Магадане. В конце сентября я буду дома.

Где-то в начале будущего года рассчитываю представить на Ваш суд первый вариант. Надо, чтобы это была честная работа.

Искренне уважающий Вас О. Куваев.

3 декабря 1971

Уважаемый Герман Борисович!

Я бесконечно признателен Вам за последовательную заботу о книге. Надеюсь, что Вы и будете первым ее читателем. Тем более если Вы к этому времени переберетесь в Москву. Время, когда необходим личный контакт, непосредственный рассказ участника событий, как-то неспешно, но неумолимо подходит.

К сожалению, в конце декабря меня здесь не будет. На днях я уезжаю в Приэльбрусье дней на сорок. Надо передохнуть, покататься на горных лыжах и подумать. Очень много времени у меня отняла сдача книги в издательство «Современник». Издательство большое, новое, еще не «обкаталось». Кстати, роман о золоте стоит в плане там же. Пока похвастаться нечем. Слишком велика инерция материала и никак не сдвинется с места, не закрутится. Вам это хорошо знакомо, это начало любой большой работы.

Весну этого года и начало лета я буду в Магадане на съемках фильма. Весной также надеюсь быть и в Певеке.

Еще раз благодарю за присылку очередной «порции» материала. Желаю всего лучшего.

Олег Куваев.

Январь 1974

Многоуважаемый Герман Борисрвич!

Спасибо Вам за книгу. Читаю ее с огромным удовольствием. Я ведь давно собираю все книжечки этой серии и очень люблю их. С сугубо профессиональной точки, зрения должен сказать Вам комплимент: Вы нашли очень точный рецепт сдержанного стиля. Текст оставляет самое лучшее впечатление.

Я долго не писал Вам, потому что в телефонном разговоре Вы предупредили меня о смене адреса и переезде в Москву. Меж тем дело с романом не стояло на месте. Журнальный вариант его выходит в «Нашем современнике» (номера 4 5 за 1974 год). Я их Вам пришлю.

Книжный вариант романа будет выходить в первой четверти 1975 года. Рукопись лежит в издательстве, но я к ней еще вернусь для доработки. Журнальный и книжный варианты будут весьма отличны. В частности, в книжном варианте будет горный инженер Катинский, прообразом его являетесь Вы. Разумеется, в той степени, в какой может быть прообраз в художественной литературе. И учитывая то, что я знаю Вас лишь по письмам и некоторым воспоминаниям чукотских друзей. Вообще же все мною отнесено в абстрактные северные координаты. Как пример решения темы, я пришлю Вам журнальный вариант. Но так как главный вариант г это все же вариант в книге, то я очень хотел бы, чтобы Вы прочли рукопись и сделали замечания (допустимы разные). Присланные Вами статьи и материалы в роман не вошли, но они прямо ведут к его продолжению. Об этом мне писали Вы, об этом мне писали и пишут друзья из Певека. Буду ли я писать продолжение — не знаю. Но я оборвал роман «около моря». Если у Вас Найдется время — я, как и обещал, пришлю Вам вариант рукописи, который мне необходимо будет получить обратно с примечаниями на полях.

Герман Борисович! У меня в 73-м году вышла книга «Тройной полярный сюжет». Сочту за честь прислать Вам экземпляр.

С уважением О. Куваев.

Март 1974

Уважаемый Герман Борисович!

Прошу извинить за задержку с пересылкой рукописи «Территория». Я очень рад, что Вы взяли на себя труд прочесть ее, и достал удобочитаемый экземпляр. К сожалению, взять из издательства первый экземпляр было невозможно.

Еще до чтения хотелось бы, чтобы Вы имели определенный подход к рукописи.

1. Прошу рассматривать ее не как «доподлинную историю чукотского золота», а как сугубо художественное произведение,

темой для которого послужило чукотское золото.

2. Вы выступаете как строгий читатель, знающий тему лучше самого автора.

3. Самолюбие мое прошу не щадить. Мое самолюбие заключается не в том, чтобы избегать критики, а в том, чтобы публиковать полноценные вещи. Любая критика, тем более Ваша, здесь только в помощь.

4. Фигура инженера Катинского — это в какой-то степени Вы. Тут Вам карты в руки. Образ этот не развит. А хотелось бы. Я мог бы выслать Вам гранки журнального варианта, вот они на столе, но там Катинского вообще почти нет.

У журнального варианта свои законы.

5. Как Вы увидите, я оборвал историю на берегу моря, на грани морских россыпей. В зависимости от прессы, по выходе роман может иметь продолжение.

6. Замечания Вы можете писать на полях, на обороте (карандашом) или на отдельном листочке.

Работа Ваша не будет впустую, так как этот вариант рукописи я буду переписывать весьма основательно.

Ну и последнее. У меня с «Мосфильмом» договор на экранизацию романа. Так что года через полтора Вы сможете увидеть места своей молодости и на экране. Я считаю, что вся эта история нуждается еще в крепкой доработке.

Прилагаемую книжечку «Тройной полярный сюжет» не судите строго. Я считаю ее худшей. Из своих семи книг, так оно и есть. Просто она последняя по времени. Если читать, то стоит читать лишь вторую повесть «К вам и сразу обратно». Это Билибино, как Вы легко догадаетесь. Она также идет на экран.

Прошу извинить за затруднения, которые я Вам преподношу, но это во блага дела. Когда книга выйдет — исправлять уже поздно. Журнальный вариант по выходе я Вам пришлю.

Желаю всего лучшего. С нетерпением жду критику.

Олег Куваев.

16 мая 1974

Уважаемый Герман Борисович!

Спасибо Вам за теплое и хорошее письмо. Оно настолько меня взволновало, что вот прямо после прочтения стучу ответ. Извинения в письме ни к чему. Во первых, я профессионал, а значит, критическое, но искреннее мнение о моей работе мне гораздо дороже неискренних похвал. Во вторых, во время нашей встречи мы были в неравном положении и выигрышная позиция, уж простите, была у меня. Заключалась она в том, что мне потребовалось узнать, кто Вы, узнать Вас как личность — для этого в качестве теста годилась и рукопись романа. Я очень

внимательно слушал и наблюдал. Но наибольший выигрыш получил, когда мы заговорили об Алазее. Когда человек Вашего положения готов ехать к черту на рога в качестве простого начальника партии или даже геолога — это дорого стоит.

О Катинском. Сейчас что-либо исправить в журнальном варианте уже невозможно. Но когда Вы прочтете пятый номер, увидите, что Катинскому воздано еще до послесловия. Что его роль незаметная снаружи, оказалась гораздо большей, чем мог ожидать Чинков. Воздано и Монголову за ограниченность его. Сейчас я работаю над книжным вариантом романа и как раз вчера кончил расставлять акценты именно на Катинском и Монголове. Акценты эти появились как результат нашей беседы.

Четвертый номер журнала для Вас уже отложен. Я жду пятого номера, чтобы выслать Вам роман целиком. Вы будете первым, кому я его пошлю, как Вы были единственным человеком не из господ издателей, кому я дал читать роман в рукописи.

Роман в мире господ издателей встречен хорошо. Думаю, через какое-то время пойдет речь и о продолжении его. Вот уж тут-то мы и развернем Катинского в полной мере. А вот для этого (помимо прочего) было бы очень хорошо нам пообщаться в непринужденной и простой обстановке. Это дело будущего.

Вашу новую книгу я могу только приветствовать. Знаете, Герман Борисович, ведь история строится так, что рано или поздно каждому воздается свое. Я думаю, что Ваша книга и должна быть воздаянием «кесарево — кесарю» — восстановлением справедливости и исторической правды. Это я не к тому, что Вы слишком обижены, — просто история должна быть объективной. Я почту и долгом и честью прочесть рукопись. Думаю, что это окажется просто полезным для книги. В частности, в книжечке об олове есть несколько мест, которые не то что снижают ее сортность, но просто в ином качестве книга была бы лучше. Я не стал Вам об этом говорить, потому что не знал Вашего отношения к литературному труду. Теперь я его знаю.

Будет хорошо, если Вы сможете мне выслать какой-нибудь там пятый, что ли экземпляр, чтобы я мог посидеть прямо над рукописью с карандашом. Возможно, некоторые фразы или абзацы удастся просто улучшить, литература ведь странная вещь. Вот в книге об Индонезии есть места, где вы пишете об олове Чукотки. Никакого отношения к книге они не имеют, по элементарным редакторским правилам их надо было просто убрать. А вот убирать-то их и нельзя, потому что они читаются иногда с большим даже интересом, чем основные эпизоды книги. А почему? Да потому, что пишет специалист. Люди, знающие

досконально предмет, почти всегда пишут об этом предмете попросту интересно. Это давно замечено.

До последних чисел мая я дома. Далее исчезну до августа. Или на паруснике в Атлантику (Дания, Польша, Франция), или на Чукотку в верховья Пегтымеля, далее по Пегтымелю вниз и морем на Биллингс или в Певек.

Будущее лето я думаю провести на Алазее.

До поездки на Алазею, наверное, встречусь с академиком Н. А. Шило. Может быть, имеет смысл начать «алазейщину» с другого, литературного конца, без претензий, конечно, на то, что публикация в одном или нескольких центральных журналах окажет сколько-нибудь решающую роль. Но все же. Допустим, это можно рассматривать как трибуну для высказываний Вас, Шило и так далее. Об этом стоит подумать. Генеральный же мой план: купить яхту и пройти в течение двух трех сезонов Северным морским путем. Не торопясь. Никаких туристских или там спортивных целей и не преследую. Главная цель — пользуясь этим плаванием, воздать должное хорошим мужикам, которые работали или даже погибли в Арктике. Условное название книги (или двух книг) «Голоса издалека». Север всегда притягивал к себе энергичных и твердых людей. К сожалению, имена их забыты или почти забыты. Простой журналистский облет Арктики — несерьезно. А вот плавание на яхте по всему маршруту — это достойный повод, чтобы напомнить, о славных биографиях. Жаль только, что трудности, стоящие перед этим предприятием, неисчислимы. Самое легкое тут то, что вроде бы считается самым трудным; накопить деньги на яхту, семь-десять тысяч и проплыть. Кстати, есть желание начать именно с Чукотки. Первый этап самый трудный, а на Чукотке мне легче — везде свои люди.

Вот вроде все. Взятые у Вас вырезки я пришлю вместе с журналами. Рукопись жду или прямо сейчас или к августу.

Во всяком случае, когда бы Вы ни послали, она не потеряется.

А за Катинского, Герман Борисович, не переживайте. Он очень благородно вошел в пятый номер журнала, еще более полно будет в книжном варианте и в массовом издании «Роман газеты» тиражом в полтора миллиона. Сейчас я работаю над сценарием для «Мосфильма» по роману. Утешительного пока мало. Но кино, оно и есть кино. Слово «логика» в этой организации незнакомо. Желаю Вам всего лучшего, и еще раз спасибо за письмо.

О. Куваев.

24 августа 1974

Дорогой Герман Борисович!

Как всегда, был рад получить Ваше письмо. Читал и завидовал — я ведь «на старости лет» стал собирать коллекцию

полудрагоценных камней и поделочных тож. Разумеется, не их ювелирные разновидности Есть аметист, неплохие гранаты, опалы — все с Колымы. Ну, о топазах речи, конечно, нет. Моя голубая мечта — добыть образец берилла. Ну и так далее. Смысл простой — не хочется отходить от профессии намертво? так хоть любительской минералогией заняться. Опять же народу у меня бывает много — несу минералогическое просвещение в массы. Читал Ваше перечисление, и слюнки текли. Кабы знал — ей богу, прицепился бы к вашей экспедиции.

Я рад, что роман сейчас Вам нравится больше. И дело ведь не в скрытых в нем глубинах, а в том, что Вы постепенно отходите от предвзятой первоначальной точки зрения — «что там про меня написано». Как бы там ни было, это сугубо художественное произведение, не устану Вам это повторять. Статья Шапошникова в «Литературной газете» скверная статья. Он плохой, очень недобросовестный критик, и моя невезуха в том, что этот Шапошников уже несколько лет числит себя «знатоком» моего творчества и ежегодно публикует обо мне статью две. Мне не нужны его комплименты. Роман получил весьма высокую оценку. Статей о нем, видимо, будет еще много.

По поводу Вашего читательского отзыва я думаю, что уж у Вас прав на это больше, чем у кого-либо другого. В качестве совета я предложил бы Вам, Герман Борисович, учесть обстоятельства, которые помогут публикации Вашей статьи или письма, или заметки. Так как я не хочу ограждать себя от какой бы то ни было критики, тем паче от человека, с которым лично знаком, то:

1. О романе пишите так, как Вам диктует Ваша совесть, художественное чутье и вообще нужна будет Ваша личная оценка, может, с учетом оценок Ваших коллег.

2. Прошу помнить, что события в романе не обязаны жестоко соответствовать реальным событиям. В связи с этим нет смысла упоминать, что мы с Вами знакомы. Вы — читатель. Вы прочли журнал и нашли, что здесь есть многое из Вашей молодости и из событий, участником которых Вы были. Вот тут Вам будет уместно написать о себе и о Вашей роли, и о Катинском. Это удобно и прилично!

3. Чтобы связать Ваше письмо (или статью) с публикациями в «Литературной газете», надо вернуться к статье Шапошникова. У него есть там «прокол» — он упрекает меня в том, что герои мои жертвенны и я любуюсь этой жертвенностью. Он упоминает там цитату из моей ранней повести «Весенняя охота на гусей»: «Эти люди приспособлены для грузовика. Они гибли и будут гибнуть.»

Шапошникову неуютно, что кто-то гибнет и живет в жестоких

условиях. Он умышленно опускает конец цитаты: «потому, что они идут по первым дорогам». Вы — участник событий. Ваше право и долг указать московскому критику, что если автор и виноват в чем, так в смягчении событий. Разве у Вас не было жертвенности? Разве не гибли Ваши товарищи или не были на грани гибели, потому что шли по «первым дорогам»?

Как видите, Герман Борисович, я защищаю не свое произведение. Я защищаю тезис о святости труда первопроходцев. О нем я писал и буду писать, и нельзя диванным мальчикам, для которых трудность жизни в том, что не удалось поймать такси — пришлось сесть на троллейбус, принижать труд первопроходцев, сусалить на страницах центральных газет.

Итак, повод Вашего письма.

а) Вы прочли и узнали «былые времена».

б) Вы прочли статью в «ЛГ» и несогласны с «гладким» упреком Шапошникова автору в излишней драматизации.

На этот костяк Вы можете надеть все, что Вам будет угодно. Из них полезным будут два пункта: Ваше личное участие в событиях и Ваша оценка романа.

Я думаю, что письмо будет уместно послать в редакцию журнала «Наш современник» главному редактору Викулову Сергею Васильевичу. С просьбой передать второй его экземпляр в «ЛГ». Подписаться надо полными Вашими титулами. Это обязательно. Излишняя скромность здесь вредна.

В заключение: почему «роман». Роман, Герман Борисович, это не то, где «он» и «она», — это произведение, где существует несколько житейских планов — первый, второй и третий. В хороших романах этих уходящих вглубь плоскостей много, и вот по ним и блуждают, переплетаются судьбы героев. Любовной же интриги в романе вовсе может не быть — примеров тому масса. Хотя классический роман основывался на любовной интриге — так проще.

Я рад, что Ваша рукопись увидит свет. Свое предложение дружеской оценки и помощи оставляю в силе. Думаю, это будет полезно Вам и читателю. Главы, которые. Вы мне дали, — очень хороши, ибо просты. Л. читал их с огромным удовольствием. Но я — особая статья: мне близка эта тема. Лучший пример, как писать о подобных событиях, — книги Федосеева «Мы идем по Восточному Саяну», «Последний костер», «В тисках „Джугдыра“ и другие. Это почти классика. Если необходимо, я Вам могу прислать их. Через несколько дней вышлю взятые у Вас документы, они могут Вам понадобиться.

Будущим летом надеюсь быть на Алазее.

И если у Вас в коллекции останутся камешки, непригодные

для сугубо научных целей, — не выбрасывайте их, памятуя, что в Москве сидит бывший геолог, в силу литературной страсти оторванный от геологии и шибко по ней тоскующий.

С неизменным уважением Олег Куваев.

13 сентября 1974

Дорогой Герман Борисович!

Вы меня потрясли любезным предложением презентовать мне оформленную небольшую коллекцию минералов, да еще с несколькими пришлифовками. Конечно, подобранная коллекция — лучше всего, ибо все это у меня в начальной стадии, и необходимо ядро, вокруг которого можно, будет танцевать. Если для Вас это действительно не составляет очень большого труда — благодарность моя очень велика. То, что это не может быть быстро, я понимаю, и потом — жизнь коротка, а минералы вечны, по крайней мере в наших человеческих масштабах времени. Умоляю только Вас — не забыть об обещании.

О рукописи. Наверное, Вам особая спешка и ни к чему. Может быть, Вы не вполне отдаете себе отчет в нравственной ценности такого рода материалов. Их надо писать со спокойной душой и высокой мудростью. Свое предложение — прочесть Вашу вещь внимательно и самым доброжелательным образом — я повторяю. Одно „но“. Мне бы хотелось получить (для пользы дела) вариант на машинке. Я просто привык к машинописному тексту, рукописный же вариант несет на себе печать личности автора (это мешает). И, кроме того, рукопись вообще надо держать дома во избежание случайностей пересылки. К тому же (после ознакомления с текстом) у меня есть желание и возможность познакомить с ним редакции заинтересованных журналов. Разумеется, никаких обязательств по исходу дела я взять не могу. Но я просто чувствую личную заинтересованность и обязанность помочь.

Числа 20 сентября я на десять пятнадцать дней смотаюсь на Кавказ. Буду пробираться в Сванетию с двумя профессиональными альпинистами — хорошие мужики, заслуженные мастера спорта, сваны. Давно я собираюсь о них написать, но для этого надо побыть с ними вместе в палатке, у костра и посетить их родовую сванскую башню. Числа с 10 октября я дома.

Желаю Вам всего лучшего. Жду рукопись мемуаров, а насчет отзыва на „Территорию“ решайте, как Вам позволит время.

Кстати, о пенсионной жизни и о Севере. К тому времени, как Вы перейдете на пенсию, я надеюсь быть обладателем скромной яхты, в северных водах. Может быть, это будет переоборудованный под парус и каюту вельбот, может быть,

другой вариант. Судно мое будет постоянно находиться там, так как я думаю в течение четырех пяти лет провести лето в полярных водах с заходами в устья рек. Как я Вам уже писал, надо поднять историю освоения Арктики.

С искренним уважением и лучшими пожеланиями.

О. Куваев.

Февраль 1975

Многоуважаемый Герман Борисович!

Кончил я читать Вашу рукопись. Прошелся по ней дважды. При беглом ознакомлении я понял, что рукопись не нуждается в какой-то литературной правке с моей стороны — она написана на одном уровне вся. В противном случае я просто должен был бы ее переписать. Вы достаточно владеете пером, хотя первая Ваша книга о малазийском олове показалась мне гораздо занятнее и живее. И дело не в экзотичности материала, а просто Вы выбрали себе стиль, каким пишутся „история исследования“ в геологических отчетах. Тонешь в фамилиях. Но, с другой стороны, это достойные фамилии, и решать тут право редактора. Я понимаю, что Вам просто неловко не упомянуть тех-то и тех-то людей. Позволю все же себе дать несколько советов с профессиональной, литературной точки зрения.

1. Нет автора Г. Б. Жилинского, лауреата Ленинской премии. Есть автор Герман Жилинский. Такова литературная этика.

2. Вводная глава мне представляется просто нескромной. Избави бог, я не собираюсь умалять Ваших заслуг. Но это за Вас должен сказать кто-то другой. Он же и скажет о том, что Вы лауреат Ленинской премии и член корреспондент к тому же. Вы упоминаете Э. Кренкеля. Но прочтите его книгу „RAEM — мои позывные“ — как скромно, с какой даже иронией по отношению к себе она написана. А ведь слава Кренкеля, будем прямы, больше Вашей! Послушайте моего совета, отрешитесь от эгоцентризма (я его сразу заметил в. Вас при первой же встрече) и попросите эту главку написать кого-то другого. С фамилией, званием, именем. Будет гораздо лучше.

Когда Вы, к примеру, пишете о трудностях не своих, а Р. Даутова — Вы пишете просто прекрасную прозу, ее читаешь взахлеб. Но когда человек слишком много пишет о трудностях, лично им пережитых, — это утомляет читателя и снижает ценность книги. Единственный из известных мне путешественников, кто мог это делать, — это т. Федосеев. Он описывал им же пережитые трудности блестяще.

3. Да имейте же Вы совесть с этой охотой! В наши-то дни, когда около каждого зайца чуть не охрану ставь. Вы с упоением описываете через каждые двадцать страниц „очередного

медведя“. Знаете, я охотился на медведей. И убивал в одиночку и белых», и бурых, и таежных. Я не считаю это «жутким спортом». У Вас винтовка или ружье с пулей, а зверь, он всего-навсего зверь и есть. Неравная борьба, и хвастаться тут нечем. Я вот вспоминаю убитых мною двух мишек на Омолоне. Как им не хотелось умирать! Мне стыдно и жалко их до бессонницы. Учтите, что книгу Вашу разгромят именно за эту Вашу «медвежью болезнь» (не в простонародном смысле этого термина). Советую убрать все эти сцены.

Ну и в заключение. Книга, я считаю, очень нужная, и, думаю, Вы с редактором разберетесь, что в ней оставить, что взять. Я прочел ее и понял, как правильно я поступил, что не взялся описывать документальную историю чукотского золота — это надо делать Вам.

О рецензии на мой роман не ломайте голову. На него уж столько вышло рецензий и в «Правде», и в «Комсомольской правде», и в «Литературной газете», и в толстых и тонких журналах, что уж больше и не стоит. Я вышлю Вам «подарочный» экземпляр книги, как только она выйдет. «Роман-газета» выходит на днях (№ 3), но это не книга. Ну и желаю, чтобы мы летом встретились на Алазее. И напоминаю, что за Вами — казахстанские камушки, — сами Вы предложили, вот и напоминаю.

За довольно резкий тон критики не обижайтесь, Герман Борисович. В делах литературных я мягкости не признаю. (Эх, кстати, прекрасное место у Вас, как Вы вправляли себе грыжу, стоя вверх ногами. Написано вроде мимоходом — посему и впечатляет).

С искренним уважением Ваш О. Куваев.

Я не понял Ваших сомнений по последней главе. Все, мне кажется, на уровне.

24 апреля 1975

Дорогой Герман Борисович!

Во первых, спасибо Вам, что Вы не забываете меня, грешника, и не обижайтесь на меня за довольно резкий тон письма по поводу рукописи. Герман Борисович, поймите, у меня та же цель, что и у Вас — восстановить справедливость. Я на Вашей стороне и именно поэтому даю совет — вводную «хвастливую» часть сделать руками другого человека. Это гораздо действеннее и этим достигается цель. Кстати, я не знал, что рукопись предназначается для Магаданского издательства, почему-то думал, что это для издательства «Мысль». Кстати, если уж речь идёт о Магаданском издательстве, то мой второй упрек, что рукопись несколько похожа на главу «История исследования» в

нормальном геологическом отчете, — отпадает. Для местного издательства так и должно быть: «Никто не забыт и ничто не забыто». О медведях — ну что ж. Я ведь сам свихнутый охотник, в геологоразведочный поступил ради охоты, и все же. Где-то годам к тридцати пяти я настрелялся. И сейчас ружье с собой таскаю только для того, чтобы подстрелить утку на ужин, а в остальном пусть они живут, и никакого, ни малейшего геройства, не вижу я в убиении медведя, симпатичного, кстати, зверя. У него и юмор есть и понятие, и добро он чувствует. Самым лучшим моим охотничьим трофеем я считаю фотографию матерого медведя, снятую с десяти метров. Она у меня на стенке висит, и я рад, что этот медведь и сейчас жив, если не попал под пулю очередного супермена С карабином в руках или с патронташем, набитым жаканами. Но надеюсь, что ему (медведю) повезло.

Книга Ваша, я считаю, должна быть издана. Обязательно.

Кстати, на днях я подписал договор с Малым театром на пьесу позитивам романа «Территория». Малый театр — это серьезно, а режиссер Борис Иванович Равенских считается ведущим театральным режиссером страны. Вот когда дойдет до дела (это через год полтора), я надеюсь пригласить Вас на репетиции в театре, ибо Ваш совет (жест, манера поведения, разговор) может оказать актерам неоценимую помощь.

В мой алазейский план вклинивается Англия, но все же я думаю быть на Алазее, а не в Англии. Кстати, можете поздравить, на днях я избран членом Бюро по прозе Союза писателей.

Искренне желаю Вам всего доброго. Не забывайте и пишите. За камушки заранее благодарен. Если будете писать в Магадан, в издательство, можете написать, что при потребности в сугубо литературной рецензии на Вашу книгу Олег Куваев этот труд на себя возьмет. Это прилично; а упомянуть об этом надо лишь затем, что обычно я отказываюсь писать рецензии на вещи, которых я не приемлю. В данном же случае и тема мне близка и рукопись я считаю совершенно годной к публикации и необходимой очень.

Искренне Ваш Олег Куваев.

Из писем Б. Г. Ильинскому

Борис Григорьевич Ильинский — журналист.

[Конец 1966]

Здорово, старичок!

Завтра ко мне зайдет Алик; перед отъездом решил с оказией написать тебе пару слов. Сегодня весь день вкалывал, как негр, сейчас 12 ночи и башка что подушка, так что особой четкости изложения не будет.

О моей жизни тебе Алик расскажет, что знает, дополню только малость, Боря. Книга моя вышла в ноябре. Монета получена, большею частью употреблена. Сейчас делаю следующую книгу, должен сдать рукопись в июле. В план меня включили, а насчет договора — вот поеду на неделе, узнаю. Может все и перевернуться, ибо в этом году с бумагой плохо как никогда. Ну, увидим.

Из народа вижу изредка только Витю. Он становится одним из виднейших в столице теоретиков детектива (и практиков). Парень круто идет в гору.

Твои фотографии я ждал. Но ты, в общем-то, филон, так же как и я. Зиму я валял дурака, можно было написать пару очерков.

Я твердо договорился об издании книги о Чукотке. Это мои путешествия. То самое, ради чего я копил записные книжки и пленки: Договор хоть сейчас дадут в зубы, но я не могу это делать, ибо связан другой книгой, дай бог ее успеть. Таким образом, мои пленки, которые у тебя, — нужны. Ты их собери и пришли, а там видно будет, наверное, нам придется с тобой заключить альянс на твое графическое оформление книги (помнишь старую идею?).

Думаю сплавиться летом для себя по Алазее на каяке или поехать от «ВС» на Корякское нагорье за медведями. Планы на лето зависят у меня от дел с книгой.

Декабрь 1966

Салют, Борух Спиноза. Здравствуй, желтушный Борька!

Это как же тебя угораздило? Это я в смысле желтухи и письма, не валялся бы ты под запором в инфекционном отделении, хрена бы ты написал. Ну ладно. Ты совершил ошибку, написав на Главпочтамт. Я разве что раз в месяц захожу, ибо обзавелся пропиской и хатой и адресом. Письма получаю домой, а на почтамт мне так, несведущие пишут.

Сейчас издаю книжку. Толстую, на 12 листов.

Договор подписан, аванс получен, рукописи пока нет. С первого номера «СМ» пойдет одна из повестей этой книжки.

Вторую повесть закончил вот пять минут тому назад, где пойдет, пока не знаю. Просит ее «ВС», но она не из их серии, в смысле Санарин начнет ее готовить и вычеркивать, это не дам.

Буду ждать тебя в марте. Приезжай. Меня может не быть в Москве. Я когда к редакции не привязан, так провожу время то в Грузии, то в Темрюке. На предмет переключения с северной специфики.

Видимо, выдам в скором времени серию не северных рассказов. А может, не выдам. Кто его знает, как оно будет «по путю».

Теперь, Боря, вот что. Ты говоришь «пошляться вместе». Оно было бы хорошо. Но я в это лето думаю направиться на побережье Пенжинской губы и Северную Камчатку искать таинственного медведя кадьяка. Ты сам понимаешь, что медведь — дело десятое. Но надо там побывать; Заявку на книжку «Оч-чень большой медведь» можно считать принятой. «ВС» или другая фирма дадут мне командировку. Но одному это делать несподручно. Отправляться в дорогу надо в конце июля с тем, чтобы август и половину сентября провести непосредственно на месте. Говорят, там в это время курорт. Смотри. Я-то в Магадан прилечу в начале июля, собрать кое-какие недостающие материалы для грядущего романа.

17 января 1967

— Боря, салют! Только что получил, вынул из ящика твое письмо.

Перед этим до озверения надулся кофе, и сейчас бы вот как раз надо сидеть работать, разрабатывать план третьей срочной повести, но вместо этого стал писать тебе письмо. Цени, желтушная печенка. Я чуть не всхлипнул над родными новостями, ей богу. Среди всей этой московской мерзости так приятно получить весть из своих краев. Чужой я тут, чужой.

О себе. Дела литературные идут у меня, вроде, хорошо. Пишу с каждым разом все лучше, я это и сам чувствую, и другие мне говорят. Пока мастерство, что ли, идет в гору. В первом втором номере «СМ.» идет повесть на четыре листа (об этом тебе писал). Вчера отдал книгу и в «ВС», еще одну на пять листов «Чайка капитана Росса». Но из «ВС» ее придется забрать, это я им дал просто потому что обещал. С Санариным мы на сей раз не договоримся, да и народ, весь мне толкует, что пора мне, давно пора перекочевывать в толстые журналы. Но я к славе не стремлюсь, это серьезно. А просто надо пустить ее до книги в деньги; все тысчонку-полторы принесет дополнительно.

Сейчас вот надо писать на три листа еще одну повесть, и книга готова. Место в журнале для нее уже застолблено. В общем,

Боря, в здании издательства «Молодая гвардия» слово «Куваев» звучит как фирма. Вот мое хвастовство и печальная констатация факта.

Зарабатываю я много, больше гораздо, чем в институте (СВКНИИ), но. Был бы я умный, сейчас была бы у меня толстая сберкнижка.

Где-то весной будет форум всесоюзный писателей приключенцев. Точно еще не выяснил, может, с этого форума я прямиком в Союз. Для себя же это дело откладываю до третьей книги. Чтоб без задоринки.

Вот так, старина. Умирают жены, болеем желтухой, подходим к параличам.

Эх, прости, старик, за печаль. Я, понимаешь, здесь очень один в пустой квартире. Кроме Вити Смирнова общаться не с кем, а Витя занят сдачей книги. Особняк у них двухкомнатный, и вообще ребята на ногах. Ладно. Важно то, что я пишу и в голове еще идей много.

Я сейчас в ожидании гонорара за «СМ», это будет 25 го, сижу при четвертном билете, подвели они меня. «Мифт» просит прислать бренди и маслин, ну, перезайму у кого-либо — пришлю.

Ну ладно, желтушник. Чертовски был рад твоему письму. В общем то, все не так уж и плохо в этом далеко не лучшем из миров.

Ну уж а теперь-то сяду за повесть. Семь вечера — пора.

Дружески обнимаю, Олег.

Приписка. Ребятам привет. Если Игорек Шабарин еще там, ему самый дружеский поклон и запоздалые поздравления. Если Иван Емельянович еще в Магадане — сам понимаешь, поклон.

18-го. Забыл опустить письмо. Сегодня был у Жутовского в мастерской. Шикарно он там устроился. Смотрел его картины и прочее. Рассказал ему о тебе и о фильме. Со мной он, вроде, едет, просил неделю размышления.

26 июля 1970

Привет!

Что то, Боря, почта на линии барахлит. Фотоаппарат, как следует из штемпеля, ты выслал 16-го, т. е. сразу, как я попросил. Получил же я его сегодня, т. е. 26-го. Главное, адрес был правильный (иногда мне забывают писать область и почта идет в «тот» Калининград, а потом сюда). Пленка же и фотографии, о которых ты пишешь, вообще пока не пришли. Я узнал на почте, надо заявлять об этом тебе, т. е. отправителю. Меня они слушать не хотят.

Командировка у меня отодвинулась, и вылетаю я 30-го июля, билет куплен. Лечу в Магадан, далее Омолон, вниз по Омолону,

затем верховья Стадухинской протоки (они идет почти до Средне-Колымска, но против устья Смолина есть вход) и к Петру Семеновичу.

Протока — если позволит погода, но П. С. должен по видать. Почему-то жду, что осень будет хорошей. Всего маршрут около 900 км. Плыть буду на каяке. На «ветке».

По протоке пройти интересно, она же необитаемая почти на всем протяжении за землянкой Плахина.

Вернусь я числа 5 10 сентября. По приезде сразу же, сообщу. Может прикатишь с повестью? Я тут наладил ремонт и вторую комнату тоже отремонтировал. За сценарий пока на брался. Вообще ничего не делал, написал только один рассказ, но и он еще сырой. «Забираясь в гибельные выси». Во! Про горы, про Мишу Хергиани.

[1971]

Кино мое многосерийное лопнуло, споткнувшись на главном редакторе «Экрана» тов. Ждановой Стелле Ивановне, даме сугубо партийной.

Безыдеен оказался мой сценарий и, главное, не нужен молодому поколению. Вот если бы мой герой подражал и строил жизнь по П. Корчагину, а не по капитану Россу — иное дело (так и было дословно сказано). Но, сам понимаешь, святые тени я по пустякам беспокоить не хочу и проституировать Островского не буду. Я к нему с уважением отношусь. Так что вертаюсь я в прозу и, кажется, сдав рукопись книги, сяду за роман.

Июнь 1971

Кино прошло все круги ада, и его утвердили. В двухсерийном варианте. Как всегда бывает у чокнутых людей, они пришли вдруг в дикий восторг от сценария, признали его оригинальным и за две серии заплатили больше, чем за три. Производственный период (режиссерский сценарий и т. д.) начинается с осени. Фильм переходящий на 72-й год. Предложили, приехать подмахнуть договор на следующий сценарий «Чудаки живут на Востоке». Ты эту повесть должен помнить, ибо помогал отшлифовать босяков в ней. В Магадане это было.

Но все это, Боря, хреновина. Начал я работу над романом и убедился в собственной глупости, ничтожестве и малом уме. Головы не хватает. В общем то, это нормальный ход событий, всегда так новую вещь начинаешь, в смятении и страхе. Но что-то на сей раз очень уж. Просто не знаю, как и быть. Может, действительно смотаться на Памир, самоутвердиться в погоне за винторогими козлами?

И горы, горы. Свихиваюсь я маленько на горных лыжах и (запоздало) на горах. Завалена изба всякими три конями,

горнолыжными ботинками и креплениями типа «Невада». Да-а.

Душа же по прежнему лежит на Чукотке Омолоне, Колыме и прочих местах. Не знаю, попаду ли туда нынче. Кроме трепа о романе, его ведь еще и писать надо. Дело это трудоемкое, сам понимаешь.

В то же время, Боря, эпоха у меня одна кончилась. Не пишу я больше этих повестушек, рассказиков этих. Все! Не могу больше. Или надо переходить на следующую ступень, или завязывать с этим делом.

Кстати, повесть ты должен делать хорошо. В Москве сейчас чрезвычайно трудно печататься. Во первых, все главные редакторы чем-то напуганы. Боятся они чего-то, и самое смешное, что неизвестно чего, а это гораздо хуже, чем когда известно. Второе: все редакции завалены. Какой-то писательский зуд одолел Вселенную. Третье: густо пошел сибиряк. И не какой-нибудь, а талантливые, настоящие ребята. Распутин, Машкин, Потанин и имя им легион. Скажу, что такому парню, как Юра Васильев, сейчас делать в Москве нечего. Об этом я ему и сообщил на днях, посоветовал запастись монетой на первые год два. Короче: на элементарном владении словом сейчас не проскочишь. Нужны мысли, образы и идеи. И причем твои собственные. Короче: работай, Боря и делай хорошо. От дебюта зависит многое. Решение насчет шрифта — ты мне подтверди или прими мой совет заиметь «Москву». Если шрифт, так будем искать и найдем. Без машинки же в этом деле, коль скоро ты в него влез, не обойтись. И, сам понимаешь, когда твоя рукопись приобретет более или менее благообразный вид и законченность, — я хотел бы ее прочесть перед последним твои заходом. А так направление мыслей у тебя правильное. Еще совет, Боря: если есть какая-то возможность закрутить сюжет — обязательно делай это. Это всегда хорошо. Знаю, что трудно это и душа к этому не лежит, но это всегда полезно. Писать бессюжетные вещи, которые тем не менее держат читателя (и редактора) в напряжении, могут лишь крупные мастера. У нас в Союзе таких нет. Или они мне неизвестны. Заметь, что такой мастер, как Ремарк, не пренебрегает сюжетом, и наша «библия» «Моби Дик» — это ведь остросюжетная вещь.

А еще запомни одну заповедь, к ней я пришел собственной шкурой и к ней же приходили люди куда более маститые, чем я: если сомневаешься — вычеркнуть или оставить, значит надо вычеркнуть. Если и образуется пустота, то потом ты это увидишь, но в 95 % случаев от вычеркивания никакой пустоты не образуется. Просто все становится крепче. Это железно, Боря.

И название. Для меня, например, название дает знамя. А

следовательно, и стремя. Кстати, киношники твоего названия «Белой ночи яростный свет» испугались. Очень, говорят, обязывает. Пока сценарий идет под дежурным договорным названием, и я обусловил, что если фильм будет снят достойно, то будет «Белой ночи яростный свет». Согласились они.

Нет названия для романа. Было: «Иди на Восток». Но вспомнил, что есть пресловутый советский бестселлер «Иду на грозу». Для названия романа — особая статья. Оно должно или информировать читателя, или утверждать. Я перебрал названия всех любимых романов, и так оно и есть. Пока рабочее у меня — «Часть божественной сути». Дело в том, что люди, делавшие Чукотку и Колыму, были все аки полубогами. Это так, Боря. И прожив пять лет в этой блядской Москве среди всей этой никчемной литературной, журналистской и киношной публики, я в этом утверждаюсь. Нет, Боря, здесь личностей. Есть разного размера акулы и акулки, маленькие наполеончики из картона, хилые псевдогении либо бессильные маразматики типа Машки битницы. Личностей нет.

На роман, Боря, у меня большая ставка. Проще, это как раз тот случай, когда я не моту его не писать. Пусть даже для сундука. Странное дело. Я ведь хотел писать и собрал гору материалов про историю чукотского золота. Но выяснилось, что надо писать либо роман, либо историю. У романа свои законы, у документальной истории — свои.

Если тебе что-либо в голову стукнет, не поленись сообщить. Это я про название.

Идеально название из двух слов, которое что-то утверждает. Идеально как образец «Долгая якутская зима». К сожалению, не якутская и не одна зима. Для справки. История сама по себе жестокая и романтическая. Чукотка. Звук ее — это звук летящего высоко за облаками самолета. Чуешь? Поршневой летит Ил-14, на Чокурдах. У меня есть штук шесть семь. Это значит, нет ни одного. Название должно быть единственным. «Ночь нежна» — Скотт Фицджеральд. «Прощай, оружие» — Хэм. Эх, до чего же тяжко, Боря, кретином быть.

Ну, обнимаю. Если не укачу на Памир (примерно 2-го июля с возвратом — 20-го), то приеду в Нижний Новгород.

Сентябрь 19.71

Здорово, Борис, привет, жильевладелец!

Ты меня, грешного, извини за то, что я временно ушел из связи, но все это лето я был в бегах и только позавчера вернулся к пенатам, осел на полдороге.

Вначале я сбегал на высокую страну Памир. Посмотрел там, с какой стороны у яков хвост растет. Вернувшись, получил в

августе, твое письмо, собрался тебе писать, но тут пришла телеграмма от известного тебе Игоря свет Шабарина. Ну и не задержавшись дома, рванул я в Магадан. Потом мы с Игорем полетели в Сеймчан, пару дней пожили у Емельяныча на новой и благоустроенной его хате, а оттуда улетели в Омолон, с Омолона забросались в верховья Олоя и поплыли вниз на резинке. А сплавившись по Олою, вышли на мой прошлогодний маршрут, добрались до прииска Мандрикова по Омолону, оттуда в Черский, из Черского в Магадан, чтобы из Магадана забраться на Мотыклей, где икра в море бегает, но тут меня поймала редакциями вот я дома. Плавали мы с Игорем вдвоем и, сам понимаешь, часто тебя вспоминали и размышляли так, что вот хорошо бы Борьку сюда, так как втроем веселее, опять же у нас два фотоаппарата (один с слайдом, один с черно белой) и одна кинокамера зря валялись в котомках.

Емельяныч живет как бог, у него однокомнатная секция, в избе уютно, чистенько и вообще он как-то обиходился в жизни. Деньжата также у него есть, так как стал он продавать линогравюры. Посмотрел я старые твои местности: «залив страстей», барак ваш, РайГРУ и т. д. Игорь пил водку с Кириллом.

Сеймчан внешне почти не изменился. Шлакоблока, конечно, много, он пока его не задавил.

Олой оказался рекой менее интересной, чем я ожидал. А, может, дело в том, что прошлый год я плыл один, а ноне вдвоем. Прошлогоднее мое плавание идет в «ВС» № 10 11, а про нынешнее ничего я писать не буду.

Игорь поклялся, что он тебе напишет и весной заедет. Сейчас он на Мотыклее до 6 октября. Мне поехать не пришлось, так как редакция меня затребовала обратно в связи с Памиром, а я перед отъездом сдуру пообещал, что вернусь через месяц. Очень жалею.

Магадан все так же строится и курвится. Ребята по случаю моего приезда из Москвы устроили запойчик, но я не мог им составить компанию, так как впереди был маршрут, а когда мы вернулись, они снова устроили запойчик, но я не мог составить компанию, потому что на Мотыклей собирался. «Ребята» — это Васильев, Адамов, Пчелкин и прочее, и прочее.

Видно из-за того, что не пил, приехал я весь какой-то неживой. Заболел, что ли? Надо срочно памирский рассказ переписывать, а я письма еле пишу. Ну, может, образуется.

Из кино мне звонили в Магадан, просили задержаться до приезда режиссера, который хотел посмотреть Магадан — Сеймчан как место будущих съемок, но я уже летел в Москву. Не исключено, что через месяц снова придется лететь в Магадан же. Режиссер какой-то назначен мне неизвестный, фамилию его я по

телефону не расслышал. Завтра буду в Минск звонить, узнаю. В редакции тоже еще не был. Говорю — неживой.

Очень рад, что с повестью ты все, Боря, понял правильно. Добил бы ты ее, может, кино бы из нее вышло.

Передвижений своих сейчас пока не знаю. В последних числах сентября у меня должна быть путевка в Коктебель. Но я, наверное, не поеду. Надо посидеть дома, да и вообще что-то утомился я, а магаданский гость озверел. Валит косяками, табунами и пачками. Со всеми говорить надо, коньяк откупоривать. А в издательских кругах, где книги в печать принимают, такой правеж, такое палачество; вурдалаки от страха на деревья повылазили. Ну-у, Боря, ну-у времена.

А тут еще Мирон Этлис через два дня на третий приезжает и толкует, что надо быть элитарным, а все кругом говорят, что надо куда-то стремиться, квартиру надо покупать, бразильский кофе, чашки немецкие, мебель финскую, телефон белый. И де надо общаться с кругами, в свете надо жить.

А мне то. Мне бы: в пузо ухи из чира, в руки карабин с оптикой, на ноги бы торбаза, на голову шапку. И на все наплевать бы.

Октябрь 1971

Я с радостью вижу, что ты наконец то, наконец-то проходишь нормальный путь так называемых «авторских мук». Это нормальный путь, и это укрепляет меня в надежде, что повесть у тебя будет. Насчет «без скидок», так ведь ты отлично знаешь, что в работе у меня жалости нет, тем паче в литературе. Тем более по отношению к товарищу, который может. Раз может, значит, надо из него выбить все, что он может. Да, Борька, пойми, если ты еще не понял, что литература — дело безжалостное.

Сам придумываешь себе фашизм, сам же строишь себе Освенцим, в котором сам и сидишь.

Я с горечью и жалостью вижу; как уходят в тираж (жизненный) бывшие напарники. У меня уже почти нет надежды, что мой друг Юрий Вячеславович Васильев будет писателем. Точно так же Оля Гуссаковская, Алька Адамов. Кишка тонка у ребят оказалась. Неожиданную прыть проявляет Мифт, т. е. тот, в кого я верил гораздо меньше, чем в Юрку, допустим. Серьезно начал этот пижон, по хорошему начал серьезно. Оля, перейдя на профессиональные хлеба, не выдержала и сбежала обратно.

Так что твой бывший начальник Олег — крепкий малый. Но! Роман — это, конечно, проверка. Стою я на каком-то гребне. То ли действительно напишу «Моби Дик», то ли просто грамотно, технически сделанную макулатуру.

Я, не поверишь, что-то про смерть все думаю. Как это

происходит и насколько все это страшно, и что потом. Но все равно обидно отходить в иной мир, ничего не сделав на этом. Отсюда вывод. Я, к счастью, начинаю понимать, что деньги, карьера, преуспевание — ценности второго плана. Уют, мир должны быть не снаружи, а в душе. Я не знаю панацеи, как этого добиться, но пока знаю одно верное средство — хорошо сделанная работа. Она приводит в гармонию личность и внешний мир. Живем мы, к сожалению, один раз, и надо провести остаток лет в ясности духа и постижении мудрых ценностей бытия. Все остальное — суета: слава, бабы, имущество, звания всякие-мишура все это, Боря. Думаю, что и ты придешь к такому же выводу.

Январь 1972

В Тереколе пришел в себя, загорел, приобрел физическую форму на горных лыжах, и накатал первые сто страниц предварительного черновика романа. Плохо все это, но уже проблеск надежды есть, а то я, начав над ним работать, совсем всякую надежду потерял. А называется он.

Боря, так: «Там, за холмами». Ты возьми эти два слова отдельно и увидишь, что неплохо.

Ничтоже сумняшеся, название моей книги «Дом для бродяг» они переделали в «Дом для счастливых». Не предупредив автора. С трудом я успел это выловить, называется она теперь «Тройной полярный сюжет». Повесть «Реквием по утрам» выкинули, все остальное искромсали — ужас! Я предложил расторгнуть договор, но (доброжелателей и сострадателей много). Редактор пригрозил своим третьим инфарктом, и, короче, я оказался в позиции свихнутого дурачка.

Книга должна выйти где-то к июню, если Там еще что-то не зарежут. Переделывать что-либо я отказался наотрез.

И вообще, Боря, обстановка в литературе мне сейчас представляется мрачной.

Если это действительно так, вполне вероятно, что я вернусь к старой профессии. Я это совершенно серьезно. Я слишком люблю литературу для того чтобы писать плешь, какая противоречит моим принципам. У меня нет ни малейшего желания копаться в помойке характеров, сломанных судеб и т. д. Мне кажется, что литература должна быть здоровой. Старомоден я стал, Борька, и я думаю, что литература должна быть просто хорошей, а не «новой», «зовущей», «отражающей» и как там еще.

Каждый писатель, хочет он этого или нет, проповедник. Определенной морали, определенного образа жизни. Мне кажется (это ответ тебе), что проповедовать, что жить плоха, что нет перспектив, что все мура, — преступно! Это можно проповедовать

только с целью улучшения мира. Ковырять болячку во имя самой болячки — сумасшествие, и ты не имеешь права прививать это сумасшествие другим. Это — позиция, и только с этой позиции можно писать и печататься. Мне кажется, большинство талантливых литераторов не могут ответить на вопрос «Какую идею он проповедует и о чем пишет?». Это все в подкорке. Но чувствовать это надо.

[1972]

Дорогой Боря!

Глупость какая: был я в кино на девять часов, пришел домой, смотрю от тебя записка. Ты бы хоть как никто предупреждал. Надо было бы встретиться в связи с повестью, про прочее уж не говорю.

Извини за задержку. Тут такое дело было, что месяц я пролежал трупом на диване. Ходил на лыжах и спал часов по пятнадцать в сутки, ничего не мог делать абсолютно. Бывает же такое! Сейчас вроде начал шевелиться, вот письмо, вишь, стучу и даже билет купил в Терскол. Улечу 18-го числа до 10–15 апреля, если позволят дела. А не позволят, так леший с ними, все равно упадок сил. Ну, наверное, горные лыжи вкус к делу возвратят.

Так о повести. Прочел я ее дважды. Давно и сейчас. Хотел я очень сурьезно к ней отнестись, ибо показалось мне, что и ты как-то всерьез к ней относишься. Но пока, мне кажется, особенно воевать не из-за чего ни в ту, ни в другую сторону. Пишешь ты достаточно гладко и образно для журналиста и достаточно сумбурно, неряшливо и по-охламонски для писателя. Об этом мы говорили много раз и о твоей манере давать рукопись также. Боря, ну хоть кол ты мне на голове теши, обзови меня любой степенью засранца, но так давать рукопись нельзя даже товарищу. Не видно? понимаешь, не видно текста. Половина дельного, да больше половины уплывает в попытках разобрать почерк. Ну, научись ты на своей телеге печатать ради бога. Ведь для себя же, не для дяди. Короче: если ты хочешь, чтобы мы вместе занялись редактированием рукописи (делать это надо вместе, и я хочу увидеть ее напечатанной), — давай ее на машинке и в законченном виде с титульным листом и последней фразой, а так, Боря, мы будем с тобой в гениальных мальчиков играть, а из этого возраста мы уже вышли. Кстати, что-то какой-то непонятный процесс произошел — очень стало трудно печататься.

Все забито. Я не пишу, мне стало трудно печататься, вообще стало трудно, и мне в том числе.

Еще раз о твоей повести. Вставные новеллы типа поисков воды в Африке — всегда хорошо. А рассказ на серьезе о том, как ты туристом прокатился по окраинам государства, несерьезно

это, Боря. Ты на Врангеля был, на Новосибирских работал — зачем тебе пижонство. Много замечаний чисто по фразам, очень много, но это надо на перепечатанном тексте. Я свой собственный рукописный не могу править. Боря, откинь охломонство и пойми, что проза это труд, на семьдесят процентов она состоит из задницы, на тридцать из вдохновения, т. е. рабочей формы. В стихах пропорция обратная.

[Конец 1972]

Приехать, к сожалению, не могу. Почти наверняка. Я ведь теперь романист, сценарист и даже поэт песенник. Все это шутки. Просто роман мой (законченный во втором варианте) вроде действительно начинает что-то стоить и посему требует жесточайшей творческой самодисциплины. Я хочу выжать из этого Куваева все. Но тем не менее. Хорошо, если бы ты нашел пару дней, чтобы приехать с повестью. Личный контакт, мне кажется, тут будет необходим, если даже повесть ты предварительно пришлешь почтой. Контакт этот был бы взаимно полезен — ты прочел бы рукопись романа. Я всегда ведь ценил твои замечания, а про твои варианты текста и говорить нечего. Помнишь, был опыт?

В деловом плане у меня все нормально.

Теперь вот живу в романе и, видимо, подпишу контракт, еще на односерийную бодягу. Главное, конечно, роман. Короче, тут все нормально. В нравственном, моральном и психологическом, что ли, отношении — очень плохо.

Я, кажется, проиграл жизнь, Борька. Но это уже тема личного контакта.

Боря, приезжай. Для литературы и для души. Но жизнь я, видимо, проиграл. Вместо штучного товара получился ширпотреб. А уподобляться преуспевающему литературному и прочему быдлу я не хочу.

Господи, чего я только не насмотрелся тут, в этой московской «элите», чего не наслушался. Тема романа, но я для такого романа не готов. Маленький я еще. Есть идея и готовится материал для второго романа, который символически можно назвать «Уход».

Короче, если услышишь, что Олег застрелился, вспомни это письмо.

Январь 1973

Сижу делаю третью редакцию своего романа и уже сейчас вижу, что придется делать четвертую редакцию. Но а так как все это около четырехсот страниц, то сам понимаешь… Роман (второй вариант) принят хорошо.

Живи, Борька, и желаю тебе жизненной твёрдости.

Литературной удачи не желаю. Будет у тебя твердость, как следствие будет и литературная удача, так как башкой тебя бог не обидел, чувством слова так же. Когда талант соединяется с характером, то и получается писатель. Впрочем, это детская истина.

Кино «Идущие за горизонт» посмотри где-либо в январе. Кино — дерьмо. Сценарий был неплохой, оператор отличный, режиссер был дуболом. Второй месяц вот принимаю соболезнования от киностудии и ЦТ. Они все до сих пор считают сценарий отличным, что редко бывает, когда продукт конечный — дерьмо.

Сейчас речь идет о двухсерийном «Азовском варианте», вещи тебе очень знакомой. Я в сильной нерешительности. С одной стороны, с студией рвать отношения ни к чему, с другой — устал я от этого дела и боюсь запороть роман, который, конечно, главнее пяти сценариев.

Январь 1973

И школа еще в том, чтобы читать хороших писателей. Не будем говорить про канонизированных — почитай, из этого, что вышло в 72-м: Ивлин Во «Пригоршня праха», «Не жалейте флагов», Эл. Морган «Великий человек» (перекликается с твоей идеей), Мюриэл Спарк «На публику», Джон Уэйн «Зимой в горах» (это печаталось в «Иностранке»). Я просто называю тех, кто тебе близок, что ли.

Идея твоя о двух бывших близких приятелях шибко мне нравится. Но! Такую вещь, Боря, надо писать без злобы, без осуждения. Бог мой, Борька! Познал я тут кухню сильных мира сего. Мерзость. Я говорю сильные мира сего — в литературе. Мерзость и твердое отвращение. А потому я пишу и общаюсь со слесарями. В «народ» я не хожу, более того, изолируюсь от него. Но в личной жизни я предпочитаю ходить в баню и вести вечерние беседы о том о сем со слесарями. И ведь странное дело — в литературных кругах за то, что я живу особняком, за это меня только уважают. Профессиональная репутация у меня сейчас твердая. И похлопывать по плечу я не позволяю. Я не хвастаюсь, Борька, избави бог, просто излагаю свою позицию и рад, что нашел ее верно. Литературу надо делать честно, и пошли они все.

Как только заведу жилье (сейчас мне московскую прописку Союз писателей выколачивает), ноги моей в Москве не будет. Перевезу вещи и к черту! В этом литературном болоте погибнешь. Два пути: погибнуть или выбиваться в вельможи, то есть тоже погибнуть. А я, извини, хочу хоть пару книг хороших написать.

О сценарном соавторстве с тобой я, кстати, думал. Но вот от экранизации «Азовского варианта» я уже, отказался. Из-за романа. А над шестисерийным вариантом именно в предложенной тобой

схеме стоит подумать. Фильм «Идущие за горизонт», кстати, получил вторую категорию, и справедливо. Был бы я в категорийной комиссии, я бы третью не дал.

Настроение твое, изложенное в письме, мне очень нравится. И то, что электриком работаешь — это нормально, Боря. Вон Коля Балаев побыл три года рабочим в магазине — человеком стал. Понимаешь, Борька, если хочешь быть человеком в литературе, то хуже нет как тереться около какого-то искусства или журналистики. Твоя профессия не должна ничего общего иметь с искусством — тогда она в помощь прозе. А насчет публикаций — публикуйся на здоровье, не стесняясь, где угодно — опыт и школа именно так и приходят. И если насчет пьесы серьезно — пиши пьесу. Я, признаться, не верю, что это серьезно: будет много выкурецных пачек, много слов, кофе, пива, может быть, и портвейна, но не будет результата — поставленной пьесы. Но если будет — значит, ты получил четыре туза подряд. Это же школа жестокая. Мне она кажется настолько жестокой, что я, например, в ближайшем десятилетии и видеть себя не могу автором пьесы, хотя хотел бы. Правда, это здорово зависит от индивидуальных данных — я их лишен. А театральным режиссерам в тексте не верь — они видят иначе. Я убедился, что нет хуже слушать во время работы над сценарием советы режиссера. Мертво получается, не могут они понять, что текст на бумаге и изображение на экране разные вещи с разным механизмом воздействия. Комплиментов, Борька, не слушай. Это гроб и для начинающего, и для среднего, и для маститого.

Единственное средство писать хорошо — быть убежденным, что ты пишешь сейчас дерьмо, но способен сделать лучше. Это правило, не знающее исключения для прозаика. Если у тебя хватит терпения на школу, ты будешь писать. Я ведь зачем быстро сунул нос в твою рукопись — мне надо было охватить впечатление. И когда я с первых трех страниц увидел ошибки, которые обязаны были быть, на душе, ей богу, потеплело. Ибо никто, опять таки, мимо этих ошибок не проходил и, значит, ты стоишь на путю.

Январь 1973

Получил сегодня твою повесть и письмо. Вот на письмо сразу и отвечаю, тем паче, что повесть ты мне прислал очень вовремя, я ею с толком займусь. О повести сейчас не буду. Я тут просто не удержался, глянул кое-что и, наверное, буду тебя сечь, но сечь надо по делу. Решил просто сразу написать тебе, тем даче, что «бенефис» у меня. В один день книжка вышла и кино пошло, дерьмо это несчастное. Книжку я тебе посылаю, ибо повесть «Тройной полярный сюжет» — это сценарий этого бадяжного

фильма. Прочти и пойми, что я уж не так виноват, что фильм бадяжный. Виноват я в том, что сценарий излишне литературен, но тут уж ничего нельзя сделать, рассчитывался он на такого режиссера, который эту литературную информацию воспримет.

Ну ладно. Ты очень тонко усек, что «Там, за холмами», называю ПОСЛЕДНЮЮ книгу. Я ее и пишу, вернее, писал как последнюю.

Роман вырисовывается. И чем больше он вырисовывается (сегодня закончил третий вариант), тем больше открывается бездна неувязанных концов, недоведенных типов, невыясненных ситуаций, а уж про сквозную атмосферу и жестокость формы и говорить нечего. Я впервые понял, как можно над книгой работать десять лет. И это при всем при том, что он вполне годен для чтения и даже для публикации. Не знаю, вот у меня еще два месяца, два с половиной. Буду просветлять и либо зайду в тупик — «все недостатки вижу, но сделать ничего не могу», либо плюну и действительно буду еще года два над ним сидеть. История шибко жестокая для читателя, ибо если я добьюсь того, чего хочу, то читатель должен понять кое-что. Для истинного Дерьма это как с гуся вода, но колеблющемуся поможет, устремленного утвердит. Ну и будет ладно — не стыдно пропивать гонорар.

Хотя насчет пьянки я тоже стал строг, жаль расшвырянных лет, но опять таки, чувствую такое, что не было бы расшвырянных лет, не было бы целеустремленности. Это как в лагере — если мужик уцелел за десять-пятнадцать лет отсидки, то уж он остается человеком. Тот же Емельяныч. Я с ним переписываюсь регулярно. Название, Боря, я все-таки оставлю такое. Если не возникнет нечто звенящее, строгое и чуть печальное.

Твоя идея насчет двух приятелей, из которых один вверх, второй по плоскости с уклоном весьма мне близка и понятна. Примерно такова и есть тема «мово второго романа», на который пока копятся разные заметочки, но у меня уклон не на того, который вверх, а на второго. Условное его название «Отставший». Сугубо так, для себя. Отстал вон в гонке — квартиру не ухватил, дубленку не носит, пыжиковую шапку забыл купить, и выяснилось вдруг, что крепко отстал — не догонишь, вон только рази новые польты приятелей где-то мелькают впереди, тогда он вбок и в конечном счете оказывается на реке Омолон в охотничьей избушке. Лет ему уже под пятьдесят, мир убежал вперед, у приятелей уже по два инфаркта, и он, с одной стороны, — все понял, а с другой, — понял главную истину, что ничего понять до конца нельзя ни раньше, ни теперь, ни потом. Так примерно. Всякое бегство есть не более как попытка убежать от себя, и всякая гонка вперед не более как жалкая и никчемная попытка

догнать выдуманного себя.

Ладно, не будем. Конференцию надо провести, вот что! Послезавтра я уезжаю в Терскол. До конца февраля. Надо сменить стены за ради работы над четвертым вариантом романа. Потом я на недельку приеду (квартирные хлопоты), и опять худа до апреля. Твою рукопись возьму с собой, чтобы все толком прочесть и вышлю тебе ее оттуда. Не беспокойся, не потеряется.

Февраль 1973

Здорово, Борька!

Получил сегодня письмо от тебя и вздохнул с облегчением: рукопись дошла. Что-то была у меня подспудная боязнь, что она затеряется в безднах почтового ведомства именно потому, что затеряться никак не должна.

Письму твоему я очень рад. К занятию этому и всему, что с ним связано, ты относишься как профессионал, хотя, слово это изнасиловано нашими титулованными графоманами от литературы. Профессионал нынче тот, кто себе дачу и поездку в Париж добывает литературой. И знаешь, у меня подспудное убеждение, что ни один стоящий писатель себя профессионалом не считал, хотя всегда имел перед собой образец того, кто, по его мнению, был профессионалом. Пожалуй, из недавно живших профессионалом был Хэм и считал себя таковым. Многие считают за профессионализм умение оболванить собственные хорошие вещи, как это делал Фицджеральд. Ну и как наиболее близкий пример профессионализма (не по яркости примера, а по доступности его, что ли) — моя повесть «К вам и сразу обратно». Была ведь неплохая повесть, и я ее Профессионально так оболванил, что самому читать стыдно. Ты и сам это почувствовал, вроде все складно, а душе противно.

Борька, ты зря на жестокое письмо бочку катишь. А как же быть? Это скотское лошадиное занятие на сю сю сю не вырастает. Сю сю сю для графоманов, а я все-таки слишком уважаю особенности твоей башки, хотя бы и путной страницы никогда не написал. И потом. Боря, проза обладает таким свойством, что по виду рукописи, по шрифту машинки или собственным строчкам ты видишь на бумаге то, что есть у тебя в голове, но ни в коей мере нет на бумаге.

Фиолетовая повесть — отлично! Вот это, Борька, уже высокий класс, это уже твоя индивидуальность, сподобь тебя господь справиться с этим, и ради одного фиолетового странного цвета не грешно ее переписать пару лишних раз. Это хорошо, Боря. По настоящему хорошо. Фиолетовый цвет очень странен, капризен, потусторонен, что ли.

Насчет фамилий друзей: как рабочие ориентиры — все

правильно: Я и сам всегда так делаю.

Для кого писать? Боря, ведь нет на этот вопрос единого ответа. Каждый тут одинок и сам по себе, и каждый делает это по разному. Мало найдется идиотов, считающих, что они пишут для человечества. Насчет их ты прав. Я всегда пишу для какого-то одинокого и абстрактного парня, который сидит где-то на полярке или в разведке, или живет в Житомире в каком-нибудь «сучьем кутке». Главное — для одинокого парня. Реши эту проблему просто: для кого тебе не жалко положить душу на бумагу, вообрази этого реального или вымышленного человека и пиши для него и только для него. Но помни, Боря, твои же слова: автор всегда добр, отходчив; если он страдает и злится, то не за себя, не за свою неизлитую желчь, не за то, что у него (лично) потолок обвалился. Я убежден, что без человечески доброго автора нет литературы. И я убежден, что творческое бесплодие наших литературных генералов от того идет (среди них есть ведь и приличные технари), что себя они любят, свое положение, свой ранг и только. От этого и бесплодны.

И давай уж если ругаться, так по высокому классу: плюнь на всех редакторов, плюнь на всю политику и установки — пиши так, чтобы душа легла на бумагу — это единственный путь если не к публикации, то к что-нибудь стоящей прозе. Надо сказать, что несмотря ни на что, эти две вещи взаимосвязаны даже в наших условиях. И тебе пример — Емельяныч. Акварели его помнишь? Кому озлобиться, как не ему? А ведь акварели-то его без злобы. В них он и есть художник. Состояние злобы и ненависти творчески бесплодно, ибо, по древнему индийскому утверждению, «ненависть не способна родить ничего, кроме ненависти». Это Будда сказал. Опять же Хэм сформулировал принцип, общий для всех писателей: задача автора — не порицать, не учить, но понять. Избави бог, не зову к все прощенчеству, но ведь проза опять же такой дьявольский инструмент, что ей всегда можно ударить то, что хочешь ударить.

Я понимаю, что тебе в твоем сегодняшнем состоянии, с учетом всех факторов невозможно написать светлую и радостную повесть. И не надо. Пиши так, как у тебя лежит душа. Но ты обязан всю злость и обиду вывести за кадр, пусть они будут в настроении повести. Повесть не роман, она без настроения не существует. Но тут трудно чему-либо научить, так как переходит в область божьего дара, и тебе надо учиться самому у себя. Настрой сам себя, думай об этом, когда пишешь, придет само — и слова, и фразы.

О технике. Мне кажется, что тебе надо отменить рваный стиль с подзаголовками. Я тебя вполне понимаю — тебе так

легче, и ты вообще к этому склонен. Но попробуй для полноты событий написать плавную реалистическую повесть. И пиши, и пиши, пускай все плавно течет. Не в стиле, но в событиях. Потом все это легко и просто превращается в рваный и нервный стиль простым методом вычеркивания, ты писал о школе, так вот «начальное образование заканчивается, когда ты научишься ставить точку, научишься писать лишнее и вычеркивать. На этом, можешь считать, диплом Литинститута в кармане. Все остальное — от бога».

В отношении условной обстановки (пусть читатель домысливает) я с тобой полностью не согласен. Твое право: бери условную обстановку: стол, стул, табличку с надписью «лес,» «река», но будь добр эту обстановку дать в двух словах так, чтобы это была единственная река, единственный, лес, единственная станция твоей повести. Аналогия с театром неуместна — там есть актер, его эмоции и сила влияния. У тебя есть только слово, вот словом и будь добр; Не призываю тебя быть реалистом типа Федора Гладкова, давай обстановку штрихом, но найди единственный штрих. Без этого будет манерничанье. Фиолетовое — оно требует. Начало, когда поезд ушел, мне кажется хорошо. Энергично, и уже чувствуется вкус автора. Опять же, если ты решил применить сценарную технику, то в твоем распоряжении ретроспекция, да и вообще, раз человек на платформе, а поезд ушел, значит, он в этом поезде ехал. Нормально!

Насчет «подарил месторождение» — все это натяжка, но парень даже в тех отрывках, что ты прислал; вырисовывается странноватый, а если вся повесть фиолетовая, то почему не подарить месторождение. Не знаю, как ты справишься с фальшью слюнявой ситуации, но если тон будет задан, как он задан, оно само вылезет. Твое право, Боря, выбрать странноватый мир, где живут бичихи, шофера, где пьют какую-то мерзость, работают, гибнут — это необычный мир Вити Смирнова, тут как-то неуютно, вроде ночлега в углу пустого склада, но ты его должен населить, дать воздух, объем и людей. Если к этому будет благая и светлая мысль, что люди хоть и скоты, но все-таки люди, — вот и повесть.

Все сказанное коротко сводится к простым и вечным советам:.

1. Имей свои мысли и взгляды на мир. Обязательно утверждай, а не отрицай.

2. Ставь точку.

3. Будь прост.

4. Не будь злым.

Не пиши «красиво». Не миндальничай. Мир твоей повести обязан быть реальным миром с запахами, небом, цветами,

лицами; биографиями. Про каждого героя ты знаешь на роман, чтобы написать о нем пять страниц. На мой взгляд, тебе надо вчетверо увеличить объем того, что есть, потом одну треть вычеркнуть, и будет повесть (черновик ее).

Режиссеру ты дал точное и правильное определение «мухолов». Именно он и есть. На сантиметр вглубь не заглянул.

О романе. Есть у меня экземпляр предыдущего варианта, но он уже настолько отличается от существующего черновика, что и посылать тебе его нет смысла. А конференция нужна. И весьма. Роман вроде получается путем, но вот сейчас не хватает в нем «нечто фиолетового», чтобы парень, его читавший, не мог забыть и не мог в этот вечер идти играть в преф или трепаться. Нюанса нету. Потерялся нюанс в событиях, хитросплетениях, смертях и т. д. Может, надо-то пять строчек или ввести какую-то рылу. Сейчас опять тупик — текст заправлен настолько, что ничего в нем не вижу. То есть то, с чего тебе начал писать: в голове-то есть, а на бумаге я это не вижу, и посторонний читатель не увидит. Пора Перепечатывать в пятый раз. 22-го хочу ехать в Москву на перепечатку двух первых частей, третью оставлю на март.

Название «Белой ночи яростный свет — в составе небольшого сборника, который я проблематично и ненавязчиво предложил Новосибирску. Если его завернут (что, возможно, уже и сделано), ты его бери. Название очень хорошее, и для твоей повести ложится. Если даже сборник возьмут, а оно будет очень ложиться, мы его из моего сборника изымем и сделаем тебе, для тебя найти единственное и точное название этой повести гораздо важнее, чем для меня. Пока просто подождем, что там скажут, в Новосибирске. Сборничек этот случайно получился у меня, и я так с самолюбием: „если идея понятна — берите“ — его и предложил. „Идея непонятна — давайте обратно“. Название тебе надо очень и очень. Хорошо бы слово „фиолетовый“ туда пустить. Эх, жалко, что столько лет ты валял дурака, не набрал обычной и грубой техники. Одного чувства мало, а техника (при всех прочих данных) приходах лишь через лысину, психоз и мозоли на ж. Борька, ты стоишь на правильном пути, и рад сказать, что я просто уважаю эту твою работу и твое отношение к ней.

Если даже никакого результата не будет, тебе нечего будет стыдиться этого периода биографии, во всяком случае, передо мной, да и не перед кем: Плюнь на все, ремонтируй выключатели, делай хорошую повесть. Медленность процесса идет только из-за того, что тебе приходится попутно осваивать школу. И тут сам бог тебя не спасет от периодического отчаяния. Я же все, что усвоил, передам тебе с радостью. Но и я тебе не помогу. Есть три вещи:

ты, лист бумаги и твой взгляд на мир. Больше ничего нету. Не знаю, поможет ли тебе это, но это очень хороший прием. Шляешься ты по улице, делаешь что-либо, но думаешь про парней из повести. Ты про них должен знать все. Где родился, что делал, как учился, почему попал в шоферы, с кем спал, как умрет и когда. Тебе известна биография вся каждого — от рождения до смерти, известна вплоть до цвета пеленок и сколько досок в гробу — в повесть войдет пять процентов. Прием этот — один из самых сильных, и каждый писатель рано или поздно к нему приходит. Можно с него и начать.

И последнее. Понимаешь, Боря, вполне понятны твои вопросы: „а зачем?“, „будет ли что-нибудь?“ Гарантии выигрыша никто тебе дать не может, его можешь дать только ты сам. Я лично в тебя верю. Это честно — перед тобой и самим собой: Еще более верю, когда получаю откровенные письма с твоими сомнениями и муками. Сейчас вот, когда тебе плохо и ты в сомнении, я тебе друг чем когда-либо! Возможно, по той причине, что к твоим замыслам и мукам я отношусь с уважением, другого слова искать не надо. Это достойно. И по дружески моху сказать одну простую мысль: есть ради чего играть. Ты проиграл в кино, проиграл в геологии, как я в ней проиграл, как много проиграл в личной, что ли, жизни. Мы стареем, неудовлетворенность остается. Проза же наполняет бытие страстью и смыслом. А что еще надо требовать от бытия, если тебя не тянет в конформизм? Как говорит про себя Борька Жутовский: „Сижу в мастерской и думаю, что выиграл я счастье по трамвайному билету. Мне моя работа нравится“.

И Емельяныча сейчас спасает только работа — она единственная его опора. Так он пишет. И живет так, был же я у него в позапрошлом годе. А вот у Игорька Шабарина этой опоры нету и одинок он очень. Он скрытен и одинок. Я-то очень его уважаю, редкий он парень. И вот понимаешь, Боря, если ты своей работой (сие необходимо) будешь иметь уважение избранного круга ребят, мнение которых для тебя важно, — то какого лешего еще надо?

Бойся хвалюсь себя внутри. Как только поверишь, что ты все умеешь, так тебе и крышка. Без веры в себя никуда не уйдешь, но на самоуверенности себя же загробишь. В литературе это — железный закон.

Вся газетная шумиха, все премии — все это туфта, суета и тлен.

Наверное, через несколько лет я смогу повторить вслед за Жутовским его слова. И все ведь: и Жутовский, и Игорь, и Емельяныч, и я будем рады, если ты найдешь себя в прозе. Не

оглядывайся, не трусь и не жалей ни времени, ни мозгов, ни ж. Сомнение — естественно. Не сомневаются графоманы. Неверие в силы — естественно. В себя верят лишь графоманы. Муки — естественны. Без этого ничего не может быть. И знал бы ты, какие бездны открываются тебе, чем дальше ты лезешь! Я был гораздо опытный автор, когда писал „Берег принцессы Люськи“. Сейчас же видишь лишь океан того, что ты еще не усек, не применил и начинается драка с собственной ленью, сомнениями, бегом в сторону и так далее, и так далее.

Обнимаю.

Конец апреля — май 1973

Вернулся на круги своя, получил письмо. Думал, что привез Роман, а сейчас вижу, что привез так сочиненьице. Лежит оно в перепечатке, в понедельник, наверное, раздам по адресам. Но придётся вернуться к нему еще раз. Буду рад, если ты его прочтешь. В нем все на месте, все правильно, но теперь надо придать ритм — беспощадно вычеркнуть все длинноты и добавить некую яркость.

Живу, на со держании Ю. В. Васильева. Жду потиражных за кино. Предназначенная на это „жду“ валюта ушла на оплату отъезда на Чукотку Коли Бадаева. Что делать, парня надо было выручить от долгов и алиментов а кроме меня ему тут ни одна живая душа копейки не даст. Я об этом не жалею — он сейчас счастливый человек.

Сентябрь 1973

По моему, наша последняя встреча как-то подействовала на тебя, не то чтобы прямо, не то чтобы обратно, а как-то вбок. Еще тебя „потряс“ роман мой, я это понял. Я-то ведь к таким вещам отношусь спокойно, на то я и профессионал. Знаю, что сейчас вроде и ничего, но знаю, что через месяц буду считать это туфтой и буду переписывать и так далее. Я, кстати, много думал о твоих замечаниях, о старике Кьяе и так далее. Это, Боря, тоже туфта. Это желание вложить в текст то, чего там быть не может. Главный недостаток того варианта, что ты читал, — его нудность и загрязненность литературным мусором. Вот я его и чистил три месяца. Называется он сейчас „Серая река“, река как действующее лицо. — в нем есть. Забрал вчера из перепечатки первую часть — вижу, опять плохо. Придется сделать еще один заход, переписать еще раз. Теперь он об работай литературно, технически все грамотно. Осталось добавить ту неправильность, тот выверт текста, который может дать лишь талант. Для этого надо выбрать момент, сейчас переписывать его я не могу. И месяца три еще не Смогу. Может быть, весной уеду на Чукотку и там в избе, в тундре и сделаю. Надо дать блеск!!

Такое дело: намечаю я выход на финишную прямую в жизни О. М. Куваева. Перевал уже пройден и пора уходить в море и в лес. Яхта нужна — немудрящая, без палисандрового дерева, но настоящая, морская, надежная. А это весьма дорого. Это тебе не дачу купить. Понял я, Борька, что в городе мне делать нечего. Квартиры, мебеля, машины, бабы меня не интересуют. Пора уходить. Я дал зарок давно еще, что буду торчать в Москве до публикации романа. Срок этот близится, и надо думать об уходе. Сразу это не сделаешь, солидная подготовка потребует года три четыре. Я мог, Борька, купить много шикарных квартир, две-три „Волги“ и прочее, но деньги эти я прожил и не жалею. Ничего этого мне не надо. А яхту я не прожил, так как идеи такой у меня не было. Милое дело жить на борту.

Если все пойдет путем, года через четыре пять я эту идею осуществлю практически. Много чего надо для этого сделать. Два пункта я сделал: вступил в СП и роман добиваю. Теперь еще три пункта: деньги, права яхтенного капитана и опыт.

Странно все это. Только недавно я стал ценить эту свою профессию в полной мере. В наших условиях лишь она дает нужную человеку свободу перемещения и образ жизни. В пределах, конечно. Если бы такую свободу давала наука, я бы мог вернуться в геологию и долбать Новосибирскую платформу (эх, жалко, красивая была работа, и ведь так никто и не усек сути).

Но думаю, что если бы в геологию я вкладывал третью часть того, что вкладываю в литературу, — работа могла бы получиться красивая. Я бы и вкладывал, кабы свободы давали. И жаль мне лет, потраченных на метод ВЭЗ на вечной мерзлоте, — мелочи все это, мышиная возня. Все же, что эти годы оправдывает, было не связано с работой.

Ноябрь 1973

Компания „Боб энд Глеб“ — „Охрана имущества граждан“ Здорово!

Должен признать, что за минувшее десятилетие в тебе прорезались две вещи: насобачился ты вести литературную абстракцию и придумывать заголовки. Первого я никогда не умел насчет второго — сам экспертом работал. Но время идет, и сейчас я забраковал бы лучшие из своих заголовков, если бы придумывал их сейчас. Ты же неким телепатическим приемом угадываешь мой смутный замысел и бьешь в точку. Это я насчет. „Лосиного друга“.

„Серая река“ пошла сейчас в качестве названия. Плохо тр, что в оформленном на бумаге виде она теряет свой тайный смысл, более того, по отношению к роману приобретает некую двусмысленность даже.

Но! Это лучшее, что есть сейчас на руках.

Роман, видно, придется, еще раз переписать. Стал он техничен, но, придется все же переписать. Единственное, что мне всегда удается, это концовки. Концовка не подвела и на этот раз. Все остальное. Мозги бы откусить тому кретину, который придумал в литературе плановость. Во первых, из тебя помимо твоей воли делают хитрожопого гада. Еще в мозге-то ничего нет, а заявку пишешь. Во вторых, из тебя делают халтурщика. Ты должен сидеть и работать, зная, что скорость получения куска хлеба и величина его всецело зависят от качества твоей работы. Если ты сделал работу — ты должен быстро получить дивиденды. Вместо этого я встаю и, в некий в абстрактный план встав, вынужден работать по нему, не отвлекаясь на другое. И если даже считаешь не готовой — изволь сдать, если пришел срок; А им-то наплевать, что ты сдал. Был бы внешний декорум соблюден.

А ну его к черту. К счастью, для еще одной переписки время у меня будет.

Февраль 1974

Роман, Боря, в журнальном варианте получился у меня неплохой. Ну, значит, средний. Вот гранки прочел. Но назвать его хорошим я никак не могу. Все легкость проклятая, все недоработанность. Болты не закреплены, гайки не дожаты, части хлябают. И ввиду надвигающегося периода суеты и перемещений вряд ли я смогу дожать его в книжном варианте. Для этого надо еще полгода работы. Попробую сделать, что смогу.

Сентябрь 1974

Вышел роман „Территория“. Журнал „Наш современник“ № 4, 5 за этот год. Попал я после этого в популярку. Был пленум писательский, доклад делал Бондарев и объявил меня „надежой“. После этого меня сразу выпустили в загранку. Должен был отплыть из Риги на паруснике „Крузенштерн“.

Черт с ними. После этого уехал в Переяславль, на берега древних вод Переяславского озера, написал первые главы нового романа „Правила бегства“, сдал первый вариант сценария „Мосфильму“, поехал в Вятку, соорудил матери памятник, написал радиопьесу по роману и уехал в Полесье искать следы Олеси Куприна. Был в тех местах. Вот позавчера вернулся, закончил второй вариант сценария, выслал заявку на „Таджикфильм“ и живу.

Душа моя изнурена бессонницей и (всегда мучительными) размышлениями о Смысле жизни. По случаю статьи в „Комсомолке“, а потом в „Правде“ возникла около меня шобла.

Только хуже от этой „помощи“, пробовал, знаю. Но тут где-то я, видно, сознание потерял, она и вызвала. И случилось чудо:

пришли двое умных, молодых ребят с хорошими лицами. Первым делом они осмотрели комнату, прошлись по книгам (профессионально — это чувствуется, как рука по корешкам идет у того, кто книги любит), осведомились о моей профессии и лишь потом подошли ко мне со словами: „Не боись, Олег. Пропасть мы тебе не дадим. Его зовут Гена, меня зовут Андрей. Тебя, если угодно, можем называть на „вы“ и Олег Михайлович. Слыхали, читывали“. И просидели они у меня пять часов с какими-то трубочками и пузыречками, из коих каплет. Потом пришли в 12 ночи, всадили в ж. снотворный укол, утром прислали коллегу (видно, был наказ: там парень один валяется, так ему надо помочь по человечески), потом опять зашел один, наволок таблеток, коих не продают, и — я уже кое-что смыслить стал — подружились мы. А дело оказалось простое: живут два парня, обоим по тридцать, сволочиться не могут, посему карьера не идет, дела, ради которого сгореть стоит, — не нашлось, на водку и баб не тянет. „И что остается, Олег Михайлович, — говорят, — книги да музыка. Так и живем“. А когда один признался, что после того, как прочел „Ночь нежна“ Фицджеральда, „год ходил ошалелый“, возлюбил я этих ребят, перешли мы „на ты“ и теперь они ко мне заскакивают чашку кофе хватнуть, о мирах минут десять потрепаться и бегут дальше по алкашам, астматикам и проч. и проч. Оклемавшись, побрел я на „Мосфильм“ — дело требовало, а законы кино жестоки. Умри, но появись, если надо появиться. Появился. Там сидят трое и эдак странно на меня смотрят. „Что, — говорю, — физиономия не нравится? Так я не актер, мое дело проза, вот в рукопись и смотрите“.

— Нет, Олег, — отвечают. — Ты со Шпаликовым дружил?

— Не было такого. Сшибла нас когда-то судьба на повести моей „Азовский вариант“. Обаятельный парень и башка, видно, светлая.

— А он тут позавчера был. Увидел на столе твой сценарий. Усмехнулся. Олег, говорит, в сценарии пошел. Зачем ему это? Он парень хороший. Ему в кино делать нечего.

— Ну спасибо. Передайте ему мой искренний привет и добрые пожелания.

— Не можем передать.

— Почему? — Повесился он вчера.

— Запой?

— Нет. Вотрезве.

— Извините, — говорю. Вышел я в шикарные и бездушные мосфильмовские коридоры, нашел пустой километр из них, закурил и вознес господу молитву за врачей Гену и Андрея. Не оказалось таких рядом со Шпаликовым, как не оказалось таких

рядом с Есениным, Скоттом Фицджеральдом, Джеком Лондоном и имя им легион.

Ноябрь 1974

С писателями я, Боря, просто не знаком, с шоблой которая ходит под этим именем, ничего общего не имею и не желаю иметь, за исключением моих личных друзей типа Мифти, Юрки Васильева, так как ведь это не писатели, а мои кореша, будь они хоть дворниками, хоть директорами магазинов. Но ездить куда-либо я всё же предпочитаю сам или опять же с личными корешами. От всего же этого официоза типа выступлений, поездок, книжных магазинов, телевидения и проч. и проч. я отказался давно и наотрез. Еще в Магадане, и теперь лишь подтверждаю этот отказ. Прозаику ни к чему брать на себя функции актера, „блокнота агитатора“ или культурника из под Сухуми.

Любопытно одно — неожиданный (и незаслуженный объективно) успех „Территории“ продемонстрировал массу любопытных нюансов. Один из них — фокус под названием Шапошников — ты заметил. Есть и другие фокусы. Вот Леонид Леонов мне письмо прислал, Борис Полевой.

Боря, я не исхожу ядом» Просто я знаю цену прозе. И, если бог сподобит, роман «Правила бегства» я доведу до ума. Это ведь история о людях, выброшенных из жизни, о бичах, их бедах и горе, и о том, как рушатся попытки идеалистов их спасти. Бича спасет лишь сам бич. И, как недавно, сказал один старый крестьянин сван (я ездил в Сванетию, вернее, сходил туда пешком через перевал), — он сказал, держа в руке мутный стакан самогонки: «А этот тост, друзья, выпьем за тех людей, которые хотели жить. Но не сумели». Он был темный, сван трудяга. Но часто ли тебе приходилось сталкиваться с такой концентрированной мудростью? И хоть Борис Полевой написал мне о том, что «по видимому, у Вас доброе сердце и внимательный взгляд», не знаю, заметил ли бы он слова в этом тосте. Никто ведь их не заметил.

Это, Боря, о твоих рассказах о «маленьких людях, за чей счет все живут». Лучшего благословения для них, чем слова свана, не придумаешь. И твой приятель, бывший на пленуме, тебе посоветовал глупость: «Пользуйся, пока твой Куваев в „фаворе“». Ты же знаешь, Борька, в фаворе я или без оного, я не буду представлять в редакцию рукопись, в качество которой не верю или не верю в потенциальные возможности ее автора. При чем здесь фавор? И опять таки, слово мое всегда будет дешево стоить за кулисами, если даже мне дадут пять Нобелевских премий. Ибо я всегда чужой для тех, кто правит литературой. Моя же башка и

время всегда к твоим услугам, и ты это знаешь и мог убедиться.

Кстати, я приготовил тебе для пересылки Глеба Горбовского. Это примерно то, чем должна была стать твоя повесть. Она, хоть и опубликована в достаточно авторитетном журнале, имеет те же недостатки, от которых тебе в первую очередь надо избавиться: ненужная броскость, пижонство, очень часто отсутствие главной сквозной идеи, главной боли — для чего ты пишешь, что хочешь крикнуть с колокольни. Я тебе посылаю в качестве примера: как тебе не надо писать.

Где-то в бесконечности, мировом хаосе есть твой стиль, твоя тема, где-то зашифрованы страницы, которые написал Боб Ильинский и никто другой. Найти их — удача и счастье. Я, Борька, кроме пятидесяти строчек, затерянных в семи моих книгах, не нашел и следов текста Олега Куваева. Может, и не найду никогда. Все это туфта. Все мои рассказы не стоят рассказа Казакова «Проклятый Север», а вся художественная советская литература об Арктике есть в одной тонкой тонкой книжечке Бориса Горбатова «Обыкновенная Арктика». Все мы из нее вылезли, и не лучшим образом.

А ты говоришь — успех.

Я искренне рад лишь одному, что ты железно стоишь. Что не забросил. Если человек стоит так — будет или хорошо, или никак.

Вот. Обнимаю тебя, и не пиши ты мне, ради бога, глупостей и не думай их обо мне. Ты когда-то увидел в башке проблеск света, вот и молись, чтобы он не гас, а горел, и я буду молиться Ему, чтобы сей проблеск горел в твоей башке и судьбе. Все же ясно и просто, Борька! Иначе — зачем?

Журналы пошлю, как пойду на почту. Тебе полезно это прочесть. А сейчас баба идет в деревню, там опустит конверт.

Обнимаю.

Ноябрь 1974

Одна моя ночная и вечная подсознательная мечта: успеть. Два романа: «Правила бегства» и «Последний охотник». Чувствую силу я в себе. «Территория» — это ведь так, разминка. И Островского из меня не будет. Ибо, помимо стальных нервов и челюстей, помимо простых, как инстинкт, знаний, чести, долга, помимо этого, о чем я писал в «Территории», валяются по магаданским подвалам, в Сеймчанском аэропорту, в общественных туалетах сотни бичей. А они — люди. И на 99 процентов — талантливые и высокообразованные натуры, поэтому они в бичах. Доктор их не излечит. Дубинка по голове — также. Что их излечит? Моя книга их не излечит, ибо они ее не прочтут. Но я хочу напомнить о том, что они есть, что они люди,

и; может, иной интеллигент возьмет и пригреет около себя иного забулдыгу. Но смысл, конечно шире. Смысл в том; опомнитесь, граждане, и усвойте истину, что человек в рванине и с флаконом одеколона в кармане столь же человек, как и квадратная морда в ратиновом пальто, брезгливо его обходящая. И пусть исполнятся слова: «Кто был никем; тот станет всем». Вспомните гимн, бывший гимн государства, граждане с квартирами и польтами.

Вот смысл и цель моей работы сейчас. За что я любил и люблю Николая Островского и преклоняюсь перед его книгой — это за то, что он имел Веру и ради этой Веры готов был быть нищ, гол, вшив и болен. Это, Боря, достойно уважения, что бы там ни блекотали по мансардам шизофренички с сигаретами и новоявленные пророки, у которых есть только слово: «Нет!». Но нет слова: «Я дам вам Истину».

Февраль 1975

Борька! В то утро, когда я положил в портфель твою рукопись, чтобы нести ее в журнал «Наш современник», умер Виктор Николаевич Болдырев. Ты был у него на Арбате. Седой, красивый, забыть ты его не мог.

Сам понимаешь, в тот день и десять дней после мне было не до твоей рукописи, ибо Витя был одним из самых близких мне людей. Понесу в понедельник.

На похороны прилетал Мифта, и мы договорились, что он от моего имени позвонит Максименко и вообще напомнит. И я напишу. Ибо не успел. Вот сейчас первый день за машинкой, своими делами заниматься не могу, занимаюсь делами ребят. Напишу ему сегодня.

Будь. Олег.

Из писем Г. М. Куваевой

Куваева Галина Михайловна — сестра О. М. Куваева.

Пишу роман. Пишется плохо. Хочу найти какую-то сдержанную форму, без всяких словесных выкрутасов, но в то же время свободную и емкую.

Единственное, что мне сейчас надо, — это жить в какой-нибудь дыре, где меня почти никто не знает, и писать роман, который просится и есть идея верная. Но пока я ничего не сделал, кроме трех вариантов начала, и ни черта не сделаю, если не сменю обстановку.

Рвану на Темрюк. Буду купаться, загорать и писать роман, коронный свой номер, о котором думаю уже три года.

Август 1974

Но всякой медали своя оборотная сторона. Не попал я в Копенгаген, но зато пошел роман. Сделал самое трудное — написал начало и теперь знаю о чем речь.

Второй этот роман гораздо труднее — материал менее выигрышный и мысли в нем больше. На легком таланте тут не проскочишь, но силу в себе чувствую очень большую и, думаю, справлюсь.

Смысл романа в эпиграфе. Эти слова сказал когда-то древний мудрец Гиллель: «Если я не за себя, то кто за меня? Если я только за себя — к чему я?.»

Из писем В. С. Курбатову

Курбатов Владимир Сергеевич — журналист. Его знакомство с Олегом Куваевым состоялось зимой 1959 года в Левекском литературном объединении.

Октябрь 1963

Как и следовало ожидать, самое интересное на Врангеле было после тебя. С прилетом гусей мы ушли втроем в центр острова. Что там было! Такие навалились приключения. Но такое рассказывать не за бутылкой грешно. Может, когда свидимся, тогда. Очень смешно, понимаешь. Как мы все остались живы здоровы, до сих пор не пойму.

Из Эгвекинота Алика отозвали. По Амгуэме и дальше шли вдвоем с Серегой. Сплав был чудесный. Дул попутный ветер, и мы шли под парусом, как короли, первые сто пятьдесят километров и неделю скребли последнюю сотню. В одном месте ловили хариусов так: привязывали к нитке крючок, на крючок — кусок хариуса, потом забрасывали и вытаскивали. Всего 22 за полтора часа. Представляю, если бы там был, Старый Неврастеник, со своими снастями. А в общем то, наверное, ни рыбки бы не было. Рыба ведь существо глупое, переусложнений не любит.

Ноябрь 1963

Сделал пару рассказов. Один опубликовали. Второй где-то бродит. Подчистил книгу. Всего набралось девять листов. Когда она выйдет — один бог знает. Если вторая книга будет не лучше — брошу писать. Ключ для романа нашел.

Ноябрь 1963

Зиму буду жить в Магадане. Попробую серьезно работать Постановления в области идеологии оказали на меня (лично) большое влияние. Пора писать серьезно, хватит валять дурака. Модерн и прочие «измы» для серьезного дела бесплодны. Не тот путь. Возможно, это определенная мудрость возраста, возможно, влияние газет, я их очень тщательно изучал. Все идет как надо.

Апрель 1964

Моя книга выходит. Судя по всему, в 65-м выйдет вторая в Москве. В журнале «Москва» в пятом шестом (точнее — в шестом) номере будет статья. Похлопают по плечику. Где-то в июле — августе будет рецензия на книгу, обещают шибко положительную. Гранки книги им уже отосланы, только не сообщили, в каком журнале меня «заположили» кроме «Москвы».

Ну вот, как-то можно уже и уезжать отсюда будет. Какое-то подобие фирмы можно считать заложенным.

Апрель 1964

Ну, и самое главное, о чем надо сейчас переговорить, — это о «Валькумее». Вообще о «Валькумее» надо писать серьезно. Сам материал-то выигрышный, можно и взбрыкнуть, но ведь куча проблем была, да и внешнеторговые условия с оловом менялись и меняются, и конкуренция Иультина, и… Ну что тебе об этом говорить.

Не думай ты: «опубликуют не опубликуют» — пиши, как считаешь нужным и честным.

Ноябрь 1964

Знали мы, что есть дураки, есть подлецы, но их не так уж много. Так вот, когда за короткое время сталкиваешься с таким объемом бессмысленной тупости, жестокости, какого-то врожденного животного ехидства и при всем при этом огромная активность злого начала и пассивность добра — чертовски все это тяжело. Хорошо, что мне уже тридцать и установилось какое-то равновесие, основательность характера. Иначе, честное слово, застрелился бы. А сейчас ничего, просто возмужал. Работать надо — все остальное ерунда.

Ноябрь 1964

Я многое критически пересмотрел и в себе. Пора, пора переставать быть мальчиком, время «начинающего таланта» кончилось. Кончилось и время, когда и тебе прощают слабости и ошибки, и ты их себе прощаешь. Либо ты что-то есть, либо ты нуль. Это уже должно решаться.

Июль 1965

Ребятки. Понял я, что нет нам, пока нас таскают ноги, жизни без Севера, вот оно что. Вот что я понял и сейчас ночами гляжу в палатке при свете фонаря на карту Чукотки и плачу мутной теплой слезой, которая смешивается с моим потом и хилыми трупами здешних комаров. Нешто здесь комар? Вот у нас там комар. Настоящий комар, шурфовщик.

Сентябрь 1966

Не ехал (на Чукотку) по простой причине — надо было сдать книгу, потом замаячила следующая книга, а главное, я просто боялся попасть в обстановку бессмысленного анархизма. Книга у меня сейчас написана на 40 процентов хорошо, на 70 плохо, и дальше — никак. А сдать рукопись я должен не позднее декабря. Еще надо две повести. И я, дурак, живу часто не так, как надо, когда сдаешь книгу. Первая повесть пойдет, видимо, в трех номерах, в ней пять листов. Вторая вот лежит передо мной в расхристанном виде. В 68-м году я книгу издавать не буду. Буду писать роман.

Ноябрь 1966

О твоих литературных делах. Я позволю себе дать тебе пару

советов.

Главное: забудь о том, что ты газетчик. Всячески вытрави из себя газетчика. Ты школьник из 10-го класса, которого переполнили впечатления, и он взял в руки авторучку. Ужасным образом следя за штампами.

Второе главное: прежде всего интересны твои личные мысли, твой личный взгляд на вещи. Ты видишь явление, факт, ты умный человек, болеешь за правое дело, и вот именно твой личный, для самого себя написанный, сокровенный взгляд и нужен.

30 ноября 1966

Смешно сказать, Володя, заболел я острой неврастенией, микстуры пью. Мысли скачут, по десять дней не могу работать, лежу как труп с книжкой на диване. Такова цена предательства по отношению к Северу, хотя ты сам понимаешь, это было и необходимо:

Но я-то знаю, никакие микстуры меня не вылечат, а надо мне лето поползать по кочкам, половить рыбку, двухстволку в руках подержать, тогда я опять на пару лет здоровый человек.

Я очень склоняюсь к мысли побывать у тебя на твоих вольных промыслах, но поступать придется по необходимости. Книга и прочее.

16 мая 1967

Где ты собираешься быть июль-август? Понимаешь, я вроде освобождаюсь и мне надо приступать к планированию лета. В общем-то вариант Эльгыгытгына, если он реален, — не столь уж плохо. Но у меня дела так, что в бесцельном шлянии по Певекам и Билибиным мне время лучше не проводить.

4 июня 1967

Куда мне лететь? В Певек или Билибино? Ты пойми, что корней у меня там не осталось, и в общем-то было бы лучше, если бы ты выбрался туда для встречи.

16 июня 1967

Вопросов нет. Оформляю командировку от «Вокруг света». Болею я, старик, как старый Бобик из старого короба. Совсем расклеился. Уж прямо и боюсь, как мне там у вас не раскиснуть. Одна надежда, что старая пятка почует кочку и труба запоет «ай хо»! В Москве слякотища, безнадега какая то, вот прямо сел бы да сегодня к вам и улетел. Короче, к первым числам июля я должен буду (до 10 го) быть в Певеке.

Июль 1967

Оформляю командировку от «Вокруг света». Полечу прямо в Певек, это хорошо. Мне там надо быть и надо посидеть в фондах, имея в виду мой эпохальный роман о Певеке, который через годик полтора потрясет человечество.

Январь 1972

Если вы будете на моих родных местах «Чаун — Лелювеем — Пучевеем», — то думаю, что я приеду. Проститься с родиной, ибо эти места и есть моя родина.

Сентябрь 1972

Закончил свои дела на высокой горе Эльбрус. Торчал я тут сорок пять дней, все эти дни вставал в шесть утра и таким путем закончил второй вариант толстого романа. Этот вариант уже можно демонстрировать своим людям, третий вариант, думаю, явится окончательным. Думаю сделать его за октябрь, ноябрь.

Сентябрь 1972

Я говорил тебе, что будущей осенью думаю двинуть на Омолон на всю зиму. Если все будет правильно, то итогом будут две книжки: роман номер два и очерковая книжка про лес и зверюшек, если этот вариант не выгорит, то опять таки на полгода я двину на мыс Шелагский. Походить за нерпой, за моржом и так далее. Чувствую, что обязан написать охотничий роман.

Ноябрь 1972

Надо писать о рабочем классе. Писать о нем весьма трудно, ибо тема достаточно испорчена плохой литературой. Написать историю «Валькумея», но так, чтобы это была не история, а сегодняшний день и чтобы во главе угла был все-таки рабочий класс и работа, а не пурга и т. п. — вот в чем задача.

Сентябрь 1973

На Омолон я в этом году не попал. Постараюсь на месяц уехать в Карелию. Там тоже есть знакомый промысловик, и потому таежный промысел я могу начать осваивать у него. Все в одну корзину. Для книги.

Январь 1974

Хочу на Чукотку — силов нету, на весну у меня и планов нет, кроме как к вам ехать.

Июнь 1974

Все идет нормально, кроме одного — высохла душа по Чукотке и по общению со своими ребятами.

Август 1974

С весны я плотно переселяюсь на Север. Дела этого требуют. Два романа в заготовке — «Правила бегства» и «Последний охотник». Без того, чтобы побывать на Чукотке, и в Крестах, и на Омолоне, я этого не сделаю: Точнее, сделаю, но не так, как сейчас требует фамилия.

Октябрь 1974

Я всегда считал и считаю, что если кому-то или чему-то служишь — служи. Нет хуже занятия, чем кухонная трепотня на

скользкие темы.

Январь 1975

1. Роман-газету я уже сдал. Она должна через месяц выйти.
2. Книгу я также сдал. Через пару месяцев должна быть.
3. С «Мосфильмом» я уже разобрался. Сценарий принят.
4. Во втором номере «Юности» идет рассказ.
5. Половину сценария для «Таджикфильма» я уже написал.

Из писем А. В. Мифтахутдинову

Мифтахутдинов Альберт Валеевич — писатель.

[1973–1974].

Тов. Мифтахутдинову — Начальнику и Душеприказчику по роману. Для мнения и сведения.

1. Роман посылается «на всякий случай» и без назойливости. Посему не надо его регистрировать, рецензировать и кастрировать. Но курировать надо.

2. Высокочтимый автор берет на себя легкомысленное обязательство в течение месяца сделать из него угодную издательству вещь, которая будет более чем на 60 % отличаться от намеченной к изданию в «Современнике».

Так как издательству требуется продавать книги, то переработка сего обширного материала может идти по линии читабельности его, детективности и проч. Но в то же время дух геологической героики должен остаться. На уничтожение его я не пойду.

3. Чтобы облегчить курирование, кураж и курковзведение, я высылаю письмо Павлу Григорьевичу Морозову и Людмиле Никифоровне Стебаковой, где Вы объявляетесь душеприказчиком, а в случае моей преждевременной смерти — распорядителем еще не полученного гонорара. А засим припадаю к стопам и опять же беру твердое обязательство при необходимости представить первый экземпляр единственного для Магаданского издательства варианта.

[1974]

Юрка мне что-то говорил о странной реакции геологов на роман. Кто именно? В сем сочинении себя могли узнать лишь два человека: Изя Драбкин и Николай Ильич Чемоданов. Оба они мертвы.

Или это реакция вроде реакции пенсионеров, которые позвонили в редакцию журнала: «Мы там работали все годы, и Куваев клевещет: у нас не было трудностей, и у нас никто не ходил под кличками, это искажение действительности».

Хорошо, в редакции у телефона был умный парень, и он сказал: «Если вы действительно там были, то Куваева можно обвинять лишь в том, что он умолчал о 90 процентах действительности».

А вообще это написано о Территории, и пусть каждый ищет ее где желает.

[1974]

Вернулся я из древнего града Переяславль-Залесского,

который на Плещеевом озере. Причин для поездки было много. Решил я уходить в моря, и надо было начинать с родины русского флота — Плещеева озера, где и стоит ботик Петра I. Ну и должен был я посмотреть на древние стены с двух сторон, с той стороны, с которой мы, татаре (монголы), их брали, и с той, с которой мы, русские, их защищали; Надеюсь, ты не забыл, что я из монголов?

Февраль 1975

Осталось нас трое, какие бы мотивы нас ни связывали, как бы мы друг к другу ни относились, но остались Юрка, ты и я. Понимаешь, Алик, мы все любили Витю по настоящему. В моих давних поисках нравственного примера Витя был моим старшим и лучшим другом. Витя обладал редчайшим талантом — он был Личностью. Витя выбрал труднейший вариант, он был Личностью доброты. Алик, я тебе пишу вещи, которые ты знаешь не хуже меня. Это просто ответ на казенные речи, которые произносились над гробом. Я не мог сказать свою речь, плакал я, старина, как и сейчас плачу. И потом — какие слова — Витя умер. Что говорить то!

4. Март 1975

1. Закончил сценарий для «Мосфильма» по роману «Территория». Заканчиваю сценарий для фильма, который будет сниматься на Памире. Это по рассказу «Телесная периферия» («Юность», № 2). Работаю над романом «Правила бегства». Суть его в высказывании древнего мудреца Гиллеля, которое предпослано эпиграфом к роману: «Если не я за себя, то кто за меня? Если я только за себя, к чему я?» Действие его, происходит где-то рядом с изобретенной мною страной «Территорией». Я называю Территорию «изобретенной страной», ибо это на самом деле так — прямые географические аналоги невозможны, что бы там ни говорилось.

2. В связи с пятнадцатилетием писательской организации желаю ей собственного печатного органа и достаточно объемного. Основания для этого? Северо-Восток по прежнему притягивает к себе, так сказать, наиболее инициативную часть населения. Посему именно здесь надо ожидать более вероятного, чем в иных местах, появления новых писательских имен: Ну а практика показывает, что всякое писательское имя вначале возникает где-то на месте и лишь потом становится известным всесоюзному читателю: Исключения из этого правила редки. Значит? Северо-Восток должен иметь хороший «литературный инкубатор» со здоровым нравственным климатом.

Я как-то подумал, что можно в виде компенсации за измену геологии заняться минералогией. Похожу несколько месяцев в родной вуз, поработаю с паяльной трубкой и коллекциями —

восстановлю былое.

Если ты всерьез собираешь камушки, то должен знать, что камушек имеет вид и ценность, когда он большой. Есть у меня большие образцы гранатов. Один себе, один в музей «Вокруг света», один могу презентовать тебе. Но ведь тяжелый, зараза. Есть еще просто крупные кристаллы гранатов. Тебе кристалл я послал один из лучших.

Рад, что тебе понравились гранаты. А то у пижонов вначале при слове «гранат» горят глаза, потом они разочарованы — камень, видишь ли, в гранатовый браслет не вправлен. Кстати, гранат — это камень верности. Посему можешь, татарская твоя душа, подарить его жене. Один из «больших камней» я тебе оставлю. Мелочи еще много.

Знаешь, рукопись я прочел с трудом, но рецензию постарался написать максимально добросовестно. Мне плевать, на «принято — не принято», звание российского литератора обязывает в данном случае к искренности. Искренне я и написал. Я обязан предостеречь автора от мук графоманства, мне автора жаль, а не будущих редакторов и рецензентов, им за это деньги платят. Основы нету. Была бы основа, честное слово, просидел бы неделю вместо трех дней, написал бы автору лично подробнейшую инструкцию. Но.

[?]

Ты хандришь, Алька. Чувствую это по тону письма. Единственное, чем могу утешить, — это тем, что в печали созревают необходимые решения, которые потом уже не надо исправлять.

Письмо Негребецким

Супруги Негребецкие — знакомые О. М. Куваева.

Залив Креста 28 июня 1963

Здравствуйте люди из племени Негреб Ец Ких!

Пять дней назад борт системы Ли-2 вывез меня вместе с тюками и ящиками с острова Врангеля на мыс Шмидта. Через сутки случайным Ан-2 мы попали в эти благословенные края черных крутых сопок и туманов. Парикмахерша по имени Тоня остригла мою шевелюру, и по ее личной просьбе была также ликвидирована борода, брезентовые штаны я выстирал еще раньше. Сейчас хожу вполне цивильный и наслаждаюсь благами, которые можно найти в чукотском портовом поселке. Блага, конечно, относительны. На другой вечер сразу выезжаем в верховья реки Амгуэмы и начинаем сплав. Сплав будем делать вдвоем, так как одного сотрудника отзывают в Магадан. По полученным сведениям, вода в Амгуэме прет со страшной скоростью. Это хорошо, тем более что торопиться нам некуда. На море все еще стоит лед, и раньше пятнадцатого плавать на вельботах вряд ли будет возможно. Значит, на 200 километров реки — пятнадцать суток времени. Более чем достаточно, если учесть, что у нас великолепная спасательная лодка с парусом.

Хочу сделать остановку в нижнем течении и сходить на озеро Якитики. Оно стоит в пустынных горах, в семидесяти километрах от русла. Уж очень хорошо название — Якитики. В Южной Америке есть озеро Титикака, я как-то еще в школе начитался о нем всякой чепухи. Ну, заменим пока Титикаку озером Якитики. Романтика, леший бы ее побрал! Хорошо все-таки жить на этом свете, когда существует река Амгуэма, озеро Якитики и лагуна Ионивеем куэм, куда мы попадем через месячишко. Да, был на рентгене. Все это бредни насчет туберкулеза как и следовало ожидать, оказалось плешью. По заключению врача, для взрослого слона мои легкие не годятся, «но для маленького слоненка вполне подойдут.» Есть расширение сердца, — видимо, от злоупотребления трубкой и крепким чаем. Ну, лет на двадцать еще хватит. В общем, жизнь прекрасна и удивительна.

Как там у вас в столице? Чертовски все это далеко. От всей души желаю хорошего, веселого, теплого лета.

С дружеским приветом. Ваш Олег.

Из писем А. П. Попову

Попов Андрей Петрович — геолог.

[1959–1961]

С седьмого класса я отравился мечтой о тех странах, что лежат за горизонтом, кончил институт и вот, поработав два года, понял, что даже профессия геолога или геофизика не дает полного удовлетворения этой мечте. Сейчас у меня богатейшие возможности для научной работы и карьеры. Можно даже говорить о кандидатской кличке через четыре пять лет при определенной интенсивности труда. Ну, а дальше что?.

Сейчас я пишу интенсивнейшим образом. Я вполне согласен с вашим тезисом о том, что не важно сразу печататься — важно научиться писать хорошо, так хорошо, чтобы в любом обывателе разбудить дремлющую в нем душу, кочевника. Вот что главное.

Люди просят у жизни всякого: кто денег, кто красоты, кто талантов. Пусть же даст мне фортуна возможности шляться по планете именно так, как я хочу, и умение писать об этом так, чтобы жирным дачникам не спалось по ночам, — и счастливее меня не будет человека. Удивительно и прекрасно каждое место на земле (кроме городов и поселков), и люди обязательно должны понять это. Может быть, посмотреть, как мчится по кочкам вспугнутый олень, не менее достойное занятие, чем слушать «Пиковую даму». А ведь мне повезло в жизни — я уже видел и держал в руках розовую чайку, и мы вместе пили из алюминиевой ложки коньяк на Ятролявеем. Я слушал, как плачут на озерах гагары, и наши спины сгибались под тяжестью гусей. Не каждому посчастливилось замирать от ужаса в Восточно-Сибирском море, не каждый чуть не плакал от злости на тридцатом километре кочек. Я благодарен своей работе за это.

Еще раз спасибо за Ваши заботы в «Вокруг света». Напечататься там — это не только огромная моральная поддержка. Если в редакции уверуют в наличие у меня пусть небольших литературных способностей, то я верю, что эти Люди заразятся и планами по растревоживанию душ обывателей, о возможности романтики в наше время. Более того, не пора ли начать давать художественную географию нашего Отечества, прекрасной старушки Земли?

Сейчас у меня страшная суматоха. Собираю экспедицию на Врангеля и Восточную Чукотку. Февраль, март, апрель буду на собаках гонять по Врангелю и от Врангеля, лето буду плыть от м. Шмидта к Уэлену и потом в Провидения. В общем, за семь месяцев надо сделать около 200 километров на собачках и 2500

на вельботе. По идее справляюсь. Сейчас я как раз дошел до точки определенной зрелости в путешествиях. Этим летом, как Вам известно, от Певека доплыл до мыса Биллингса и вернулся обратно. Лодка была фанерная, погода сквернейшая. Пробовал пробиться на этой лодке ко. Врангеля. Не пустили льды. Может быть, к счастью. Может быть, если бы они не торчали в десяти километрах от берега, от меня остались бы только воспоминания. Но пролив Лонга я все же пересеку. Буду вторым человеком после Боба Бартлетта, который сделал это в свое время.

Да. А ехать как-то даже не очень хочется. Видимо, я слишком много энергии положил на организацию этого вояжа, слишком о нем мечтал. И вот теперь, когда все барьеры перекрыты и осталось только делать, — особой радости нет. Плохо то, что в этой фирме ничего не имеется. Все, буквально все снаряжение приходится добывать самому. Ну да ладно. Как говорят, не нравится — не берись. Улетаю в первых числах февраля. Возможно, первого февраля. У меня в связи с этим будет к Вам просьба. Я написал в Географгиз письмо с заявкой на книгу о путешествии этого года. Ведь я же был на месте гибели Шалаурова, был на острове его имени, нашел пару интересных древних стоянок, гигантских жилищ полуподземного типа. Кроме того, само путешествие было интересным. Шелагский мыс на лодках огибали единицы. Это я узнал твердо. Куча материалов о полярниках. С ними я здорово подружился. В общем, я предложил им книгу, об этом была договоренность.

Вот все о делах. Настроение на среднем уровне. В общем-то здесь я, кажется, на месте. Дали неплохое жилье.

Север все таки, всякие колоритные рожи и т. д. В Москву не тянет, разве что к друзьям. Иногда здорово вспоминается это. Очень рад, что Ваш потомок растет бодрым и хватким парнем. Нечего плодить всяких слюнявых интеллигентов. Пусть будет землепроходцем. Да, кажется, уже и здесь я становлюсь последним из могикан. Через два года для Чукотского сектора Арктики маршрутные работы будут не нужны.

Катерок бы мне или маленькую шхунку. Занялся бы я тогда морскими съемками. Но в этот год пока покупки судна в институте не предвидится, хотя в плане такое дело есть. В общем, до января я здесь зажат крепко. До сентября работаю, потом отчет. Ну а там будет видно. Куда поведет писательская кривая и кривая жизни вообще. Навел справки о возможности лето пробыть на зверобойном судне, а зиму жить в Уэлене. Можно. Говорят, сделаем. Может быть, будущий год я именно таки проведу. Но это только в том случае, если Гёографгиз заключит договор на книгу.

Вторая книга будет по материалам этого года по Врангелю и

Восточной Чукотке. Там можно думать и о третьей, о зверобойных шхунах и о жизни белого охотника на самом краю Азии.

Ну ладно. Сижу на работе по двенадцати часов. Вовсю погряз в картах и списках. И сейчас письмо Вам стучу на работе. К первому надо успеть организоваться, ибо без организации эти зимние, да и летние, работы я не осилю.

Ближайшие планы таковы:

1. С первых чисел мая беру отпуск на всё лето и еду в Певек, чтобы собственными руками подготовить базу для путешествия, собрать снаряжение, дать инструкции ребятам. В общем, все подготовить. Возможно, удастся провести в Усть-Чауне весеннюю охоту на гусей.

2. В июне побываю на озере Лабынкыр. Посмотреть, что за место, сделать фотографии, подежурить на озере с телеобъективом. Возможно, на месте придется разработать план будущей, более солидной экспедиции для выслеживания этого мифического зверя.

3. В первых числах июля я снова должен быть в Певеке и июль — август посвятить переходу по Чауну, Анадырю и Пенжине.

4. Очевидно, первая половина зимы уйдет на писанину ну а там будет видно.

Как видите, летний план весьма насыщен. На озеро Лабынкыр в это лето можно не ходить, но здесь просто гонит конкуренция. Целая куча всяких искателей приключений собирается (во всяком случае, говорит об этом) туда. Это всякие туристские группы от местных заводиков и т. д. Просто жаль такую хорошую идею, такое дело дарить дилетантам. Испохабят, опошлят и т. д. Я думаю, что «ВС» заинтересуется проверкой опубликованного у них материала. Я говорил с гидрогеологами из Якутска, которые были на этом озере после Твердохлебова. Они в один голос утверждают, что на этом озере водятся щуки совершенно невероятных размеров (3 м?). Если даже там есть такие щуки, то и это интереснейший факт. Радует то, что все мои маршруты будут проходить по местам заявок, которые присылают в СВГУ всякого рода любители экзотики. Я должен это сделать, и откладывать нет смысла. Мир велик, до того велик, что просто хочется локти себе кусать оттого, что нельзя охватить его весь, все повидать. Ребята у меня подобрались неплохие. Один бывший рабочий у меня из партии. Проверенный малый, мы с ним уже два сезона бродим вместе. Романтик до мозга костей, добродушен и здоров. Лучше и желать не надо. Второй — художник, ищущий парень. Прекрасный фотограф. Сейчас он работает в Красной Яранге в р-не Шелагского мыса. Третий просто бродяга, охотник.

Все мы знакомы по Певеку, вроде знаем друг друга неплохо. С двоими из них нынче летом я искал розовую чайку. Об этом я уже писал Вам.

Кстати, о розовой чайке. Идея написать повесть об этой чудесной птице, о том, как ее нашли, и вообще в связи с этим о вопросе существования романтики классического типа в наше особое время, мне пришла давно. Но написать я ее бессилен. За зиму сделал два варианта, и оба дрянь. Страшно зол из-за этого. Всеми силами стараюсь не терять бодрость. Я убедился в справедливости пословицы: «Энергию потерял — все потерял». Во всяком случае, я с паническим ужасом вспоминаю это страшное январское время и при первых признаках депрессии стараюсь убежать от нее всеми силами. Сейчас весна, дни стали длиннее, солнце греет. Увлекся горными лыжами. Отчаянный и азартный спорт.

Из книг увлекся сейчас Шопенгауэром. Читать тяжеловато, но интересно. В запасе лежит еще томик Фрейда. А знаете, Андрей Петрович, вот именно сейчас, после прочтения этих «представителей буржуазной философии», я совершенно сознательно, а значит, крепко начинаю вставать на позиции материализма, и причем диалектического. Во всяком случае, сейчас материализм более нужен, более плодотворен. Но идеализм все же красив, черт возьми! Очень хочется поверить, что мир — это мое представление, и в то, что был Отец Атом, в то, что существует сверхсубъект, который дал все видимые наши объекты. Жаль только, что читать все это приходится поздновато. Лучше бы все это познать в 20 лет.

Из писем Л. Н. Стебаковой

Стебакова Людмила Никифоровна — главный редактор Магаданского книжного издательства.

Ноябрь. 1973

Все вожусь с романом и никак все-таки не найду окончательного варианта. Переписал я его уже пять раз. И, видно, еще раз перепишу до марта. Был расплывчат. Стал техничен, но сух. Беда, беда. С другой стороны, за что же деньги-то платят? Работай, значит.

Но ситуация такова, что я этот роман взялся переписывать, а, взявшись, обнаружил, что совсем не то написал. Написал я нечто вроде сценария для трехтомной эпопеи. А требуется по замыслу не очень длинный и нервный современный роман. Вот в этом аспекте я его и переделываю. И сейчас в середине перекапывания вижу, что после придется перепечатывать и еще раз по нему пройтись для придания лоска, — вот тогда уже будет кое-какой роман. В этих условиях трубить в трубу несолидно. Каюсь, поспешил я с легкостью необыкновенной. Показалось, что все умею и все гладко. В издательстве я его уже передвинул на 75-й год. Надеюсь в 74-м дать в журнале. А к концу 73-го кончить его для себя.

Кстати, почувствовал вкус к возне с романом, есть у меня такой свирепый замысел. Эдакой «валютной трилогии».

I. «Золото» (в работе). II. «Нефть». III. «Пушнина» (в замысле и кое-что уже есть).

Апрель 1974

Роман печатается в журнале «Наш современник» № 4, в нем 12 листов. Называется он «Территория». Романом в журнале довольны, предсказывают ему будущее. Но это время покажет, а покажет оно то, что шум о романе будет, но недолгий. Все-таки он незрел. Всякий стоящий литератор это увидит.

7 мая 1974

В промежутках между горными лыжами пишу. Вот переписал наконец-то роман и раскидал его по редакциям. Публикация в альманахе — хорошо, плохо то, что я не ус пел как следует довести ее до ума, хотя кое-что по сравнению с первоначальным вариантом и сделал. Сейчас роман приобрел более или менее законченный облик, и надеюсь, после еще одной доработки он уже совсем приобретет приличный вид если, конечно, вместе с пеной я младенца не выплесну.

3 мая 1974

Ну а насчет отношения к своим вещам, так как же иначе

может быть? Во первых, я все-таки собираюсь годам к пятидесяти стать неплохим прозаиком. Раньше я в это очень верил, сейчас после семи лет жизни профессионала почти не верю. Я искренен, иначе не имеет смысла все это писать. Сядешь, прочтешь того же Фицджеральда, и что тебе остается, кроме того, как горько ухмыльнуться и дней пять не подходить к машинке? А эта местечковая самовлюбленность — так это для мальчиков из литобъединения при районной газете. Несерьезно это.

У меня был весной шок. Закончил я третий вариант своего романа — читаю, нравится. Дал полежать дней пять — читаю, нравится. Я чуть не обалдел, все, думаю, крышка! Ну теперь, слава богу, не нравится. Сюжета нету, да и герой не тот, не развит. Ну и так далее. Про мелочи я уж не говорю.

С романом дела у меня пока не важны. Был он в журнале «Наш современник». Я не считаю его законченным, но сейчас он уже достаточно профессионален и может фигурировать по редакциям. Прочли. Одобрили в целом. Но дали прорву таких поправок, когда вместе с водой выплескивается ребенок. То есть я должен свести его до уровня любой из своих повестей. А мне ведь не сводить, мне вверх лезть надо. Не в ту сторону они меня тянут. Романист я, конечно, никакой. Первый опыт. Но ведь надо иметь и первый опыт. Сейчас переделываю то, чем недоволен сам;. Лежит он в «Молодой гвардии», Ланщиков написал очень хорошую рецензию. Падерин сделал то же. А мне просто надо найти хозяина, который драл бы с меня семь шкур, но тянул на улучшение, а не на ухудшение романа.

А местной прозы не существует. Есть просто проза. И со всякого автора надо драть двадцать шкур — пусть пишет, переписывает и гонорар отрабатывает.

14 июня 1974

Сценарий по роману идет очень туго — надоели мне эти фамилии и этот текст — я ведь шесть раз его переписывал. Последний раз переписывал уже «в знаменитостях» для книжного варианта. Еще бы пять раз переписать, получился бы неплохой роман. Но в наш торопливый век.

12 ноября 1974

Новый роман движется с трудом. Но движется. И надо бы мне быть в Магадане. Не в нем самом, а подальше — среди простого люда. Так нынче и было запланировано, да уехал я в Вятку. Давно болела душа поставить памятник матери. Поставил. А вообще же одна главная боль и мука — так организовать свою жизнь, чтобы шесть часов за машинкой и — отвали все прочее. Но много соблазнов в жизни, много каких-то отвлекающих моментов. А время идет, впереди не так уж и много времени. Вот таковы

печальные мысли.

Из писем И. Шабарину

Шабарин Игорь Георгиевич — геолог.

[1974]

А. М. Горький создал классическую литературу о бичах босяках. Вот и я хочу сделать нечто подобное в новых социальных условиях на фоне лозунга: «Все для тебя, дорогой гражданин, только стой в строю, не выбивайся вбок». Они меня интересуют как люди, выбившиеся вбок. Почему? Как? Одним алкоголизмом это не объяснишь. Ибо каждый бич-алкоголик, но не каждый алкоголик — бич.

[1974]

Роман получается о бичах как социальном явлении и об отношении к ним общества и личности. Отношение государства к бичам — одно, и оно правомерного все времена, при всех формациях. Но ты — личность, и твое отношение к ним измеряется мерой души.

1988. 12 июня.

Письмо школьной подруге

Адресат — одноклассница О. М. Куваева по Юмской сельской школе (Кировская обл.).

[1974]

Хе-хе!

Ну, спасибо уж, от кого мог ждать письмо — от мэра города Сингапура, от эскимоса с Аляски, но только не от тебя. Так получилось у меня, что, уехав из вятских краев, я потерял всякие связи с детством. Учился, в геологоразведочном, потом лет десять работал на Чукотке, шлялся где угодно — Памир, Амур, Белоруссия. Только на родине не бывал. А тоска заела, и нынче осенью прикатил я в Юму. Взял с собой палатку, мешок спальный и провел неделю в лесу — я ведь охотник жуткий был и леса юмские в свое время избегал. Ну что? Юма стала маленькой, леса — вроде и леса-то нет, речка — вроде ручей какой то. В детстве все это было большим. Походил и вокруг нашей школы. А в школу не пошел, так как они там затеяли торжественное собрание по случаю приезда «полярного геолога и московского писателя О. Куваева». Зачем, думаю, мучить бедных учеников, да и вообще все эти торжественные штучки не для меня.

Теперь я живу в писателях. Работаю и в кино — может быть, что смотрела? — пара фильмов по моим сценариям прошла по Центральному телевидению. Давно собираюсь в Киров. Да и в Котельниче надо побывать. Повидал я много разного народа, но, ей богу, таких чудиков, как наши вятские, не видал. Так Что горжусь я тем, что вятский. В Москве их, кстати, много в литературном-то мире.

Вот так. Странная штука жизнь. Давно ли, кажется, валяли дурака в школе, и хорошо помню, что я поочередно был безумно влюблен то в тебя, то в подружку твою, так сказать, был недельный график — и вот уж жить-то осталось последнюю треть. Ох хо хо!

Живу я как-то не очень устроенно. В геологи я пошел по убеждению, но потом вклинилась литература, и эти две профессии совмещать оказалось невозможным. Уехал из Магадана, но все равно каждый год там бываю — не могу отвыкнуть от Чукотки, от Колымы. В геологах, да и сейчас, впрочем, зарабатывал я шальные деньги, начал было одно время спиваться, но потом скучно стало пить то, образумился. Да и времени много это требует, а литературная страсть все-таки выше других.

Жениться как-то не успел. Путешествую много. И много в

свое время печатался в журнале «Вокруг света». С него все это и началось.

Смешное было детство. О нем я ничего не писал — как-то не могу. К старости, наверное соберусь.

Ты умница, что написала. Так что уж теперь меня не забывай — старого и потрепанного бродягу с Чукотки. Думаю, как-нибудь свидимся. Разумеется, друг друга не узнаем. Смешно, честное слово.

Галька! Спасибо за письмо. Я почувствовал, что у тебя в семейной жизни что-то неладно. Знаешь, если у женщины в семье все в порядке, так она, конечно, вспоминает о бывших одноклассниках, но написать им — это откладывается «на потом».

Странное дело я очень слабо помню (для профессионального писателя) детство, но твой почерк узнал. Во втором письме. А Любок Ступниковых ведь было две: одна большая и толстая, вторая — маленькая и ехидная.

Должен сказать тебе комплимент: ты оказалась самым верным товарищем с тех дальних времен. Ну, и второй комплимент — то, что у тебя хватило решимости бросить все и уйти с чемоданчиком. Знаешь, ведь большинство «нонешних» почему-то считают квартиру и холодильник гораздо большим, чем гордость и нравственная основа самой жизни. И в результате превращают бытие свое в ад или в какое-то подобие половой тряпки, о которую другой вытирает ноги, без гордости и решительности нет настоящей женщины.

Я много езжу, как-то легко схожусь с людьми, и, видимо, моя вятская круглая рожа располагает к откровенности. Посему в башке у меня сидят тысячи биографий, наблюдаемых и выслушенных во всех дырах от Аральского до Чукотки и от Памира до Карелии.

Тут дела — с последних чисел июня я или отправлюсь на паруснике в загранплавание до 15 августа. Маршрут больно хороший Копенгаген, Гдыня, Дувр, Портсмут и еще Испания. Или на пару месяцев на Чукотку. Надо. А в августе или начале сентября надо бы в Юму. У меня ведь там мать похоронена, могила ни на что не похожа. Вот заказал плиту мраморную, надо привести все это в порядок. А там и Киров рядом.

Не унывай. Жизнь наша начинается в неизвестности и кончается в неизвестности. А в том коротком промежутке, когда мы ходим, что-то говорим и даже думаем, надо прожить по возможности твердо и достойно. Так что не тоскуй по этому босяку, которого бросила.

Вишь, как я по старой дружбе тебя морально поддерживаю? То-то. Будь здорова. Из связи не уходи, пиши.

Сдравствуй!

Как видишь, уже говорю с импортным акцентом, ибо через два дня отбываю.

Вернусь из загранки в середине августа. Дальнейшее бытие окутано мраком неизвестности, туманом тайны и прочими кирпичами, которые лежат на крыше и ждут, когда я мимо пойду. Все-таки надеюсь поехать в Вятку. Родина-то — она ведь не баран чихнул. Юма — это тебе не Париж, а гораздо ближе душе и животу.

Завидую, что будешь ты вести нормальный и правильный образ жизни на сенокосе. Я ведь ж-ж-жуткий сенокосильщик был. И последний мой подвиг, когда уже в студентах я единолично накосил отцу на корову. Во!

Эй! Вот ведь умора — все меня приветствуют с возвращением с загранки, а я нигде не бывал. Судно ушло раньше, оставив меня с загранпаспортом в кармане. Так что все мое загранплавание обошлось мне в две глупые недели в Риге и покупке пары ненужных мне костюмов.

Эх, дела а. Ведь говорил внутренний голос: «Плюнь ты, Олег, на эти Копенгагены, езжай на Чукотку». Не послушался. А мне внутренний голос еще ни разу не врал. Так что ни Чукотки, ни Копенгагена. Но во всем есть оборотная сторона. С горя начал новый роман. Опять же съездил в Вятку и наконец-то соорудил матери памятник. Получилось так, что в Юму поехал я не один, а аж втроем. Ну и раз людей я привез, так и обратно надо было их отвезти.

Не ехать же было в Киров втроем то. Но на сей раз Юма (следовательно, и Киров) оказалась почему-то гораздо ближе. Зимой я надеюсь быть там снова — побегать за зайцами надо и в Кирове надо быть. Дали мне адреса для покупки избы, избу-то надо заводить. Может быть, севернее Кирова в Коми АССР будет глухое место. Мне бы забраться куда, чтобы дичь была, а народу не было. Вот там бы я и торчал.

Заканчиваю сценарий для «Мосфильма» и еще соорудил радиопьесу по роману. Когда ее будут передавать — я тебе сообщу.

Письмо ты написала какое-то беспокойное. Что ты! И плюнь ты ради бога на мою занятость. Уж для кого, для кого, а для тебя у меня время всегда есть. Так и усеки! Усекла? Ну и будь здорова. Привет дочке. Из связи-то не исчезай.

Эх, Галька, Галька дорогая моя одноклассница! Смешной ты человек. «В Кировской области много глухих мест». Это, знаешь ли, пример информации эмоционально окрашенной, но неточной, к сожалению. Вот я шляюсь по разным Сванетиям, Чукоткам и

как-то думаю: годы за сорок, и пора вспомнить, что ты — вятский. Пора искать где-то хижину для души. На Чукотке мне это легче, чем на родине, ибо на Чукотке меня знает если не каждая ездовая собака, то через одну точно, и потому могу написать в любую дыру — и ответят.

А на станции Свеча редактор районной газеты долго читал мое командировочное удостоверение в прошлом году, потом попросил паспорт, потом писательский билет, коего я с собой не вожу, и подтверждение, что я спецкорр «Вокруг света» — столичного все-таки журнала. Утверждение мое, что я тут все-таки родился и вырос, воспринял как еще один штрих к общей подозрительной фигуре. А я ведь был трезв, побрит и прилично одет. А он вот меня признать не пожелал. Таково на родине-то.

Ну, это я так. Известность — смешная вещь.

Вчера вот прилетели ребята с Чукотки, и мы с писателем Виктором Николаевичем Болдыревым, большим моим другом, договаривались ехать в Вятку покупать избу возле Юмы. У него, кстати, родственники в Слободском, хорошо бы в Киров заехать. Он бы в Слободской, я бы с тобой поздоровался.

Ну ладно. Кланяюсь Наталье, жму тебе мужественную (женственную) длань.

Дорогая Галька, а также многоуважаемая мисс Наталья! А пишет вам один человек, который всегда, вспоминая о вас, улыбается. Сейчас пять часов утра. И пишу я вам не потому, что «писатели начинают работать в пять утра», а по той причине, что, худо мне. Очень. Печень моя больная где-то в затылке, почки ноют так, как будто их грызут сразу четыре собаки, глаза от повышенного давления болтаются где-то на уровне живота. И главное — душе плохо. Вот и пишу, улыбаясь воспоминаниям нашего нищего, но прекрасного детства. Детство, наверное, всегда прекрасно.

Спасибо тебе, Галька за книгу о Вятке. По письмам твоим вижу, что из тебя выросла добрая и много понимающая женщина. Посему запомни мой завет: в жизни можно быть много кем, но единственно, кем нельзя быть — это быть сволочью. Как бы там ни было, но человек живет все-таки один раз, и позволить себе роскошь быть сволочью не может. «Кирпич, который свалится мне на голову», где-то рядом. Я это чувствую. А интуиция еще ни разу меня не подводила.

Нехорошо мне, Галь, и именно в то время, когда, казалось бы, карьера моя дошла до достаточно высокой точки. Я могу лететь в Хиву, Самарканд, Хорог, Душанбе, Новосибирск, Минск, Киев, уж не буду называть Магадан и Чукотку. Всюду в аэропорту меня встретит «свой парень», только телеграмму дай. Приятно это

сознавать. Я много где побывал в пределах родной державы.

Эх, ребята! Силов нету дописывать, и эта страница лежит уже неделю. Кирпич на сей раз пролетел мимо. Но рядом. Выходили меня трое: моя дама, да Два добрых парня врача, которые плюнули на свою работу и возились со мной двое суток. Просто так — из уважения к литературе. Живой! Вчера даже ездил по делам. Приехал на «Мосфильм», и первая новость: Гена Шпаликов повесился. Был такой хороший парень, очень талантливый сценарист. Может, помнишь фильм «Я шагаю по Москве»? Ну, ладно. Вот рукописи, вот машинка.

Из писем А. Н. Федотовой

Федотова Алла Николаевна — председатель Фонда имени О. К. Куваева, друг писателя.

[1974–1975]

Эх, кр-ра-р-р-асотка!

Завидую вашей юности; У ей, видите ли, «сюжеты роятся в голове». Как же, как же! Отлично я помню безоблачные времена, когда эти самые сюжеты именно «роились», а житейский путь сверкал как интуристское шоссе Иркутск-Байкал перед приездом Эйзенхауэра. Ну и Нобелевская премия была почти что в кармане. Я отгоняю еще; локтем пиджака медаль чистил, тускнела уж.

Потом уж начинаешь понимать: нехорошо, когда сюжеты троятся. Пусть этим занимаются мухи, комары и прочие зверюшки. Сюжет должен шевелиться, кряхтеть, охать и пихать тебя в бок с идиотским упорством. Не любит сюжет эфёмера Омолон для себя. Душа требует, и следующий роман на подходе. Опять же самоутвердиться надо. Конечно за счет редакции. Но моя разлюбезная редакция пока (тьфу, тьфу, тьфу) во всем идет мне навстречу, лишь бы роилось. Охота мне написать простыми словами незатейливую лесную историю. Про избушку. Про реку. Про мороз. С сюжетом. Эдакий Сеттон Томпсон. Ну и под всем этим есть второе дно. Второе дно это — роман и есть Ну да ладно. А то опять пятнадцать лет буду трепаться. А врёмечко-то уже на пятый десяток идет. Лысина увеличивается, живот отвисает, глаз тускнеет, с отвисшей нижней губы капет. Медсестра придет чем-то там колоть, ущипнешь ее за ягодицу. А она уж так говорит: «Ах, оставьте! Вам это совсем ни к чему».

И верно ведь, ни к чему. А раньше-то бывало! Ну! Что ты!

Такие вот грустные пироги. И дождик идет. И рукопись бастует. Одним словом как говорил незабвенный из: «Скука! Скучаю. Задушить бы кого».

Но это все между делом. Квадратную челюсть вперед.

Письма из личного архива А. Н. ФЕДОТОВОЙ (1974)

«И никогда мы не умрем, пока качаются светила над снастями».

Хватит пижонить. Это я для роздыху. Для тренировки извилин. Будь жива и здорова.

Михей

Иль, как величает меня Игорь Шабарин, «Духобор профессионал».

Понять мотивы пишущего человека почти невозможно. Несколько лет я прямо болел этим, читал переписку от Пушкина и Антона Павловича до исповеди того самого Фицджеральда, который написал «Великого Гэтсби». Я не понял мотивов, но твёрдо знаю одно, что такие книги, как «Великий Гэтсби», бесплатно не пишутся. Спроецировав на себя, могу сказать, что весьма мало я еще заплатил и посему мой Гэтсби в далеком тумане, иногда почти нереален. И дело тут не в моральном совершенствовании. Ни один порядочный писатель кристальной душой не был, в подавляющем большинстве ребята были подонистые. Это не в осуждение и не в оправдание — это истина, простой факт. Если бы я хоть на минуту поверил в то, что литература требует кристальной души — через год крылышки бы вырастил. К сожалению, все это гораздо сложнее.

Ну насчет «Великого Гэтсби», так к достоинствам моей вятской натуры надо отнести то, что я весьма быстро переболел сугубо провинциальной игрой в писателя, перешел в профессионалы и сделал себе литературный хлеб там, где его труднее всего сделать. Но до Гэтсби все это весьма далеко: Гораздо дальше, чем ты думаешь, простой пример. Для вас-то поэт из нынешних либо Евтушенко, либо Вознесенский. Меж тем единственно большим поэтом из ныне живых был Твардовский. Но он стал великим только тогда, когда смерть взяла его за горло. И в последних стихах предсмертных он стал действительно великим поэтом. Но это мало кто знает, и глупо думать, что вот не было бы болезни, сколько бы он еще написал. Не было бы болезни, не было бы великого Твардовского. И так далее. Это о цене «Великого Гэтсби». Об этом хорошо трепаться за портвейном, будучи гением местного значения. И это хорошо иметь целью.

Не помню уж писал или нет в предыдущем «спаслании», как говорил Винни Пух, о том, что я уж неделю как должен бы сидеть

в Магадане. Но держит меня тут рукопись, хотя две командировки уже есть в Магадан — бери любую. Мне надо на Омолон в тайгу. На четыре пять месяцев. Там ребята ждут. Но не попадаю. Река скоро станет, а окромя как на лодке мне в избушку не попасть. Или уж ближе к январю по зимнему пути, или на Чукотку к Коле Бадаеву. Мне все равно надо повозиться в магаданских геологических архивах. Второй-то роман надо писать? Надо на хлеб зарабатывать?

И вообще, сорок лет, надо делать последние ездки. Года два ближайших, наверное, и дома-то не буду жить. Одна поездка на несколько месяцев на Омолон, ещё вторая тоже на несколько месяцев на Чукотку и тут ещё светит смешной морской вариант. Как запущу роман, так и начну. С кино я покончил. Платят они шибко, весело с ними, красиво все, но слишком велики душевные траты (Душевные! Траты! Слова-то какие у негодяя!) Ну будь жива. Ты, говорят; толстая стала. Али врут? Ежели разжирела — пройду мимо, не поздороваюсь. Я и то похудел, форму блюду. Весь такой горнолы-ы-ыжный, весь такой писа-а-тель. Взгляд внимательный, волос седой, улыбка умная. О господи! Трепаться кончил. Будь.

Здравствуйте, многоуважаемая Алла Николаевна!

Здорово, баба!.

Получил два твоих письма. Хорошие письма, спасибо. Жизнь бежит, зажав в потной руке трешник, точно до закрытия магазина осталось четыре минуты. Кажется, что это было вчера, а оно, оказывается, было десять лет тому назад или уж вовсе невероятно — пятнадцать. Сколько до закрытия магазина, — неизвестно, все кругом меняется, только ты вроде бы как был так и есть. Но и это неправда. Если собрать в кучу все глупости, которые натворил за сорок лет, — наверное, первый, второй и пятый инфаркты проскочат подряд быстротой пулеметной очереди.

«Но всем торжественно пренебрежем!» (А. Тихонов, 1927.)

Конечно, ты права: «Корзину с еловыми шишками» надо снимать на мульти (О. Куваев, 1973).

Насчет елочек одуванчиков я тоже тебя, старуха, понимаю. Все мы к этому приходим. Или возвращаемся. Я тут сдуру с богатых кинематографических гонораров полез в кооперативов районе Аэропортовской строился писательский кооператив. С каминами! Голубая ванна вделана в пол. Ну и прочие интеллектуально мещанские радости. Слава богу, где-то вышла осечка. А пока осечка тянулась, я опомнился. Куда ты, Олег, лезешь? Ты меня можешь представить в голубой ванной? Я не могу. А возле камина в пунцовом халате можешь? Я от смеха умру. Тут у меня лес рядом. На велосипед прыгнул, маленько

педалями покрутил — и лес. Сосны стоят над тобой хохочут, белки прыгают, ухмыляются. Все встает на свои места. И всегда вспоминаю я слова одной юной приятельницы. Она с неподражаемым видом могла стоять минут десять перед книжным шкафом, смотреть на него, а потом со вздохом еказать: «Неправда все это».

В остальном все как-то идет. Вышла в этом году книжка. Сижу вот делаю роман. Отгрохал сдуру кирпич на четыреста страниц. Сижу вот шестой раз переписываю. Парнишка я трудолюбивый, но шестой-то раз переписывать. Не сахар, девушка, не сахар. С кино я развязался. Весной затеялся было очередной двухсерийный бред, но я опомнился и убежал. Слишком дорого все это обходится. Вместо этого мы с Игорьком Шабариным мотанулись в Карелию. Хорошо было.

А сейчас вот, на данном историческом этапе, положе, но мне укладывать рюкзак и лететь в Магадан и дальше на Омолон на всю зиму: Избушка там меня ждет. Товарищ там сидит, телеграммы шлет. А у меня застрял вариант с журнальной публикацией романа и приходится сидеть дома. С книжной публикацией все нормально, но хорошо бы и через журнал пропустить.

Знаешь, баба, к сорока-то годам я пришел к выводу, что в колеблющемся, качающемся и дрыгающем мире есть два кита, на которых надо опираться: во-первых, работа во вторых, личная порядочность. Так и стараюсь. Если к этому еще присовокупить лес, так жить вполне можно. Вперед и прямо!.

Ездил я в Вятку на могилы предков и на пепелища. Пепелища и есть. Аж заболел там от расстройства. Не знаю, каким чудом меня и сестру вынесло из того болота. Весьма и весьма там плохо. Не был я там двадцать лет, двадцать лет тому назад действительность я воспринимал весьма сквозь очки. И посему.

А приехал, взял из перепечатки шестой вариант свово романа и вижу, что опять дерьмо и еще раз дерьмо. Это, сама понимаешь, нехорошо. Нуда ладно. Чай мы профессионалы, потому вперед и прямо. Дрожите, королевские купцы и скаредное лондонское Сити! На шумный праздник, на веселый пир, мы к вам придем незваными гостями. И никогда мы не умрем, пока качаются светила над снастями!.

Слушай молодая, обаятельная и красивая. Когда-то давно мои друзья графы Негребецкие дали мне такой совет: «Олег, вам тяжело жить и страданий много по той причине, что вы думаете лишь о себе и заняты лишь собой». Справедливые были слова, как я могу утверждать по прошествии лет…

И плюнь ты, ради бога, на эту доморощенную психотерапию,

все эти книжечки о парапсихологии. Книжечки эти надо читать — так не для внутреннего употребления, а для самообразования, что ли. Опять же общение с психиатрами годится лишь в личном плане. Мне всегда доставляли удовольствие беседы с Мироном на любую тему, и я рад его видеть; но вот беседы медицинские — не вижу я в них пользы хотя бы по той причине, что ни один психиатр не может помочь человеку жить за исключением случаев сугубо клинических. Опять таки я это понял по прошествии лет.

К сорока годам я определился, знаю, что хочу, чего боюсь чего не боюсь. Ну и так далее. Живу я трезво, даже делово. Но не скучно. Ну и слава богу, и черт с ним, с Куваевым. Надо вот писать следующий роман, а я зачем-то Габриловича из себя корячу, вынет Мне душу этот «Мосфильм», вынет. И кино-то ведь опять дерьмо снимут, не в жилу мои идеи нонешним временам. Не велика беда. Горы высокие, снег чистый, сосны прямые, небо сине, — ну и слава богу. Вот скоро на моря подайся. Ну у! Что ТЫ! Еще на морях моей квадратной рылы не видали.

И вообще я все про тебя знаю. А почему? Да потому что и лично знаком, и письма читал — и опять же о поступках осведомлен, а я о всех, с кем знаком, всегда думаю. Сама понимаешь, что о тебе уж во всяком случае не меньше, чем о других. Думать о сложностях душевной жизни О. М. Куваева мне абсолютно неинтересно, да и тонкостей-то нет, вот я и думаю о других.

А я делаю сценарий для «Мосфильма». Впрочем об этом я, кажется; уже тебе сообщал. Роман тебе читать ни к чему. Ах, я лично, гораздо интереснее, ах, своих произведений. Приехал я сюда корячить из себя короля горных склонов, но что-то в этом году король из меня не получается. Снег тяжёлый, лыжи другие, сам уже старый. Прошлый год гонял ничего. А нынеча бросил. Хожу пешком. Южные, склоны уже вытаяли, вот по ним и шляюсь. Ни тебе горнолыжников, ни тебе горнолыжниц, в глазах от лака и синтетики не пестрит, магнитофоны в ухо не орут — тишина, благолепие. У умный такой делаешься. Пока за машинку не сядешь. Как сядешь — опять бездарь и дурак.

Ты все требуешь от меня каких-то утешительных и бодрых словес. А так как я уже почти десять лет профессионально занят именно словесами в разных сочетаниях, то в личном общении мне их как-то и применять неудобно. Это же идиотское определение «инженер человеческих душ» — адресуй к тому, кто это определение выдумал. Я с ним согласиться никак не могу. По многим и многим материалам я могу с уверенностью судить, что каждый сколько-нибудь стоящий писатель — прежде всего весьма растерянный человек. Растерянный перед сложностью бытия и

сложностью человеческого агрегата. Те немногие истины, которые он решается утверждать твердо это ведь незаметный глазу осадок на дне очень большой посуды. Человек, который подобно Тильману, утверждает «я все знаю», никогда не сможет написать ничего, кроме заметки в стенгазету или диссертации. И даже великие писатели в великих произведениях (произведениях!) могли исследовать лишь частные случаи частной жизни в узком отрезке времени. Так что не адресуй мне «инженера», я даже и не техник. Разнорабочий без квалификации.

Такие дела.

Где буду в мае — в Атлантике или на Чукотке — не знаю. Где-то числу к 10 мая буду знать.

Вот окно перед глазами, сосны, и снег. Нормально. Бытие крутится, и время щелкает. Ну и ладно…

А то, что настроение не можешь угадать — так его нету у меня настроения то. Уж если человек шампанское в канализацию начал лить вместо того, чтобы похмелиться как истинно честный славянин, так какое у него настроение? (Это называется трущобный юмор.) А помимо прочего-то все ведь просто. Две трети жизни прожил, надо последнюю треть закруглить как-то прилично. Прилично не в смысле расцветки носков, а в смысле этой последней трети. А смысл в моем положении только один — работа да еще побродить пока без костылей то. К сорока годам уж ясно, что семейный человек я никакой. Ну и ладно. Зачем быть семейным то? Вот если мне еще и проза разонравится — вот тогда уж взвою. Принято так рецепт-фразу на любой случай жизни иметь, но тут у меня нету ни рецепта, ни фразы. А посему принимаю решение — клин вышибают клином. Хватит жрать аспирин, лучше в лес двинуть.

Всегда считал, что не обязан ни одной рыле давать отчета, кроме тех рыл, кому сам хочу дать отчет ввиду глубокого уважения к нравственным их качествам.

Ты все хочешь от меня каких-то хохотучих писем. А так как я сейчас все еще на амплуа романиста, то хохотучие письма не получаются. Прочел вот журнальный вариант романа; Недоволен. Легко все это, легко, мелковато. А романы-то ведь за два года не пишутся. А время-то такое что романы пишутся за два месяца. Вот и получается противоречие. Противоречие на унылом, даже сером фоне, когда Юлиан Семенов ходит в властителях дум: Бедные рецензенты от тоски этой превозносят меня на все лады. Был дескать Герман Мелвилл и написал «Моби Дик». Потом возник Куваев и написал «Территорию». А уж кто лучше меня знает, что моему роману до «Моби Дика» как безногому Яше с рынка до Брумеля.

Но и рецензентов можно понять.

Я как-то сейчас живу так; в одну сторону. Немного выбила из колеи эта шумиха, которая в голосах и наяву была гораздо сильнее, чем в печати. Сильная была шумиха. И еще какое-то время будет, так как критики подрались за право писать обо мне статьи. Но это все скоро утихнет — я в их колею не ложусь. Сложно все это объяснять, что за колея и почему я в нее не ложусь. Бондареву же я благодарен искренне, ибо обругать сей роман было гораздо легче, чем похвалить. Я, собственно, обругивания и ждал. Или обругивания, или молчания. Скорее последнее. Ну да ладно. Великого, кинодраматурга пока из меня не получается. Что-то смутно с сценарием. Вот мысль: возьму я себе, наверное, соавтора, отдам ему половину гонорара и все представительские хлопоты на «Мосфильме». Я человек мрачный, для кинообщения непригодный. Жить будет легче, надо другой роман писать. А романы-то писать знаешь, как хлопотно? У-у!.

А уж упоминаниями всяких «Кентавров и Апдайков» ты меня очень развеселила. Полчаса гладил себя по лысине и ласково приговаривал: Апдайк. Кентавр. Писатель.

Господь с тобой! Головка у меня маленькая, мысли несложные, душа грубая. И пишу я не извилинами, а челюстью. Какие уж тут апдайки. Нам бы попроще. Это, во вторых. А во первых, если уж брать образец Романа, то куда там всем кентаврам. Современный роман и ситуация схожая — «Вся королевская рать». Вот это роман.

Я думаю, что всякий хоть сколько-нибудь уважающий себя художник должен вначале полностью овладеть классической формой, а уж потом лезть в «измы», выдрющиваться как позатейливее. За то ценю я «Всю королевскую рать», что сделан по классическому образцу и как сделан. А большинство всех этих новомодных форм, над которыми вздыхают бледные очкастые девицы и прыщавые мальчики, идут от нежелания крепко работать, но шибкого желания прославиться.

Ах, и вообще все печально.

Занимаюсь какой-то сценарной ерундой, вместо того чтобы писать путный рассказ, яхту ему, видите ли, надо! Штаны одни, и те мятые, жилья нету, пиджака нету, в курточках живет — яхту ему надо! Ежели родился пижоном, так ими умрешь. (О. Куваев, 1974).

Уезжаю чуть раньше, так как дома работать невозможно, а надо (ох надо!) писать второй роман. В романисты я переквалифицируюсь по настоятельной просьбе критики и редакции. Писать-то есть о чем. Вот, может, за два месяца хоть фундамент заложу, так как глазение, на памятники и импортных

девиц что-то не особо меня прельщает.

«Территория» для меня уже в прошлом. Так себе романец-то получился, куда как так себе. Ну ладно.

Если, письмо застанет, от души желаю тебе отряхнуть в отпуске прах и заботы. Возвеселись, открой очи для прелести миров. Жаль, что Чукотка в этом году опять ворвалась. Сразу после Копенгагена мне надо будет в августе ехать в Вятку благоустроить могилу матери, потом в Душанбе на «Таджикфильм», потом, наверное, в Сванетию.

А душа-то все равно на Чукотке и, видимо, пора мне прекращать прыгучую жизнь. Всерьез подумываю о том, чтобы на пару Лет уехать в Провидения. Года на полтора, наверное.

Дорогая Ал Николаевна!. Вот вернулся вчера из Сванетии и застал два твоих письма. Письма хорошие — так что, спасибо.

Ну так что? Поездка моя шикарная, по заграница сорвалась глупо и случайно. Вначале я сильно жалел об этом, переживал. А мудрый зять мой — муж сестры — сказал: «Ихрройю. И с самого начала тебе незачем это было». Теперь по прошествии месяцев я вижу, что меня остановила Рука. Она меня всю жизнь ведет. Ни к чему мне заграпоездки, рано еще переходить на «изячную жизнь». Ибо в итоге расстройства я вдруг начал писать новый роман. Маялся я им, начать не мог. А тут как-то все сложилось. Начал. Люди есть. История есть. Название есть. Эпиграф есть, три печатных листа текста есть. Перед сим радошным до мия фактом, все пропавшие заграпоездки чушь и плешь И вошь (на плеши). И в Вятку съездил. Каково. Э? Доставил матери памятник. Я с неудач шибко энергичный бываю. Взял мраморную плиту, 70 кг цемента, три литра жидкого стекла, бабу, запойного механика соседа Колю, погрузил все это на поезд, выгрузил в Вятке, всех рассеял, поставил по рабочим местам, запойного соседа похмелил и определил на инженерные работы по памятнику, а сам занялся тем, чем положено мне на роду заниматься — влез в рюкзак и таскал на кладбище из деревни цемент, кирпичи, щебенку, воду, доски и проч., и проч. Четыре кг весу сбросил на этой работе — много надо было таскать. Ну а потом походил по лесам и грибов даже насушил. Избу присмотрел.

Сейчас вернулся из Сванетии. Плюнул я на все раритеты, вспомнил юность, влез в рюкзак и пошел я в Сванетию пешком через перевал Донгуз Орун. Сопровождали меня два альпиниста — мастера спорта. Один эдак впереди, а один эдак сзади. Ну к концу дороги альпинисты с удивлением, а я с типично куваевским тщеславием пришли к выводу, что середний бывший геолог середнему мастеру спорта не уступает, а могет и показать, если надо. Принимали меня в Сванетии как небольшого короля.

Хорошая страна, и народ прекрасный. Твердый народ без кавказского слюнтяйства, и даже получил трезвое приглашение: «Вот твой дом, вот твой стол в любое время и на любой срок». Кажется, с сванами я и впрямь подружусь — крестьяне, люди простые, трудяги. Зимой, видимо, поеду снимать кино, а до этого попробую дать статью — сваны просили, сам вижу есть у них действительные нужды. Мне плевать, как это называется «трибуна писателя», «писатель и время» или тому подобная чушь. Вижу я крестьян очень похожих на моих вятских и вижу их нужду. Хочу помочь.

В остальном у меня без изменений. Обычная круговерть профессионала. Вчера вот надрался с Мифтой. Уж очень рад я был его видеть. Люблю Мифту очень. С годами он становится лучше. Познакомился и с супругой и с отпрыском. Отпрыск пока еще мало что выражает, а вот на Мифту с женой не могу усмотреть без улыбки, ибо вижу, как в фильме, и Провидения, и этот их роман, и женитьбу и могу хоть сейчас написать о них рассказ. Рассказ можно написать хороший. Да нельзя. Использовать друзей в качестве этих прототипов, что ли, нельзя.

Ну вот. Жаль Шукшина. Раздражал он меня последнее время ужасно и вот взял и умер и посему твердо войдет в историю русской литературы и по праву. Московские славянофилы на французских диванах не успели его сожрать и сгубить и испортить. А сожрали бы, ибо был он сжираем. Но — ушел. Честь ему и добрая память.

Дорогая Ал. Николаевна! Продолжаю я это письмо почти через месяц. Были тут события. Вышла статья в «Комсомолке», потом в «Правде», возникла шобла, и кончилось тем, что два врача (благо ребята были хорошие) пару суток со мной возились и еле отходили. Прихожу я вчера на «Мосфильм», а на меня так странно все смотрят. «Чо, спрашиваю, рожа не нравится? Так вы плюньте. Вы работу с меня спрашиваете. Я ведь не актер, я грубый прозаик, в данном случае сценарист».

«Нет, отвечают, позавчера Гена Шпаликов заходил. Увидел на столе твой сценарий, покачал головой. Ну вот, говорит, Олег сценариями стал заниматься. Зачем это ему? Он парень очень хороший, ему в кино делать нечего».

«Спасибо, говорю, Гене Шпаликову за такие слова. Так и передайте». «Нельзя передать, отвечают, он вчера повесился. Вы что, друзья были?»

Не были мы друзья и приятели не были. Просто однажды, давно, столкнула нас судьба на повести «Азовский вариант», была там ситуация. Он вел себя в этой ситуации человеком, я, к счастью, так же. Обаятельный он был парень. Жаль и глупо.

Сценарий для «Мосфильма» я закончил. Они его согласились принять в том виде, как есть, но по общему и моему в первую очередь согласию забрал я его еще на кое-какие поправки. Режиссера нету. Рвется Губанов (тот, бывший актер), но ему давать они почему-то не хотят. Я бы с; радостью работал с Витей Туровым («Через кладбище», «Годен к нестроевой» и так далее), он мне близок, и симпатия наша взаимна, но жестокая обстановка «Территории» не для него. Бог даст что-нибудь.

Ну теперь попал я в популярку, и стол мой завален предложениями. «Экран» желает снимать многосерийный по любой из повестей. «Таджикфильм» пожаловал в мою халупу в лице главного редактора лично. Почему-то был я под коньяком, потому помню разговор слабо, помню лишь заключительную его фразу: «Ну так договор я вам почтой вышлю».

Ну хватит фанаберии. Знаешь, достоинство каждого успеха в том, что он приходит к тебе, когда тебе на него наплевать. Тогда ты стараешься идти дальше и не теряешь достоинства. Если же успех к тебе пришел рано, когда он тебе нужен и тебе на него не плевать, — тогда тебе крышка как человеку и как литератору. Ибо «Великого Гэтсби» я не написал. И не вижу вблизи времени, когда я его напишу. Может быть, все дело в том, что я русский и пишу для русских, а мы — особая нация. Приятно лишь то, что чем-то я прошибся в сердца многих, писем идет много и писем искренних. Новый роман вроде идет путем. О нем в «Правде» не напишут, если о нем напишут, то мелким шрифтом в шибко ученой статье в толстом журнале. И второй год я чувствую, что где-то висит кирпич, который упадет мне на голову. Не из сфер, нет. Политика меня не интересует, а с точки зрения патриотизма и верности своему государству — я верен ему и патриот не менее чем Леонид Ильич Брежнев. Вся эта мансардная шобла. — трепачи или шизофреники. У меня горит душа о другом. О смысле человеческой, любой человеческой жизни. И кирпич мне упадет просто по судьбе. Не помню уж кто сказал мне как то, что каждому при рождении отпущено определенное число шансов испытать судьбу и выиграть. Одним ноль, другим сто шансов. И вот я вспоминаю двадцать из своих сорока и вижу, что слишком часто я ее испытывал. И выигрывал.

Такие дела, Ал. Николаевна. Настроение мрачноватое из-за Шукшина, из-за глупой смерти Шпаликова, из-за бессонницы и многого другого. Я знаю, Ал, что я наполовину сволочь, наполовину хороший парень. Если бы я был полностью тем или другим, я бы, разумеется, не стал прозаиком. Все остальное написано у С. А. Есенина в «Черном человеке». Ну и ладно. Пора мне вкалывать «деньги зарабатывать». Я нашел такую формулу

ответа на идиотский и вечный вопрос: «Олег Михайлович, над чем вы сейчас работаете?» «Деньги зарабатываю», — отвечаю я. Всем все сразу ясно. И умную рожу в связи с «творческими планами» делать не надо.

Растрепался. Все-таки сорок лет, а до «Гэтсби» еще так далеко.

Он.

Из неотправленного письма Э

Август 1962

Здравствуй, Э.!

Лежу сейчас в спальном мешке и постукиваю челюстями от холода. Черт его знает, что творится в этих краях. Сегодня 3 августа. Температура ночью была —5, на сопках выпал снег, да так и остался. Снег идет и на «улице».

Ветер, сыро, хмуро. Только что кончились, прощальные гудки пароходов. Есть здесь такой обычай: когда пароход покидает поселок, то долго гудит, а с берега ему машут всякими фуражками, кепками, рукавицами, пускают ракеты. Снег уже выпадает, пароходы уходят, а я еще не начал своего «кошмарного» маршрута.

Позавчера вернулся из разведочного маршрута к тому самому мысу, о котором тебе писал. Мыс пройти не удалось. Отплывали мы при тихой погоде. Было лазурное море, на берегу цвели магнолии и пальмы, между пальмами чукчанки танцевали «хула» под звуки банджо и тамтама. На чукчанках были бусы, набедренные повязки из очень яркого ситца и загорелая кожа. Впрочем, все это было только в моем воображении.

До мыса шли неплохо. А дальше все было как по писаному. Рванул ветер, пошли волны. Мыс был от берега кило метрах в трех. За какие-то 15 минут ветер достиг штормовой силы. Кидало лодку здорово. Думал — загнемся. Но старина бог решил, видимо, малость обождать. Выкинулись под береговой обрыв и просипели там трое суток. Это называется «ждать у моря погоды». Впопыхах удирая от шторма, мы и не разобрали, что обрыв этот лавиноопасен. Изредка сверху летели булыжнички килограммов под 50. Тогда же стало чертовски холодно, повалил снег. Мы ходили за пресной водой к ручью, и я делал снимки: незабудки и ромашки в снегу.

В общем, Чукотка решила дать мне за эти несколько дней все свои 44 удовольствия.

Мир удивительно тесен. За эти три дня, когда уже надоело валяться в мешках, я ходил по берегу и в трех километрах обнаружил такую же, как у нас, палатку, а в Палатке мрачно отлеживались такие же небритые, грязные парни. Оказались старые знакомые геологи ленинградцы.

На третий день ветер поутих. Огибать мыс было бесполезно. Так как с океанской стороны идет волна высотой с солидный домину. Недавно разбило два парохода об этот мыс. Куда уж тут лезть на нашей шлюпчонке! Обратно плыли часов 8. Вымочило

нас так, что по животу постоянно бежали струйки, а на мне были штормовка, меховая рубаха и свитер. Загубил фотоаппарат, бинокль, кажется, тоже попортил.

Ну а в общем, очень было хорошо. В такие минуты, когда мерзнешь, мокнешь и ждешь, что тебя каждую минуту может перевернуть вверх килем, так в это время хоть понимаешь, что не зря тебе идет зарплата. Не за то, что днем продавливаешь стул в «конторе», а вечером пижонишь по асфальту, а за то, что рискуешь. Бывает, правда, и тоскливо, но это редко… Ты не поймешь меня, старушка, но что делать? Всякие такие переживания как-то наполняют жизнь. Самое страшное, что может быть, — это пустота или размен на мелочи. Впрочем, я, кажется, начинаю тебе цитировать передовицу из «Комсомольской правды».

Если я не сломаю голову в это лето (а этого и быть не должно), то на будущее закручу еще более «веселые» маршруты на самом востоке, и на этом можно будет ставить точку. В Союзе, есть куча интересных мест, в частности Таймыр, Тянь-Шань, Памир, Тува.

Я убежден, что в каждом человеке от природы заложен романтик и авантюрист (в хорошем смысле этого слова). Но люди очень нерешительны и из двух дорог выбирают чаше ту, которая спокойнее и безопаснее. Выработался эдакий кодекс, который называется «практичным взглядом» на жизнь. И вот человек начинает искать себе, где лучше, спокойнее, обеспеченнее. Считает себя взрослым и умным. А жизнь идет мимо. Он не живет, а существует. И только в том случае, если ты не дрожишь над собственным благополучием, из тебя может получиться человек, который уже нужен человечеству. А таких людей очень мало. И все они шли (почти все) именно таким путем.

Что значит «пустить жизнь на распыл?» Разумеется, не пускать ее на водку, женщин и т. д. Это мелко. Надо браться за дело выше своих возможностей и не бояться, что если не сможешь, то будет крах.

Из двух миллиардов всегда можно выбрать несколько друзей, в которых ты веришь и которые верят тебе. Ради них можно идти на все. У меня есть несколько таких парней, теперь в их число входишь и ты.

Всякое твое увлечение «современным нигилизмом» — это проста временное. Ты должна быть и будешь одной «из наших».

Из писем М. М. Этлису

Этлис Мирон Маркович — врач психиатр, литератор.

Здорово, брат Мироша!

Координаты: О. Врангеля, бухта Сомнительная.

Обстановка: хибара, печка, карабины на стенах, грязь кругом. Столик, голая красотка, бинокль под рукой. Бобы есть, бекон есть. Ножи целы. Половина оленя морозится на улице, подвешенная к стропилам.

Состояние: (Словом, ах строками одного знакомого поэта О. К.)

Пах
Пахнет
Пахом у коня.
Потеет потник
На спине лошажьей.

Хронология: летать кончил. Залепили около шестидесяти посадок на дрейфующий лед. Экипаж с нами был знаменитый. Тот самый знаменитый экипаж Бакова, который на «Аннушке» летал к Гренландии спасать СП-8, когда их оставило на льдине размером 150х20 метров. Залетали до 80 градусов с.ш. Полюс, он рядом. Медведей видели на льду пачками. А три дня назад был здесь день Сов. Армии. По этому поводу весь остров содрогался от пьяного гудежа. Остались еще места, напоминающие Клондайк.

Ну и ладно, брат Мироша. При сем остаюсь глубоко уважающий тебя знаменитый полярный волк Олег Рахту вье Рыркапий Большой Умка Моржовый Клык.

Жду от тебя информации о жизни. Как там смысл жизни то? Может, уже нашел его кто? Мы тут газет не читаем, радио не слушаем. И что слышно насчет «сажать»?.

Привет медсестре. Хе-хе.

О. Врангеля, нос бухты Сомнительная, экспедиция СВКНИИ, Олегу Рахтувье и т. д.

Мирон!

Получил от тебя комплект писем, посвященных проблеме Тан Богораза. Сразу ответить не смог, так как только что вернулся из длительной поездки на собаках и сразу же заболел. Какая-то простудная плешь, связанная с легкими. Температура, одышка. Медицины здесь нет, пришлось съездить в бухту Роджерса, там

имеется такой молоденький врачонок Валечка. Особа здравомыслящая, замужняя, с очень хорошей улыбкой. Интересный человеческий тип. Интересный именно своей «среднестью». Ну это боге ним. Сейчас что-то совершенно нечетко работает черепок, ком ваты внутри мешает кристаллизовать мысли. Но откладывать до выздоровления нет смысла.

Видишь, какое дело, то, что ты откопал насчет Анны Струнской, Дж. Лондона, дружбы Богораза с Куприным — это чертовски хорошо. Но не надо, на мой взгляд, вдаваться в типичные радости архивных червей: ах, нашлась еще одна бумажка, которой Богораз подтирал попу. Открытия типа его связи с Куприным, Анны Струнской и т. д. должны просто составлять «наполнитель» книги. Понимаешь, это принципиальная позиция: то, что для других сопли и вопли, для нас — наполнитель. Это придает, правда, определенный вес книге в кругах трупоедов, кормящихся чужими биографиями. И только! Основное в книге должны быть наши мысли, идеи и биография Тана — просто призма, сквозь которую мы все это решили пустить. Это, конечно, один из аспектов. Насчет трех томов. Вещь заманчивая. Здорово заманчивая. Но! Сколько же времени ты собираешься их писать? Выдавать дешевку мы не имеем права. А три добротных тома — это лет пять. Имеет смысл заниматься ими только при наличии твердого заказчика. Другое. Понимаешь, писать исторический трехтомник о тех временах — это не наше дело. Мы могли бы написать исторический трехтомник о колымской каторге. Понимаешь? На основе все того же Тана. Первичная колымская каторга «до Тана», каторга времен Тана, «расцвет социалистической Колымы» — «послеТанье», можно частично зацепить и каторгу последних времен. Это тема уже наша, за нее никто не брался, и мы имеем право за нее браться. Основной закон каждой хорошей книги — это максимальное количество информации. Мы берем биографию хорошего яркого человека, неизвестного широкой публике, берем экзотическую страну, так же неизвестную уважаемой публике, и даем их совместное развитие. Мы привязываем их ко времени именами Лондона, Куприна, названием цеп тралов, студенческих забастовок. Мы привязываем их ко времени картинками петербургов, нью-йорков и копотопов. Короче, информации получаются полные штаны. Задача стоящая. Но если у нас не будет твердого заказчика, то, конечно, целесообразнее ограничиться одной книгой, максимально насыщенной содержанием. Короче, это дело нам уже надо обсуждать вдвоем. Пока хватай все, что можешь. Все пригодится в деле. Как ты там выразился: «фактологическая пища для фантазии». Во-во. Это

самое и надо. А вообще-то ты орел, Мироша. Правда, по моему опыту, мальчики, которые умеют шустро взяться за дело, умеют столь же быстро остыть. Ты не обижайся. Без таблетки скепсиса у нас ведь никакая пища в глотку не лезет и тем более не переваривается. Вроде как раньше все принимали с пепсином, так мы нынче все со скепсисом. Извини, старик, но что то, ей богу, черепок не хочет работать. Ну что ты хочешь от человека, у которого уже неделю давление 90х70. Порядочные люди при таком давлении умирают. Хе-хе. Во всяком случае пускают себе пулю в лоб, так как трудно перенести презрение к самому себе, которое появляется при цифрах 90х70.

Будь здоров. Пиши. Большое спасибо тебе за письма. Я понимаю, что при твоей занятости это трудно. Без иронии. А востоковедение — хорошая штука. Черт его знает почему, по меня эта наука тоже привлекает здорово. Турки, гаремы, полное отсутствие европейской логики в жизни, непонятное искусство, мудрость и наивность. Восток — это вещь. Сим глубоким по смыслу и оригинальным по форме выражением кончаю.

Начальнику всех психов Северо-Востока Профессору богоразоведения Светочу атеизма Гнусному многоженцу Привет!

Милый брат Мироша. Сейчас приволокли с бухты Роджерса твое письмо. Оно мне так понравилось, что я, не умыв рожи, натянул штаны из тюленьей кожи, сунул в зубы трубку и сел стучать ответ. Пробуждение несколько позднее — шесть вечера, но до девяти утра читал «Виргинцев» Теккерея, а перед этим пил водку, которую выменял на гусей у пилотов случайного самолета. Три гуся — бутылка водки. Как видишь, и я перешел на натуральное хозяйство. Я тебе как-нибудь расскажу эту изобретенную мной систему ты много посмеешься. Это доставляет удовольствие — жить за счет своей смекалки и мускулов. Насчет здоровья ты запоздал. Спасибо зарядке — здоровье в порядке. Не поверишь, десять дней тому назад мы с Серегой несколько суток ходили по пояс в воде и в снегу, почти что босиком, если можно считать обувью связанные ремешками драные оленьи чулки, раскисшие в дым неделю тому назад. И даже не чихнули. Влипли мы тут в одно приключение, расскажу на медвежьей шкуре под водку и трубку доброго капитанского табачка. Смешно: тревоги в аэропорту, поиски, голодуха, давно я не пережинал таких пионерских радостей. Экзотичнее всего были последние капли керосина в примусе. Здесь травки и кустиков нет, камушки не горят. Колья сожгли и кустик, и палатка растянута на винтовках. Но мы орлы ребята. На последней кружке керосина нагрели воду, кинули в нее мелко нарезанного гуся и так его и сожрали, сырого, теплого и кровавого. А потом

проспали ровно 26 часов. В те сутки мы прошли в тумане около 50 километров по воде, снегу, только водичка вентилировала ноги, заблудились, выспались и поперли дальше, только матом крыли бога, власть и рюкзаки. Хороша жизнь белого человека. Ты не представляешь, какая это радость выйти на берег моря, найти какую-нибудь древесинку и с звериным наслаждением греть ноги руки и пить чернтоший чай. Через полчаса весь мир делается розовым, двадцать километров до базы кажутся пустяками. Взваливаешь рюкзак и плетешься, вспоминая разных знакомых, милых женщин, друзей и т. д. Все же жизнь неплоха. Можно всю ночь прошляться по тундре за гусями, потом сидеть на койке, поджав ноги, голым в тюленьих штанишках, пить чай и толковать о том, какой способ выделки медвежьих шкур лучше оправдывает себя и как организовать промысел в районе мыса Хищников и т. д.

А, впрочем, я увлекся.

А знаешь, Мироша, бывает по азиатски просто. Наверное, я тебе как-то болтанул о своей кошмарной любви к одной девочке, чуду природы, дочери русского и пиарского народа. С такими глазами. Она немного увлекалась радостями жизни, и осенью я хотел все это дело пресечь. Либо ее привезти в Магадан, либо самому остаться там. Меня она, конечно, считала одним из столпов русский мысли. Я, дурак, пренебрег этим золотым правилом плече плеча, старался быть просто веселым парнем. При возвращении с того похода мне дали письмо от нее. Великолепный документ. Пишет, как на днях ее обабили по пьянке, как шла кровь, как она уже через пару дней (уже все равно) скурвилась с другим подонком и теперь живет с ним, сама того не желая. Письмо, достойное опубликования в самой солидной прессе. Я ушел в тундру, полежал на кочках. Надо бы пореветь, но не получилось. Землю жрать хотелось. Ты пойми, старый ученый чудак, среди всякого цинизма — это было самое лучшее, что у меня было, самое чистое. Ну зачем же так то? Лететь к ней? Я не могу с ней жить, мне будет брезгливо после этого письма. Все могу, но этого не могу. Разозлился и послал ей пощечину. Эх, дьяволы! Очень хочется глотку рвать.

Ну, азиатские эмоции можно кончить. Мирон, ты ведь не обижаешься, верно? Не могу же я орать на подчиненных парней своих, а эскимосов я люблю и орать на них не умею. Так что ты единственная кандидатура, на ком можно сорвать злость и выпустить наружу фашистика. Все идет к лучшему. Сижу иногда (в штанах из тюленьей кожи) и думаю — какого дьявола мне, засранцу, надо? Хошь экзотику — лопай сколько влезет. Пишешь — все же публикуют. Наука — поддается. Женщины — часты

осечки, но меня на этот спорт не особенно тянет. Друзья — есть друзья, лучшие ребята в Союзе, как мне кажется. Так какого еще надо? Не знаю. Вероятно, это просто конфликт между первобытной сущностью психики, данной от рождения вятскими предками, и насильственным оцивилизовыванием, полученным после в институте. Ну и дьявол с ним. Вот заработаем кучу денег, и уйду я в чудаки. Здесь, на Врангеля, присмотрел охотничий участок, избу колхоз построит, бабищу найду. Буду жрать, спать, размножаться и читать без всякой цели какого-нибудь глупого Бокля.

Будь здоров, милый чудак Мироша. Старик, а ты плюнь особо распинаться в освоении культурного наследия. Ты говоришь, что не можешь иначе. Ты просто попал в колесо, из которого действительно кажется, что нельзя иначе. А ты попробуй вдруг бросить многое. Ты знаешь, милая улыбка жены и элементарный спор о том, как варят щи, иногда стоят «Евгения Онегина». Впрочем, я никогда не был женат по настоящему, поэтому как-то здорово ценю такие минуты. Сейчас попробуем перелететь в Эгвекинот. Оттуда 300 километров будем сплавляться по Амгуэме, потом начнется тысячекилометровая эпопея на вельботе вдоль побережья. Вот тогда среди туманов, штормов, диких холодов они и пригодятся мне в самую доску (мои любимые штаны из шкуры тюленя).

Будь здоров, старина.

Привет супруге.

Остров Врангеля, 2 пиши 1963 Олег Махмуд Шалоы аба в Тюленьих Штанах.

notes

Примечания

1

Печатается по изд.: Куваев О. М. Зажгите костры в океане. Магадан: Кн. изд-во, 1964.

2

Мечинки (чукот.) — хорошо.

З

Чаат (чукот.) — аркан для ловли оленя.

4

Какумэ (чукот.) — удивленное восклицание.

5

Печатается по. изд.: Куваев О. М. Дневник прибрежного плавания. М.: Физкультура и спорт, 1988.

Печатается по изд.: Куваев О. М. Дневник прибрежного плавания. М: Физкультура и спорт, 1988.

7

Касситерит — один из главных оловосодержащих минералов.

8

Панка — корм для собак из смеси муки и тюленьего жира.

9

Коллективизация на Чукотке началась гораздо позднее.

10

Такой титул, употребляющийся неофициально, действительно существовал на Чукотке со времен Екатерины II. Его получал тот или иной богатый оленевод, соглашавшийся заплатить ясак за соплеменников, так как основная масса чукчей так и не признала до конца ясачной зависимости от русской короны.

11

Ихалмюты — племя континентальных эскимосов Аляски.

Печатается по изд.: Куваев О. М. Дневник прибрежного плавания. М., 1988.

13

Печатается по изд.: Куваев О. М. Дневник прибрежного плавания. М., 1988; Сов. Россия. 1988. 12 июня.

14

Печатается по изд.: Полярная звезда. 1987. 29 авг.; 1 сент.

15

Печатается по изд.: Магадан, комсомолец. 1980. 26 янв. Это запись последнего выступления О. Куваева на Всесоюзном радио; публикуется с некоторыми сокращениями.

16

Печатается по изд.: Сов. Россия. 1988. 12 июля.

17

Печатается по изд.: На Севере Дальнем, 1987. № 2

18

Печатается по изд.: Куваев О. «Я благодарен своей работе» А Смена. 1988. № 12. (Письма в алфавите адресатов.)